часть первая

На Востоке

А вокруг шумела Иудея
И о мертвых помнить не хотела.

Александр Гали

Глава первая
СТРАННАЯ ВОЙНА

1. Кому это нужно?

У меня на столе груда бумаг, тысячи три страниц с пометками "совершенно секретно", "особая папка", "особой важности", "лично". С виду они все одинаковы: наверху справа, как бы в насмешку, лозунг: "***Пролетарии всех стран, соединяйтесь!***" Слева – суровое предупреждение: **Подлежит возврату в течение 24-х часов в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-ый сектор).** Иногда требование помягче — вернуть можно через три или семь дней, реже — через два месяца. Ниже — крупными буквами через всю страницу: **КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.** Далее — шифры, коды, число, список тех, кто принял решение, "голосовал вкруговую", поставив свою закорючку, и тех, кому решение направлено на исполнение. Но даже они, исполнявшие эти решения, права видеть весь документ не удостаивались. Они получали "выписку из протокола", о содержании которой не могли поведать миру ни устно, ни письменно. Напоминание об этом печаталось мелким шрифтом слева, вдоль полей страницы:

Правила обращения с выписками
из протокола Секретариата ЦК КПСС

1. Снимать копии, делать выписки из протоколов Секретариата ЦК КПСС, а также ссылаться на них устно или письменно в выступлениях, в открытой печати или других открытых документах категорически запрещается. Не разрешается перепечатывать постановления Секретариата ЦК или ссылаться на них в ведомственных приказах, инструкциях, наставлениях и других каких бы то ни было служебных изданиях.

2. С секретными и сов. секретными постановлениями (выписками из протоколов) Секретариата ЦК КПСС, посланными в партийные комитеты, министерства, ведомства и другие организации, знакомятся только лица, непосредственно имеющие отношение к работе по выполнению данного постановления.

Товарищи, ознакомившиеся с выписками из протоколов Секретариата ЦК, не имеют права разглашать их содержание.

Утверждены постановлением ЦК КПСС от 17 июня 1976 г., пр.N12, п.4с.

Правила обращения с документами политбюро еще строже:

К СВЕДЕНИЮ

Товарищ, получающий совершенно секретные документы ЦК КПСС, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специального разрешения ЦК.

Снимать копии с указаиных документов, делать выписки из них категорически воспрещается.

Товарищ, которому адресоваи документ, после ознакомления с ним ставит иа документе личную подпись и дату.

Так правила КПСС: тайно, не оставляя следов, а часто и свидетелей, рассчитывая на века, как Третий Рейх. Да и цели были схожими. Более того, в отличие от Рейха, она почти их достигла, но произошло не предвиденное ни Марксом, ни Лениным, ни подавляющим большинством людей на земле. Эти документы мне не адресовались, отношения к их исполнению, по крайней мере, непосредственного, я не имею и возвращать их "в Общий отдел, 1-ый сектор" не собираюсь. Бесстыдно пользуясь чужими привилегиями, я разглядываю подписи Брежнева, Черненко, Андропова, Горбачева, Устинова, Громыко, Пономарева, читаю их рукописные пометки на полях, их глубокомысленные решения, касавшиеся абсолютно всего на свете, от арестов и высылок неугодных до финансирования международного терроризма, от кампаний дезинформации до подготовки агрессии против соседних стран. Здесь, в этих бумагах, можно найти все начала и концы трагедий нашего кровавого века, а точнее, его последних тридцати лет. Мне стоило больших усилий достать их, более года работы ушло на их приобретение. Быть может, никто не увидал бы многие из них еще долгие годы, а то и никогда, если бы не мои старания. Однако заклятие, наложенное на них постановлением ЦК КПСС от 17 июня 1976 г., пр.N12, п.4с мистическим образом продолжает действовать, ибо никто не решается разглашать эти секреты.

Каких-нибудь три-четыре года назад за любую из этих бумаг заплатили бы сотни тысяч долларов. Сегодня я предлагаю их бесплатно самым влиятельным газетам и журналам мира, но никто не хочет их публиковать. Редакторы устало пожимают плечами: "Зачем? Кому это нужно?"

Как тот несчастный советский человек из старого анекдота, который искал специалиста одновременно по глазным и ушным болезням, потому что все время слышал одно, а видел другое, я перестаю верить своим глазам, своим ушам, своей памяти. По ночам мне снятся кошмары. Решительные молодые люди с правильными лицами преследуют меня по всему миру, требуя незамедлительно вернуть документы в Общий отдел, 1-й сектор. И правда, прошло уже больше трех дней, даже больше двух месяцев с тех пор, как они попали мне в руки, а я все еще не нашел, что с ними сделать. Ну как тут отличишь кошмар от реальности? Ведь всего несколько лет назад все, написанное в этих бумагах, с негодованием отвергалось, в лучшем случае — как антикоммунистическая паранойя, в худшем — как клевета. Любой из нас, кто решался говорить о "руке Москвы" в те не столь далекие годы, немедленно подвергался травле в печати, обвинялся в "маккартизме", становился парией. Даже склонные нам поверить разводили руками: ведь это только догадки, домыслы, а доказательств нет. Но вот они, доказательства, со всеми подписями и номерами, доступные теперь для анализа, экспертизы, обсуждения. Нате, берите, проверяйте, печатайте! И слышу в ответ: "Зачем? Кому это нужно?"

Как водится, возникли уже целые теории для объяснения этой загадки. "Люди устали от напряжения "холодной войны", — говорят мне, — они больше не хотят слышать об этом. Они хотят просто жить, работать, отдыхать... и забыть обо

всем этом кошмаре". "Слишком много коммунистических тайн появилось на рынке одновременно", — говорят другие. "Нужно подождать, пока это станет историей. Сейчас это еще политика", — объясняют третьи. Не знаю, меня эти теории не убеждают. Надо полагать, к 1945 году люди устали и от Второй Мировой войны, и от нацизма не меньше, но это ничуть не помешало потоку книг, статей, кинофильмов. Напротив, возникла целая индустрия антифашистских произведений, что вполне понятно: потребность разобраться в своей недавней истории гораздо острее, нежели в истории отдаленной. Людям нужно понять смысл событий, участниками которых им пришлось быть, оценить оправданность своих жертв и усилий, сделать выводы в назидание потомкам. Это и попытка предотвратить повторение прошлых ошибок, и одновременно своего рода групповая терапия, помогающая залечить травмы пережитого.

Верно, вскрытие правды о недавних событиях — процесс всегда болезненный, часто приобретающий скандальный характер, поскольку действующие лица вчерашней драмы, как правило, еще живы, а иногда продолжают играть заметную роль в жизни своей страны. Но разве это соображение когда-либо удерживало прессу? Напротив, политический скандал, для кого-то смертельный, для прессы — всего лишь продукт питания, как змея для мангуста. Так почему же наш мангуст стал вдруг таким осторожным?

В самом деле, вот передо мной документ о человеке, которого я никогда не встречал, о котором никогда ничего раньше не слышал, но который, оказывается, хорошо известен и в своей стране, и в мировой политике. Более того, он вполне мог стать очередным президентом Финляндии. Я набрел на этот документ совершенно случайно и вполне готов был, перелистнув страницу, двигаться дальше: ни этот человек, ни Финляндия меня не интересовали, тем более что и сам документ не содержал ничего сенсационного. Назывался он вполне прозаически:

О мероприятиях в связи с пятидесятилетием председателя Социал-демократической партии Финляндии К.Сорса

Да и текст решения секретариата ЦК от 16 декабря 1980 г. ничего интересного не содержал: советскому послу в Хельсинки поручалось посетить К.Сорса и поздравить его с пятидесятилетием, а также вручить ему от имени ЦК КПСС памятный подарок. Быть может, оттого и получил я эту бумагу в архиве ЦК так легко, без особых хлопот и препирательств, что она казалась вполне невинной. Но вот загадка: документ имел гриф "совершенно секретно". Мне стало любопытно: почему решение поздравить лидера крупнейшей партии соседней нейтральной страны, бывшего премьер-министра, должно быть окутано такой тайной?

Стал я копать дальше, добиваться получения дополнительных документов к этому решению ЦК — ведь любое решение принималось у них на основании каких-то докладов, рекомендаций. Просто так у них ничего не делалось. И правда, после долгих усилий и ухищрений — не стану сейчас описывать, чего это стоило, — я таки получил эти материалы, а вернее, интересовавший меня доклад международного отдела ЦК. Вот он в полном виде.

Председателю Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) К.Сорса 21 декабря 1980 года исполняется пятьдесят лет.

В своей партийной, а также государственной (на постах премьер-министра, министра иностранных дел и председателя комиссии по иностранным делам

парламеита) деятельности Сорса последовательно заиимает дружественные в отношеиии СССР и КПСС позиции, содействует успешному развитию советско-финляндских отиошеиий и обеспечивает устойчивые контакты СДПФ с нашей партией. На международной арене, прежде всего в Соцпалистическом интернацнонале, Сорса, доверительно сотрудничая с нами, ведет работу в пользу разрядки, за ограничение гонки вооруженнй и разоруженпе.

С учетом изложеиного и того обстоятельства, что, будучи избранным на последием Конгрессе Социитерна одним из его вице-председателей, Сорса в дальнейшем будет координировать деятельность этой организации по вопросам разрядки и разоружения, а также ее контакты с другими политическими силами, полагали бы целесообразным поручить совпослу в Финляндии от имени ЦК КПСС в устной форме поздравить Сорса с пятидесятилетием и вручить ему памятный подарок.

Как видите, информация немаловажная, а для Финляндии — сенсационная. Человек, выдвинувший в 1992 году свою кандидатуру на пост президента Финляндии, оказывается, многие годы "доверительно сотрудничал" с Москвой в таких щекотливых вопросах, как разоружение, разрядка. И это, заметьте, в 1980 году, когда СССР вторгся в Афганистан, а мировое сообщество пыталось его изолировать на мировой арене, заставить прекратить агрессию против соседней нейтральной страны — такой же, как и Финляндия.

Более того, он не просто "доверительно сотрудничал" с врагом своей страны, будучи ее премьер-министром, министром иностранных дел и главой крупнейшей политической партии, — он еще, по всей вероятности, был "человеком Москвы" в Социнтерне, где в качестве вице-председателя имел огромное влияние. Вспомним этот период, этот последний всплеск "холодной войны": на улицах европейских столиц бушуют инспирированные Москвой массовые демонстрации пацифистов, протестующих против планов НАТО разместить в Европе ракеты среднего радиуса действия. В центре кампании — европейские социалисты и социал-демократы, многие из которых стоят у власти в своих странах или, по крайней мере, являются главной оппозиционной силой. А в центре этого центра — К.Сорса, который координирует деятельность Социнтерна по вопросам разоружения и разрядки, одновременно "доверительно сотрудничая" с КПСС по этим же вопросам. Не слабо, правда?

Казалось бы, вот находка для финской прессы в разгар президентских выборов. И что же? *Прошло больше полугода, как этот документ был предложен всем крупным газетам Финляндии — безо всякого результата.* Только полгода спустя благодаря стараниям моих друзей документ был опубликован в финской прессе, а господин Сорса, публично покаявшись, снял свою кандидатуру.

Я не могу найти этому объяснения. Мне говорят, что люди устали от "холодной войны", что они не хотят ничего знать о совсем недавнем прошлом. Да разве это дело прессы решать за избирателей, что они должны (или не должны) знать о своем будущем президенте? Вы информируйте публику, а уж она решит, нужно ей это или нет. Ведь если бы речь шла о любовной интрижке или о мелкой коррупции кандидата в президенты, сообщение об этом, даже непроверенное, не совсем точное, было бы на первых полосах всех финских газет.

Любопытно вспомнить, что всего несколько лет назад, в другой нейтральной европейской стране — Австрии — разразился грандиозный скандал: выяснилось, что кандидат в президенты этой страны лет этак за пятьдесят до того "доверительно сотрудничал" с нацистами в качестве всего лишь младшего офицера. И хотя, как выяснилось, избиратели не захотели принять этот факт во внимание, австрийская пресса сочла нужным писать о нем во всех подробностях. Да что там Австрия — протестовал весь мир, вся мировая пресса сообщала об этом как о событии номер один. И ведь вот что удивительно — никто не сказал сакраментального: "Зачем? Кому это нужно?"

* * *

Конечно, мне могут возразить, что Финляндия — случай особый, недаром же возник термин "финляндизация". Попросту говоря, вся страна "доверительно сотрудничала" с Москвой. Для них это не преступление и даже не сенсация. Чего же, в самом деле, ожидать от маленькой нейтральной страны, принужденной жить по соседству с Большим Братом? Но ведь и Норвегия была по соседству, да не финляндизировалась. Дело здесь не в географии. Даже термин этот возник, как мы знаем, не в Финляндии, а в Западной Германии, стране отнюдь не нейтральной, которую Запад, в отличие от Финляндии, обязался оборонять, но в которой этот процесс развивался весьма бурно.

Между тем, и в Германии, при всей готовности открывать архивы "Штази", судить Эриха Хонеккера не решились, опасаясь, видимо, что он выполнит свою угрозу рассказать много увлекательных историй. Никто особенно не рвется более тщательно покопаться в истоках "восточной политики", переосмыслить ее или по-новому посмотреть на таких деятелей, как Вилли Брандт и Эгон Бар. А посмотреть есть на что. Вот, например, лежит у меня на столе доклад председателя КГБ Ю.Андропова от 9 сентября 1969 г., адресованный в ЦК КПСС:

Комитет госбезопасности докладывает о встрече источника КГБ с директором концерна "Круппа" графом ЦЕДВИТЦ фон АРНИМ, которая состоялась по просьбе последнего в мае с.г. в Нидерландах.

ЦЕДВИТЦ является доверенным лицом известного деятеля Социал-демократической партии Германии БАРА, занимающегося вопросами планирования, координации и разработки узловых проблем внешней политики ФРГ. ЦЕДВИТЦ заявил, что обратился к источнику по прямой просьбе БАРА и рассчитывает, что содержание беседы будет доведено до советских руководителей. Далее, со ссылкой на БАРА, ЦЕДВИТЦ рассказал следующее:

"Наиболее здравомыслящие" деятели СДПГ пришли к выводу о необходимости поисков других путей "восточной политики" и хотели бы наладить прямые и надежные каналы связи с Москвой.

По существующему в ФРГ мнению, официальные контакты, имевшие место в последнее время, малорезультативны, так как каждая сторона ввиду своего официального положения прибегает к "чисто пропагандистским заявлениям". Контакты с представителями советского посольства в Бонне также нежелательны: их трудно осуществить в неофициальном порядке, а сведения о встречах немедленно используются политическими противниками.

В связи с этим БАР считал бы желательным провести серию неофициальных переговоров с представителями СССР, которые не накладывали бы обяза-

тельств на обе стороны в случае, если не будет достигнуто положительного результата.

По словам ЦЕДВИТЦА, в промышленных кругах ФРГ существуют силы, готовые способствовать нормализации отношений с СССР, однако их возможности ограничены, так как экономические связи ФРГ и СССР находятся "в зачаточном состоянии".

По мнению ЦЕДВИТЦА, Советский Союз недостаточно использует рычаги внешней торговли для достижения политических целей, хотя уже сейчас можно было бы добиться принятия мер, исключающих участие немецких специалистов в китайской ракетной и ядерной программах, а также противодействовать тенденции зангрывания с МАО западногерманских политиков.

По имеющимся сведениям, руководство другой правящей партии в Западной Германии — ХДС также предпринимает попытки выйти на неофициальный контакт с представителем советской стороны и заявляет о готовности провести "широкий и много разъясняющий обеим сторонам разговор".

Анализ полученных материалов свидетельствует о том, что две ведущие, конкурирующие между собой партии ФРГ опасаются, что их политический противник перехватит инициативу в вопросе урегулирования отношений с Советским Союзом, и готовы на неофициальном уровне, без оглашения в печати, вести переговоры, которые в последующем могли бы способствовать укреплению их положения и престижа.

В этой ситуации Комитет госбезопасности считает возможным продолжить неофициальные контакты с руководителями обеих партий. В ходе развития этих контактов целесообразно, используя наши внешнеторговые возможности, попытаться оказывать выгодное влияние на внешнюю политику ФРГ, а также организовать получение информации о позициях и планах боннских руководителей.

Просим согласия.

Это не просто интересный — это исторический документ. Так начиналась знаменитая "остполитик", впоследствии ставшая политикой "детанта", по-советски — "разрядки", самая позорная страница в истории "холодной войны". Германии в то время ничего не угрожало, ничего существенного она от этой политики не выиграла, но отношения между Востоком и Западом были надолго заражены вирусом капитулянтства. Это был поворот, в результате которого вместо дружного противостояния коммунизму конца 40-х — начала 50-х западный мир был вынужден, в лучшем случае, тратить силы на бесплодную борьбу с этим капитулянтством, в худшем — отступать, дабы сохранить свое единство. В сущности, вся мировая политика последних 25 лет определена этим документом, *но его не захотела напечатать ни одна крупная газета Германии.* Только три года спустя из него надергал цитат "Шпигель" (кстати, не спросив у меня разрешения и даже не указав источник). Реакции же не было никакой, полное безразличие.

Неужели это действительно никому не интересно? Неужели теперь, когда коммунизм рухнул, мы не чувствуем ни желания, ни обязанности разобраться в обстоятельствах, при которых эта политика была навязана миру, в мотивах ее создателей — немецких социал-демократов, оценить ущерб, нанесенный коллективной обороне НАТО, и, наконец, ущерб, причиненный народам Восточной Евро-

пы и СССР этой политикой, продлившей жизнь коммунистических режимов по меньшей мере лет на десять? Да и сами социал-демократы — разве нет у них потребности честно подвести итог своей "восточной политике"?

Напротив, зодчие "остполитик" теперь ходят в героях, утверждая, что крах коммунизма на Востоке произошел благодаря их "тонкой" игре с Москвой. Не бесстыдство ли? Эдак и Чемберлен мог объявить себя победителем в 1945 году: ведь мир с Германией все-таки наступил.

Вот, наконец, пример другой страны — Японии, которая все послевоенные десятилетия находилась под защитой американского "ядерного зонтика". Однако японские социалисты даже получали нелегальную финансовую помощь из Москвы через контролируемые ими кампании и кооперативы, тактично именуемые в документах ЦК "фирмами друзей". Казалось бы, крупнейшая оппозиционная партия, с большим числом мест в парламенте и весьма значительной социальной базой, могла обеспечить себе финансовую независимость. Так нет, в 1967 г. запутались в долгах — около 800 млн. иен, — побежали за выручкой к идеологическому соседу, провернули какие-то темные делишки с древесиной, с текстилем и — пристрастились. К 70-м годам даже на проведение своих избирательных кампаний получали деньги из Москвы. Нетрудно догадаться, что было бы с Японией, победи они на тех выборах. Наверное, появился бы термин "японизация".

Но что удивительно: по японским законам, это — уголовное преступление, однако документы не заинтересовали ни японскую прессу, ни японских прокуроров. Вот если бы речь шла о незаконном получении денег от японских же бизнесменов... Более того, осенью 1994 года газета "Нью-Йорк таймс" порадовала своих читателей сенсационным открытием: оказывается, в 50-е годы ЦРУ оказывало финансовую помощь Либеральной партии Японии, дабы укрепить ее в борьбе с растущим коммунистическим влиянием. Вот это сенсация! Есть на что негодовать американскому читателю. А тут же предложенные мною документы о советской помощи японским социалистам газету так и не заинтересовали. Для "Нью-Йорк таймс" это не сенсация.

И так — от страны к стране, от документа к документу. Одни не хотят знать, потому что это уже прошлое, другие — потому что еще не прошлое. Раньше знать боялись: коммунизм был слишком силен; теперь он слишком слаб, а стало быть, и знать не нужно. То информации слишком много, то ее слишком мало. Тысяча и одна причина, одна другой нелепей, а результат тот же самый. Вроде бы серьезные, честные люди, смущаясь и заговорщицки подмигивая, говорят мне: "К сожалению, этого мало. Вот если бы вы нашли еще и такую бумажку, и сякую..." Как будто, по никому неведомой причине, я единственный в мире человек, кровно в том заинтересованный, а потому и обязанный что-то разыскивать, доказывать. Будто склоняю их сделать что-то непорядочное, не совсем приличное, а они рады, что нашли удобный предлог отказаться. Надо полагать, шла бы речь о прошлом пятидесятилетней давности — ни доказывать, ни уговаривать не пришлось бы. А как же! Вскрыть пособников нацистских преступлений — святое дело, долг совести каждого. Но упаси Бог указать пальцем на коммуниста (не говоря уж о его пособнике) — это неприлично, это "охота на ведьм". Поразительное лицемерие! Как, когда позволили мы навязать себе эту ущербную мораль? Как ухитряется человечество жить столько десятилетий с раздвоенной совестью?

ведь мы, не слишком обременяя себя соображениями гуманности, продолжаем ловить в джунглях Латинской Америки сенильных старцев, совершивших свои злодеяния пятьдесят лет назад. Они — убийцы, им нет прощения. Мы гордо говорим друг другу: "Это не должно повториться! Никогда больше!" И наши глаза влажняются благородной слезой. Но судить Хонеккера, по приказу которого совсем недавно убивали людей, — помилуйте, как можно? Это же не гуманно — старый, больной человек... И мы отпускаем его в джунгли Латинской Америки умирать в своей постели.

Такая вот всемирная финляндизация.

2. Твердая валюта

Нужно ли говорить, что в результате нашего бездумного двоемыслия западные коммунисты уже давно превратились в привилегированную группу — вроде священных коров. Им все дозволено, им заранее прощается любая низость, любое преступление, за которое нормальный человек заплатил бы годами тюрьмы. Например, они просто существовали на советские деньги, хотя и это всего лишь несколько лет назад категорически отвергалось и говорить об этом публично было "не принято". Теперь есть и документы, и расписки, и все детали доставки денег через КГБ подробно описаны в российских газетах, а негласный запрет на эту тему в западной печати так и остался. Вернее сказать, не то чтобы запрет, а скорее некое табу, вроде таблички "У нас не курят". Иди гадай, кто у вас не курит да почему? Кто решил, кого спрашивали? Какое такое подпольное политбюро приняло это решение, проголосовав "вкруговую"?

Загадочно, не правда ли? Я ведь имею в виду не времена Коминтерна, о которых уже столько и хорошо написано и о которых, быть может, людям действительно надоело читать, — я говорю о нашем времени. Те, кто принимал участие в этой "деятельности", еще живы и должны бы понести ответственность за свои поступки. Ведь даже в странах, где получение денег из-за границы на политическую деятельность — само по себе не преступление, негласное их получение в обход налогового законодательства никак не может быть оставлено без внимания. За это и Аль Капоне в тюрьму угодил, и вице-президента США Спиро Агню не пощадили.

Между тем, ни в одной стране мира не проводится даже расследование финансовой деятельности местных коммунистов, а ведь речь идет, по крайней мере, о систематическом мошенничестве в колоссальных размерах.

Так, в 1969 году, решив упорядочить этот род деятельности, Москва создала специальный "Международный фонд помощи левым рабочим организациям" общей суммой в 16,55 млн. долларов ежегодных ассигнований. Разумеется, крупнейшим донором была сама Москва — на ее долю приходилось 14 миллионов, но и восточноевропейские братья вносили свой посильный вклад: чехи, румыны, поляки и венгры — каждая партия по полмиллиона, болгары — 350 тысяч, а восточные немцы — 200 тысяч. Из 34 получателей в том году самыми крупными были: итальянская компартия (3,7 миллиона только на первые полгода!), французская компартия (два миллиона) и компартия США (один миллион), а самыми мелки-

ми: "Фронт освобождения Мозамбика" — десять тысяч и председатель компартии Цейлона товарищ Викремаситхе — шесть тысяч. Так и продолжалось вплоть до 1991 года, с той лишь разницей, что число получателей, скажем, к 1981 году выросло до 58-ми, а доля, например, компартии США — до двух миллионов. К 1990-му, последнему году своего существования, фонд вырос до 22 миллионов долларов, а число получателей — до 73 "коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий и организаций".

Соответственно росла и советская доля взноса. К 80-м годам она уже составляла 15,5 млн. долларов, в 86-м — 17 миллионов, в 87-м — 17,5 миллиона, а в 90-м — все 22 миллиона. Дело в том, что по мере нарастания кризиса коммунизма восточноевропейские братишки переставали платить один за другим, оставляя Старшего Брата расплачиваться по революционным счетам. Есть от чего взволноваться:

Международный фонд помощи левым рабочим организациям на протяжении многих лет формировался из добровольных взносов КПСС и ряда других компартий социалистических стран. Однако в конце семидесятых годов польские и румынские, а с 1987 г. и венгерские товарищи, сославшись на валютно-финансовые трудности, прекратили участие в Фонде. В 1988 и 1989 гг. Социалистическая единая партия Германии, компартия Чехословакии и Болгарская компартия без объяснения причин уклонились от внесения ожидавшихся от них взносов, и Фонд формировался целиком за счет средств, выделенных КПСС. Долевые взносы трех названных партий составили в 1987 г. 2,3 миллиона долларов, т.е. около 13 процентов общего размера внесенных в него средств, — сообщал в ЦК обеспокоенный глава международного отдела В.Фалин 5 декабря 1989 года. — **Партии, на протяжении длительного периода регулярно получающие определенные суммы из Фонда, высоко ценят эту форму интернациональной солидарности, считая, что ее невозможно заменить никакими другими видами помощи. От большинства этих партий к настоящему времени получены должным образом мотивированные просьбы об оказании помощи в 1990 г., от некоторых — о ее существенном увеличении.**

Другая, не менее тяжкая проблема состояла в том, что доллар все время падал, обесценивая эту "форму интернациональной солидарности", — чертовы капиталисты никак не могли побороть свою инфляцию! Вот ведь закавыка: с одной стороны, вся цель работы в том и состоит, чтобы ослабить капитализм, а с другой — сами же и пострадали от его слабостей. Как тут быть? Выход, однако, нашелся: тогдашний глава международного отдела ЦК Анатолий Добрынин (тот самый, что в бытность свою послом СССР в США снискал себе в американских либеральных кругах славу прозападного, просвещенного деятеля, с которым можно "делать бизнес"), просто предложил перевести все расчеты на более надежную валюту — инвалютный рубль. Так и поступили, определив в качестве советского взноса 13,5 млн. инвалютных рублей и в том году, и на следующий, когда не менее "прозападный" Валентин Фалин сменил своего просвещенного коллегу на посту главы международного отдела. Под конец, однако, тревога за доллар отошла на задний план, восточноевропейские братишки разбежались кто куда, и на последний, 1990 год Госбанк СССР выделил все 22 миллиона в зелененьких. Как видим, длительное пребывание в западных столицах не снижало революционного пыла,

а надвигающийся крах империи не ослаблял чувства интернациональной солидарности. Это тем более любопытно, если учесть, что решения во всех случаях принимало политбюро во главе с самым прозападным, либеральным и прагматичным генеральным секретарем ЦК, с которым Запад когда-либо "делал бизнес". Единственное, что попытались сделать эти "либералы", — это спрятать концы в воду, беспокоясь, как бы их нелегальный экспорт валюты в соседние страны не всплыл ненароком и не подорвал веру Запада в "гласность" и "перестройку".

К тому времени получение западных кредитов стало основной заботой кремлевских "реформаторов", а слишком много разговоров о том, куда идут эти деньги, процветанию бизнеса способствовать не могло. И они попытались заменить прямую контрабанду валюты более тонкими способами финансирования через "фирмы друзей". Предложение обсуждалось в политбюро, изучалось международным отделом ЦК, обсуждалось с клиентами, но было отвергнуто. Как докладывал по этому поводу в ЦК Анатолий Добрынин:

Возможность перевода помощи в каналы торговых отношений с контролируемыми братскими партиями фирмами в нынешних условиях применима фактически к чрезвычайно ограниченному числу партий.

Многие фирмы, контролируемые компартиями, экономически слабые, с ограниченными связями и возможностями торговли, есть даже убыточные. Фирмы лишь некоторых братских партий — французской, греческой, кипрской, португальской — в состоянии с ощутимой для них выгодой развивать сотрудничество с советскими внешнеторговыми организациями. Процент выручки, отчисляемый фирмами в бюджет партий, как правило, весьма невелик — от 1 до 5% от прибылей или заключенных контрактов.

Финансовая деятельность контролируемых или принадлежащих компартиям фирм и предприятий находится под жестким контролем налоговых и финансовых органов соответствующих стран. Более или менее значительные отчисления этих предприятий в партийную кассу могут стать предметом постоянных спекуляций буржуазных средств массовой информации. Не отрицая в принципе возможность получения помощи по каналам торговых организаций, товарищи из братских партий считают "этот путь менее конспиративным и таящим в себе много опасностей" (Г.Плиссонье, ФКП).

Партии, на протяжении длительного периода регулярно получающие помощь из Международного фонда помощи левым рабочим организациям, рассчитывают на сохранение этой формы солидарности с ними. Для некоторых из них, в первую очередь нелегальных, помощь из фонда — единственный источник финансирования их деятельности, для других — весьма важная составная расходов на нужды организационной, политической, идеологической работы (в т.ч. издания и распространения газет и другой печатной продукции).

Прекращение поступлений из Международного фонда явилось бы для большинства партий-получателей невосполнимой потерей, которая неизбежно и крайне отрицательно сказалась бы на всей их деятельности. Даже партии, располагающие собственными предприятиями, торговыми, посредническими фирмами, окажутся, в случае прекращения поступлений из Международного

фонда, перед необходимостью свертывания по крайней мере некоторых важных форм работы, что повлечет за собой снижение их политического веса и влияния, сокращение возможностей воздействия на общественные и политические процессы, развивающиеся в их странах.

В настоящее время ни братские партии, ни советские внешнеторговые организации не готовы к переводу оказания финансовой помощи во внешнеторговые каналы. Для большинства партий это просто неприемлемо из-за отсутствия у них предприятий и торговых фирм. Но в получении финансовой помощи партии нуждаются, как никогда.

Словом, клиенты уперлись и не захотели сменить свою революционную романтику на прозаические заботы торговца. В Москве, однако, не успокоились. На следующий год все повторилось заново — и обсуждения, и доклады в ЦК, на этот раз Фалина, и решение. Даже аргументация повторилась, только теперь мы узнаем более подробно, на что же расходовались эти деньги:

Средства, получаемые из этого Фонда, партии расходуют по своему усмотрению на основные виды партийно-политической работы (деятельность ЦК, оплата освобожденных партработников, издание печатных органов, аренда залов, избирательные кампании и т.п.).

Руководство братских партий высоко ценит эту форму солидарности с ними, считая, что ее невозможно заменить никакими другими видами помощи. Об этом недавно вновь говорил Г.Плиссонье (Французская КП), подчеркнувший, что получение помощи из Фонда ни в коей мере не ущемляет самостоятельности компартий в определении своих позиций по любым политическим вопросам. В то же время прекращение этой помощи или ее сокращение нанесло бы большой ущерб политической работе партий, в особенности в связи с общенациональными мероприятиями (выборы, съезды, конференции), требующими значительных затрат.

Так и не удалось Москве оторвать от своих братских грудей этих коммунистических сосунков и перевести их на "социалистический принцип хозрасчета", хотя попытки делались практически каждый год. Даже в 91-м, за полгода до краха, продолжались встречи все с тем же Г.Плиссонье, членом ЦК французской компартии, и обсуждение "соображений по развитию деловых связей с КПСС и предложений по торгово-экономическим связям по линии фирм друзей".

Нетрудно посчитать, что только с 1969 года и только в этой форме "интернациональной солидарности" французская компартия, например, получила никак не меньше 44 млн. долларов, компартия США — миллионов эдак 35, а итальянская — и того больше. Всего же, с 1969 года считая, Москва раздала своим братьям порядка 400 млн. долларов, и это не учитывая иные формы финансирования. Суммы немалые.

Неужто они совсем не интересуют ни налоговые, ни финансовые власти, ни банки западных стран? Ведь это большей частью западные же деньги, брошенные на спасение очередного кремлевского "голубя" от кремлевских "ястребов" (или "реформаторов" от "консерваторов", в зависимости от периода), возмещения которых теперь требуют, да еще с процентами, у нищих народов бывшего СССР. То есть деньги, вами же, капиталистами, выброшенные на спасение мировой коммунистической системы. Ну и получали бы теперь свои долги со своих

коммунистов. Разве не проще, не справедливей? Тем более, что с нищей России их уже никогда и не получить.

Нет, не хотят – понимают, что при таком расследовании не одни коммунисты окажутся на скамье подсудимых.

3. "Фирмы друзей"

Как бы ни прибеднялись "партии-получатели", помощь из Москвы, поступавшая "по линии фирм друзей", была, тем не менее, существенной добавкой к их бюджетам. К сожалению, я не располагаю достаточным материалом, который позволил бы восстановить всю картину этой деятельности, однако и имеющихся примеров вполне хватает для оценки ее масштабов.

По-видимому, одной из первых западных компартий, усвоивших "социалистический принцип самоокупаемости", была итальянская, в то время крупнейшая и самая влиятельная в Европе. Просматривая списки клиентов Международного фонда, я с беспокойством заметил, что итальянские товарищи совершенно исчезли из них к концу 70-х, хотя вначале они эти списки возглавляли, получая в 1969 году аж 3,7 миллиона на полгода. "Вот бедняги, – подумал я, – наверное, пострадали за свою честность и принципиальность, отказавшись поступиться своей верой в "коммунизм с человеческим лицом", и Москва безжалостно лишила их братской помощи".

И правда, итальянские товарищи демонстрировали в то время чудеса героизма: отмежевались от Москвы в вопросе прав человека, осудили советское вторжение в Афганистан, поддержали польскую "Солидарность", а мы, циники, ничему не верили, считая это просто маневрами. Признаться, на мгновение мне даже стало стыдно за свой цинизм. Увы, напрасно я переживал: итальянская компартия не собиралась гибнуть от избытка честности. Напротив, ее контакты с Москвой заметно углубились – политбюро даже приняло специальное постановление "Об усилении работы с Итальянской компартией", а чуть раньше, в октябре 1979 года, они, видимо, утрясли и свои финансовые отношения. Во всяком случае, утрясали, согласно следующему документу:

О приеме в ЦК КПСС члена Руководства Итальянской компартии т.Д.Черветти

Член Руководства Итальянской компартии, секретарь ЦК ИКП по координации т.А.Натта по поручению т.Э.Берлингуэра сообщил, что прибывающему 7 октября с.г. для кратковременного отдыха в Москву члену Руководства ИКП т.Д.Черветти поручено обсудить в ЦК КПСС ряд специальных вопросов, в том числе финансовых (ш/т-ма <шифрованная телеграмма> из Рима, спец. N1474 от 3 октября 1979 г.).

Считали бы целесообразным удовлетворить просьбу Руководства ИКП и принять т.Д.Черветти в ЦК КПСС для беседы по интересующим его вопросам. (...)

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В.Загладин

Конечно, мы можем только гадать, о каких финансовых вопросах толковали в ЦК с т.Д.Черветти тт.Пономарев и Загладин, но о характере финансовых отношений между КПСС и ИКП мы узнаем из следующего документа политбюро:

О просьбе итальянских друзей

Поручить министерству внешней торговли (т.Патоличеву) продать фирме "Интерэкспо" (президент т.Л.Ремиджо) на обычной коммерческой основе 600 тыс. тонн нефти и 150 тыс. тонн дизельного топлива, но на благоприятных условиях при некотором снижении цены примерно на один процент и увеличении рассрочки платежей на три-четыре месяца с тем, чтобы от этой коммерческой операции друзья могли получить примерно 4 млн. долларов.

Тут, однако, произошло исключение из нашего правила, исключение немаловажное, имевшее к тому же колоссальные последствия: эти и некоторые другие документы, касавшиеся неблаговидного прошлого ИКП, просочились-таки в итальянскую печать где-то в конце 1991 — начале 1992 года. Начали даже поговаривать о необходимости расследования возможных нарушений налогового законодательства. Реакция была мгновенной — под следствием оказались как раз те, кто об этом поговаривал. Вдруг, словно проснувшись от долгого сна без сновидений, итальянская магистратура (куда последние годы ИКП весьма активно внедряла свои кадры) обнаружила потрясающую коррупцию в финансировании буквально всех основных политических партий Италии, кроме, разумеется, ИКП. Последовавшее за тем развитие сюжета можно сравнить разве что со сталинскими чистками 1937—1938 гг., если не по масштабу, то по стилю: буквально треть итальянского кабинета министров оказалась в тюрьме или под следствием Террор, получивший гордое название операции "Чистые руки" (как тут не вспомнить девиз чекистов: "холодная голова, чистые руки, горячее сердце"?), прошелся по всему итальянскому истеблишменту, не пощадив ни политиков, ни бизнесменов, ни государственных чиновников. В тюрьмах сидят уже тысячи людей, аресты производятся почти неизменно по доносу кого-то, кто уже сидит, а от готовности представить такой донос зависит освобождение арестованного. Есть уже случаи самоубийств. Правда, нет пока ни пыток, ни расстрелов — на то у них и "человеческое лицо".

Тем временем Италия, до того страна вполне процветавшая, начинает разваливаться: экономика на грани банкротства, валюта обесценивается, аппарат управления парализован, растет безработица. И кто же теперь спасет страну, кто же достоин управлять ею, кроме тех, у кого "чистые руки"?

"Но ведь коррупция действительно существовала!" — возразят мне. Да в том-то и дело, что существовала, и притом все послевоенные десятилетия. Более того, она была таким же общепринятым нарушением, как превышение скорости. О ней знал каждый в Италии, включая и нынешних следователей с "чистыми руками". Но почему-то никто не делал ни малейшей попытки с этим бороться, пока ИКП не оказалась и под угрозой разоблачения, и на грани краха из-за прекращения финансовой помощи Москвы. Им действительно стало нечего терять, кроме своих цепей, приобрести же они могут всю Италию.

Впрочем, как и их советские предшественники с "чистыми руками" 55 лет тому назад, они не понимают, что террор — процесс неуправляемый и вполне может обернуться против них самих. Тогда им, конечно, припомнят их торговлю с Москвой "на обычной коммерческой основе", их небескорыстный контроль практически всей торговли между СССР и Италией, благодаря которому крупнейшая компартия Европы существовала многие десятилетия. Однако происходя-

щее в Италии — грозное предупреждение истеблишменту других европейских стран. Нужно ли говорить, что и другие компартии торговали с ЦК КПСС на такой же "обычной коммерческой основе" многие годы, но пример Италии никак не способствует публичному обсуждению этой проблемы.

Французы, быть может, начали даже раньше своих итальянских коллег. По крайней мере один документ позволяет это предположить: постановление секретариата ЦК о продлении на десять лет сроков погашения кредита в 2,8 миллиона западногерманской фирме "Магра ГмбХ", контролируемой "французскими друзьями". Рекомендуя это постановление, международный отдел ЦК сообщает:

Фирма "Магра ГмбХ" принадлежит Французской компартии и в течение 15 лет закупает у В/О "Станкоимпорт" подшипники для сбыта в ФРГ. Задолженность в 2,8 миллиона образовалась в связи с вложением фирмой этой суммы на расширение своего хозяйства и имевшимся в ФРГ снижением спроса на подшипники.

С 1965 года эта фирма и ее дочерняя "Магра-Франс" успешно торговали советскими товарами на благо коммунизма. Одних только подшипников продали в Германии на 10 миллионов инвалютных рублей. Другой документ поручает "в связи с соображениями, высказанными членом ЦК ФКП т.Ж.Жеромом", министерству внешней торговли и Госплану "разработать и осуществить меры по дальнейшему расширению торгово-экономических связей с фирмами французских друзей", такими, как "Комекс" и "Интерагра". И таких фирм было столько, сколько "соображений" было у т.Ж.Жерома. Право, не на что было жаловаться т.Г.Плиссонье.

Не отставали и другие. Даже в далекой Австралии местная социалистическая партия хлопотала "о списании задолженности австралийской фирмы "Паланга Тревел" по аренде судов "Федор Шаляпин" и "Хабаровск" за 1974—1975 годы в сумме 2.574.932 рубля". И не понять, то ли это их фирма, то ли они ею завладеют в обмен на списание задолженности.

Греческий издатель и промышленник Г.Боболас удостоился даже именного постановления ЦК КПСС "О содействии греческому издателю Г.Боболасу", в котором министерству внешней торговли и Госкомитету по внешним экономическим связям поручалось "при прочих равных условиях оказывать предпочтение в решении коммерческих вопросов греческому промышленнику и издателю Г.Боболасу, учитывая его позитивную роль в развитии советско-греческих связей". И не скажешь сразу, в чем тут подвох: ну, заслужил товарищ неустанной работой на благо добрососедских отношений. Однако из приложенных к постановлению материалов, в особенности из доклада в ЦК зам. председателя КГБ С.Цвигуна, следует, что неустанная эта работа проводилась в рамках "специальных мероприятий" КГБ.

Добрососедские отношения чекисты, разумеется, понимали по-своему: принадлежавшее Г.Боболасу издательство "Акадимос" использовалось ими "в качестве издательской базы для идеологического воздействия на Грецию и греческие общины ряда стран". Поиздержался товарищ на службе делу добрососедства, и поэтому "для компенсации в некоторой степени материальных затрат", в частности в связи с изданием на греческом языке книги Л.И.Брежнева "Мир — бесценное достояние народов" с предисловием автора, "Г.Боболас стремится к установ-

лению деловых связей с Минвнешторгом и ГКЭС путем заключения взаимовыгодных сделок в довольно крупных масштабах".

С этим Г.Боболасом впоследствии было много скандальных историй. Разумеется, получив такое мощное "предпочтение" при заключении "взаимовыгодных сделок", он в долгу не остался, начальство не разочаровал и через пару лет начал издавать массовую газету "Этнос" — главный рупор советской дезинформации в Греции. Его пытались разоблачать, он защищался, подал даже в суд за "клевету" на лондонский журнал "Экономист" и практически выиграл процесс!

Шло время, Боболас вырос из строительного подрядчика в магната масс-медиа: кроме издательства "Акадимос" и газеты "Этнос", он стал еще совладельцем крупнейшего телеканала "Мега", у него появились интересы в кинопромышленности, в звукозаписи, а правительства — как социалистические, так и консервативные — обеспечивали ему гигантские строительные подряды. Словом, солидный человек, столп общества, опора греческой демократии.

Но вот прошло много лет, рухнул добрососедский режим в Москве, обанкротилась и почти закрылась газета "Правда". По крайней мере, какое-то время она не появлялась в продаже — и вдруг внезапно ожила, расцвела и заблагоухала, как сообщалось, "на деньги греческих коммунистов". Официально ее благодетелем назвался некто Яннакос, партнер Боболаса по былым издательским подвигам.

Можно только гадать, сколько таких боболасов наплодила Москва за последние 75 лет. Вряд ли кто решится расследовать эти дела после катастрофы в Италии, а без следствия понять до конца все сложности отношений любой фирмы, имевшей в те времена деловые связи с Москвой, не так просто. Где тут кончался бизнес и начиналась политика? Кто были Арманд Хаммер или Роберт Максвелл: бизнесмены, ставшие агентами, или агенты, ставшие бизнесменами?

По моему глубокому убеждению, ни один бизнесмен не мог тогда иметь с СССР чисто деловые отношения. Нельзя торговать с дьяволом, не ставши его слугою. Я не говорю уж о том, что продажу своему "классовому" палачу пресловутой ленинской веревки вряд ли вообще можно назвать бизнесом, но и одно общение с советскими бесами не могло не растлевать. Да и шли тогда на эти отношения люди вполне определенного склада, определенных взглядов.

Вот, казалось бы, простой и ясный документ, никаких тайн не содержащий: "Об открытии в г. Москве представительств ряда иностранных фирм". Уж тут вроде бы подвохов быть не должно: солидные фирмы с большими оборотами, торгуют "на взаимовыгодной основе". Но и этот документ почему-то имеет гриф "совершенно секретно". А приглядишься к представленным на них справкам и видишь: у одной — крупный западный политик состоит в директорах, другая помогает противодействовать политике своего правительства "в выгодном нам направлении". Третья — испанская фирма "Продаг С.А." — совсем замечательная: и по счетам платит аккуратно, и торгует с СССР еще с 1959 года, и партнер солидный — "по результатам 1979 г. около 50% всего товарооборота между Испанией и Советским Союзом пришлось на фирму "Продаг"". Только самая последняя строчка кое-что объясняет:

В настоящее время президент фирмы Р.Мендоса готовит к изданию работы Л.И.Брежнева "Мир, разоружение и советско-американские отношения".

И таких представительств было уже открыто в Москве к 1981 году 123 штуки.

И гадай, чем они занимались в свободное от торговли время? Зачем им понадобилось открывать в те годы представительство в Москве? Чем они занимаются теперь? А сколько было таких, что обходились и без представительства? Никто и не пытается выяснять. Какая разница? "Кому это нужно?"

Все это в прошлом, говорят мне. "Холодная война кончилась, разве вы не слышали?" Да как можно было не услышать, если об этом кричат теперь во все горло ровно те, для кого этой войны никогда не существовало, кто, в лучшем случае, отказывался ее замечать. Но вот ведь и война в Персидском заливе тоже вроде бы кончилась, а расследование деятельности фирм, торговавших с Ираком, напротив, только началось. Никто не заканчивает войну, не обезвредив минные поля и невзорвавшиеся бомбы, не разоружив банды мародеров и уцелевших врагов. Иначе мирная жизнь может превратиться в худший кошмар, чем сама война.

Между тем, вопрос о фирмах, торговавших с Советским Союзом, с течением времени становится все более и более актуальным. Мы знаем, что в последние годы своего правления, особенно в 1990—1991 гг., опасаясь краха своей системы, Горбачев как бы "приватизировал" деятельность КПСС, всячески поощряя аппарат, в особенности КГБ, создавать "совместные предприятия" с западным бизнесом. Число их в те годы возросло стремительно, надо полагать, в первую очередь за счет "фирм друзей" и прочих связанных с КГБ "бизнесменов". Такое развитие сюжета весьма логично предположить, памятуя, с какой настойчивостью стремился Горбачев перевести "интернациональную помощь" на коммерческую основу.

Да и с кем еще было КГБ начинать такой "бизнес", кроме тех, кого уже знали и кого могли контролировать? Начав с отмывания партийных денег и перекачки ценностей страны, находившихся под их контролем (золото, нефть, металлы), эти зловещие структуры мафиозного типа разрослись, как раковая опухоль, опутав своими нитями практически весь "частный" бизнес в странах бывшего СССР.

Теперь же, с выходом этих стран на мировой рынок, мировому сообществу приходится иметь дело еще с одной международной мафией, куда более сверепой и мощной, чем колумбийский картель наркотиков или "Коза ностра". Глядишь, придется нам лет через десять воевать с этаким преступным супер-синдикатом типа знаменитого "Спектра" из фильмов о Джеймсе Бонде.

4. Интеллектуальные шалости

Разумеется, помощь Москвы своим клиентам этим не исчерпывалась. Как докладывал Фалин в ЦК, помимо прямого финансирования и финансирования по коммерческим каналам, еще осуществлялись:

...поставка газетной бумаги, приглашение на учебу, отдых и лечение активистов партий, закупка печатных изданий компартий, оплата в ряде случаев поездок представителей партий в другие страны и т.п.

Под рубрику "и т.п." подпадало, например, содержание целой сети книжных магазинов "друзей" в разных странах мира. Программа эта, начатая где-то в 60-х годах через посредство В/О "Международная книга", стоила недешево. Во-первых, все эти магазины открывались на советские деньги, "в кредит", кредит же, конечно, никогда потом сполна не выплачивался. Во-вторых, все они "торго-

вали" с большим убытком, а убыток потом списывался по "просьбе руководства друзей". Расходы были разными, в зависимости от места, времени и обстоятельств. Скажем, открытие в Лондоне в 1976 году известного магазина "Коллетс" стоило Москве 80 тыс. фунтов (124 тыс. инвалютных рублей), а в контракте с фирмой было прямо предусмотрено "покрытие возможного дефицита от продажи советских изданий в первые годы деятельности магазина". Открытие же нового магазина в Монреале несколькими годами раньше стоило всего 10 тыс. канадских долларов. Суммы списываемых убытков тоже колебались от 12 300 инвалютных рублей магазину компартии Израиля "Popular bookshop" в 1969 году, 56 500 инвалютных рублей магазину бельгийской компартии "Du monde entier" до 300 тыс. долл. фирмам компартии США "Four Continent Book Corporation", "Cross World Books & Periodicals" и "V.Kamkin". Не забыли даже Австралию, где фирма местной социалистической партии "New Era Books & Records" задолжала Москве 80 тыс. инвалютных рублей.

Из-за отсутствия систематической информации трудно оценить общий убыток от этой бойкой торговли. В докладе В/О "Международная книга" в ЦК за 1967 год говорится, что общий объем "экспорта в капиталистические страны" составлял на тот год 3,9 млн. инвалютных рублей, общая сумма отсроченных долгов была 2,46 миллиона, а просроченных — 642 тысячи. Суммы по тем временам немалые. Тем не менее, "экспорт" продолжался, и к 82-му году пришлось списывать новую серию долгов, в частности более 460 тыс. долл. фирмам компартии США "Imported Publications" и "International Publishers".

Затем идет поставка газетной бумаги для братских изданий — бесплатно и в грандиозных масштабах. Решение о создании специального фонда для этой цели было принято в 1974 году, но оценить, сколько же это стоило советской казне, просто невозможно, поскольку в то время стоимость производства и транспортировки чего бы то ни было в СССР реальной оценки не имела, а выражалась в условных "безналичных рублях". Попросту говоря, это была бездонная бочка. Только в 1980 году этот специальный фонд поставил зарубежным братьям 13 тыс. тонн бумаги. Не имею понятия, сколько это должно было стоить по западным ценам, но очень приблизительная оценка при очень условном исчислении стоимостей дает цифру 3,5 млн. рублей в год.

Наконец с 1 января 1989 года специальный фонд был ликвидирован, а вместо него тогдашний премьер-министр Николай Рыжков распорядился:

Расходы, связанные с изготовлением и поставкой газетной бумаги за счет специального фонда, созданного для удовлетворения нужд братских партий, отнести за счет ассигнований по государственному бюджету СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам.

Быть может, мы никогда не узнаем, сколько это все стоило стране, где нехватка бумаги была настолько острой, что новую книгу можно было купить, только сдав 20 кг макулатуры.

Но и это еще не все. Была и другая форма помощи братским публикациям: прямая закупка этого товара Советским Союзом, якобы для продажи иностранным студентам и туристам в СССР. Опять же систематической информации о стоимости от года к году я не имею, но с нарастанием кризиса в СССР властям пришлось пересматривать все свои революционные расходы, включая и этот. Так,

мы узнаём, что к 1989 году на покупку и транспортировку 90 изданий из 42 стран тратилось 4,5 млн. инвалютных рублей в год — около 6 млн. долл. по тогдашнему курсу!

Не следует забывать и о "материально-бытовом обеспечении" корреспондентов этих братских изданий, аккредитованных в Москве, которое с конца 50-х, очевидно в целях конспирации, оплачивалось... советским Красным Крестом. Но с нарастанием кризиса произошло неслыханное: в 1990 г. советский Красный Крест взбунтовался и отказался платить, ссылаясь на сокращение своего бюджета правительством. Стали подсчитывать и ахнули:

В настоящее время в Москве находятся 33 иностранных корреспондента, которые занимают 30 квартир, включая 7 корпунктов. Помимо денежного содержания, им также оплачиваются почтово-телеграфные и телефонные расходы, ремонт квартир и корпунктов, командировки по территории Советского Союза и за рубеж, предоставляется медицинское и курортное обслуживание за счет советской стороны. Практически за каждым корреспондентом закреплен референт-секретарь, получающий зарплату в Исполкоме СОКК и КП [советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца] **СССР. Расходы, связанные с пребыванием этой категории иностранных корреспондентов, превысили в 1989 году один миллион рублей.**

Пришлось ЦК пересматривать и эту форму интернациональной солидарности.

И это только "иностранные корреспонденты", а ведь принимали и обслуживали еще и заезжих коммунистических вождей, притом гораздо пикарнее. Не забудем к тому же, что в те времена и медицинское обслуживание, и жилье, и образование в СССР считались бесплатными и в смету не включались. Тем не менее, на эти цели в одном лишь 1971 г. гостеприимный ЦК ассигновал 3,2 млн. инвалютных рублей, ожидая принять 2900 воистину дорогих гостей, из коих почти сто собирались лечиться.

Да ведь были и такие услуги, которых ни долларами, ни инвалютными рублями не измерить. Вот, для примера, рукописная просьба генсека компартии США Гэса Холла, хлопочущего за товарища Джеймса Джексона — выдающегося мыслителя-марксиста и главного теоретика компартии, которому ужасно хочется получить почетную степень доктора исторических наук. Неужто нельзя это устроить, скажем, в МГУ? Ну, конечно же, можно! В чем проблема?

Как сообщается в сопроводительной записке международного отдела ЦК, это не только "будет способствовать поднятию его авторитета среди демократических кругов негритянского населения", но и "даст ему возможность получить место преподавателя в Нью-йоркском университете, где партия в последнее время ведет активную работу". Так-то, знайте, с кем дружить. Даже президент США не может вас сделать профессором Нью-йоркского университета, а политбюро может.

Отметим, что эти самые невинные из всех коммунистических забав получили-таки некоторое отражение в западной печати. Не то чтобы сами документы, а так, упоминание о них проскользнуло в ряде газет, да и то скорее в шутливом тоне: вот, дескать, какие глупые русские, на такую чепуху тратили деньги. Особенно же веселились по поводу помощи Москвы компартии США: и зачем она нужна? Каких-нибудь 40 тысяч членов на всю Америку. Однако напрасно зубо-

скалили газеты. Компартия США была нужна Москве не для выборов в Конгресс, а для совсем иных услуг. Ведь это была не партия в традиционном смысле слова, а скорее платная агентура. А иметь сорок тысяч агентов в сердце врага — совсем не мало. И Ленин начинал в 17-м году всего лишь с 40 тысячами товарищей.

Что же касается книг, газет, журналов, то и здесь смеяться особенно не над чем. Точно следуя Ленину, начинали они всегда с печатного слова, а кончали террором. Вот, например, чем занималась компартия США в 1970 году:

В последнее время, — сообщает в ЦК Андропов, — **радикальная негритянская организация "Черные пантеры" стала объектом жестоких репрессий со стороны властей США во главе с ФБР, которые считают, что "Черные пантеры" представляют серьезную угрозу безопасности страны. Провокационные действия полиции и судебные процессы над "Черными пантерами", а также широкая огласка, которую получили террористические акты властей против активистов этой организации, привели к тому, что авторитет "Черных пантер" среди прогрессивных кругов США заметно возрос.**

Учитывая, что "Черные пантеры" представляют динамичную и опасную для правящих классов США организацию негров, КП США стремится влиять на нее в нужном направлении. Эта политика КП уже дает свои положительные результаты. В рядах "Черных пантер" в настоящее время наметилась тенденция к расширению сотрудничества с прогрессивными организациями, выступающими против существующего в США строя.

В связи с тем, что подъем движения протеста негров создаст определенные трудности для правящих кругов США и будет отвлекать внимание администрации Никсона от проведения активной внешней политики, считали бы целесообразным осуществить ряд мероприятий, направленных на усиление и расширение этого движения.

В этих целях предлагается через возможности КГБ в странах Африки инспирировать выступления политических и общественных деятелей, молодежных, профсоюзных и националистических организаций с петициями, запросами и заявлениями в защиту прав американских негров в адрес ООН, представительств США в этих странах и правительства США. Опубликовать в печати ряда африканских стран статьи и письма, обвиняющие правительство США в геноциде. Через возможности КГБ в Нью-Йорке и Вашингтоне оказать влияние на "Черные пантеры" в вопросе направления в ООН и другие международные организации петиций с просьбой оказать помощь в пресечении политики геноцида, которая проводится властями в отношении американских негров.

Представляется, что путем проведения указанных мероприятий удастся мобилизовать общественное мнение в США и в третьих странах в защиту прав американских негров и тем самым побудить "Черных пантер" к активизации своей борьбы.

...Как в смутном сне вспоминается камера Владимирской тюрьмы и газета "Правда" с кричащими заголовками: "Свободу Анджеле Дэвис!" Читать это, будучи осужденным кто — к семи, кто — к десяти годам за то, что прочел запрещенную книгу, а то и за одно слово критики, было комично. Нам, прошедшим тюремную школу, сюжет был предельно ясен: обыкновенное соучастие в убийстве. Пере-

дала оружие своему приятелю, террористу из "Черных пантер", которым он и убил при попытке к бегству работников суда, полицейских. Чего уж проще? Но мир сходил с ума: "мужественная женщина", "активистка негритянского движения". Перепуганные законодатели Калифорнии на всякий случай отменили смертную казнь в своем штате, а не менее перепуганные присяжные вчистую оправдали ее, на радость всему прогрессивному человечеству. Ни дать, ни взять — Вера Засулич! И только много позже, уже после оправдательного приговора, прочли мы в "Правде" гордое признание: "*член ЦК компартии США Анджела Дэвис*".

Им было позволено все, даже убивать.

5. "Спецпомощь"

И правда, существовала еще другая "форма интернациональной солидарности", не измеряемая ни в долларах, ни в рублях, но гораздо более зловещая, чем почетная степень доктора исторических наук. Она была окружена такой тайной, что любые документы, ее упоминающие, непременно имели гриф "особая папка". Но даже при такой категории секретности ЦК предпочитал прятать суть дела за туманными выражениями типа "спецподготовка", "спецоборудование", "спецматериалы", а наиболее специфические детали вписывались от руки: очевидно, не доверяли даже своим проверенным машинисткам. И горе было той стране, в коей местным товарищам оказывался этот вид "помощи", ибо она весьма скоро превращалась в горячую точку планеты, даже если была перед тем вполне мирной и процветающей. Вот как выглядела такая выписка из протокола от 26 декабря 1976 г. (выделенное в тексте курсивом вписано от руки):

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

Удовлетворить просьбу руководства Компартии Аргентины, Народной партии Панамы, Компартии Сальвадора и Компартии Уругвая и принять в СССР в 1977 г. на *подготовку по вопросам безопасности партии, разведки и контрразведки 10* аргентинских, *3* панамских, *3* сальвадорских и *3* уругвайских коммунистов сроком до 6 месяцев.

***Организацию подготовки* поручить *Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР*, прием, обслуживание и материальное обеспечение — Международному отделу и Управлению делами ЦК КПСС. Расходы по проезду *10* аргентинских товарищей от Буэнос-Айреса до Москвы и обратно, *3* панамских товарищей от Панамы до Москвы и обратно, *3* сальвадорских товарищей от Сан-Сальвадора до Москвы и обратно и *3* уругвайских товарищей от Монтевидео до Москвы и обратно отнести за счет партбюджета.**

Такая "спецподготовка" в КГБ обычно была лишь первой стадией процесса. Только за десять лет, в 1979—1989 гг., ее прошли более 500 активистов из 40 коммунистических и "рабочих" партий различных стран мира, включая членов их политбюро и ЦК.

Затем наступал следующий этап:

Вопрос Международного отдела ЦК КПСС

Удовлетворить просьбу руководства Компартии Сальвадора и принять в 1980 году находящихся в Советском Союзе *30* сальвадорских коммунистов на *курсы военной подготовки сроком до 6 месяцев*.

Прием, обслуживание, материальное обеспечение, *организацию подготовки 30* сальвадорских коммунистов, а также расходы по их проезду от г. Москвы до Сальвадора возложить на *Министерство обороны.*

(подпись: *А.Черняев*)

Результаты голосования: **(подписи)**

Кириленко
Зимянин
Горбачев
Капитонов
Долгих

Обыкновенно, чтобы узнать более подробно суть дела, надо искать приложения к постановлению или саму просьбу товарищей. Вот она:

Дорогие товарищи!

Обращаюсь к вам с просьбой разрешить принять находящихся в г. Москве *30* членов нашей коммунистической молодежи на курсы *военной подготовки* продолжительностью в 4-5 месяцев по следующим специальностям:

1. *6* товарищей по *войсковой разведке*,

2. *8* товарищей по профилю подготовки *командиров партизанских отрядов*,

3. *5* товарищей на курс *командиров артиллерии*,

4. *5* товарищей на курс *командиров диверсионных подразделений*,

5. *6* товарищей на курс *связистов*.

Благодарю за помощь, которую КПСС оказывает нашей партии.

ШАФИК ХАНДАЛЬ
Генеральный секретарь ЦК
Коммунистической партии Сальвадора

23 июля 1980 года
Москва

И наконец завершающая стадия процесса, после которой мировая печать наполняется сообщениями о "внезапном кризисе" в этой несчастной стране, о страданиях населения и злодеяниях — нет, не коммунистических банд, получивших спецподготовку в Москве, а защищающегося правительства, именуемого прогрессивной прессой не иначе как "кровавая хунта". Еще бы! Они на виду, их можно показать по телевизору, по их адресу можно посылать гневные протесты, ничем не рискуя. Другое дело — товарищи в Москве. С ними лучше не связываться.

Вопрос руководства Компартии Сальвадора

1. Удовлетворить просьбу руководства Компартии Сальвадора и поручить Министерству гражданской авиации обеспечить в сентябре-октябре с.г. транспортировку партии *стрелкового оружия и боеприпасов западного производства, весом 60-80 тонн* из г. Ханоя в г. Гавану для передачи через кубинских товарищей сальвадорским друзьям.

Расходы по доставке *оружия* из г. Ханоя в г. Гавану отнести за счет ассигнований по госбюджету СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам.

2. Утвердить тексты телеграмм совпослам на Кубе и во Вьетнаме (прилагаются).

(подпись: *А.Черняев*)

Результаты голосования: **(подписи секретарей ЦК)**
Кириленко
Русаков
Горбачев
Долгих
Зимянин
Капитонов

Срочно

ГАВАНА

СОВПОСОЛ

662. Передайте Генеральному секретарю ЦК Компартии Сальвадора т.Шафику Хандалю или за его отсутствием представителю руководства Компартии Сальвадора, что просьба о транспортировке *оружия западного производства* из Вьетнама на Кубу рассмотрена в инстанции и принято положительное решение. *Сообщите об этом также руководству кубинских друзей, скажите при этом, что принимая решение у нас исходили из того, что между товарищами Ф.Кастро и Ш.Хандалем существует договоренность по данному вопросу.*

Для Вашего сведения: доставка *оружия* будет осуществляться самолетами Аэрофлота. Окажите необходимое содействие в организации передачи в г. Гаване этого груза кубинским товарищам для сальвадорских друзей.

Об исполнении информируйте.

(подписи: *Черняев, Русаков*)

Я взял этот пример просто для иллюстрации, наугад из многих сотен, да еще потому, что уж слишком много визга и хрюканья подняла в свое время леволиберальная пресса вокруг событий в Сальвадоре. А все оттого, что — представьте себе, какая наглость! — правительство Сальвадора вздумало защищаться, в то время как ему полагалось сдаться перед исторически неизбежным наступлением прогрессивных сил и потом тихо умереть в сальвадорском ГУЛАГе. Больше же всего благородного негодования вызвал Рональд Рейган, решивший Сальвадору помочь, вместо того чтобы спокойно сидеть и ждать своей очереди. Боже мой, что тогда творилось! Какие истошные вопли раздавались о "нарушении прав человека" сальвадорской армией, как будто можно всерьез говорить о "правах человека" в разгар эпидемии чумы. Можно подумать, будто была на свете гражданская война (включая и американскую), в которой воюющие стороны вели себя согласно Декларации ООН о правах человека! Можно подумать, что кто-нибудь из этих левых крикунов негодовал по поводу большевистских зверств в Гражданской войне в России! Напротив, это всегда оправдывалось исторической необходимостью. Помнится, левая интеллигенция по этому поводу писала: "Рождение ребенка всегда сопряжено с муками, страданиями, кровью". Так-то, знайте, кого рожать: ежели ребеночек "прогрессивный", так и кровь оправдана.

Кстати, вот еще страна по соседству — Никарагуа, — по поводу которой ле-

волиберальная истерика была никак не меньшей. Чего только не предпринималось, чтобы обеспечить победу сандинистам и умертвить всякую оппозицию. Конгресс США придумывал самые невероятные трюки, стремясь связать руки президенту Рейгану, а по всему миру гремела кампания "солидарности" с маленькой беззащитной страной, ставшей "жертвой американской агрессии".

Помню, в 1985 году мы с группой друзей организовали петицию в поддержку политики Рейгана в Никарагуа, обращенную к американскому Конгрессу, где, в частности, говорилось, что сандинисты стремятся установить в стране тоталитарный коммунистический режим с помощью СССР, а потому западные демократии обязаны поддержать движение сопротивления никарагуанского народа этому режиму. Что тут началось! Каких только обвинений не услышали мы в свой адрес! Мы были объявлены, по меньшей мере, параноиками, которым мерещится коммунист под каждой кроватью. Но вот теперь читаю:

О подписании плана связей между КПСС и Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО) Никарагуа

Член национального руководства СФНО Генри Рус в беседе с временным поверенным в делах СССР в Никарагуа (ш/т-ма из Манагуа, спец. N47 от 26.2.1980 г.) предложил в ходе визита в СССР партийно-правительственной делегации Республики Никарагуа обсудить вопрос о связях СФНО и КПСС, которому никарагуанская сторона придает важное значение.

СФНО является правящей политической организацией. Руководство СФНО считает необходимым создать на базе фронта марксистско-ленинскую партию с целью борьбы за построение социализма в Никарагуа. По тактическим соображением с учетом реальной политической обстановки в стране и центрально-американском регионе Руководство СФНО в настоящее время не заявляет публично о своих конечных целях.

Считали бы возможным согласиться с предложением Руководства СФНО и предложить делегации во время пребывания в Москве подписать план связей между КПСС и СФНО на 1980-1981 годы.

Расходы, связанные с проведением мероприятий, предусмотренных планом двусторонних связей, можно было бы отнести за счет партбюджета. С тов. Тяжельниковым Е.М. вопрос согласован.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС
(К.Брутенц)

Зам. зав. Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС
(П.Смольский)

14 марта 1980 года

Революция в Никарагуа произошла 17 июля 1979 г., а 19 марта 1980 г. договор был подписан в Москве от ЦК КПСС Пономаревым и от СФНО тем же самым Генри Руисом. К декабрю газета СФНО "Баррикада" уже печаталась на советской бумаге, и ежегодно до 100 сандинистских активистов стали "спецобучаться" в Москве. К моменту нашей петиции эта "маленькая беззащитная страна" была уже просто советской марионеткой. Просто и ясно. А крику-то было!

Впрочем, почему я пишу об этом в прошедшем времени? Ведь все эти крику-

ны продолжают здравствовать и, более того, "формировать" общественное мнение. Никто из них и не подумал ни раскаяться, ни хотя бы извиниться. По сей день продолжается в США расследование финансирования никарагуанских "контрас" вопреки воле Конгресса. Как раз, когда я пишу эти строки, специальная комиссия ООН с орвелловским названием "Комиссия правды" закончила расследование сальвадорских событий и *осудила правительство Сальвадора за нарушения прав человека.* Целый ряд офицеров рекомендовано отправить в отставку, и, конечно же, ни звука не сказано о "командирах партизанских отрядов" или "диверсионных подразделений". Разумеется, нет ни слова о советской агрессии, о спецобучении в Москве коммунистических головорезов, о поставках оружия "западного производства" — все это *задолго до того, как президентом США стал Рональд Рейган,* — но зато суровой критике подвергнута его администрация. И, слушая сообщение об этом высоком решении, я не мог понять: так кончилась "холодная война" или нет? А если кончилась, то — чьей победой?

* * *

И это только один пример, одна маленькая, затерявшаяся в джунглях и никому в сущности не нужная страна. Но ведь таких примеров *сотни.* На моем столе лежат тысячи "постановлений" и "решений", касающихся десятков стран мира, вся кровавая история нашего века. Лишь изредка, по прихоти судьбы, предполагавшаяся трагедия оборачивалась фарсом, но и это лишь подчеркивало криминальную суть коммунистического бизнеса.

Об оказании спецпомощи Итальянской компартии

1. Удовлетворить просьбу Руководства Итальянской компартии и принять в СССР для прохождения курса спецподготовки *19* итальянских коммунистов, в том числе *6* человек для обучения радиосвязи, работе на радиостанциях *БР-3У* и шифроделу (сроком до трех месяцев), *2* инструкторов по подготовке радиотелеграфистов и шифровальщиков (сроком до трех месяцев), *9* человек по вопросам парттехники (сроком до двух месяцев) и *2* человек по вопросам техники изменения *внешности* (сроком до двух недель), а также принять *1* специалиста для консультаций по организации специальных видов внутреннего вещания (сроком до одной недели).

2. Прием и обслуживание обучающихся возложить на Международный отдел и Управление делами ЦК КПСС, подготовку по вопросам радиосвязи и шифродела, подбор переводчиков по всем видам спецподготовки — на Комитет госбезопасности при Совмине СССР, а обучение парттехнике и средствам изменения *внешности* — на Международный отдел ЦК КПСС и Комитет госбезопасности при Совмине СССР. Расходы, связанные с пребыванием в СССР и проездом из Италии в Москву и обратно, отнести за счет сметы по приему зарубежных партработников.

3. Поручить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР разработать программы связи и шифродокументы для односторонних радиопередач циркулярных шифротелеграмм *13-16* региональным центрам ИКП, а также шифродокументов для перешифровки в сети двухсторонней радиосвязи.

4. Удовлетворить просьбу Руководства ИКП и изготовить *500* чистых и *50* именных (для руководящих работников ИКП) бланков итальянских заграничных и внутренних документов, *50* резервных комплектов тех же документов швейцарского и французского образца, а также парики и средства изменения *внешности*. Изготовление бланков и средств изменения *внешности* поручить Международному отделу ЦК КПСС и Комитету госбезопасности при Совмине СССР.

5. Утвердить текст телеграммы резиденту КГБ в Италии.

Говорят, дело было так: в 1974 году итальянские коммунисты столько кричали о возможном "правом" заговоре, что сами в него, наконец, поверили. А поверив — испугались и стали слезно умолять Москву подготовить их к подпольной работе. Можно лишь догадываться, как веселились товарищи в Кремле, воображая себе 50 итальянских товарищей, тайком пересекающих Францию в париках и фальшивых бородах, словно опереточные злодеи, да еще с французскими паспортами, изготовленными в КГБ!

Но этот эпизод — всего лишь веселое исключение из мрачного правила. Обычно в таких документах ничего забавного нет. Напротив, за их сухим казенным языком угадываются картины разрушения и смерти, столь нам знакомые по телевизионным новостям последних тридцати лет. Почти каждая из этих трагедий начиналась с постановления ЦК, аккуратно отпечатанного и должным образом принятого голосованием "вкруговую", с неизменным призывом в правом верхнем углу: ***Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*** Даже я был поражен размахом этой кровавой деятельности, охватывавшей пять континентов. Такое не снилось и Гитлеру. Пожар, начатый ими, унес миллионы жизней и в Эфиопии, и во Вьетнаме, и в Центральной Америке; он будет еще долго полыхать и в Анголе, и в Судане, и в Сомали, и в Южной Африке, даже когда последний коммунистический режим исчезнет с лица земли.

Вот еще один регион мира, где настолько привыкли к крови и насилию, что уже и не вспоминают, с чего это началось, — Ближний и Средний Восток. Лишь совсем недавно, в связи с войной в Персидском заливе, заговорили вслух о той роли, которую десятилетиями играл там Советский Союз, поддерживая режим Саддама Хусейна. Но ведь это только один эпизод в долгосрочной политике, и притом не самый возмутительный.

Ливан, например, был практически уничтожен как государство отнюдь не без советской помощи. "Спецобслуживание" ливанских "друзей" началось с конца 60-х и продолжалось в грандиозных масштабах вплоть до наших дней. Поставка оружия, осуществлявшаяся обычно через Сирию, началась по крайней мере в 1970 г. и к 1975-му достигла гигантских пропорций, когда за один завоз было доставлено 600 автоматов Калашникова, 50 пулеметов, 30 РПГ-7, 3000 ручных гранат, 2000 мин и две тонны взрывчатки. К середине 80-х Советский Союз тренировал в среднем до 200 ливанских головорезов в год, из коих 170 были активистами ливанской компартии и 30 — активистами Прогрессивной социалистической партии.

Или возьмем пример Кипра, где аналогичные "спецуслуги" оказывались "Прогрессивной партии трудового народа" по крайней мере с 1971 года, а поставка оружия началась как раз перед началом гражданской войны, в июле 74-го.

Или, наконец, палестинский терроризм, связь с которым столь яростно отрицали и советские вожди, и их западные апологеты. Вот несколько красноречивых документов:

Товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И.

Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с *членом Политбюро* Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), *руководителем отдела внешних операций НФОП Вадиа Хаддадом.*

На встрече с резидентом КГБ в *Ливане*, состоявшейся в апреле с.г., *Вадиа Хаддад* в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП, которая в основном сводится к следующему.

Основной целью специальных акций НФОП является повышение эффективности борьбы палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма. Исходя из этого, главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются:

– продолжение особыми средствами "нефтяной войны" арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль,

– осуществление акций против американского и израильского персонала в третьих странах с целью получения достоверной информации о планах и намерениях США и Израиля,

– проведение диверсионно-террористической деятельности на территории Израиля,

– организация диверсионных акций против алмазного треста, основные капиталы которого принадлежат израильским, английским, бельгийским и западногерманским кампаниям.

В соответствии с этим в настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного треста в Тель-Авиве и др.

***В.Хаддад* обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций.**

Сотрудничая с нами и обращаясь за помощью, *В.Хаддад* четко представляет себе наше отрицательное отношение в принципе к террору и не ставит перед нами вопросов, связанных с этим направлением деятельности НФОП.

Характер отношений с *В.Хаддадом* позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность *отдела внешних операций* НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе *Вадиа Хаддада* об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах. Что

касается конкретных вопросов предоставления помощи, то имеется в виду, что они будут решаться в каждом случае отдельно с учетом интересов Советского Союза и предупреждения возможности нанесения ущерба безопасности нашей страны.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ

Наверху первой страницы рукой Брежнева наискосок написано:

Доложить

Т.Т.Суслову М.А. Подгорному Н.В. Косыгину А.Н.

Гречко А.А. Громыко А.А. (круговую)

И подписи этих "Т.Т.", начиная с Брежнева, стоят на полях слева. А в конце последней страницы от руки приписано:

О согласии сообщено КГБ СССР (т. Лаптеву И.П.) 26.IV.74.

Очевидно, интересам Советского Союза это не противоречило, потому что роман с Хаддадом продолжался. В сентябре того же года он даже тайно приезжал в Москву с санкции политбюро, которое и благословило дальнейшее сотрудничество. Андропов отчитывается в записке Брежневу:

В соответствии с решением ЦК КПСС Комитетом государственной безопасности 14 мая 1975 года передана доверенному лицу разведки КГБ *В.ХАДДАДУ*, руководителю службы внешних операций Народного Фронта Освобождения *Палестины*, партия иностранного оружия и боеприпасов к нему (автоматов — 53, пистолетов — 50, в том числе 10 — с приборами для бесшумной стрельбы, патронов — 34.000).

Нелегальная передача оружия осуществлена в нейтральных водах *Аденского залива* в ночное время, бесконтактным способом, при строгом соблюдении конспирации с использованием разведывательного корабля ВМФ СССР.

Из иностранцев только *ХАДДАДУ* известно, что указанное оружие передано нами.

Разумеется, политбюро имело дело не только с НФОП, но и с другими террористическими организациями, в том числе и с ООП, которой, по просьбе Арафата, даже доставляло в Тунис в 1983 г. "специмущество". Очевидно, не брезговали и скупкой краденых ценностей, вернее обменом их на оружие:

Вопрос Министерства обороны
и Комитета государственной безопасности СССР

1. Согласиться с предложениями Министерства обороны и Комитета государственной безопасности СССР, изложенными в записке от 26 ноября 1984 г.

2. Поручить КГБ СССР:

а) информировать руководство Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) о принципиальном согласии советской стороны поставить ДФОП специмущество на сумму в 15 миллионов рублей в обмен на коллекцию памятников искусства Древнего Мира,

б) принимать от ДФОП заявки на поставку специмущества в пределах названной суммы,

в) совместно с Минкультуры СССР осуществить мероприятия, касающиеся юридической стороны приобретения коллекции.

3. Поручить ГКЭС и Минобороны рассматривать заявки Демократического

фронта освобождения Палестины на специмущество на сумму в 15 миллионов рублей (в объеме номенклатуры, разрешенной для поставок национально-освободительным движениям), переданные через КГБ СССР, и предложения по их удовлетворению, согласованные с КГБ СССР, вносить в установленном порядке.

4. Поручить Минкультуры СССР:

а) принять от КГБ СССР по особому перечню коллекцию памятников искусства Древнего Мира,

б) определить по согласованию с КГБ СССР место и условия специального хранения коллекции ("золотая кладовая"), ее закрытой научной обработки и экспонирования в будущем. Совместно с Минфином СССР внести в установленном порядке предложения относительно необходимых для этого ассигнований,

в) решать вопросы экспонирования отдельных предметов и разделов коллекции по согласованию с КГБ СССР.

Недавно, будучи в Москве, я попытался разыскать следы этой коллекции. Оказалось, большая ее часть хранится в Оружейной Палате, в сейфе, в запечатанном виде. Никто так и не вскрывал ее, и сейчас не решаются, хотя уже нет ни политбюро, ни КГБ. И по сей день неизвестно, что же в ней содержится, где ее украли? И хотелось бы узнать: сколько людей убиты "специмуществом", за нее заплаченным?

6. Болельщики и попутчики

Вряд ли, однако, мы когда-нибудь узнаем все это. У нынешних сильных мира сего нет интереса докапываться до правды. Кто ж его знает, что можешь откопать? Начнешь с коммунистов, а кончишь самим собой. В самом деле, как говорят англичане, если живешь в стеклянном доме, то не стоит бросаться камнями. Эту пословицу здесь хорошо помнят. Да, конечно, коммунисты получали подачки Москвы, и это нехорошо. Но разве они одни? Вот передо мной постановление секретариата ЦК КПСС "Об удовлетворении просьбы американского общественного деятеля и финансиста Сайруса Итона о передаче ему в дар от имени советского правительства новой тройки лошадей". И ведь человек был не бедный, мог бы и купить тройку — чай, не разорился бы. Но зато почет какой: само советское правительство уважило! Вот и выпросил подарок для поднятия своего престижа. Дело, заметьте, было в сентябре 1968 года: аккурат под "триумф" советского вторжения в Чехословакию он эту тройку получил и важно катался по Америке, пока советские танки катались по Праге. У вас еще есть вопросы к коммунистам по поводу подачек?

Да, безусловно, коммунисты были агентами зла, за деньги распространявшими советскую ложь в свободном мире. Но разве только они? Вот передо мной целая куча документов о том, как тем же занимались ведущие телекомпании мира, притом еще и платили за это СССР в твердой валюте!

В Агентство печати Новости обратились представители американской телевизионной компании "Эй-Би-Си" с просьбой о создании совместного телерепортажа о жизни семьи рабочего завода "Ростсельмаш" г. Ростов-на-Дону. В фильме должны быть показаны различные аспекты жизни рабочей семьи, а

также через эту семью показаиы достижения советской власти за прошедшие 50 лет.

Перед демонстрацией этого телерепортажа он будет просмотрен и утвержден Агентством печати Новости. Комитет по радиовещанию и телевидению (т.Месяцев) возражений против съемок не имеет.

Считаем целесообразным принять предложение компании.

Просим согласия.

23 августа 1966 г.

Заведующий корреспондентским пунктом АПН в США тов. Боровик Г.А. провел предварительный зондаж о возможности передачи по сети одной из крупнейших американских телекомпаний программы по Вьетнаму, созданной на основе советских документальных киноматериалов с комментариями тов. Боровика Г.А. Программа будет оплачена телекомпанией в размере от 9 до 27 тыс. долларов.

Отдел США МИДа СССР (тов. Корниенко Г.М.) предложение тов. Боровика поддерживает и считает необходимым, чтобы комментарии к программе были согласованы с МИДом СССР.

Согласие "Совэкспортфильма" (тов. Махов А.Б.) о включении в программу советских документальных киноматериалов по Вьетнаму имеется.

Правление АПН считает целесообразным:

1. Принять предложение тов. Боровика Г.А. о подготовке телепрограммы по Вьетнаму для американского телевидения, имея в виду, что комментарии к программе будут согласованы с МИДом СССР.

2. Разрешить тов. Боровику Г.А. провести переговоры с американскими телекомпаниями о передаче программы по Вьетнаму на выгодных для нас пропагандистских и экономических условиях.

Просим согласия.

4 марта 1967 г.

Представьте: американские солдаты воюют во Вьетнаме с советскими "друзьями", а ведущая телекомпания покупает советский пропагандистский фильм об этой стране. И так из года в год — да и не только США. И Япония, и Финляндия, и Англия, и Франция. Темы разнообразны, как и суммы в твердой валюте, не меняется только основное условие: "принять к сведению, что по условиям соглашения фильм может быть показан по американскому *(английскому, японскому и т.д.)* телевидению только после одобрения его АПН". Этих материалов столько, что я в конце концов перестал их выписывать. Вот только беглое перечисление того, что я не поленился выписать:

6 января 1969. О проведении АПН переговоров с "Нью-Йорк таймс" о подготовке в 1969—1970 гг. совместных материалов об СССР.

30 июля 1970. О совместной телепередаче АПН и американского продюсера Дж. Флиминга "По стране Советов".

20 мая 1971. Совместная телепрограмма АПН и "Гранады" (Англия) "Советская женщина".

26 мая 1971. Совместная телепрограмма АПН и Би-Би-Си "Культура и искусство Грузии".

28 декабря 1971. О переговорах ТАСС с агентством Рейтер.

22 августа 1972. О совместных съемках АПН и "Гранадой" телефильма "Система образования в СССР".

13 марта 1973. О совместных съемках АПН и Би-Би-Си фильма о Новгороде.

28 июня 1973. О совместном производстве АПН и Би-Би-Си фильма "Киев: город, события, люди".

10 июля 1973. О совместном производстве АПН и "Темза-телевижен" четырех серий о роли СССР во Второй Мировой войне.

24 октября 1973. О совместных съемках АПН и Би-Би-Си документального фильма о Шостаковиче.

27 мая 1974. О съемках Би-Би-Си телепрограммы по вопросам европейской безопасности под контролем Государственного комитета радио и телевидения.

18 июня 1974. О совместных съемках АПН и Би-Би-Си телефильма "Озеро Байкал".

14 февраля 1975. Об оказании производственно-творческих услуг английской телекомпании Би-Би-Си в съемках художественного фильма о советском режиссере Александрове.

9 апреля 1976. О подготовке АПН совместно с компанией "Уикенд телевижен" телевизионной программы "Советский Союз после XXV съезда КПСС".

26 мая 1976. О съемках АПН совместно с кампанией "Йоркшир телевижен" телефильма "Советская семья".

10 июля 1979. Об оказании производственно-творческих услуг американской телевизионной компании "Пи-Ти-Ви Продакшн Инк." в съемках многосерийного документального фильма о музеях, архитектурных и исторических памятниках СССР.

3 апреля 1980. Об оказании производственно-творческих услуг американской компании "Форин трансэкшнз корпорейшн" в создании серии документальных фильмов, посвященных культурной программе Олимпийских Игр 1980 года в Москве.

1 июля 1980. Об оказании производственно-творческих услуг английской телекомпании "Гранада" в съемках документального телевизионного фильма об истории советского кинематографа. (Вы скажете: "Ну и что? Это вполне невинная тема". И ошибетесь. Вот что считало советское посольство: "...создание серии фильмов об истории советского кино может иметь положительный пропагандистский эффект, особенно с учетом нынешней обстановки в Англии".)

Печально, но факт: даже западные телекомпании, так кичащиеся своей независимостью, систематически производили свою продукцию под идейным контролем ЦК КПСС да еще платили за это. То есть служили каналом советской пропаганды. И мы ждем, что они осудят теперь коммунистов, делавших то же самое по долгу партийной принадлежности?

Безусловно, деятельность коммунистов подрывала безопасность Запада, угрожала его существованию. Но и в этой опасной игре не они одни подыгрывали Москве. Вспомним хотя бы массовое "движение за мир" и даже за одностороннее ядерное разоружение. Ведь это безумство охватило тогда миллионы людей, включая значительную часть интеллигенции. Разве кто-нибудь из них захочет теперь раскапывать в архиве неоспоримые подтверждения своей глупости? Я даже книжку написал тогда о том, как Москва цинично манипулирует этим движением, став-

шим практически инструментом советской внешней политики. Смешно теперь вспоминать, как набросилась на меня за эту книжку либеральная интеллигенция. Но вот они, документы, подтверждающие каждое слово моей книжки, да только никто их не хочет печатать.

Есть и такие, кого даже я не ожидал увидеть. Например, документы о создании и работе так называемой "комиссии Пальме". Созданная по инициативе тогдашнего премьер-министра Швеции Улафа Пальме, комиссия эта быстро сделалась самым авторитетным форумом Запада по проблемам разоружения и безопасности. Этому не в последнюю очередь способствовала ее репутация независимой от "блоков", "объективной" внегосударственной структуры, а также высокий уровень ее участников. Кроме самого Пальме, в нее входили такие видные политики различной партийной принадлежности, как бывший госсекретарь США Сайрус Вэнс, бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Оуэн, федеральный секретарь Социал-демократической партии Германии Эгон Бар, бывший глава правительства Нигерии генерал О.Обасанджо, бывший премьер-министр Нидерландов Й. ден Ойл и т.п. Словом, политический Олимп того времени, с мнением которого приходилось считаться всем правительствам Запада. И что же? Этот Олимп тоже оказался советским инструментом:

...**для продвижения во влиятельных политических кругах несоциалистической части мира советских предложений, направленных на прекращение гонки вооружений, и для разоблачения милитаристского курса правящих кругов США и НАТО.**

Уж настолько успешный инструмент, что, кажется, даже перестарались — комиссию стали обвинять в предвзятости:

Многие предложения и рекомендации, уже одобренные и принятые комиссией для включения в заключительный документ, в прямой или косвенной форме отражают советскую позицию по стержневым вопросам разоружения и безопасности, — докладывал в ЦК советский "делегат" комиссии Георгий Арбатов. — **Вместе с тем, в целом соглашаясь с советской точкой зрения по многим вопросам, такие участники комиссии, как С.Вэнс, Д.Оуэн, Э.Бар и некоторые другие, стремились избегать формулировок, которые бы буквально повторяли советские, в частных беседах поясняли, что вынуждены остерегаться обвинений, что они следуют "политике Москвы" (в этой связи указывалось на то, что на Западе, и особенно в США, опубликован ряд статей, в которых против "Комиссии Пальме" выдвинуто именно такое "обвинение").**

Ей-Богу, при всей своей "паранойе" даже я никак не ожидал такого цинизма, особенно от д-ра Оуэна. Да ведь и не только он, но и многие другие выдающиеся люди, к которым я испытывал уважение, оказались небезупречны. Даже мне хотелось бы "пощадить" их, как-нибудь обойти их имена молчанием. Но разве я имею на это право? Вот, скажем, адресованный в ЦК документ, который сильно меня расстроил:

В период пребывания делегации Госкино СССР на 32-м Международном кинофестивале в г. Канн (Франция) в мае с.г. состоялась встреча с видным американским продюсером и кинорежиссером Фрэнсисом Фордом Копполой.

Ф.Коппола сообщил председателю Госкино СССР о том, что он имел беседу с президентом США Дж. Картером, который высказал заинтересованность в

создании совместного советско-американского фильма, посвященного проблемам разоружения. По словам Ф.Копполы, президент связывал этот проект с предстоящей встречей на высшем уровне в Вене, подписанием и ратификацией договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). По мнению американской стороны, такой фильм мог бы способствовать развитию взаимного доверия между советским и американским народами, формированию благоприятного отношения мировой общественности к договору, а также дальнейшему расширению советско-американского сотрудничества в области культуры.

От имени своей фирмы "Зоотроп филм" Ф.Коппола изъявил готовность принять на себя финансовое и организационное обеспечение проекта с американской стороны. Учитывая, что Ф.Коппола принадлежит к числу наиболее влиятельных американских кинематографистов в среде как промышленников, так и творческих работников, его участие может служить известной гарантией высокого художественного уровня и широты распространения картины в дальнейшем.

В случае положительного решения этого вопроса советская сторона сохранит за собой право контроля за идейно-художественным решением фильма на всех этапах его создания. К написанию сценария и съемкам фильма могут быть привлечены крупнейшие советские и американские кинематографисты. На этих условиях представляется целесообразным осуществление советско-американской постановки указанного фильма.

В целях ее практической реализации на данном этапе необходимо провести переговоры и подписать предварительное соглашение с Ф.Копполой, что можно осуществить в период его пребывания на 9-м Международном кинофестивале в Москве в августе с.г.

Прошу рассмотреть.

Председатель Госкино СССР Ф.Т.Ермаш.

Я не выяснял, сделал ли Ф.Коппола этот фильм, но искренне надеюсь, что не сделал, что какое-нибудь обстоятельство этому помешало. Горько представлять себе этого замечательного режиссера создающим фильм о разоружении под "идейно-художественным" контролем кремлевских "крестных отцов". Но остается бесспорным: ни пресса, ни бизнес, ни общественные деятели, ни деятели культуры западного мира не уберегли свою невинность. И, хотя коммунизм рухнул, они-то остались столпами общества, его истеблишментом. Это они кричат теперь громче всех о том, что "холодная война" кончилась, но никак не хотят назвать проигравших. Как раз когда я пишу эти строчки, Би-Би-Си передает серию программ о "холодной войне", а я слушаю и поражаюсь их цинизму: все те же имена, те же клише об "антикоммунистической паранойе", о "маккартизме", о бедной интеллигенции (западной, конечно), столь пострадавшей от преследований... Ни тени раскаяния, ни малейшей попытки переосмыслить свое прошлое, ни крупицы честности. И невольно вспоминаются строчки Галича:

А над гробом встали мародеры
И несут почетный караул.

При всем своем цинизме удивительно наивен тот, кто полагает, что можно

перешагнуть через горы трупов и реки крови да и пойти себе дальше, не оглядываясь, как ни в чем не бывало.

7. Так кто же победил?

Так завершается эта война, из всех войн в нашей истории, наверное, самая странная. Она началась без деклараций, а кончилась без фейерверка. Мы даже не знаем точных дат ее начала и конца и, хотя она, возможно, унесла больше жизней, чем Вторая Мировая, не хотим подсчитывать, сколько. Ей не воздвигнут монументов, не зажгут вечного огня на могиле ее неизвестного солдата. Хотя в ней решалась судьба всего человечества, ее солдат не провожали с оркестром и не встречали с цветами. Видимо, это была самая непопулярная война из всех, что мы знаем. По крайней мере, с той стороны, которая вроде бы победила. Но нет ликования даже по поводу ее конца. Побежденные не подписывали капитуляцию, победители не получали наград. Напротив, именно те, кто вроде бы проиграл, диктуют теперь условия мира, именно они пишут историю, а те, кто вроде бы победил, смущенно молчат. Да и знаем ли мы, кто победитель и кто побежденный?

Любое, даже не слишком значительное происшествие в нашей жизни непременно расследует какая-нибудь комиссия. Тем более если погибли люди. Разбился ли самолет, произошло ли крушение поезда или авария на предприятии — и вот уже спорят эксперты, проводятся анализы, выясняется степень виновности конструкторов, строителей, обслуживающего персонала, контролеров и инспекторов, а то и правительства, если оно имело к этому хоть малейшее отношение. И непременно расследуется всякий вооруженный конфликт между государствами. Но конфликт, продолжавшийся самое меньшее 45 лет (а возможно, и все 75), затронувший практически все страны мира, стоивший десятки миллионов жизней и сотни миллиардов долларов, да к тому же, как утверждалось, чуть не приведший к гибели земного шара, не расследуется ни одним государством, ни одной межгосударственной организацией.

Любое, даже мелкое преступление подлежит в нашем мире расследованию, суду и наказанию. Военные преступления исключения не составляют. Я уж не говорю о трибунале в Нюрнберге и о всех последовавших за ним судах, вплоть до наших дней обязанных рассматривать преступления пятидесятилетней давности. Но вот пример более свежий: война в Боснии еще и не кончилась, а уже создан международный суд для расследования преступлений, совершенных в этой войне. И опять исключение составляет лишь наша страшная война, которая — не поймешь, то ли кончилась, то ли нет еще, то ли мы победили, то ли проиграли?

Между тем, во многих случаях нет даже нужды создавать специальный суд: скажем, расстрел польских пленных офицеров в Катыни был уже в Нюрнберге признан преступлением против человечества. Но тот, кто подписал приказ о расстреле, — бывший начальник одного из управлений НКВД Петр Сопруненко — преспокойно доживает свой век в Москве, получая хорошую пенсию. Об этом все прекрасно знают, москвичи охотно покажут вам дом на Садовом кольце и окна квартиры, где он живет. Жив и следователь МГБ Даниил Копелянский, допрашивавший Рауля Валленберга, и организатор убийства Троцкого генерал Павел Судо-

платов, но ни Польша, ни Швеция, ни Мексика не требуют выдачи этих преступников. Более свежий пример — бывший генерал КГБ Олег Калугин, который, по его собственному признанию, организовал в Лондоне убийство болгарского политэмигранта Георгия Маркова в 1978 году, знаменитое убийство отравленным зонтиком. В апреле 1993 г. Калугин даже написал об этом в массовой английской газете "Мейл он санди" в статье под броским заголовком "Я организовал казнь Маркова". Сообщает увлекательные подробности: оказывается, благодарные болгарские братья подарили ему в награду охотничье ружье. Он часто теперь ездит за границу, рекламирует свою книгу, дает интервью прессе, но никому и в голову не приходит его арестовать или допросить, хотя дело об убийстве Маркова еще не закрыто. (В 1994 году генерал Калугин приехал в Англию, был задержан в лондонском аэропорту Хитроу, допрошен и на следующий день отпущен.)

Да ведь и тысячи "спецподготовленных" КГБ головорезов тоже никуда не делись, живут по соседству с нами, так же, как и нелегально получавшие деньги, как и "коммерческие" друзья, как и миллионы сочувствовавших и соучаствовавших, оправдывавших и покрывавших, миллионы создавших интеллектуальную моду, благодаря которой все животные равны, но коммунисты равнее. Их тоже не трудно отыскать, было бы желание. Во всяком случае, гораздо легче, чем разыскивать бывших нацистов в Парагвае. Но этого никто не станет делать по очень простой причине: *чтобы устраивать международный трибунал типа Нюрнбергского, надо сначала победить.* Рудольф Гесс умер в тюрьме Шпандау, а, скажем, Борис Пономарев живет на пенсии в Москве, потому что национал-социализм был побежден, а интернационал-социализм — не был.

С нацизмом было проще. Он откровеннее полагался на грубую силу и меньше маскировался гуманизмом. Он просто вынудил соседей сопротивляться, и те, хоть вначале и неохотно, но все же приняли вызов. Однако представим себе, что "странная война", начавшаяся в 1939 году, затянулась бы лет на сорок-пятьдесят без дальнейшего развития военных действий. Жизнь шла бы своим чередом, несмотря на некоторый холод отношений с Германией. Со временем режим бы "помягчал": некого было бы сажать в концлагеря и жечь в крематориях. Появились бы свои "реформаторы" (особенно после смерти Гитлера), свои сторонники "мирного сосуществования" (особенно после создания Германией ядерного оружия). Наладилась бы торговля, общие интересы. Словом, нацистский режим стал бы вполне респектабельным, ни чуточки не изменив своей сути, оброс бы связями и доброжелателями, попутчиками и апологетами. А лет эдак через пятьдесят рухнул бы, истощив свою экономику и терпение своего народа. Ручаюсь, что при таком развитии сюжета мир никогда не увидел бы Нюрнбергского процесса.

Произошло иначе. Найдя в себе мужество противостоять злу, человечество нашло в себе достаточно честности, чтобы потом заглянуть себе в душу и, сколь бы болезненным ни был этот процесс, осудить любые проявления коллаборантства. Конечно, им было легче: они победили, им было чем гордиться, у них было моральное право судить капитулировавших. Нюрнбергский процесс не бесспорен, его есть за что критиковать, но он сделал великое дело: восстановил абсолютные нравственные нормы поведения человека, напомнив растерявшемуся миру основной принцип нашей христианской цивилизации — о том, что нам дана свобода выбора и что, следовательно, мы лично ответственны за этот выбор. В эпоху

массового безумия и тотального террора он подтвердил простую истину, известную с библейских времен и утерянную в кровавом месиве XX века: ни мнение окружающего большинства, ни приказ начальства, ни даже угроза собственной жизни не снимает с нас этой ответственности.

Происходящее сегодня — прямая противоположность Нюрнбергу. Сегодняшнему миру нечем гордиться: он не нашел в себе ни мужества противостоять злу, ни честности, чтобы в этом признаться. Наше несчастье в том и состоит, что мы не победили: коммунизм рухнул сам, вопреки всеобщим усилиям его спасти. Это, если хотите, самый большой секрет документов ЦК, лежащих передо мной. Стоит ли удивляться, что их не хотят публиковать?

Удивляться ли, что, расследуя любую аварию, мы отказываемся расследовать величайшую катастрофу нашего столетия? Да ведь в глубине души мы уже знаем выводы, к которым такое расследование неизбежно придет, ибо любой психически здоровый человек знает, когда он вступил со злом в сговор. Даже если услужливый разум подскажет безупречно-логичные и внешне благородные оправдания, голос совести будет твердить свое: *наше грехопадение началось тогда, когда мы согласились "мирно сосуществовать" со злом.*

Это проявилось и до Нюрнберга, когда Сталин оказался великим защитником демократии, и в Нюрнберге, где Советский Союз оказался в числе обвинителей, а не в числе обвиняемых, и в конце 50-х — начале 60-х при Хрущеве, когда термин "мирное сосуществование" вошел в политический словарь. И каждый раз расплачивались кровью невинных, как и полагается при сделке с дьяволом: кровью выданных Сталину казаков, кровью преданных в Ялте народов Восточной Европы, кровью венгров, кубинцев, конголезцев...

Но окончательно мир со злом был установлен уже в наше время, при Брежневе. Не надо теперь разыгрывать невинность и оправдываться нашим незнанием того, как со злом бороться: всё мы отлично знали. Там, где мы отказались "добрососедствовать" со злом, где зло было отвергнуто как неприемлемое, мы отлично знали, что делать. И если таким злом был, например, объявлен расизм, то никому и в голову не приходило бороться с ним путем расширения торговли или культурного обмена с Южной Африкой. Напротив, бойкот считался единственным адекватным решением, и проводился он настолько свирепо, что ни один спортсмен не мог поехать в Южную Африку на соревнования, не загубив этим свою карьеру. В Москве же считалось вполне допустимым даже Олимпийские Игры провести, и притом в разгар массовых арестов и агрессии в Афганистане. Хотел бы я посмотреть на того, кто решился бы предложить провести Олимпийские Игры в Йоханнесбурге или Претории! Что бы от него осталось? И уж коли расизм был объявлен злом, ни одна газета не печатала статей сторонников апартеида, невзирая на все декларации о свободе слова и печати. Расистски настроенные группки вполне откровенно преследовались полицией, а человек, подозревавшийся в симпатии к расизму, никогда и ни в какой области не мог сделать карьеру. И никому, заметьте, не пришло в голову говорить об "охоте на ведьм". Расизм был окружен санитарным кордоном нетерпимости и оттого не распространялся, не становился обыденным явлением.

Коммунизм же был сделан респектабельным, приемлемым. С ним нельзя было бороться, это считалось неприличным, — с ним рекомендовалось "расширять

контакты". Он и расцвел пышным цветом, и захватил полмира. Разве это не очевидно? Разве был на земле человек, который бы этого не понимал?

Разве не знали политики, что, поощряя расширение торговых отношений с советским блоком, они плодят хаммеров, максвеллов и боболасов? Разве, торжественно принимая делегации советских деятелей и "депутатов", они не понимали, что принимают не государственных мужей и парламентариев, а головорезов и их марионеток? Разве, подписывая договоры о "культурных обменах", "научном сотрудничестве", "человеческих контактах", не понимали, что укрепляют этим власть КГБ над обществом, так как именно КГБ будет отбирать "достойных кандидатов" для этих контактов?

Все и всё понимали, знали, догадывались, но не хотели даже говорить об этом, *ибо стремились не бороться с коммунизмом, а выжить.* Выжить любой ценой, пожертвовав совестью и здравым смыслом, невинными людьми и целыми странами. В конечном итоге — своим будущим, ибо логика выживания зиждется на принципе лагерника: *ты умри сегодня, а я — завтра.*

Нашему миру безмерно повезло: это завтра не наступило. Чудовище сдохло, не доползши до его горла. Теперь, когда коммунизм наконец рухнул, когда упал железный занавес и открыл взорам картину убожества и разрухи, когда преступлений коммунизма не замолчать, столь же убогим и никчемным выглядит это "сосуществование". И столь же преступным, ибо развеялся миф, исчез страх и стало очевидно, что оно было всего лишь моральной капитуляцией перед злом, формой соучастия в преступлении.

Что сказать теперь в свое оправдание? Как ответить будущим поколением на их недоуменные вопросы? Что нам, дескать, было надо выжить? Так ведь и немцам надо было выжить после Первой Мировой войны, вот они и пошли за Гитлером. За что же их судили в Нюрнберге? Они пожертвовали евреями, цыганами, славянами так же, как мы — десятками других народов, *чтобы выжить самим.*

И так же, как немцы в 45-м году, мы не хотим заглянуть себе в душу, не хотим "копаться в прошлом", не хотим скандалов. Как и они, мы закрываем глаза и твердим, что "ничего не знали", "не интересовались политикой", а если бы и знали, то: "Что мы могли сделать?"

Да разве только немцы? До сих пор помню, в каком смущении пребывало поколение наших родителей лет тридцать пять назад, когда впервые вскрылись так называемые "преступления культа личности". Ну, конечно же, они ничего об этом не знали. А если и знали чуть-чуть, так верили, что это все необходимо для блага человечества. И только прижатые к стенке неопровержимыми фактами (разве можно не заметить убийства 60 миллионов?) — в качестве последнего самооправдания признавали, что дело все-таки было не в вере, а в страхе. И так вот, в вечном страхе, маршировали они под красными флагами на парадах, со страху пели революционные песни, в страхе поднимали руки на митингах, голосуя в поддержку политики партии, в страхе получали награды и повышения за хорошую работу. Как те три вечно счастливые мартышки, которые ничего не видят, ничего не слышат и ничего не говорят, они "верили" в коммунизм, потому что "не знали", и "не знали", потому что боялись открыть глаза. Ведь надо же как-то жить, выжить...

...И еще я помню фильм, который посмотрел подростком в послесталинской Москве и в котором каждый кадр, каждая фраза были для нас как глоток воздуха. Фильм о старом мудром судье, приехавшем из американской глубинки в разрушенную войной Германию и пытавшемся разобраться, как же могли вроде бы нормальные, честные, работящие люди с древней культурой дойти до безобразий Освенцима. Я помню заключительные сцены, как если бы видел их вчера, и слова его приговора:

— Настоящий истец перед этим судом — цивилизация. Но суд утверждает, что люди на скамье подсудимых ответственны за свои поступки. Принцип уголовного права в любом цивилизованном обществе одинаков: каждый человек, поставляющий смертоносное орудие преступления, — виновен!

Тогда, как и теперь, эти простые слова было сказать не просто. И политические интересы, и опять же необходимость выжить, и моральная слепота человека, не дающая ему увидеть долю своей вины в преступлении против человечества. Он, конкретный маленький человек, что он мог сделать? Он поступался совестью так же, как все, но он же не мог знать, что это кончится горами трупов и реками крови!

Да и к чему стараться?

— Держу пари, через пять лет осужденных вами освободят, — язвил умный адвокат.

— Что ж, — сказал мудрый судья, — то, о чем вы говорите, вполне может случиться. Это логично, если принять во внимание, в какие времена мы живем. Но тот факт, что это логично, не означает, что это правильно. И ничего нет на всем Божьем свете, что могло бы сделать такой ход событий правильным.

Прошло более 35 лет, но этот фильм сохранился в моей памяти, несмотря на долгие годы неволи и изгнания, жестокости и горьких разочарований. Иногда мне кажется, что иначе я не выдержал бы, ибо логика была всегда против нас. Но я помнил: *ничего нет на всем Божьем свете, что могло бы сделать такой ход событий правильным.*

Глава вторая

НОЧЬ ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИНАДЛЕЖИТ МАРОДЕРАМ

1. Опять на Лубянке

В сущности, весь этот ворох документов попал в мои руки случайно, когда после многих месяцев бесплодных усилий я уже отчаялся что-либо увидеть. Уже испарилась эйфория 1991 года, растаяли надежды на скорые перемены — не то что на возрождение страны, а хотя бы на что-то разумное или просто пристойное. Полным ходом шла реставрация номенклатурной власти, и я совсем было решил больше в Москву не ездить, не травить понапрасну душу видом этого безнадежного убожества.

Но и дома, в Кембридже, не было мне уже покоя. Старый, привычный мир менялся на глазах. Словно пораженный гигантскими вихрями энтропии, исходящими от распада колоссальных структур на Востоке, он тоже начал разваливаться без какой-либо видимой причины. Казалось, чья-то властная рука вынула из нашей жизни незримый стержень, лишив ее и смысла, и опоры: началась агония идеи, владевшей миром два последних столетия. Интуитивно все чувствуют, что смерть ее столь же неизбежна, сколь и желательна, но боязно с ней расстаться: страшит неизвестность, — а потому продолжают топтаться на месте в полной растерянности. И только "интеллектуальная элита" с самоубийственным упорством цепляется за осколки своей утопии, выродившейся в абсурд. Точно сороконожка с перебитым хребтом, все еще судорожно дергает лапками, но уже и не в лад, и не к месту. Какой-то мифический "новый мировой порядок", "глобальная деревня", "федеральная Европа" — с одной стороны; "экологисты", "феминисты", защитники прав животных и растений — с другой. И, конечно, бесстыдное оправдание своего поведения в годы "холодной войны". Полный маразм. Произошло то, чего я больше всего боялся: трусливый отказ от борьбы обернулся неспособностью выздороветь. Античеловечная утопия рухнула, но на ее развалинах не торжествуют ни свобода духа, ни благородство мысли. Ничего, кроме абсурдного, жалкого фарса. Напрасны оказались многомиллионные жертвы: человечество не стало лучше, мудрее, взрослее...

Для России же это обернулось пошлой трагикомедией, в которой бывшие партийные боссы средней руки да генералы КГБ играют роли главных демократов и спасителей страны от коммунизма. На сцену вылезло все самое уродливое, гнилое, подлое, до поры прятавшееся по щелям коммунистического острога и выжившее благодаря полной атрофии совести. Это те, кто на блатном жаргоне именуется "шакалье": пока настоящие воры в камере, их не видно и не слышно,

они отсиживаются где-нибудь под нарами. Но вот ушли воры на этап, и тут же объявились "шакалы", разгулялись, блатуют, наводят свои порядки. А появись опять настоящий вор — их как ветром сдуло, опять под нарами. И, глядя на эту шакалью "демократию", невольно вспоминаешь пророческие слова Высоцкого:

Я живу. Но теперь окружают меня
Звери, волиьих не знавшие кличей.
Это псы — отдаленная наша родня,
Мы их раньше считали добычей.

В общем, если что и заставляло меня продолжать туда ездить, так только старая привычка не сдаваться, здравому смыслу вопреки. В конце концов, разве не занимались мы всю жизнь абсолютно безнадежным делом?

Да и что мне еще оставалось делать? Трудно примириться с мыслью, что вся твоя жизнь оказалась напрасной, а все усилия и жертвы — бессмысленными. Так вот и получилось, что я, сцепив зубы и превозмогая омерзение, продолжал мотаться в Москву, пробиваться к новому "демократическому" начальству да уговаривать их открыть партийные архивы. И чем дольше это продолжалось, тем труднее мне становилось отказаться от своей затеи, хотя шансы на ее успех уменьшались с каждым приездом.

Еще не успел кончиться так называемый путч в августе 1991 года, а я уже был в Москве, доказывая новым властителям российских судеб, что сделать это — в их же интересах. Раненого зверя надо добить, пока он не очухался от шока. Главное — не давать им оправиться. Нужно, твердил я, создать комиссию для расследования всех преступлений коммунизма, причем желательно международную, чтобы избежать обвинений в политических подтасовках. Нужно расширить дело "путчистов" и превратить его в суд над КПСС. Дело же нужно рассматривать открыто, т.е. теперь же, без потери времени, прямо под прожекторами и телекамерами, как ведется расследование комиссиями Конгресса США...

Момент был уникальный, все было можно. Растерявшаяся номенклатура была на все согласна, опасаясь только одного — самосуда, расправы прямо на улицах. От вида болтающегося в стальной петле "железного Феликса" у них перехватывало дыханье. И, пользуясь этой ситуацией, вполне можно было провести если и не Нюрнбергский процесс, то все же нечто очень похожее, а по своему нравственному воздействию на наш одичавший мир — и более сильное. Во всяком случае, сдвиг "вправо" после такого процесса был бы никак не меньший, чем "влево" — после Нюрнбергского.

Самое удивительное, что это почти удалось. Опьяненное своей нечаянной победой, российское начальство далеко вперед не заглядывало, а про внешний мир и вообще не ведало. Идея же прикончить непосредственного противника казалась им и логичной, и заманчивой.

"Что ж, — сказали мне, — мысль неплохая. Только нужно, чтобы она исходила не от нас, не от правительства. Вот ты ее сам и запусти".

Так и поступили. А срочно вызванный директор Центрального телевидения Егор Яковлев придумал, как ее "запустить" наиболее сенсационно — в телевизионном диалоге с новоназначенным главой КГБ Вадимом Бакатиным.

Было самое начало сентября, Москва еще не вполне оправилась от "путча",

еще оставались баррикады у Белого Дома, а на Садовом кольце лежали цветы в память погибших там троих ребят, когда мы — телевизионная группа, Яковлев и я — подъехали к знаменитому зданию на Лубянке. Здесь все было как в дни моей юности: "Детский мир" на углу, мрачное здание КГБ в центре, напротив станции метро "Дзержинская"; и только опустевший пьедестал "железного Феликса" напоминал о недавних событиях. Странно было видеть его покрытым надписями типа "Долой КПСС!" или просто изображениями свастики и серпа с молотом через знак равенства. Надписи эти за ночь исчезали, стертые чьей-то заботливой рукой, но неизбежно появлялись днем. И так продолжалось несколько недель, пока народу не наскучила эта игра. Тогда-то и появилась на чисто вымытой тумбе аккуратная надпись белой краской: "Прости, Феликс, мы не уберегли тебя". Последнее слово все-таки осталось за чекистами.

Охрана у дверей взяла "на караул" — то ли оттого, что нас сопровождал помощник Бакатина, то ли у них так принято встречать "почетных гостей", не знаю. Невольно вспомнилось, как привезли меня сюда 28 лет назад, безо всякой торжественности и не с парадного входа, а через ворота с другой стороны, где встретивший меня старшина интересовался только содержимым моих карманов. Целая жизнь прошла между этими двумя "визитами", а то и целая эпоха. Но ни радости, ни торжества не испытал я от этого воспоминания. Скорее, наоборот, ощущение бессилия, чувство напрасно растраченной жизни обрело конкретную форму:

"Вот ведь, — подумал я, — целую жизнь потратил на борьбу с этим учреждением, а оно все стоит. И еще вопрос, кто из нас кого переживет".

Конечно, выбор Бакатина мне в собеседники был не случайным. Известно было, что настроен он очень решительно и, хотя при Горбачеве прошел обычную карьеру от секретаря обкома до министра внутренних дел, возглавляемое им теперь ведомство терпеть не может. Когда сразу после "путча" на совете президентов союзных республик Горбачев предложил ему этот пост, он сначала ответил отказом, поскольку "эту организацию вообще надо расформировать".

— Так вот мы вам это и поручим, — отозвался Ельцин.

К моменту нашей встречи он был в должности немногим более недели, но уже успел выделить из КГБ целый ряд служб и передать их другим министерствам. А пресловутое управление "З", ставшее преемником 5-го Главного управления и занимавшееся политическими репрессиями, закрыл вообще. Он еще плохо освоился в своем огромном кабинете и, кажется, чувствовал себя там не совсем на месте. Во всяком случае, когда я спросил его, кто был хозяином этого кабинета раньше, он долго, с видом школьника, получившего в подарок новую электронную игрушку, искал нужную кнопку на своем пульте, чтобы вызвать помощника.

Как и полагается настоящему чекисту, тот появился совершенно бесшумно, ровно вырос из-под земли.

— Доложите историю кабинета.

Нет, Андропов здесь не сидел. Он был в другом здании. Здесь — Чебриков, затем Крючков...

Бакатин был явно смущен и своим новым положением, и моим визитом, и в особенности нашей предстоящей беседой. Разумеется, он знал тему заранее и никакого подвоха с моей стороны мог не опасаться. Но вот телевизионная камера

— что попадет в кадр?

— Как все? И мои носки тоже?

Показывать телезрителям свои носки он почему-то стеснялся больше всего.

Готовясь к беседе, я мысленно разделил ее на три части, три темы, позволявшие достаточно подробно обосновать идею международной комиссии и свести к минимуму число ее возможных противников. Я знал, что на одной из пресс-конференций Бакатин уже высказался против публичного разоблачения бывших стукачей. Это, однако, меня вполне устраивало: в стране, где стучал если и не каждый десятый, как в ГДР, то уж каждый двадцатый-то наверняка, начинать с их разоблачения было и невозможно, и бессмысленно. Так же, впрочем, как судить всех рядовых членов КПСС. Бессмысленно прежде всего потому, что не было такой уж четкой грани между членом партии и беспартийным, стукачом и просто советским конформистом. За исключением нас, горстки "отщепенцев", это была ссученная страна. И что теперь с этим прикажете делать? Создать новый ГУЛАГ?

Учитывая же чисто юридические трудности, объем проблемы, сопротивление самих этих бывших стукачей и их "хозяев", засевших во всех структурах нынешней власти, начинать с них процесс было просто невозможно. Даже в Чехии, единственной из бывших коммунистических стран, отважившейся начать процесс "люстрации", реакция общества была крайне негативная, а сам процесс безнадежно застопорился именно из-за проблемы стукачей.

Наконец, это было бы совершенно ненужно, а то и вредно. Задача ведь заключалась не в том, чтобы отделить менее виновных от более виновных и этих последних покарать, а в том, чтобы вызвать процесс морального очищения общества. Не массовую истерию, расправы, доносы и самоубийства, которые такое разбирательство непременно бы вызвало, а *раскаяние*. Для этого же нужно было судить систему со всеми ее преступлениями и вполне достаточно было осудить ее главарей, уже и без того находившихся в тюрьме за организацию "путча".

Словом, в этом вопросе мы с Бакатиным были полностью согласны, и я сознательно начал с него нашу беседу, чтобы открыто продемонстрировать свою поддержку его позиции, а заодно и задать разговору нужный тон. Мне важно было показать миллионам зрителей, что мы, бывшие политзэки и диссиденты, расхожему мнению вопреки, вовсе не жаждем мести: не ею продиктованы мои предложения, а интересами гораздо более важными и отнюдь не личными. Тем более, что при этом я не кривил душой: я действительно не живу ненавистью и не испытываю ни малейшего желания мстить кому бы то ни было, потому что никогда не был чьей-то жертвой, а все происшедшее со мной выбрал сам, вполне добровольно и с полным сознанием последствий.

А уж мстить стукачам и совсем нелепо: в отличие от большинства своих сограждан (включая Бакатина), я-то этих людей хорошо знал и по камерным наседкам, и по агентуре, которую к нам подсылали. Я знал, что в большинстве своем это люди сломленные, жалкие, часто принужденные к сотрудничеству с КГБ путем шантажа и угроз. В сущности, никто не может знать заранее, как поведет себя в зоне повышенного давления, и потому не вправе быть судьей тот, кто этого не испытал. Испытавший же, как правило, судить не захочет.

Но если в этом вопросе я мог проявить сколько угодно мягкости, две других

темы требовали предельной жесткости. Первая из них — о нашей обязанности перед историей раскрыть теперь все ее тайны, спрятанные в архивах, для чего, собственно, и предлагалось создать международную комиссию с участием известных зарубежных и отечественных историков. Тут я сознательно смешал в одну кучу и убийство Кирова, и убийство Кеннеди, и покушение на Римского Папу, обеспечивая себе переход к последней, главной теме — международным преступлениям КПСС и КГБ. Тема эта была все еще как бы запретной в СССР. Советскому человеку полагалось тогда считать, что хоть коммунисты и повинны в преступлениях против своего народа, в репрессиях и развале экономики, но во внешних делах они были "как все", не хуже и не лучше. Мол, на войне как на войне. Американцы ведь тоже были не ангелы. Ну а разведка — разве нет ее у любого, даже демократического государства?

Этот-то опасный миф, усиленно культивировавшийся тогда и печатью, и вождями, надо было полностью уничтожить, развеять в клочья вместе с мифическим образом доблестного советского "разведчика", героя и патриота. Нужно было обозначить совершенно безоговорочно, что не существовало у Советского Союза "нормальной" международной политики, а то, что так именовалось, представляло собой длящееся многие десятилетия преступление против человечества. Потому-то, придержав эту тему на самый конец, когда наш диалог выглядел уже задушевной беседой двух старых приятелей, во всем между собою согласных, я стал вдруг говорить о вещах, советскому зрителю неизвестных: о руководстве международным терроризмом, наркобизнесом, о подкупе и шантаже западных политиков, бизнесменов, деятелей культуры, о колоссальной системе дезинформации, которую создал КГБ за рубежом.

— Поймите, — настаивал я, — разведка-то у нас есть и помимо КГБ, есть ГРУ, военная разведка, которая действительно занимается военными вопросами. Это отдельный разговор. А здесь ведь была политическая разведка. Здесь масса иностранных деятелей оказались замешанными. Или подкупленных, или шантажированных. Поймите, нельзя это оставить. Я понимаю все сложности, связанные с демонтажем такой системы, но оставить это нельзя. Никогда не возникнет доверия к нашей стране, если мы это оставим. (...) Вряд ли вы сможете жить как нормальное государство, если у вас все еще будет существовать такой орган... Более того, есть некая обязанность и перед иностранным сообществом, перед другими странами, как бы помочь им избавиться от всего того зла, которое эта система создала.

— Конечно, — пугал я его напоследок, — тут есть и вопрос безопасности нашего государства. Ну, например, эксперты за рубежом считают, что КГБ в своей деятельности за рубежом накопил такие ценности, имея свои банки, подставные учреждения, предприятия, что они вполне могут существовать и функционировать еще десять лет, если их даже вообще закрыть в Москве. Есть такие мнения на Западе. И, конечно, вы не можете это оставить. Это может оказаться вашим врагом.

Надо отдать ему должное, Бакатин не спорил, не возражал, а если и отвечал, то в основном ссылался на свое полное незнание предмета. Да и успеть, мол, не мог, в должности всего неделю.

— Ну, тема разведки для меня сегодня самая сложная тема, — бубнил он.

Манера речи у него была довольно забавная — этакое бормотание, без всякой пунктуации, начала или конца. — И в данном случае я даже в плане своих действий, чисто таких вот в календаре, своего личного календаря, разведку отодвигаю несколько на иной план. Я не думаю, что они имеют какие-то документы по поводу той преступной деятельности, о которой вы говорите. Если и есть какие-то факты, о которых я ничего не знаю абсолютно, что кто-то из них... — я не знаю, можно допустить, что кто-то из них конкретно этим и занимался... Например, наркобизнесом или поощрением терроризма... Если это так, то все это надо смотреть, демонтировать... И это очень серьезно. Что там они делают за рубежом, мы все очень плохо знаем...

Казалось, он был если не напуган, то немного встревожен, особенно моим сообщением о средствах, накопленных КГБ за рубежом, все время повторял, что не может это оставить без внимания, что надо все выяснить, а самое главное — вполне был готов поддержать мою идею:

— Я в общем, в принципе с вами согласен, что истину надо восстановить. Ее надо по крайней мере узнать. Но сейчас, сразу, с вами обговорить условия создания этой международной комиссии, не могу, — сказал он в заключение нашей беседы. — И тут есть еще и правовые моменты, которые надо поглядеть. (...) Это все в интересах нашего ведомства было сохранять в тайне, поэтому многие не знали. Поэтому такую схему надо в принципе принимать. В принципе. Подумать о том, как мы ее должны оформить.

— Ну, что ж, Вадим Викторович, — завершил я, протягивая ему руку, — хочу пожелать вам успеха, посочувствовать, пожать руку первому главе КГБ, которого я в своей жизни вижу...

И — каюсь — на какой-то миг я даже поверил, что именно так оно и произойдет: соберемся еще раз, без телевидения, обсудим юридическую сторону вопроса, сформулируем задачи да и приступим к делу... А что? Ельцин подмахнет указ, вызову своих друзей историков, советологов из Гуверовского института, таких, как Роберт Конквест, ребят из "Мемориала", нагоним студентов из архивного института им в помощь и — начнем разгребать бумажные кладовые. Все казалось возможным тогда, в те дни, при виде свастики, рукой народа приравненной к серпу и молоту на опустевшем цоколе посреди площади Дзержинского.

Всего лишь на миг представил я себе, как это нехитрое уравнение станет, наконец, в нашем мире тем, чем оно и должно было всегда быть — самоочевидной истиной, вроде орвелловского "2+2=4". Так немного, так просто, а насколько наша жизнь стала бы и чище, и честнее...

Но уже в следующее мгновение видение исчезло, уступая место реальности.

"Да разве этот симпатичный бормотун, который так мило стесняется показывать свои носки телезрителям, может справиться с эдаким монстром? Он и не узнает, что за его спиной делается".

А поджидавший меня приятель подытожил лаконично, почти безжалостно, словно гвоздь забил в крышку гроба:

— Тут нужны такие, как ты, а не такие, как он.

2. Бессмертный КГБ

Беседу нашу показали 9 сентября сразу после вечернего выпуска новостей в 21.00, причем почти целиком, с несущественными сокращениями чисто редакционного характера. Всего-то каких-нибудь двадцать минут, реакцию же они вызвали довольно бурную. В общем, тон прессы был доброжелательным, с ударением на "необычность" самой нашей встречи: вот, дескать, какие времена наступили, какие перемены произошли в стране. Наиболее популярные в то время издания — газета "Известия" и журнал "Огонек" — поместили статьи об этом событии с моими комментариями, где я постарался развить тему. Натурально, нашлись дураки, упрекавшие меня за излишнюю мягкость к "стукачам", а в особенности за то, что пожал руку главе КГБ. Это, однако, меня не удивило и даже не разозлило: в такие времена дураки, как правило, становятся необычайно активны. А зарабатывать себе политический капитал дешевой демагогией — их любимое дело.

Гораздо важнее было то, что мое мурлыканье не усыпило бдительности тех, кого это непосредственно касалось, — "профессионалов". Они-то отлично поняли, к чему я подбираюсь, а мой спокойный, дружелюбный тон встревожил их, думаю, гораздо больше любых грозных тирад и требований возмездия. Уже через несколько дней на экране появился тогдашний глава ПГУ (Первое Главное управление КГБ) генерал Шебаршин и безо всякого упоминания нашего теледиалога — так, между прочим, — заверил публику, что никаких сенсационных откровений о деятельности разведки можно не опасаться. Это явно был сигнал "своим" за рубежом, рассчитанный на то, чтобы успокоить встревожившихся "партнеров".

Дальше — больше. Пошли статьи бывших офицеров разведки с "демократической репутацией", призванные доказать, что мои представления о размахе их деятельности сильно преувеличены.

"*...даже ветеран диссидентства Владимир Буковский, знающий КГБ не только теоретически, заметил между делом в своем эпохальном интервью с Бакатиным, что нашей стране неплохо бы заниматься лишь военной разведкой, а политическую и прочую вообще прикрыть,* — писал в "Огоньке" отставной разведчик Михаил Любимов. — *Мысль мудрая и прогрессивная. интересно только, поддержат ли ее западные правительства, которые, кроме военных разведок, имеют и ЦРУ, и СИС, и БНД, и Моссад. Прозвучал у Буковского и тезис о колоссальной дезинформации, которой занимается за рубежом внешняя разведка КГБ*".

А дальше, конечно, шло подробное объяснение того, что никакой колоссальной системы не существовало. Так, жалкие потуги, несколько поддельных документов, которые никого не обманули, а "вызвали только гнев в адрес их создателя".

"*Я достаточно поварился на кухне "активных мероприятий", чтобы утверждать: фальшивки — лишь мизерная часть работы разведки, львиная доля попадает на перепевы нашей пропаганды, которым придается "западный" лоск... Большая часть этой так называемой работы — лишь булавочные уколы, совершенно незаметные в огромном потоке западной информации, они никоим образом не помогли тогдашним внешнеполитическим*

интересам СССР — бездарная и мутная политика шагала к пропасти, и ее не могла спасти ни пропаганда, ни агитация, исходящая из "западных источников"".

Словом, не было никакой системы дезинформации, агентов влияния, "сил мира, прогресса и социализма". И, точно иллюстрируя этот тезис, московская газета "Культура" тотчас перепечатала из "Лос-Анджелес таймс" статью известного американского политолога с типичным набором гебешной дезинформации о "диссидентах": мол, все они чокнутые экстремисты, а Буковский, и того хуже, "*ведет переговоры с новым руководителем КГБ, как будто кто-то его на это уполномачивал, и он предлагает, чтобы все старые архивы КГБ были уничтожены так, чтобы никогда не стали известны имена осведомителей*".

И не понять было сразу, сам ли этот весьма уважаемый в США человек является агентом влияния или только получил эту информацию от такого агента, но редакция "Культуры" вряд ли подписана на "Лос-Анджелес таймс". (Вдобавок при попытке найти оригинал выяснилось, что такой статьи "Лос-Анджелес таймс" никогда не публиковала.)

Наконец, и само управление разведки — ПГУ — было постепенно выделено из КГБ в специально образованную Центральную службу разведки (ЦСР) с подчинением непосредственно Горбачеву, а во главе ее поставлен горбачевский же приятель Примаков. Разумеется, для этого были гораздо более серьезные причины, чем наша беседа с Бакатиным, — прежде всего, угроза развала всех союзных структур в процессе распада Советского Союза. Бесспорно, однако, что был у этого решения и другой мотив, а именно желание оградить разведку от всяческих расследований и реформ, или, как выражались сами ходатайствовавшие об этом рыцари плаща и кинжала, "избавиться от кагебешного хвоста". Вот они и улизнули за широкую спину президента, вместе со всеми своими тайнами.

Бакатин же, все время откладывавший эту проблему "в плане своего личного календаря", надо полагать, был только рад от нее избавиться. Он, правда, честно пытался потом найти концы тех преступлений своего ведомства, о которых я ему говорил. Но — вот ведь загадка! — так ничего существенного найти и не смог. Даже по очень старым делам, представляющим чисто исторический интерес, таким, как убийство Кеннеди или покушение на Папу, все как-то само собой получалось, что бедный КГБ ни при чем. Даже о преследовании Сахарова и Солженицына "не нашлось" ничего нового — после долгих препирательств и отрицания того, что существовали вообще какие-то документы, "выяснилось" вдруг, что сотни томов их оперативных дел были якобы сожжены в 1990 году.

Более того, и то немногое, что удалось найти, никак не удавалось Бакатину рассекретить. Например, вполне невинное досье наблюдений за Ли Харви Освальдом в период его проживания в СССР 35 лет назад сначала застряло в бесконечных комиссиях, а потом вдруг оказалось в Белоруссии, в ведении теперь уже "независимого" КГБ независимой республики Беларусь. Да так там и осталось вплоть до снятия самого Бакатина. Аппарат КГБ откровенно "ломал дурочку", мало заботясь о том, верят им или нет.

Не знаю, понял ли он, что его просто дурят, нет ли, но его мемуары, озаглавленные "Избавление от КГБ", звучат весьма наивно. Избавились-то ведь от него, и притом очень скоро, а КГБ остался. Расчленять его на отдельные управления и

службы, чем и занимался Бакатин все сто семь дней своего правления, было столь же бесполезно, как отрезать хвост ящерице или разделять на части планарию. В результате из каждого кусочка просто возродилось все тело, да еще и размножилось, точно в той сказке, где из каждого драконьего зуба вырастает новенький дракон.

Архивы и были сутью КГБ, душой дракона, спрятанной за семью печатями. Покончить с драконом можно было, только добравшись до нее, но — запил, загулял добрый молодец, коему и полагается в сказке совершить этот подвиг. Ельцин, сразу после "путча" подписавший указ о передаче архивов КГБ российскому архивному управлению, казалось, потерял к этому делу всякий интерес (как, впрочем, и ко всем другим делам страны). Назначили межведомственную комиссию по передаче архивов, в которой работники того же КГБ с важным видом обсуждали "проблемы передачи" и, разумеется, никак не могли их решить. Создали еще комиссию Верховного Совета во главе с генерал-историком Волкогоновым — нужна ведь "правовая база", нужен "закон", как же без закона? Вопрос ведь не праздный: на сколько лет все засекретить — на 30 или на 70? И пошла писать губерния да так до сих пор и пишет. Документы же и по сей день не переданы, ни единой бумажки. Тем временем возникли вокруг архивов какие-то загадочные "коммерческие структуры", пошла бойкая торговля документами, но только теми, которые КГБ выгодно опубликовать, и только через те руки, которые КГБ устраивают. Поползла по всему миру махровая советская дезинформация под видом исторической истины...

3. В чреве дракона

Меня, однако, это не обескуражило, врасплох не застало. Я и вообще-то, еще до посещения Бакатина, не слишком рассчитывал на архивы КГБ, а сконцентрировал свои усилия на архивах ЦК КПСС, которые были опечатаны сразу после "путча" вместе со зданием ЦК на Старой площади. Во-первых, они уже находились в руках российского руководства, с которым у меня были хоть какие-то контакты. А во-вторых, я знал, что там, в этих архивах, должно быть все, в том числе и доклады КГБ, бывшего, как мы помним, всего лишь "карающим мечом партии", ее "вооруженным отрядом". По крайней мере в послесталинскую эпоху КГБ находился под жестким контролем партии и без согласия ЦК ничего существенного предпринимать не мог.

Словом, уже через пару дней после приезда в Москву в августе 1991 года я с помощью своих контактов в российском руководстве встретился с главой Комитета по делам архивов при правительстве России Рудольфом Германовичем Пихоей, чтобы обговорить в принципе условия работы будущей международной комиссии. А еще через пару дней не без некоторого волнения входил в здание ЦК на улице Куйбышева, д. 12 (ныне вновь по-старому Ильинка), где, собственно, размещались и архивы, и архивное ведомство. Огромное здание — вернее сказать, комплекс зданий, соединенных между собой бесконечными коридорами, переходами, лестницами, — было мертво. Архивное управление расположилось лишь на одном этаже дома 12, остальное представляло из себя лабиринт Минотавра, где без нити Ариадны не найти ни входа, ни выхода. Роскошный паркет коридоров уводил в

неизвестность мимо опечатанных дверей кабинетов, на которых все еще висели таблички с именами их бывших владельцев, когда-то всесильных аппаратчиков. Местами прямо на полу лежали кучи папок и бумаг с надписью "совершенно секретно". Я поднял одну наугад: отчет какого-то обкома о работе с молодежью. И на секунду мне стало страшно: а вдруг здесь и нет ничего, кроме вот таких бесконечных отчетов о выполнении планов да пропагандистских мероприятий? А если окажется, что все действительно существенное либо уничтожено в последний момент, либо куда-то увезено? Москва полна была слухов о массовом уничтожении документов, о каких-то загадочных грузовиках, увозивших тюки с бумагами несколько ночей после "путча"...

Пихоя, однако, успокоил меня. Да, какие-то бумаги успели уничтожить, но это, видимо, была оперативная документация, связанная с "путчем". Сами архивы, насколько можно судить, не пострадали. Указ об аресте партийных архивов был подписан Ельциным 24 августа, и тут же, ночью, в ЦК вошла комиссия вместе с новой охраной. Для начала, правда, вырубили электричество, чтобы остановить все "бракомолки" (новое русское слово для обозначения shredding machines, которое я услышал впервые), но потом пришлось его включить: впотьмах невозможно было ничего найти. "Бракомолки" же и так были все забиты впопыхах уничтожавшимися документами и уже не работали.

— Первым делом опечатали все двери, — рассказывал Пихоя, — теперь вот сносим все бумаги из кабинетов в одну большую комнату, нумеруем, сортируем. Никто и ничего отсюда увезти уже не может, да и войти сюда старым сотрудникам теперь невозможно. Даже за личными вещами. Охрану полностью сменили, привезли курсантов милицейского училища не то из Вологды, не то из Волгограда.

Действительно, все входы и выходы охраняли молодые крепкие парни с автоматами. На одного из них, здоровенного малого с детским, растерянным лицом, мы буквально наткнулись, завернув за угол коридора:

— А где здесь буфет, не знаете? — спросил он жалобно. — а то уже полчаса брожу...

Оказалось, сохранился-таки цековский буфет где-то внизу, но былых дефицитных продуктов в нем не нашлось. Что-что, а уж сырокопченую колбасу работники ЦК прихватить не забыли.

Как выяснилось, селективно уничтожить что-либо в архивах ЦК было почти невозможно, так же, впрочем, как и подделать. Прежде всего потому, что архивов этих при ближайшем рассмотрении насчитали до 162-х, совершенно между собой не связанных ни картотекой, ни компьютером: коммунистическая власть не доверяла никому, даже своему аппарату. Понадобилось бы много месяцев работы, только чтобы выяснить, нет ли копий документов одного архива в другом или ссылок на документ одного архива в документе другого. Но, и выяснив, изменить что-либо было не так легко: каждый архив имел свои описи, документы — сквозную нумерацию, шифры, книги регистрации входящих и исходящих бумаг. Бюрократическое государство на бумагу не скупилось, оттого-то, наверное, ее вечно не хватало. Только архив учета всех членов партии, так называемый "единый партбилет", насчитывал 40 миллионов единиц хранения. Всего же по стране партийные архивы содержали миллиарды документов.

В один из них — архив личных дел номенклатуры ЦК — я зашел любопытства ради вместе с группой журналистов, приглашенных Пихоей. Огромная комната с высокими лепными потолками — до революции здесь помещалось не то страховое общество, не то банк — была заставлена металлическими шкафами на рельсах. Центральный пульт управления, расположенный на возвышении у входа в комнату, имел десятки кнопок, нажимом которых нужный шкаф медленно отодвигался, обнаруживая полки с папками личных дел. Всего их тут было до миллиона, живых и умерших, членов политбюро и рядовых служащих ЦК.

Этот архив скоро превратился в "показательный": сюда водили иностранцев, журналистов, высокопоставленных посетителей, демонстрируя смелость и демократизм новых хранителей партийных тайн. Журналистам, якобы наугад, обыкновенно показывали дела Ворошилова, Микояна, иногда Шолохова. Эффектно и безопасно. В действительности же архивное руководство никоим образом не торопилось рассекретить доставшиеся им документы и уж вовсе не собиралось бороться за их обнародование. Это были отнюдь не борцы за идею, а типичные советские чиновники, сделавшие карьеру при старом режиме, трусливые и лукавые, как и полагается быть рабам. Начальство, "хозяин", вызывало у них одновременно и трепет, и ненависть, и чем больше трепета, тем больше ненависти, желания как-нибудь надуть. Доставшиеся же им в руки богатства они автоматически воспринимали как свою "собственность", ревниво оберегая от "посторонних".

Даже чиновничьи типажи были представлены среди них точно так же, как в любом советском учреждении. Один разыгрывал роль неподкупного ортодокса, непримиримо борющегося с "коррупцией", но в конце концов попался на продаже документов журналистам. Другой — человек интеллигентный, цивилизованный — любил порассуждать об общечеловеческих ценностях, о нашей ответственности перед историей, но было известно, что он охотно "позволяет" ознакомиться с некоторыми секретными бумагами зарубежным коллегам в обмен на приглашения прочесть доклад на международных конференциях, зарабатывая авторитет "известного историка". И никому из них даже в голову не приходило, что это нечестно, постыдно или просто предосудительно. Ну, нет у советского человека совести, что тут поделаешь? Даже ткани такой в мозгу не осталось, которая бы сохранила следы моральных норм.

Разумеется, я был для них тем самым "посторонним", вроде покушающегося на их богатства вора, от которого они дружно, не сговариваясь, обороняли свою "собственность". Да и никак не могли они понять моих мотивов: чего я собственно добиваюсь? В долю, что ль, прошусь? Просто так, без малейшей личной выгоды, отдать миру все богатство казалось им таким же безумием, как банкиру — раздавать деньги прохожим на улице. Поскольку же пришел я к ним от новых "хозяев", то и отношение ко мне с самого начала было соответствующим: прямо ответить отказом боялись — черт его знает, что за ним стоит? — но, на всякий случай во всем соглашаясь, каждый день изобретали все новые и новые отговорки. То закона нет о государственных тайнах, надо ждать, пока законодатель раскачается; то наше соглашение о создании международной комиссии непременно должно получить одобрение все того же законодателя. Главное им было — засунуть это дело в бесконечные комиссии Верховного Совета, где оно и потонуло

бы в бесконечных дебатах бывших партийных начальников, ныне "народных избранников".

Наконец мои нервы не выдержали, да и время подпирало, тянуть я больше не мог, — пришлось поговорить с Пихоей резко и откровенно. Объяснить ему, что нет у них авторских прав на историю и никогда не будет. Он защищался вяло, в основном твердил о нужде в "законе", о 30-летнем периоде секретности, принятом во всем мире, например, в Англии. Беда с советскими людьми, всё-то они о Западе знают, особенно то, что знать не надо бы. Но делать нечего — подписал наше "соглашение", явно без всякого энтузиазма:

О международной комиссии
по изучению деятельности партийных структур
и органов государственной безопасности в СССР

1. В связи с Указами Президента России от 24.08.91 NN82, 83 стали доступными архивные материалы о деятельности КПСС и государственной безопасности. Как известно, деятельность этих организаций носила международный характер и затрагивала интересы многих стран. В силу этого усилий только отечественных исследователей по изучению данного комплекса проблем было бы недостаточно. Тем более, что в зарубежных архивах имеются дополнительные материалы, которые позволили бы наиболее полно изучить историю вышеозначенных учреждений. Кроме того, включение в эту работу зарубежных исследователей исключило бы возможное недоверие к результатам работы комиссии. Учитывая все вышесказанное, *по инициативе Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР*, имея целью изучить наиболее полно и детально ставший доступным архивный материал:

Международный совет архивов (Париж),
Гуверовский институт мира, войны и революций (Станфорд, Калифорния),
Американ энтерпрайз институт (Вашингтон),
Исследовательский отдел радио "Свобода" (Мюнхен),
Российский гуманитарный университет,
Научно-информационный и просветительский Центр "МЕМОРИАЛ"
согласились образовать международную комиссию.

Комиссия рассчитывает привлечь к своей работе временно или постоянно ряд зарубежных и отечественных экспертов.

Комиссия не ставит своей задачей затрагивать вопросы текущей обороны, преследовать отдельных лиц в связи с их прошлой деятельностью или причинение ущерба какому-то бы ни было государству.

Ее задача — объективно и всесторонне исследовав все упомянутые материалы, представить их на суд истории.

Комиссия оставляет за собой право затребования для осуществления этой задачи материалов из иных хранилищ (архивов).

2. Принципы организации

Собственно комиссия, состоящая из представителей организаций-учредителей, решающая все административно-финансовые вопросы.

Рабочие группы, организуемые по принципу деятельности (тематической, хронологической и т.д.), в которые могут привлекаться необходимые специалисты.

3. Деятельность

Организации-учредители обязуются финансировать указанную программу и всемерно способствовать обеспечению сохранности предоставляемых в ее распоряжение материалов.

Возможные доходы от публикаций материалов Комиссия обязуется использовать на финансирование своей работы и поддержание архивного дела.

В качестве результатов исследования Комиссия предполагает перевод архивных материалов на электронные носители и их последующую публикацию в виде сборников документов и монографий.

Р.Г.Пихоя
В.К.Буковский
11/09/91

Фразу, выделенную курсивом, Пихоя вписал от руки сам, на всякий случай: будет такая комиссия или не будет, но "инициатива" должна принадлежать его комитету. Все равно, мол, это моя собственность, я здесь хозяин!

Так после месяца лихорадочной беготни по Москве улетал я домой со слабой надеждой на успех своих замыслов. Ни окончательного решения, ни возможности положиться на тех, с кем свела судьба, ни единомышленников. Только листочек бумаги с подписью Пихои — много ли он стоил?

Но и добиться большего я никак не мог. В этом призрачном царстве все было ненадежно, не окончательно. Все могло измениться в любую минуту. Слово, обещание, даже данное публично, ничего больше не значило, ни к чему не обязывало. Невозможно было сказать, что такое власть сегодня, тем более — завтра. И совсем уж никто не знал: что такое ее решение? Казалось, человек существует, только пока ты его держишь за пуговицу, а отпустил на мгновение — и он исчез, растворился в вихре. Был человек — и нет его. В создавшейся тогда ситуации незыблемым выглядел только Ельцин.

— Теперь дело за президентом Ельциным, — говорил я журналистам перед отлетом. — Как только он примет такое решение, мы готовы начать работу.

4. Пьяная свадьба

Но время шло, а лучше не становилось. Точно истощив всю свою энергию за три дня "путча", российское руководство было полностью парализовано. Уникальный случай в истории: за свои первые сто дней у власти Ельцин не сделал абсолютно ничего. На какое-то время он вообще исчез: одни говорили, что запил, другие — что уехал отдыхать. Но, и объявившись позже, он никак не мог выработать ни программы действий, ни четкой цели. То принимался перетасовывать старую колоду бюрократии, отчего эта последняя только разбухала; то вдруг срывался со всем своим окружением на Кавказ — мирить армян с азербайджанцами; то вводил чрезвычайное положение в Чечне, то отменял его. Страна, как пьяный корабль, неслась по воле волн "без руля и без ветрил". А вернее — как пьяная свадьба куролесит по городу, из одного трактира в другой, с музыкой и цыганами. Во всяком случае, примерно так жило все ельцинское окружение, кочуя по приемам и праздникам. Застать их — на работе, дома ли — было

совершенно невозможно. Неделями я пытался дозвониться, терзал телефон до мозолей на пальцах, пока чисто случайно не попал в ритм этого загула. Оказалось, Москва жила "презентациями" — новое словечко, произведенное от английского presentation и обозначавшее здесь, на русской почве, практически любую общественную пьянку, будь то по поводу открытия нового центра, создания новой организации или какой-то годовщины. А уж там, между балычком и тостами за новую демократию, разве договоришься о чем-то серьезном?

Тем временем события развивались самым неблагоприятным для моих планов образом. Номенклатура оживала на глазах, заполняя вакуум власти. Происходило это вполне открыто, под аккомпанемент рассуждений в прессе о том, что управление страной надо, дескать, оставить в руках "профессионалов". Даже с некоторым нажимом: вот, мол, раньше партия не давала "профессионалам" наладить дело, а теперь "новая власть" туда же. И как-то само собой забывалось, что никаких "профессионалов" управления в СССР, помимо профессиональных строителей коммунизма, то бишь номенклатуры, никогда не существовало. Они-то и развалили страну, довели до банкротства экономику, а под конец не сумели даже путча толком организовать.

Совсем заглохло и следствие по делу этих последних. Уезжая в конце сентября, я еще успел сделать программу на российском телевидении под названием "Два вопроса президенту", с тем чтобы продвинуть идею открытого расследования "дела КПСС". Мы как бы организовали такое расследование, следуя модели "Уотергейта", где, как известно, ключевыми были два вопроса: что знал президент (в нашем случае — Горбачев), и когда он это знал? Вопрос был не праздный: все больше всплывало фактов о том, что Горбачев все знал заранее и так называемый путч был просто его попыткой ввести военное положение в стране, спрятавшись за спины своих сотоварищей. Таким образом, наша программа, проводя эту параллель, подводила зрителя к выводу о необходимости такого же публичного расследования, как и уотергейтское.

Но и эта, казалось бы, очевидная идея потонула в чудовищном российском бардаке. С одной стороны, Ельцин так и не удосужился принять решение, с другой — ожившая номенклатура, в том числе и из ельцинского окружения, утопила все в бесконечных "комиссиях по расследованию", где, разумеется, дело вели "профессионалы". Становилось ясно, что суда над лидерами августовского "путча", скорее всего, так никогда и не будет. (Суд над руководителями ГКЧП откладывался два года, пока, наконец, в феврале 1994 года новоизбранная Дума приняла закон об амнистии организаторов августовского "путча". Однако один из обвиняемых, главнокомандующий сухопутными войсками генерал Варенников, отказался принять амнистию и потребовал суда. Суд состоялся в августе 1994 года, и генерал Варенников был оправдан). Вместо этого в октябре 1991 года прошли довольно вялые слушания Верховного Совета, где некоторые депутаты требовали, конечно, более широкого обсуждения обстоятельств "путча" и даже расследования всей деятельности КПСС, а их коллеги-коммунисты, естественно, возражали. Цирк, да и только! С каких это пор стало нужно просить согласия у преступников прежде, чем посадить их на скамью подсудимых?

Любопытно, однако, что перспектива расследования преступной деятельности КПСС не вызвала энтузиазма даже у большинства "умеренной" публики.

Особенно почему-то тревожил их международный аспект. Действительно, какие-то факты на слушаниях всплыли, в основном по компартиям, и не очень значительные, например, о перекачке сотен миллионов долларов из государственной казны "фирмам друзей". Но и этого было достаточно для переполоха:

"Судя по всему, в ходе расследования всплывет еще немало документов подобного рода, — писала газета "Известия", — и сегодня трудно представить последствия этой работы, поскольку скандал грозит выплеснуться на международную арену, всерьез повлиять на карьеры многих политических деятелей, оказать воздействие на деятельность и зарубежных компартий, и многих коммерческих структур, взращенных на финансовых дрожжах КПСС".

Не может советский человек слышать слово "заграница", не наделав в штаны. Ельцин исключения не составлял: 14 января 1992 года подписал указ "О защите государственных секретов Российской Федерации", коим восстанавливались практически все нормы секретности бывшего СССР.

Приехав опять в Москву в марте, я обнаружил картинку типичной советской показухи: с одной стороны, был торжественно открыт при архивном комитете "Центр хранения современной документации", куда якобы и поступили для всеобщего пользования партийные архивы. Об этом, благодаря стараниям Пихои, уже раструбила и российская, и западная пресса как о новом достижении новой демократии. Действительно, оформив пропуск, можно было подняться на второй этаж здания бывшего ЦК, в читальный зал этого Центра, и можно было даже посмотреть описи документов. С другой стороны, на этом и кончался демократизм новой российской власти, ибо никаких существенных документов вам видеть не полагалось. Прежде чем показать даже описи, вас знакомили с "правилами" работы Центра, из коих следовало, что, согласно указу Ельцина, из пользования изъяты:

1. Все вообще документы после 1981 года.
2. Все материалы к решениям Секретариата ЦК после 1961 года.
3. Все вообще материалы "особой папки".
4. Все материалы международного отдела, отделов загранкадров, международной информации, административных органов, оборонной промышленности ЦК, документы КГБ и ГРУ после 1961 года.

Если хотите, можете знакомиться с пленумами по сельскому хозяйству или отчетами о выполнении пятилетних планов. Не хотите — не знакомьтесь. Даже документы, касавшиеся меня лично, моей судьбы, моей жизни, не имел я права видеть — а такие были в описи решений секретариата. Какая уж там "международная комиссия"! Напрасно я размахивал нашим договором перед носом Пихои, тыкал пальцем в его подпись. Он только очками поблескивал:

— Это недействительно.

"Недействительными" оказались теперь и его подписи под соглашением с делегацией наших "организаций-учредителей", которую я прислал в октябре, вскоре после своего отъезда. И, очевидно, его "соглашения" с другими организациями, которым он норовил "продать" тот же "товар" за нашей спиной. А их набрался уже добрый десяток. Каждый раз осчастливленная таким образом новая организация радостно сообщала прессе, что именно она (и только она) полу-

чит теперь доступ к партийным тайнам. Но буквально через месяц появлялась другая, не менее счастливая. Удивляться тут нечему, ибо мечта Пихои была столь же проста, как и несбыточна: получить много-много денег, не выпустив из рук своих богатств и притом, Боже избави, не заработав по шее от начальства. Попросту говоря, ему грезились миллионы в обмен на доклады обкомов о работе с молодежью, да еще проданные каждому отдельно, с видом благодеяния. Не удивительно, что, так ничего и не получив, он лишь взбудоражил полмира и сам же теперь обиделся на весь Запад сразу.

— Вот ведь сволочи, — жаловался он мне (!), — все требуют эксклюзивных прав. Ну, теперь никто у меня ничего не получит.

Конечно, столь любимый им 30-тилетний период секретности — "как в Англии" — появился в ельцинском указе не без его хлопот. "Продать" ведь можно только то, что запрещено, только оно становилось его "собственностью". Разрешенное же пришлось бы отдать за так, без всякого интереса.

Словом, так и умерла, не родившись, моя идея "исторического Нюрнберга", достойного завершения величайшей войны в истории человечества. Ничтожные чиновники, почти нелюдь, оказавшиеся по чистой случайности в высоких российских креслах, тешили теперь свое мелкое тщеславие, распоряжаясь тем, на что не имели ни малейшего морального права: нашим наследием. Те, кто провел свои никчемные жизнишки, просиживая штаны в парткомах, запретили знать правду о нашей жизни нам, вынесшим на своих плечах все тяготы великой битвы. Неужели еще и это я должен был пережить?

Улетая опять из Москвы в конце марта, я дал несколько исключительно хлестких интервью, точно отвесил пощечину. Такова, сказал я, ваша "демократия", грудью вставшая на защиту коммунистических секретов.

"Можете ли вы представить себе, чтобы после разгрома Германии всю фашистскую документацию засекретили лет эдак на тридцать? Новая Германия не прятала чужие тайны. Если ты всерьез порываешь с прошлым, то вряд ли станешь его скрывать".

Даже "Известия" не решались опубликовать это интервью недели две. Я уж думал — вообще не решатся. "Ну и черт с ними, — махнул я рукой, — пропади они пропадом. Все равно пощечину можно дать только тому, у кого сохранилось чувство достоинства, а здесь таких не осталось".

Честно говоря, приезжать в Россию я больше не собирался.

5. Диалектика не по Гегелю

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: к весне 1992 года коммунисты настолько обнаглели, что опротестовали в Конституционный суд указы Ельцина, запретившие КПСС.

Наверное, со стороны это выглядело дурной шуткой: одна группа бывших коммунистов судится с другой о конституционности запрета своей бывшей партии, да еще в суде, все члены которого — тоже бывшие коммунисты. И это, заметьте, в стране, где конституции как таковой нет, а есть старая конституция РСФСР (аналогичная конституции бывшего СССР), которую никак не могут заменить и оттого бесконечно вносят в нее поправки. Куда там Кафке с его жалкой фантазией или Гегелю с его детским представлением о диалектике!

Однако Ельцину и его окружению было не до шуток. Перспектива проигрыша дела в суде была вполне реальна (по крайней мере семь из двенадцати судей открыто симпатизировали КПСС), а это повлекло бы за собой кошмарные последствия. Помимо чисто политических осложнений, пришлось бы возвращать только что поделенную "партийную собственность" (включая комплекс зданий ЦК на Старой площади, куда совсем недавно переселилось российское руководство), не говоря уж об этих самых архивах. Не случайно, выступая в Конгрессе США летом 1992 года, Ельцин упомянул этот суд в числе наиболее важных политических проблем, стоящих перед страной.

Словом, всполошилась, а то и прямо ударилась в панику вся президентская рать. И в результате произошло то, чего я безуспешно добивался почти год: архивы КПСС были открыты, хоть и на щелочку, а я, срочно вызванный в Москву для участия в этом процессе в качестве свидетеля и эксперта, получил к ним доступ. Таково было мое категорическое условие или, если хотите, плата за лицедейство в их театре абсурда.

Конечно, интересы наши не совсем совпадали: комиссия, отбиравшая документы в архивах, стремилась лишь проиллюстрировать "неконституционность" действий бывшего партийного руководства, и оттого отобранного ими материала никак не могло хватить для систематического исследования. Это был набор разрозненных документов разных периодов, довольно произвольно сгруппированных в 48 томов по очень общим темам, как то: "Нарушения прав человека", "Терроризм", "Коррупция" и т.д.

Более того, и на составе комиссии, и на методах ее работы в полной мере сказалась та неопределенность, двусмысленность, в которой находилась страна. Уж коли ни президент, ни правительство не могли внятно определить национальные интересы нового российского государства, то вопрос о том, что же все еще является государственным секретом, а что нет, решался этими чиновниками с партийным прошлым вполне произвольно, часто по совершенно фантастическим соображениям.

Например, мне случайно стало известно, что список западных журналистов, сотрудничавших с КГБ, решено было не рассекречивать. Естественно, я поинтересовался: почему?

— Ну, что ты, как можно? — ответили мне. — Ведь эти люди еще живы...

Но, пожалуй, больше всего поразили меня их полное невежество, их чудовищный провинциализм. Эти люди, представлявшие новую политическую элиту, мозг ельцинской команды, его ближайшее и самое доверенное окружение, просто ничего не знали о внешнем мире. Случайно мне попал в руки протокол одного из заседаний комиссии, из которого следовало, что документы о финансовой помощи КГБ Радживу Ганди решено было не рассекречивать. Как выяснилось, они просто не знали, что Раджива Ганди уже давно нет в живых, и боялись вызвать беспорядки в Индии!

Наконец, и видела эта комиссия, строго говоря, только то, что ей показали. Или, точнее, что никак не удавалось скрыть.

В призрачном мире коммунистических сумерек все не так, как кажется. Скажем, служащие архивов, без которых ни одна комиссия ничего найти не может, — очень часто сами в прошлом технические работники ЦК и, надо полагать,

попали на эту работу благодаря каким-то связям с высшим партийным начальством, быть может и родственным. Да и просто привычку, выработанную годами службы в самом секретном месте самого секретного государства в мире и доведенную до собачьего рефлекса, преодолеть не так легко. В результате, любые поиски в архивах наталкиваются на молчаливое, но упорное сопротивление, почти саботаж со стороны многих архивных работников, которые, как известно, и в нормальных-то странах относятся с болезненной ревностью к вверенным им секретам. А тут эта ревность, усиленная у одних страхом, у других — типичным для советского человека желанием поживиться тем, что у него под руками (да еще и не продешевить!), у третьих — политическими пристрастиями, у четвертых — извечным желанием мелкого чиновника показать свою значимость, унизив просителя, — выросла в непреодолимое препятствие. Нормальных людей, готовых охотно и доброжелательно сотрудничать с исследователем, там нашлись просто считанные единицы.

Легко представить, как намучилась комиссия, прежде чем набрала свои 48 томов. Начали они в апреле, сразу после принятия дела Конституционным судом, а к моменту моего приезда в конце июня дело еще только-только сдвинулось. Документы продолжали поступать все лето и осень, некоторые "отыскались" только к самому концу процесса и не без вмешательства самого Ельцина. Иные так и остались "ненайденными". Всю сложность "процесса поисков" я смог оценить после того, как, не удовлетворившись "находками" комиссии, стал требовать дополнительных документов. И, хоть никто мне прямо не отказывал, ни документов, ни виновных найти тоже не удавалось. А что тут скажешь? Ну, не нашли. Найти и правда не просто: в архивах КПСС несколько *миллиардов* документов.

Дело усложнялось еще и тем, что архив ЦК оказался разделен и самая важная его часть — архив политбюро, со всеми его решениями и протоколами заседаний с 1919 года начиная, — была году в 90-м переведена в Кремль, присоединена к президентскому архиву Горбачева. Даже попасть туда было физически невозможно без специального разрешения Ельцина, который его унаследовал вместе с Кремлем в конце 1991 года. И если в основном архиве ЦК, по крайней мере, можно было ознакомиться с описью документов, прежде чем их получения добиваться, то архив политбюро был вообще недоступен. И как, скажите, требовать документ, не зная даже, существует ли он? Работники президентского архива откровенно издевались надо мной, отвечая на все мои пространные запросы лаконично и нагло: "Документ не найден. Сообщите его шифр и дату", — отлично понимая, что ни того, ни другого я знать не могу.

Впрочем, и архив ЦК был немногим лучше: ведь опись дает только самое приблизительное представление о документе, чаще всего лишь его официальное название типа "Вопрос Международного отдела" или "Записка КГБ от такого-то числа". И сиди гадай, нужен тебе этот документ или нет. Стоит ради него тратить силы, связи, недели и месяцы упорной борьбы? И чаще всего, пройдя через все муки, выясняешь, что нет, не нужен. Прямо как в сказке про рыбака и рыбку: закинул рыбак свой невод в синее море, и пришел невод с травой морскою...

Словом, пригодился весь мой славный тюремный опыт методичной борьбы с бюрократической машиной. Приходилось каждый раз добираться до самого "вер-

ха", организовывать оттуда "давление", бесконечно изобретать причины, по которым та или иная бумага мне непременно нужна для показаний в суде. Да чего я только не испробовал.

Из всего арсенала наших тюремных трюков я сознательно не стал пользоваться только одним — подкупом. Быть может, я и не прав, но это казалось мне слишком унизительным, как, наверное, было бы оскорбительно бывшему узнику гитлеровских застенков покупать у эсэсовцев нацистские документы о репрессиях. Мысль о том, что те же самые подонки, строившие свое былое благополучие на наших костях, теперь еще и прибыль получат от своей прошлой деятельности, была мне просто нестерпима. Но зато, каюсь, сколько раз, доведенный до тихой ярости саботажем этих недобитков, я воображал, с каким наслаждением, имей я на то власть, выводил бы их небольшими группками во дворик, к стенке, и расстреливал. А вернувшись назад, спрашивал бы тихим, будничным голосом: "Ну, так нашлась бумажка? А, не нашлась?" И — следующую группку во дворик.

Не знаю, то ли я порядком отвык от советских людей с их рабскими комплексами, ложью и привычкой подчиняться только силе, то ли последние пятнадцать лет, что меня там не было, окончательно разложили их. Но, какова бы ни была причина, я обнаружил, что совершенно не могу иметь с ними дела без постоянного чувства гадливости. Это какой-то гибрид героев Гоголя с психологией героев Достоевского, да еще отягощенной семьюдесятью пятью годами советской жизни. Поражаюсь безрассудству западных бизнесменов, рвнувшихся осваивать "восточные рынки", в то время как даже мне бывает трудно разобраться в мотивах моих бывших соотечественников. А мотивов этих, даже при самом случайном столкновении с ними, тотчас обнаруживается ужасное множество, и чаще всего они совершенно иррациональны. Скажем, вот этот безликий, потеющий от неуверенности человечек, что встретил меня в коридоре архивного управления как бы невзначай, зазвал к себе в кабинет и украдчиво показал пачку документов, — чего он хочет? Зачем это делает?

— Могу я это скопировать?

— Что вы, никак нельзя... — отчаянный взмах руками, тоска в глазах.

— Можно прочесть?

— Вы просмотрите... нужно ли вам...

Документы — так себе, я видел лучше, без этих вполне могу и обойтись, нового в них мало, но просто встать и уйти уже неловко: чего он хочет? И потом — мне его жалко, он старался, он потеет — от собственной смелости? От нервозности? От духоты в кабинете?

— Ну а если нужно?

Молчание, мычание...

На душе у меня становится гадко, я вот-вот начну сам потеть. Он хочет денег? Признания? Любви? Я не знаю. Я даже готов, вопреки своему правилу, дать ему денег, просто так, без документов, лишь бы избавиться от этой тягостной ситуации. Но — вдруг обидится? Вдруг он — от чистого сердца?

— Так скопировать нельзя?

— Нет, нет, никак...

Мучительная пауза.

— Вам нужна помощь?

Ну вот, так и есть, обиделся, поджал губы и вспотел еще больше. Черт его дери, что я должен был сделать? Чего я не понял в этой загадочной славянской душе? Быть может, он просто хотел мне как-то помочь и не придумал, как? Или, прожив жизнь в покорности режиму, он наконец взбунтовался, совершил подвиг, показав мне секретные бумаги, но — на "скопировать" уж и духу не хватило?

Конечно же, и тех, кто меня ненавидел, и тех, кто тайно сочувствовал, было все-таки меньшинство. Основная масса, это извечное "молчаливое большинство", отнеслась к моей работе в архивах на редкость безразлично. Даже курьезность моего присутствия в здании бывшего ЦК, где разместилось архивное управление после августовского "путча", но все еще висели по стенам портреты Маркса и Ленина, а на дубовых дверях встречались таблички типа: "Зам. зав. сектором тов. Перепелкин Г.В.", не вызывала, видимо, в их душе никаких движений. Как, впрочем, и сами перемены в стране, наверное, значили для них не более, чем очередная смена начальства.

Во всяком случае, я скоро сообразил, что колебания в их обращении со мной — от подобострастно-заискивающего один день, вежливо-равнодушного на другой до холодно-официального на третий — не отражают ничего личного, а просто с точностью флюгера передают направление ветра в верхних эшелонах власти. Со временем я так к этому привык, что стал даже пользоваться этим индикатором для определения политической погоды в стране и мог с необыкновенной точностью сказать, чья сторона в перманентной российской борьбе за власть сегодня берет верх. И наоборот: узнавши об очередных сдвигах наверху, аккуратно угадывал, получу я нужный мне документ или нет.

Как ни грустно это сознавать, таково, видимо, "молчаливое большинство" и во всей стране, привыкшее за десятилетия быть всего лишь кордебалетом власти. Разве могут их теперь изменить какие-то там "демократические преобразования" или "рыночные отношения"? В этом царстве чиновников, где бюрократ стал поэтом, а поэт — бюрократом, "демократические идеи" восприняли весьма своеобразно: как право чиновника не подчиняться своему непосредственному начальнику, провозгласив "суверенитет" своего региона, города, предприятия. Однако взамен слепого подчинения не возникло никакого общего интереса: слишком долго и нагло идея "общего блага" эксплуатировалась коммунистами. В результате лишь распадается страна, общество, оставшееся без вертикальных связей. Но в каждом отдельном осколке сохранилась советская власть, со всей ее рабской системой отношений.

С теми, кто уверовал в "рыночные отношения", отнюдь не легче. Представить себе человеческий материал, более непригодный для бизнеса, просто невозможно. Прежде всего советский человек свято верит, что любой "бизнес" зиждется на обмане одной стороны другой. Иначе откуда бы взялась прибыль? За чей счет? Но если раньше это считалось предосудительным, даже преступным, то теперь, по прихоти российской истории, стало считаться нормой. Это и есть "капитализм", который коммунисты столь долго запрещали просто затем, чтобы самим наслаждаться его благами. Вроде как было с черной икрой или сырокопченой колбасой: не давали народу, чтобы съесть самим.

Это отнюдь не шутка, это грустный факт нынешней реальности. Объяснить советскому человеку, что бизнес только тогда и может работать, когда он выго-

ден всем, просто невозможно. Рассуждения о честности, о репутации как главном капитале любого успешного бизнесмена слушают с той же самой глумливой усмешкой, с какой в былые времена слушали советскую пропаганду: ну да, так нужно говорить для вида, это все идеология, а на самом деле...

Рожденный во лжи, вскормленный на обмане, советский человек твердо знает, что мир устроен по принципу "матрешки": снаружи, "для дураков", — одно, а внутри, "на самом деле", — совершенно другое. Поскольку же оказаться в дураках он боится больше всего на свете, то не то что бизнес с ним делать, а просто о чем-либо договориться — задача головоломная. Ведь прежде всего он должен выяснить, что "на самом деле" кроется за вашим предложением, кто стоит за вами, за теми, кто стоит за вами, и т.д., вплоть до последней "матрешки". А значит, прежде чем вы успели открыть рот, он уже абсолютно уверен, что "на самом деле" вы собираетесь его надуть, в то время как его задача — надуть вас. И какой уж тут бизнес? В лучшем случае он, как гоголевская Коробочка, пойдет узнавать, "почем нонче мертвые души", и обязательно попытается продать один и тот же товар сразу нескольким покупателям. В худшем — "продать" то, чего у него нет, или "купить", не заплатив. Это последнее и есть в его представлении высшее мастерство бизнеса, доступное лишь самому умному: ведь если задача бизнесмена — купить подешевле, а продать подороже, то идеалом будет просто кража. Оставшись же под конец ни с чем, он обижается на весь мир.

Таково, к сожалению, если и не большинство людей в нынешней России, то уж во всяком случае огромное их число. Таково, соответственно, и их нынешнее начальство, все эти Пихои со своими наивными хитростями. Ну, чего он старался, плел интриги, баламутил западные учреждения своими "соглашениями" да так и остался ни с чем, словно собака на сене? Теперь, в связи с Конституционным судом, забыв и про свой указ, и про любимый 30-летний период, "хозяин" потребовал открыть кладовые, и бедный Пихоя с лицом раскулаченного крестьянина был вынужден-таки расставаться со "своей" собственностью. Ведь при всех своих амбициях он был (и остался) всего лишь кладовщиком, хранителем чужого добра.

На него было жалко смотреть: я думал, он умрет от разрыва сердца. Да он было и слег с инфарктом — или только прикинулся в последней отчаянной попытке как-то вывернуться, кто его знает? Но безжалостное начальство вытащило его из постели, приволокло в архивы — открывай, ищи! Когда это российское начальство считалось с инфарктами? И он, поминутно хватаясь за сердце, глотая таблетки, — искал. А я через начальников — уговор дороже денег, хотите моей помощи, так открывайте архивы — выбивал из него все новые и новые документы.

Всего лишь четыре месяца назад он не дал мне увидеть даже то, что касалось меня лично: решения ЦК, по которым меня сажали в тюрьмы, высылали из страны. Теперь же покорно, почти без сопротивления, он открывал даже "особые папки", доклады КГБ, международного отдела. Святая святых ЦК.

— Ну, вот, Рудольф Германович, — не удержался я как-то, оставшись с ним вдвоем в комнате отдыха Конституционного суда, — а говорили: никто, никогда... Стоило ли столько сопротивляться, чтобы теперь все отдать?

— Ничего, — ворчал он уныло, — кончится же когда-нибудь это безумие с

судом. Вернется все назад.

И он был прав. Прошел суд, и к весне 1993 года мой "золотой дождь" иссяк так же внезапно, как и начался. Закрылись опять наглухо архивы, вернулся 30-летний период секретности, и даже то, что успел я ухватить в сумасшедшую пору суда, все тома документов, собранные комиссией, было вновь засекречено. Кто знает — быть может, и навечно.

Но, понимая это не хуже Пихои и угадывая наперед, что скопировать ничего не дадут — под предлогом ли отсутствия копировальных машин, необходимости специального разрешения копировать на каждую бумажку или черт его знает чего, — я заранее приобрел себе чудо японской техники, портативный компьютер с ручным сканером. По тем временам новинка даже на Западе, а уж для российских дикарей — неслыханное чудо. И теперь прямо у всех на глазах сидел и сканировал все подряд, страницу за страницей, нимало не смущаясь зевак, вечно любовавшихся моей машиной.

— Ну, надо же, — раздавались у меня за спиной восхищенные голоса лидеров демократической России, — небось, дорогая?

Никому так и не пришло в голову, что я делаю, до самого конца суда, до декабря 1992 года, когда, сраженный ужасной догадкой, один из них вдруг завопил на все здание:

— *Да он же все копирует!!!*

Воцарилась зловещая тишина. Я продолжал сканировать, точно не слышал

— *Он же все* ***там*** *опубликует!!!*

Я закончил работу, сложил компьютер и спокойно пошел к дверям, ни на кого не глядя. Только краем глаза смутно видел застывшие в ужасе лица новой ельцинской "элиты" да по-детски обиженное лицо Пихои, как бы говорящее: "Ну и пусть. Так вам всем и надо".

Никто не проронил больше ни слова, пока я шел к дверям. Должно быть, прикидывали, сколько же миллионов я огребу на Западе.

..Так и осталась в моих руках эта груда документов с грифом "секретно", "совершенно секретно", "особой важности", "особая папка". Несколько тысяч бесценных страниц нашей истории.

6. Встать, суд идет!

7 июля 1992 года с большой помпой открылись слушания в Конституционном суде по "делу КПСС". Судьи в специально пошитых черных мантиях — все в прошлом члены партии. "Потерпевшая сторона" — бывшие секретари ЦК и члены политбюро. "Ответчик" — президентская команда, вице-премьеры, министры — тоже почти все в прошлом партийные функционеры, но рангом пониже своих "оппонентов". Даже "эксперты" — и те в прошлом профессора партийных институтов. Прибавьте еще для полноты картины, что все это шоу происходило в здании бывшей КПК при ЦК КПСС — комиссии партийного контроля. Ни дать, ни взять, внутрипартийное разбирательство о неуплате членских взносов.

Председатель суда Валерий Зорькин, тоже в черной мантии, но еще и с золоченой цепью на шее, внимательно разглядывал стоящий перед ним на столе небольшой медный гонг, примеряясь, как бы в него ударить молоточком, не

повалив всю конструкцию.

— Ну этот-то хоть человек приличный, честный? — с тоской спросил я своего соседа, представителя "президентской стороны".

— О, да, — отвечал он радостно, — этот наш. Замечательный человек, в прошлом профессор Академии МВД.

Я прикусил язык. Так мне и надо, не задавай глупых вопросов. Понятия "свой — чужой", "приличный — неприличный" у нас явно не совпадали.

Конечно, этот суд, по сути — тяжба двух частей расколовшейся КПСС за свое бывшее имущество, был жалкой пародией на мою идею "исторического Нюрнберга", а мое участие в нем должно было выглядеть нелепо. Сама идея разбирательства такого дела Конституционным судом, а не уголовным изначально была компромиссом, связывавшим участникам процесса руки. Все, включая президента России, отлично понимали, что запретить КПСС необходимо прежде всего потому, что эта организация преступна, а не потому, что ее деятельность якобы противоречила конституции, ею же самою и составленной. Строго юридически доказать последнее было так же невозможно, как установить, что первично — курица или яйцо. Тем более, что в эту конституцию уже пришлось внести несколько сот поправок ровно потому, что она создана была для удобства коммунистов. Так какой же, спрашивается, конституции противоречила деятельность КПСС: первоначальной, без поправок, или ныне действующей, с поправками, сделавшими эту деятельность неконституционной?

Разумеется, и пресса, и публика сразу заметили эту хитрость: российские люди, может, и пассивны, и безалаберны, и черт знает что еще, но не дураки. Газеты притворно недоумевали, почему же не используется международное законодательство, которого вполне достаточно:

"*Существует Лондонское соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников стран оси от 8 августа 1945 года, приговор Международного Нюрнбергского военного трибунала от 1 октября 1946 года, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года о признании принципов, содержащихся в Уставе и приговоре Нюрнбергского трибунала, в качестве действующих норм международного права. Есть международная конвенция "О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества*", — писала, например, газета "Вечерняя Москва". — *Впервые нормы, содержащиеся в названных источниках, были применены в отношении германского национал-социализма. Но было бы заблуждением полагать, будто ситуация, сложившаяся на территории бывшего СССР, чем-то принципиально отличалась от той, которой дана оценка в приговоре Международного трибунала 1946 года. Оба государства — и Германия, и СССР, как выяснилось, соучаствовали в нападении на Польшу в сентябре 1939 года. Затем, во исполнение тайных договоров с политическим руководством Германии, советский коммунал-социализм совершил нападение на Финляндию, аннексировал Литву, Латвию и Эстонию, часть территории Румынии. А уничтожение тысяч польских военнослужащих, захваченных в плен в ходе агрессии против Польши, — разве это не уникальное по цинизму и бесчеловечности военное преступление?*

Преступная организация, осуществлявшая государственную власть в СССР, не сделала для себя выводов из итогов Нюрнбергского процесса, где на скамье подсудимых в силу сложившихся исторических реальностей оказалась только национал-социалистическая рабочая партия Германии. Вспомните: 1950 год — соучастие в развязывании войны на Корейском полуострове. 1956 год — вооруженное вмешательство во внутренние дела Венгрии. 1968 год — аналогичное вмешательство во внутренние дела Чехословакии. А в 1979 году — развязывание войны в Афганистане".

Казалось бы, что может быть проще, убедительней, логичней? Но нет, не решились да и не могли решиться бывшие коммунисты на такой шаг. Не захотели ни Ельцин, ни его окружение оказаться соучастниками преступлений против человечества. Взамен пришлось им придумать неловкую и головоломную шутку — доказывать, что КПСС "подменила собой государство", а потому и неконституционна. Боже избави, не преступна! Суд строжайше запрещал употреблять такое выражение — это ведь был Конституционный суд, не компетентный расследовать преступления.

Разумеется, представители КПСС сполна использовали слабость этой позиции. В день открытия суда газета "Правда" посвятила ему всю первую страницу, поместив высказывания президентской команды в бытность их партийными функционерами, а для сравнения — их теперешние высказывания, и все это под аршинным заголовком: "ГОСПОДА! КОГДА ЖЕ ВЫ ГОВОРИЛИ ПРАВДУ? ВЧЕРА ИЛИ СЕГОДНЯ?"

Таково же было и большинство свидетелей со стороны президента — все сплошь бывшие члены партии, а то и партийные вожди. Поэтому сторонники КПСС избрали, как им казалось, весьма остроумную тактику, буквально всем задавая один и тот же вопрос: *"Считаете ли вы, что все члены партии несут ответственность за ее деятельность?"* И что было отвечать этим бывшим партийцам? Разделить ответственность со своей бывшей партией не хотел никто.

"Ага, — ликовали капээсэсовцы, — но партия — это прежде всего 18 миллионов ее членов, а не горстка руководителей".

И торжествующе вытаскивали своих свидетелей — провинциальных партийцев, которые под присягой (и вполне искренне) заверяли суд, что ни в какой антиконституционной деятельности участия не принимали. Ну, не занимались члены КПСС Вологодской области ни международным терроризмом, ни агрессией против соседних стран, ни даже преследованием инакомыслящих. Они занимались уборкой урожаев и выполнением пятилетних планов.

А еще — на то они и диалектики — представители КПСС доказывали, что партия полностью изменилась после очередного съезда-пленума-постановления, осудившего прошлую деятельность. Значит, никакой ответственности за прошлое нести не может. Ну, убили несколько десятков миллионов при Сталине, был грех, но ведь XX съезд осудил эту практику. И Хрущев, и Брежнев в свое время наломали дров, но ведь и их осудили потом. Последний раз всяческую "практику" осудили уже в 91-м и как бы заново родились. Теперь только жить да действовать — так нет, запретили ни за что, ни про что...

Совсем, казалось бы, нелепый аргумент, но и на него не находилось достойно-

го ответа у "президентской стороны". Ведь и они, воспитанные на диалектическом материализме, считали теперь, что, выйдя из партии и осудив ее всего лишь год-два назад, не несут больше никакой ответственности за прошлое. Причем настолько, что ощущали себя вправе теперь судить и обвинять своих менее расторопных коллег. Не удивительно, что им так нужно было мое участие да еще двух-трех свидетелей из числа диссидентов: по крайней мере, нас не связывала партийная диалектика, и, отвечая на вопросы, мы могли говорить то, чего никто из них сказать не мог.

Да и само наше присутствие уже придавало хоть какой-то смысл происходящему. Это если и не понимали, то чувствовали все, даже судьи и капээсэсовцы, обращавшиеся к нам необыкновенно почтительно. Это же, видимо, раздражало кое-кого в президентской команде, хотя вряд ли они сознавали причину возникавшего у них ощущения дискомфорта. Один, безо всякой связи с предыдущим разговором и без малейшего намека с моей стороны, гордо сообщил, что демонстративно вышел из партии в первый день "путча", рассчитывая, наверно, поразить меня своей смелостью. Другой, улучив момент, долго рассказывал мне, как жестоко и несправедливо пострадал за свободомыслие: он, бедняга, так и не стал секретарем ЦК, а был "сослан послом" в одну из западных стран. Это были даже не родовые муки совести, а нечто вроде тоски в глазах обезьяны при виде своего бесхвостого, прямоходящего родственника.

И участники, и зрители этого фарса относились к происходящему с необычайной серьезностью. Ни тени иронии, ни намека на понимание абсурдности ситуации. Каждое утро у здания суда собирались сдерживаемые кордоном милиции толпы: с красными тряпками — на одном конце, с трехцветными — на другом. Зал был забит прессой и болельщиками: справа от прохода — "сторона КПСС", слева — "сторона президента". И не дай Бог перепутать, сесть не с теми. Бывшие секретари ЦК, члены политбюро, люди, еще недавно распоряжавшиеся судьбами мира, и те, кто ими распоряжался теперь, сидели часами в этом душном зале и напряженно слушали. Что они надеялись услышать, какую истину для себя открыть?

Вызванные свидетелями, они мелочно и глупо запирались, горячились, ругались, точно неопытные воришки, пойманные с поличным. Приложив руку к уху, чтобы лучше слышать, подавшись весь вперед, в позе крайне неудобной даже и для более молодого человека, просидел много недель процесса некогда всесильный Лигачев. Неужто этот старый хрен еще чего-то не знает про свою партию? Отнекивался как мальчик, отказываясь признать свою подпись под документом, бывший член политбюро Дзасохов. Неужели не мог придумать отговорку посолидней? Выкручивался ужом вызванный из Германии Фалин. Все это были фигуры не слабые, я видел их подписи под страшными документами и решениями, стоившими жизни многим людям. В моем воображении они рисовались коварными, всемогущими злодеями, а при ближайшем рассмотрении оказывались просто дураками. Полуобразованными, косноязычными, способными мыслить только при помощи клише из газеты "Правда".

Но ведь и "президентская сторона" была немногим лучше. Разве что поинтеллигентней, пообразованней, да и то лишь внешне. И при виде этого парада советской "элиты" невольно вспоминался старый анекдот, имевший хождение еще в

60-х, о том, что три качества биологически не могут совмещаться в одном человеке: ум, честность и партийность. Одно из них непременно исключалось, коммунист оказывался или умной сволочью, или дебильным ортодоксом. По этой трещине они и раскололись при наступлении кризиса режима: в то время как меньшинство клинических идиотов продолжало маршировать под красными флагами, циничное большинство быстренько обратилось в "реформаторов", "демократов", "националистов", "рыночников". Для них события, произошедшие в России, означали не революцию, не освобождение от тоталитарного гнета и уж тем более не крушение идеалов, а всего лишь возможность стремительно ускорить свою карьеру, перепрыгнув сразу через несколько ступенек старой иерархической лестницы. Разве не заманчиво было секретарю ЦК по пропаганде вассальной Украины Кравчуку превратиться в президента суверенной ядерной державы? Или редактору экономического отдела "Правды" Гайдару — в премьер-министра России?

И какая разница, как это теперь называется — демократия или социализм? Для них, никогда не веривших ни во что, кроме своих привилегий, "демократия" означала лишь новые возможности обмана, а "рыночная экономика" значила только одно — *коррупцию*. Соответственно, любую частную инициативу они будут давить под видом борьбы с коррупцией, свою же коррупцию всегда оправдают нуждами "рынка". Вцепившись во власть с чисто ленинской хваткой, они никогда не позволят возникнуть ничему новому, кроме одного: новой мафии на месте старой.

Действительно, не прошло и месяца после августовского "путча", как новая "демократическая" власть перебралась в Кремль, заняла здания ЦК на Старой площади, пересела в кремлевские спецмашины, разместилась на спецдачах, спецквартирах, прикрепилась к спецбольницам и спецраспределению. А уж крали так, как и не мечталось при Брежневе. И что же, прикажете теперь все это отдать менее шустрой, более глупой половине своей бывшей партии?

Такова была подоплека процесса в Конституционном суде, его скрытая суть. Разумеется, просидев в зале с полчаса в первый день, я больше там не появлялся до самого дня своих показаний, а сидел и сканировал документы в комнате отдыха, где при желании можно было следить за процессом по монитору. Или шел через улицу, в архивы ЦК. А уставши сидеть за компьютером, шел прогуляться по знакомым с детства переулкам, но почти ничего не мог узнать, словно попал в абсолютно чужой город.

Москва выглядела чудовищной развалиной, будто ее долго бомбила стратегическая авиация Соединенных Штатов. Не стало целых улиц, перекопанных какими-то канавами — то ли противотанковыми рвами, то ли траншеями для укладки канализации. По бокам высились одни фасады с мертвыми дырами окон да полусгнившими лесами. Сквозь груды обвалившейся штукатурки росла трава, а то и кустарник. Видно было, что все это стоит в запустении уже много лет, с тех самых пор, наверное, как внезапно, вследствие какого-то загадочного катаклизма, оборвалась здесь жизнь. Даже своего дома я не нашел: он был снесен вместе с другими домами нашего квартала, а на образовавшемся пустыре высился теперь огромный генеральский дом эпохи поздней империи зла. Лишь изредка чудом уцелевший кусок лепного карниза полуразвалившегося особняка или про-

ржавевшая решетка ограды тревожили в памяти образы иного города. Ведь это здесь, сообразив годам к пятнадцати, в каком месте угораздило меня родиться, я жил во вражеском окружении, вроде передового отряда всемирной освободительной армии, заброшенного в тыл врага. Эти улицы снились мне в тюрьме, эти переулки и проходные дворы сотни раз укрывали меня от КГБ, а эти особняки были моими единственными друзьями, которым я мог полностью доверять.

Или это мне только приснилось? Не было уже ни особняков, ни проходных дворов, чтобы подтвердить мою память. Не пришла и армия на выручку своему отряду — ее, как выяснилось много позже, просто не существовало. Все в моей жизни оказалось фантомом. Осталось лишь огромное заброшенное кладбище, где, как известно, торжествуют только черви.

А еще осталось недоумение, горечь, чувство бессилия и напрасно прожитой жизни:

Да почему же, черт возьми, не смогли мы окончить эту главу нашей истории более достойно? Чего мы не сделали? Где ошиблись? Или, быть может, наши усилия были и безнадежны, и бессмысленны?

Глава третья
НАЗАД, В БУДУЩЕЕ!

1. Так где же мы ошиблись?

Как ни странно, возможность такого исхода в России не казалась мне реальной довольно долго, вплоть до самого появления Горбачева и его гласности. До этого я всегда предполагал, что крушение коммунистической системы произойдет лет на десять позже, к концу века, но зато будет гораздо более радикальным, чем это вышло. Разумеется, сам факт неизбежности ее крушения сомнений не вызывал, но — когда и как? Лет десять-пятнадцать тому назад вопрос казался скорее академическим. Вспоминаются наши дискуссии семидесятых годов, начатые еще Амальриком в его "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?", где он вполне логично и, как теперь видим, правильно описал сценарий распада СССР на отдельные республики. Неважно, что начальным толчком, вызывающим этот распад в его сценарии, была война с Китаем, которой так и не произошло; гораздо важнее основной его тезис о том, что режим дряхлеет, растет оппозиция (в том числе и националистическая) и, стало быть, *серьезного кризиса СССР уже не пережить*. О том же, в сущности, были и многие другие книги того времени, от солженицынской "Бодался теленок с дубом" до моей "И возвращается ветер".

Вопрос этот, однако, был гораздо актуальней, чем казалось тогда, что я понял, только оказавшись на Западе. То, что для нас было очевидно в силу нашего опыта, здесь считалось не просто спорным, но скорее абсурдным и даже опасным бредом эмигрантов, вроде уверенности кубинских антикоммунистов в легкой победе при высадке в заливе Свиней. Запад не пожелал отнестись к нам всерьез. В лучшем случае на нас смотрели как на курьез — как ихтиолог, по меткому сравнению Амальрика, слушал бы внезапно заговорившую рыбу, будучи при этом уверен, что все равно знает про нее гораздо больше, чем она может рассказать.

Между тем, вся политика Запада в отношении советского блока вращалась вокруг этого вопроса, и если мы были правы, возвещая такое одряхление режима, при котором он не мог уже выдержать серьезного испытания, то Западу следовало сознательно создавать напряжение, вынуждая режим тратить последние силы. Да так оно отчасти и произошло в начале 80-х, когда более жесткая политика Рейгана и Тэтчер (совпавшая, к тому же, с кризисом в Польше и Афганистане) заставила-таки режим перенапрячься, чего он и не выдержал.

Но десять-пятнадцать решающих лет оказались потеряны. Если бы Запад последовал нашим советам, шел на обострение отношений вместо их "разрядки" и, главное, сумел освоить приемы "идеологической борьбы", Советский Союз рухнул бы на десяток лет раньше, а результат был бы совершенно иным. По крайней

мере, не было бы сомнений в том, кто победитель, а кто побежденный, а процесс выздоровления в России шел бы сейчас столь же успешно, как в Чехии.

В 70-е годы, однако, об этом можно было только мечтать. На деле приходилось опасаться прямо противоположного — полной капитуляции Запада перед советским монстром. Но если в этом вопросе мы были более или менее едины и, как могли, противились западному слабодушию, то вопрос о том, каким образом произойдет крушение режима, оставался спорным даже среди нас.

Нашумевшее в то время "Письмо вождям Советского Союза", написанное Солженицыным не без влияния книги Амальрика и впервые затронувшее проблему *переходного периода* от тоталитаризма к демократии, вызвало целую бурю протестов. Смешно вспоминать теперь, как набросились на Солженицына только, в сущности, за то, что он вообще осмелился предположить неизбежность такого периода, усомнившись в реалистичности надежд на немедленное торжество демократии после стольких десятилетий тотальной неволи. Бог мой, в чем только не обвинили его разного рода демагоги, и западные, и эмигрантские: и в монархизме, и в "хомейнизме", и чуть ли не в попытке захвата власти. На деле же, будучи погруженным в исследования революции 1917-го, он всего лишь хотел предупредить о возможности повторения в России такого же сценария (и, как мы видим теперь, был гораздо ближе к истине, чем его оппоненты).

Мое участие в этом споре было скорее случайным и отчасти вынужденным. Ко времени моего освобождения и высылки спор этот выродился в откровенную травлю Солженицына, раздражавшую меня своей абсурдностью. В ту пору я не любил рассуждать о будущем, считая такое занятие не только бессмысленным, но и вредным, способным лишь расколоть наши и без того ничтожные силы. Какой смысл спорить о том, кто может прийти на смену коммунистам, в то время как уходить они не собираются, продолжают морить по тюрьмам наших друзей, а весь мир готов встать перед ними, выражаясь языком биологии, в "позу подставления"?

Но уж так устроена интеллигенция: нет у нее другой радости в жизни, кроме самовыражения, поскольку нет высшей ценности помимо себя самой, и уж тут — вредно это или полезно всем остальным — а поговорить вволю о будущем не запретит им "ни Бог, ни царь и ни герой". Начавши же дискуссию, обязательно договорятся до взаимных обвинений в коварных замыслах, ибо каждый норовит не просто спорить по существу дела, но непременно одеться в тогу благородства, задавив оппонента моральным превосходством своих устремлений.

Более того, дай интеллигенции вволю поговорить о будущем, и она неизбежно договорится до *высшей мудрости* всех болтунов всех времен и народов, а именно: до утверждения, что *ничего не надо делать в настоящем, не то будет хуже в будущем*. Так вышло и на этот раз, хотя придумать что-либо хуже коммунистической диктатуры просто невозможно. Но на то она и интеллигенция, чтобы иметь необузданную фантазию, способную рождать "бродячие призраки". И вот, наспорившись до тошноты да обвинив попутно Солженицына во всех смертных грехах, договорились до того, что делать что-либо — упаси Боже, а то коммунизм может трансформироваться в еще более страшного монстра — *национал-большевизм, к коему и стремится коварный Солженицын*.

Уважаемый профессор логики Александр Зиновьев со свойственной его пред-

мету неумолимостью прямо так и заявил:

"Если мне завтра предложат выбирать между советской властью и властью Солженицына, я предпочту первую".

Нужно ли говорить, что такой вывод был как нельзя более кстати западному истеблишменту, эту дискуссию всячески подогревавшему. И советская власть получалась в результате не такой уж плохой, и бороться с ней не только не нужно, но и вредно. Главное же, диссиденты рассорились, сами не знают, чего хотят, а стало быть, и слушать их не стоит.

Словом, как ни старался я избежать участия в этих бессмысленных спорах, но уже чисто практические соображения требовали вмешательства с той хотя бы целью, чтобы прекратить столь вредившую нам склоку. Вроде как досадная необходимость в разгар войны отрывать силы с фронта, чтобы подавить возникший в тылу мятеж. Теперь же, проглядывая эти страницы ("Почему русские ссорятся?" — "Континент" N23), самому любопытно вспомнить, что я тогда, в 1979 году, думал о "переходном периоде":

"Бесспорно, всякие предсказания скорой революции в СССР нелепы, а пропаганда ее — преступна, как и пропаганда террора. Только сентиментальные писатели могут утверждать, что революции происходят от нищеты и бесправия народа — в момент, когда народ доведен до крайности. До конца никто не знает, отчего они происходят, но при нужде и голоде человек больше склонен к воровству, к индивидуальному бунту или к тупой покорности. При бесправии же человек о своем праве не ведает, да и слишком унижен, чтобы какого-то права требовать. Умелое правительство всегда может легко подкупить наиболее даровитых и энергичных среди этой массы разобщенных, озлобленных людей. Короче говоря, все это ведет к застою и гнету, как мы и видим в СССР. В этом состоянии, даже если бы какая-то сказочная внешняя сила устранила существующую структуру управления, то произошла бы полная катастрофа, анархия и взаимоистребление.

Революции чаще всего случаются, когда настоящие нищета и бесправие давно позади, но накопленная злоба и недоверие к власти делает всякую реформу ненавистной, недостаточной. В этом положении решительное или неумелое правительство — гарантия революции.

Ждать от революции справедливости и свободы — поразительная наивность. Всякое общественное потрясение поднимает со дна общества самую муть, и — "кто был ничем, тот станет всем". В революцию выдвигаются самые жестокие, подлые, кровожадные люди с сильными деспотическими характерами. Разбойничьи атаманы. После упорной междоусобицы наиболее жестокий и хитрый среди них сосредоточивает в своих руках всю власть. То есть революции всегда кончаются тиранией, а не свободой и справедливостью.

Может ли все это произойти в СССР? К сожалению, может, но вряд ли скоро. Пока что существующая там власть все еще достаточно крепка, чтобы отказаться от любых реформ. Даже куцые косыгинские реформы не прошли в том виде, как первоначально предлагались. И в этом есть своя логика. Власти понимают, что нынешний неповоротливый бюрократи-

ческий аппарат не сможет справиться с напором стихии, вызванной значительными реформами. Нет уже тех лихих мальчиков с маузерами, умевших играть со стихией. Сегодняшний коммунистический режим в СССР, пожалуй, самый консервативный в мире. Даже Хрущев оказался слишком революционным. Никаких же значительных общественных сил, независимых от власти и способных заставить власть пойти на реформы, у нас пока что не сформировалось.

Период их формирования может быть сколь угодно долгим, в зависимости от поведения правительства, международной ситуации и проч. и проч. При нынешнем положении экономические трудности не заставят власть провести значительные реформы. Таким образом, как это ни печально, но скорых улучшений ждать нельзя, не говоря уж о радикальных переменах. Можно ожидать лишь медленного роста независимых общественных сил на фоне общего застоя и разложения. Пока что проявились лишь контуры этих растущих общественных сил: национальные движения, религиозные движения, гражданско-правовое (интеллигентское по преимуществу) движение и зачатки рабочего движения".

Таким образом, в моем представлении этот "переходный", или подготовительный период означал "*борьбу общественных сил в стране за свою самостоятельность, борьбу, в результате которой тоталитаризма все меньше, а демократии все больше, до той поры, когда и революции уже не надо. То есть этот переходный период, с моей точки зрения, уже начался*".

Задача наша, следовательно, сводилась к расширению и укреплению этого движения, его ненасильственных традиций, к обеспечению его признания и поддержки Западом, чтобы к моменту конечного кризиса системы создать силу, способную обеспечить максимально безболезненный, бескровный переход. Этому и были посвящены все наши усилия как внутри СССР, так и в эмиграции.

Разумеется, никто не мог тогда предвидеть всех поворотов и вариантов, но даже теперь, зная последующий ход событий, я не вижу никакой серьезной ошибки в своих рассуждениях. Кроме мирной революции, нет другого цивилизованного решения этой проблемы, позволяющего избежать, с одной стороны, чудовищного кровопролития, с другой — медленного гниения и умирания страны вместе с системой. Но для того, чтобы такой сценарий сработал, советский человек должен был хоть на мгновение перестать быть советским человеком. Он должен был отвергнуть соблазн приспособленчества, переступить через страх репрессий, т.е. сделать усилие, *свой выбор*, чтобы стать просто человеком.

Да так оно, наверное, и получилось бы, несмотря на все репрессии, если бы не горбачевская "хитростройка", которую, надо полагать, мудрый ЦК и придумал-то отчасти как средство избежать такой развязки. Но, понадеявшись на спасение системы путем сильно запоздавших и половинчатых реформ, нарвался ровно на тот сценарий потери контроля над процессом, о котором я писал. На том и кончился коммунистический режим, столь же бесславно, как и начался, запутавшись в заговорах, потонувши в путчах и обрекши страну на развал и смуту. Ибо горбачевские "реформы" были рассчитаны на то, чтобы никоим образом не допустить формирования как раз тех *независимых общественных сил*, которые могли бы обеспечить стабильность в переходный период.

Дело тут было даже не в том, что умышленно создавались фиктивные и контролируемые общественные организации, гебешные "Народные фронты" да ультранационалистические пугала — все равно из этого ничего не получилось да и не могло получиться. Режим был обречен, но, прежде чем сдохнуть, он успел сделать последнюю подлость: окончательно скурвил страну соблазном легкого, без усилий и жертв, выздоровления. Успех этого обмана, особенно среди интеллигенции (люди попроще отнеслись к горбачевским хитростям с крайним недоверием), производил впечатление гораздо более гнетущее, чем все перестроечное лукавство советских вождей. От них-то чего было и ждать? Коммунисты как коммунисты, со свойственной им уверенностью, что при известной ловкости можно и экономику перехитрить, и народ обдурить, и историю объегорить, да так и въехать в рай дуриком, пока никто не спохватился. Но, когда я видел, как легко и охотно поверила интеллигенция в возможность спасенья "сверху", у меня просто опускались руки. Как будто мог быть в России хоть один человек, не понимавший, что эта партия, погрязшая в коррупции, лжи и преступлениях, и завела страну в нынешний тупик. Неужто кому-то было еще не ясно, что из недр этой партии, полстолетия старательно отбиравшей в свои ряды карьеристов и проходимцев, никак не могло прийти обновление? Неужто непонятно, что спасать доведенную ими до катастрофы страну нужно в первую очередь *от них*, а не *с ними*?

Да нет, разумеется, все им было ясно. Все обговорено по московским кухням еще в 60-е годы. Просто из всех социальных групп в СССР интеллигенция и так была самой ссученной, самой прикормленной; и так, подобно профессору Зиновьеву, "предпочитала" советскую власть (всячески ее при том ругая). А тут — вот ведь счастье! — хозяин позволил наконец *самовыражаться* в печати. Как тут было удержаться? Как не хвалить хозяина?

Словом, отдавая должное ловкости советских вождей, ухитрившихся-таки сколотить "блок коммунистов и беспартийных" даже на краю гибели (притом сколотить на базе антикоммунистических настроений!), нельзя было не видеть, что российская интеллигенция, вопреки заветам Чехова, так и не выдавила из себя раба, ни по капле, ни струйками. Во всяком случае, ее так же легко повязали круговой порукой разрешенной "гласности", как повязал Ленин российскую чернь, науськав ее "грабить награбленное". Мнимая угроза возвращения "бывших хозяев" сделала и тех, и других послушным орудием в руках коммунистических манипуляторов. Первородный грех горбачевских "свобод" в том ведь и состоял, что они были *дареные*. А подаренное — не завоеванное, оно вроде краденого: его всегда могут отобрать да еще надавать по шее. Где уж тут думать об альтернативах — лишь бы барин не вернулся и не отправил сечь на конюшню.

Выражаясь на соответствующем случаю жаргоне, горбачевская "гласность" ссучила интеллигенцию гораздо глубже, чем брежневская цензура. Как бы ни было скверно раньше, а все-таки оставались в обществе некие критерии приличия, какие-то правила моральной гигиены, отчего еще сохранялись нравственно здоровые люди, а заразившийся — и сам о том знал, и другим был заметен. Тут же настали времена особо мерзкие, когда больного от здорового нипочем не отличить, а всякие критерии принесены в жертву благородному делу "спасения перестройки" от мифических "консерваторов". Произошла тотальная евтушенкоиза-

ция интеллигенции и сплошная медведизация всей страны. Все вдруг сделались большими политиками, и приличных людей как-то совсем не стало видно, а сделки с совестью стали уважительно именоваться "политическим компромиссом". Враз перестроившись, зашагали дружными рядами под лозунгом: "Всеми правдами и неправдами жить не по лжи!" И, глядишь, вчерашний душитель захлебывался от собственного либерализма, а вчерашний либерал был теперь не прочь и придушить.

Конечно, этому сильно способствовала безоговорочная поддержка Горбачева Западом, в результате которой ситуация в стране, и без того непростая, запуталась до полной безнадежности. В ту пору кризиса для огромного числа людей в коммунистическом мире, не привыкших мыслить самостоятельно, "мнение Запада", то есть реально — мнение западного истеблишмента, было столь же бесспорно, как Священное Писание для верующего. И раз "Запад" провозгласил Горбачева героем, а его "перестройку" — демократией, то кто же мог решиться в России с этим спорить?

На Западе же хватало своих желающих поверить горбачевским басням. Или, по меньшей мере, считалось разумным поощрить перестройщиков за прилежание. И правда, старались же люди, сломали стенку в Берлине, вывели войска из Афганистана, отменили 6-ю статью Конституции, издали "ГУЛАГ" и даже никого не посадили за последние пару лет. Чего же еще и желать?

— Ах, — говорили мне, — вы слишком много пострадали от них. Вы неспособны быть объективным. Должен же быть какой-то рубеж, переступив который советская власть перестает быть советской властью, а коммунисты — коммунистами, и наша враждебность к ним должна смениться дружелюбием?

И что мне было ответить? Как объяснить людям, никогда не жившим при этом режиме, что коммунизм — не политическая система и даже не столько преступление, сколько некое массовое заболевание, наподобие эпидемии чумы? На чуму невозможно обидеться, с ней нельзя поссориться или помириться, можно только заболеть или не заболеть. Соответственно, нет никакой возможности чуму "перестроить" или реформировать: от нее надо выздороветь, напрягши всю свою волю к жизни. А тот, кто перестал с ней бороться и впал в апатию, как правило, не выживает.

Эта бездумная эйфория на Западе подорвала последнюю возможность победы над коммунизмом, а с нею вместе — и малейший шанс для России выздороветь. Как если бы союзники в конце Второй Мировой войны вместо требования "безоговорочной капитуляции" нацистской Германии удовлетворились ее "перестройкой", то бишь некоторой либерализацией режима. И что было бы теперь в Европе? Уж точно не демократия, а, как изящно выражаются нынче о бывших коммунистических странах, "посттоталитарный период". Маршал Петен был бы героем, "спасшим" Францию, а участники Сопротивления оказались бы безответственными авантюристами, только мешавшими своим экстремизмом разумным "реформаторам" из Виши.

Результат был катастрофическим. Помимо всего прочего, это способствовало и без того наметившемуся расколу нашего движения, толкнув часть его во главе с Сахаровым на самоубийственный союз с перестройщиками. И, глядишь, бывший политзэк о. Глеб Якунин призывал публику голосовать за бывшего генерала

КГБ Калугина, в прошлом организатора убийств диссидентов. И как после этого разобраться, кто же все-таки настоящий демократ, а кто горбачевский "коммутант"? Никогда не забуду, как, открывая свой марионеточный "парламент" весной 1989 года, Горбачев широким жестом пригласил на трибуну Сахарова и тем прикрыл всю свою ложь, все манипуляции и фальсификации гибнущего режима:

— Андрей Дмитриевич, прошу вас...

Эта сцена и теперь стоит в моих глазах — сцена бесславного конца всего того, ради чего я жил. Почти тридцать лет упорной работы по созданию *независимых общественных сил* обратились в ничто. И хотя Сахаров, отдадим ему должное, поняв незадолго до смерти свою ошибку, попытался создать оппозиционную партию и даже призвал к кампании гражданского неповиновения горбачевскому режиму — было уже поздно.

Что же касается Запада, такая его позиция в отношении "перестройки" была отнюдь не случайной и даже не новой. Напротив, она является прямым продолжением практически всей его "восточной политики" в послесталинский период, когда ставка делалась на мифических "голубей" (или "реформаторов", "либералов") в политбюро, коих и указать-то никто не мог. Нас же всех, тех, кто действительно боролся с режимом, высокомерно смахивали в "гуманитарную корзину". Полагалось посочувствовать нам, бедненьким, как "жертвам" да еще и поспекулировать нашим положением в качестве оправдания политики умиротворения коммунистического монстра: глядите, мол, как плохо будет людям, если мы не поможем "либералам" в Кремле.

Словом, Запад не пожелал признать в нас не то что партнеров, союзников в войне, но даже просто солдат, а приравнял к случайно пострадавшему мирному населению. Из бойцов нас превратили в заложников, причем вполне сознательно: иначе, спаси Бог, пришлось бы признать и наличие самой войны. Более того, те из нас, кто оказался на Западе, знают, какое давление оказывал на нас здешний истеблишмент с тем, чтобы сделать послушным инструментом своей соглашательской политики с коммунистическими режимами. И, глядишь, то, что не удалось КГБ при помощи тюрем и психушек, иногда удавалось их здешним союзникам при помощи контрактов, грантов, возможности печататься, а пуще всего — соблазна быть принятым и уважаемым западной "интеллектуальной средой".

Нет, это была не просто "глупость" Запада, не наивность здешней "элиты" — это была целенаправленная политика обеспечения *стабильности* в мире, стабильности любой ценой, даже ценой предательства. Величайшей угрозой человечеству была провозглашена не коммунистическая идеология, не агрессивная суть коммунистических режимов и даже не их ядерные ракеты, нацеленные на западные города, а их возможная дестабилизация, распад. В результате такой политики Югославия превратилась в Ливан, а Россия — в Нигерию. И это еще только начало...

Теперь, когда история вынесла свой приговор, мне нет нужды доказывать, кто был прав. Коммунистический режим рухнул, несмотря на усилия всего мира его спасти, подтвердив таким образом то, о чем и пыталась рассказать ихтиологу рыба: и его одряхление, и то, что его нельзя реформировать, а можно (и нужно) ликвидировать, и то, что угроза ядерной войны исчезнет только с его ликвидацией. Исчезли и столь любимые Западом коммунистические реформаторы со свои-

ми Нобелевскими премиями мира, так и не придумав "социалистической модели рынка". Кто их теперь помнит? Но осталась разрушенная страна без будущего, без всякой надежды на спасение, где на развалинах былой жизни орудуют лишь шайки мародеров, а многомиллионные толпы обнищавших жителей понуро и безучастно бредут мимо руин своих жилищ. И нет в их глазах не то что раскаяния, но даже искры мысли или усилия постигнуть случившееся, а только тупое недоумение, страх, словно у людей, переживших землетрясение: "Почему? За что? Ведь все было так хорошо..." И покуда не дойдет до них, что некого им винить, кроме самих себя, своего выбора, покуда ищут они причину своих несчастий в чем угодно: во всемирном заговоре, в инородцах, в мистических предначертаниях, — не обратятся они к собственным силам, чтобы начать жить заново, но вечно будут ждать помощи, милости, чуда.

А еще осталась **ложь**, навороченная истеблишментом в целях самооправдания за последние полстолетия, мегатонны лжи, от которой скоро уже нечем будет дышать. Остался сам этот истеблишмент, номенклатура коллаборантов, петены и квислинги "холодной войны" всех оттенков и размеров, на Востоке ли, на Западе все еще цепко держащие власть в своих руках. И пока не установлена истина, не вынесен им приговор — остается незавершенной эта глава нашей истории, не наступает и выздоровление. Так грешные души без покаяния не могут попасть ни в ад, ни в рай.

2. Времена укромные

Документы о сталинских репрессиях я копировать почти не стал — так, несколько штук для иллюстрации того времени, особенно поразивших меня своим цинизмом. В основном, это был конвейер смерти, работавший бесперебойно, по плану, как и вся советская индустрия. Но, хотя большинство этих историй мы знаем из книг и рассказов, некоторые документы впечатлили даже меня своей будничной бесчеловечностью. Одно дело — знать об этом, другое — видеть небрежную сталинскую записку, простым росчерком карандаша приговорившую к смерти 6.600 человек.

Масштаб социалистических преобразований страны был таков, что единицы вождей не интересовали. Счет шел на тысячи, десятки тысяч, на "категории". Выполнив план ("лимит") по врагам народа (точно так же, как по урожаю зерновых или удою молока), республики, области, края и округа докладывали в Москву о проделанной работе и, как принято при социализме, просили разрешения план перевыполнить, демонстрируя свое рвение.

Москва, ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Работа тройки закончена, в пределах лимитов по области осуждено 9.600 кулацкого, эсеровского, повстанческого, других антисоветских элементов. Дополнительно вскрыты кулацко-белогвардейские элементы, проводящие подрывную работу, всего по области учтено до 9 тысяч кулацкого антисоветского элемента.

Обком просит установления дополнительного лимита первой категории 3 тысячи, второй категории две тысячи, продлить срок до 20 марта.

Секретарь обкома ВКП(б) Ю. Каганович

Посовещавшись, вожди благосклонно разрешали отстрел продолжить, а сами, надо полагать, шли культурно развлечься в Большой театр, на "Лебединое озеро":

Выписка из протокола N58 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)
Решение от 17.2. 1938 г.
67. Вопрос НКВД.

Дополнительно разрешить НКВД Украины провести аресты кулацкого и прочего антисоветского элемента и рассмотреть дела их на тройках, увеличив лимит для НКВД УССР на тридцать тысяч.

Особые тройки обычно состояли из первого секретаря обкома (крайкома или ЦК компартии республики), начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области (края, республики). Разумеется, справиться с таким объемом работы они никак не могли. На протяжении только 1938 года лимиты несколько раз увеличивались, сроки продлевались и вся эта мясорубка грозила выйти из-под контроля. Наконец уже в ноябре Сталин распорядился работу троек сворачивать, новые дела передавать судам.

Трудно себе представить, чтобы люди, пережившие то время: как палачи, так и жертвы, — остались психически нормальными. Да и можно ли отличить одних от других? Вот, например, Френкель сообщает Ежову в октябре 1937 года о "неполадках" в работе этой машины:

Несколько дней тому назад в одном из колхозов Кузнецкого района колхозники пожаловались приехавшему инструктору обкома, что неподалеку от них ночью произошло массовое убийство. Проверка обнаружила, что в лесу ночью были расстреляны 8 врагов народа, по приговору спецтройки. Начальник РОНКВД, накануне исключенный из партии за связь и смычку с разоблаченными врагами народа, допустил провокационный, вражеский акт, не приняв меры, чтобы расстрелянные были зарыты в землю.

Этот начальник был арестован. Расстрелянные враги народа были закопаны.

Из-за плохой охраны из следовательских комнат Куйбышевского УНКВД было 2 случая, когда допрашиваемые враги народа выпрыгнули через окно, один выпрыгнул на улицу и разбился.

Не берусь установить, сколько же людей они убили, — я не нашел цифр расстрелянных, — но из доклада Берии и Вышинского Сталину в феврале 1939 года следует, что с 1927 года тройки и особые совещания ОГПУ-НКВД приговорили только к заключению и ссылкам *два миллиона сто тысяч человек*. И это не считая судов и трибуналов, которые ведь тоже трудились без отдыха, или массовых высылок "кулаков" в период коллективизации.

Конечно, 1937—1938 годы особо прославились только потому, что репрессии тогда коснулись самих коммунистических вождей. Для людей попроще и другие годы были не лучше. Даже война не смягчила их участи: достаточно вспомнить, что целые народы подверглись депортации, а миллионы пленных перекочевали из немецких концлагерей в советские. Гораздо менее известно, однако, что и боевой дух войск тоже поддерживался репрессиями.

С начала войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД по охране тыла задержано 657.364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежав-

ших с фронта, — сообщал зам. начальника Управления ОО НКВД Комиссар госбезопасности Мильштейн своему боссу Л.П.Берии.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов	**1505**
диверсантов	**308**
трусов и паникеров	**2643**
дезертиров	**8772**
распространителей провокационных слухов	**3987**
самострельщиков	**1671**
(...)	
ВСЕГО:	**25878**

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10.321 человек, из них расстреляно перед строем — 3.321 человек.

И это только за три первых месяца войны, на самой линии фронта. Для чекистов же фронт был везде, на всей территории огромной страны, а изощренность их методов была доведена до абсурда. Многие их "операции" вскрылись только в 1956 году, в так называемую "оттепель", когда комитет партийного контроля пересматривал дела безвинно репрессированных членов партии. Вот одно такое дело для иллюстрации:

Проверкой установлено, что в 1941 году с санкции руководства НКВД СССР Управлением НКВД по Хабаровскому краю в 50 км от гор. Хабаровска, в районе села Казакевичи близ границы с Маньчжурией была создана ложная советская пограничная застава, "Маньчжурский пограничный полицейский пост" и "Уездная японская военная миссия", которые работниками органов госбезопасности в переписке именовались "мельницей". По замыслу работников НКВД имитация советской пограничной заставы и японских пограничных и разведывательных органов предназначалась для проверки советских граждан, которые органами госбезопасности подозревались во враждебной деятельности.

Однако на практике это мероприятие было грубо извращено и направлено не на борьбу с действительными врагами советского государства, а против невинных советских граждан.

Бывший начальник Хабаровского управления НКВД Гоголидзе и бывший начальник 2 управления НКВД СССР Федотов использовали "мельницу" в антигосударственных целях, для фабрикации материалов обвинения на советских людей.

"Проверка" на пресловутой "мельнице" начиналась с того, что лицу, подозревавшемуся в шпионаже или иной антисоветской деятельности, предлагалось выполнить закордонное задание органов НКВД. После получения от "подозреваемого" согласия на выполнение задания инсценировалась его заброска на территорию Маньчжурии с пункта ложной советской погранзаставы и задержание японскими пограничными властями. Затем "задержанный" доставлялся в здание "Японской военной миссии", где подвергался допросу работниками НКВД, выступавшими в ролях официальных сотрудников японских разведывательных органов и русских белогвардейцев-эмигрантов. Допрос имел своей

задачей добиться от "проверяемого" признания "японским властям" в связи с "советской разведкой", для чего создавалась исключительно тяжелая, рассчитанная на моральный надлом человека обстановка допроса, применялись различного рода угрозы и меры физического воздействия.

Многие лица, искусственно ввергнутые в необычную и тяжелую для них обстановку, полагая, что они действительно находятся в руках врагов и в любое время могут быть физически уничтожены, рассказывали сотрудникам НКВД, выступавшим в качестве японцев, о связях с органами НКВД и о тех заданиях, которые они получили для работы в Маньчжурии. Некоторые из этих лиц, запуганные нависшей над ними смертельной опасностью, под влиянием мер физического воздействия сообщали отдельные сведения о Советском Союзе.

По окончании допросов, которые иногда длились в течение нескольких дней и даже недель, "задержанный" перевербовывался представителями "японских разведорганов" и забрасывался на территорию СССР с разведывательным заданием. Финал этой провокационной игры состоял в том, что "проверяемый" арестовывался органами НКВД, а затем как изменник Родины осуждался Особым совещанием на длительные сроки лишения свободы или к расстрелу.

Таким образом с 1941 по 1949 год через эту "мельницу" пропустили 150 человек, и, хотя их впоследствии реабилитировали (большинство посмертно), а вся эта чекистская затея была в хрущевские времена осуждена как "антигосударственная", никто из чекистов всерьез не пострадал. В основном их отправили на пенсию, и даже изобретатель этой чертовой мельницы и ее неизменный куратор генерал Федотов был всего лишь привлечен к "партийной ответственности". Удивляться тут нечему, учитывая, что практически все руководство страны было так или иначе замешано в "сталинских" репрессиях, начиная с тогдашнего начальника КГБ генерала Серова (имевшего непосредственное отношение к хабаровской "мельнице") и кончая самим Хрущевым.

Даже Брежнев, сделавший карьеру сравнительно поздно, в последние годы сталинского правления, успел-таки поучаствовать в этой всесоюзной мясорубке. Ставши первым секретарем ЦК Молдавии в 1950 году, он поспешил спросить, нельзя ли и ему получить "дополнительные лимиты" на отстрел враждебного элемента. К тому времени "классовая борьба" сильно поутихла, особенно не развернешься. Оставались жалкие недобитки, чудом уцелевшие после предыдущих чисток: всего каких-нибудь 735 семей кулаков (2.382 человека), "кулаков-одиночек" еще 735 человек да сектанты — 850 семей иеговистов и 400 семей иннокентьевцев, архангелистов, субботствующих, пятидесятников и адвентистов общим числом тысяч шесть душ. Хоть и не густо, но бдительность проявить можно.

Кадры были сталинские, и ждать от них особой строгости в осуждении "отдельных нарушений социалистической законности в период культа личности" не приходилось. Тем более, что прекращать политические репрессии как таковые они и не собирались. Вопреки расхожему мнению, "оттепель" была весьма относительной: менялся лишь масштаб и стиль, но не суть. Любопытно, что уже много позже, в 1975 году, тогдашний глава КГБ Андропов, раздосадованный нашей кампанией в защиту прав человека, оправдывался перед ЦК тем, что при "либераль-

ном" Хрущеве сажали гораздо больше, чем при нем:

Что касается мер уголовного преследования в отношении т.н. "диссидентов", под которыми на Западе обычно имеют в виду лиц, действия которых подпадают под статьи 70 (...) и 190-1 УК РСФСР, то цифровые данные на этот счет выглядят следующим образом. За период с 1967 года (...) по 1975 год по указанным статьям осуждено 1583 человека. За предшествующий девятилетний период (1958—1966 гг.) число осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду составляло 3448 человек. Кстати говоря, в 1958 году, т.е. как раз в тот период, который нередко называется на Западе "периодом либерализации" и к которому относятся заявления Н.С.Хрущева (27 января 1959 г.) об отсутствии "фактов привлечения к судебной ответственности за политические преступления", по статье 70 было осуждено 1416 человек, т.е. почти столько, сколько за все последние девять лет.

Запад всегда предпочитал мыслить шаблонами, а из каждого нового советского вождя делать либерала. Этой славы не избежал никто: ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Андропов, не говоря уж о Горбачеве. Так, надо полагать, проявлялась извечная западная мечта о том, что коммунистическая угроза исчезнет как-нибудь сама собой, без борьбы и риска. Как в известной частушке:

Утром встали — здрасьте!
Нет советской власти.

И так мечтали еще не самые худшие — худшие предлагали "задушить добротой" советского удава, отдавшись ему и душой, и телом. Помню, как окрысилась на меня английская интеллигенция в 1978 году, после выхода моей книги "И возвращается ветер", именно за то, что я был недостаточно почтителен к Хрущеву и его "оттепели". Да как я смел замахнуться на самое святое! Возмущению не было предела, особенно в газете "Гардиан", которая всегда и все знала лучше нас о нашей жизни. В действительности же если Хрущев чем и отличался ото всех остальных вождей после Ленина, так только несколько наивной верой в скорое торжество коммунизма. К чему и готовился весьма энергично, как раз в то время, как Запад плел ему венок либерала:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Об организации 12 (специального) отдела при Втором Главном (разведывательном) управлении МВД СССР

9 сентября 1953 года **гор. Москва**

1. Поручить МВД СССР (тов. Круглову) организовать при 2-м Главном (разведывательном) управлении МВД СССР 12-й (специальный) отдел для проведения диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникациях на территории главных агрессивных государств — США и Англии, а также на территории других капиталистических стран, используемых главными агрессорами против СССР.

Признать целесообразным осуществление актов террора (зачеркнуто и сверху, от руки, написано "*активных действий*") **в отношении наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических стран, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родине.**

2. Установить, что все мероприятия МВД СССР по линии 12 (специального)

отдела предварительно рассматриваются и санкционируются Президиумом ЦК КПСС.

3. Утвердить положение, структуру и штаты 12 (специального) отдела при 2-м Главном (разведывательном) управлении МВД СССР.

Секретарь ЦК КПСС Н.ХРУЩЕВ

Хорош был либерал, не правда ли? Для нас же, тех, кто успел посидеть в его "оттепель", эта бумага — не открытие. И убийства, и похищения лидеров эмигрантских организаций были хорошо известны в то время, как и хрущевское изобретение — психиатрические репрессии.

Более того, как видно теперь из документов, курс на частичную десталинизацию после смерти вождя был неизбежен, и первым предложил его не Хрущев, а... Берия. Разумеется, не доброта душевная и не стремление к чистоте ленинских идей подвигли его на это, а жестокая борьба за власть. Будучи на момент смерти Сталина главой МВД и госбезопасности, он располагал и архивами этих организаций, которые, естественно, использовал против своих противников. Начав реабилитацию по тем делам, в которых, в силу обстоятельств, замешаны были они, а не он, Берия как бы задал этим и условия всей послесталинской борьбы за власть. Хрущеву и компании ничего не оставалось, как устранить его чисто физически, а устранив, воспользоваться его же методом. Все равно джин был уже выпущен из бутылки, и загнать его назад стало невозможно.

Любопытно, что Берия, вошедший в историю лишь как сталинский палач и патологический убийца, был, оказывается, политиком с воображением. Начатую им кампанию селективных реабилитаций он не ограничивал борьбой за власть, но видел именно как новый курс партии на десталинизацию. В частности, во внешней политике он предлагал договориться с Западом об объединении двух Германий в нейтральное государство за десять миллиардов долларов, т.е. ровно то, что 35 лет спустя куда менее успешно осуществил лауреат Нобелевской премии мира Горбачев. Легко себе представить, как боготворил бы Запад Берию, победи он в борьбе за власть. Весь послесталинский период назывался бы не иначе как "бериевской оттепелью", а Хрущева никто бы и не вспомнил.

Да, наконец, и сама хрущевская реабилитация была гораздо менее честной, чем большинство тогда думало. Например, как выясняется из записки в ЦК тогдашнего главы КГБ Семичастного, практически до конца правления Хрущева семьям тех, кто был расстрелян по приговорам троек, просто лгали о судьбе их пропавших без вести родных:

В 1955 году с ведома инстанций и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание N108сс органам КГБ, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов (б. Коллегией ОГПУ, тройками ДП ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР). В соответствии с этим указанием органы госбезопасности сообщают членам семей осужденных, что их родственники были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы, а в необходимых случаях при разрешении имущественных или иных правовых вопросов регистрируют в загсах смерть расстрелянных с выдачей заявителям свидетельств, в которых даты смерти указываются в пределах 10 лет со дня ареста, а причины смерти — вы-

мышленные.

Установление в 1955 году указанного порядка мотивировалось тем, что в период массовых репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло отрицательно повлиять на положение их семей. Кроме того, предполагалось, что сообщение членам семей расстрелянных действительной судьбы их родственников могло быть использовано в то время отдельными враждебными элементами в ущерб интересам советского государства.

Существующий порядок сообщения вымышленных данных касается в основном невинно пострадавших советских граждан, которые были расстреляны по решениям несудебных органов в период массовых репрессий.

В результате пересмотра уголовных дел с 1954 по 1961 годы из общего числа расстрелянных в несудебном порядке около половины реабилитированы. В отношении большинства из них родственникам объявлены не соответствующие действительности сведения о смерти, якобы наступившей в местах лишения свободы.

Разумеется, Семичастный не предлагает ЦК признаться во лжи и сказать всю правду людям, он только рекомендует "устно сообщать действительные обстоятельства смерти" вновь обращающимся заявителям, тем более что их число, как он пишет, с каждым годом сокращается, "а регистрацию в загсах их смерти производить датой расстрела, без указания причин смерти, как это делают Военная Коллегия Верховного Суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных по приговорам судов".

Словом, и по сей день мы не знаем всей правды о том страшном периоде. Так, обрывки, фрагменты, случаи, истории, которые зачастую и не отличишь от легенд, столь распространенных "в те времена укромные, теперь почти былинные" (как их метко обозначил Высоцкий). Сравнительно недавно стали раскапывать когда-то секретные массовые захоронения, но и по этим рассеянным костям правды уже не восстановишь.

Да и хотим ли мы знать ее, эту правду? Боюсь, то безумное время навсегда останется в народном сознании черным, пугающим провалом, сколько бы новых документов мы теперь ни находили.

3. Наша "оттепель"

Оттого, наверное, я больше верю именно легендам, песням, картинкам и звукам своего детства: они, по-моему, гораздо точнее отражают то время. И если картинки эти в моей памяти неизменно грязно-серые, с крупнозернистым изображением, как на старых фотографиях или в кинохронике тех лет, то звук моего детства — это ровный, напряженный гул моторов где-то за горизонтом, тревожный и возбуждающий. Как будто детское ухо могло слышать то, чего не слышали взрослые, вечно поглощенные своими заботами, — беспрерывную работу адской машины власти.

Это было время какого-то надрыва, почти истерики. С одной стороны — помпезные сталинские парады, салюты и первомайские демонстрации, в которых участвовало почти полгорода; с другой — убогая, нищая жизнь в бараках и

коммуналках, с вечными драками и пьяной бранью, с неизменными калеками у пивнушек и кучками шпаны в подворотнях. И чем неприглядней была жизнь, тем больше официальной героики неслось из репродукторов. Героями полагалось быть всем, да так и пелось в известной песне:

Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.

Раскрепощенный человек социалистического общества должен был стать сверхчеловеком, покорять природу, поворачивать вспять реки и превращать пустыни в цветущие сады. В этом была своя неумолимая логика: ведь для того, чтобы создать земной рай, надо творить чудеса каждый день.

Вот такими "героями по приказу" они и были. Вечно впроголодь, вечно в телогрейках или военной униформе (другой одежды я в своем детстве и не помню), но зато пилоты штурмовали небо, а полярники покоряли Северный полюс. Практически голыми руками "герои" рыли каналы, возводили плотины, строили крупнейшие в мире промышленные комплексы. Торжествующий пролетариат шагал от победы к победе, демонстрируя непоколебимую силу коллективного труда.

Разумеется, вся эта государственная романтика никак не вязалась с реальностью быта. Маяковский, будучи человеком талантливым, несмотря на свое огромное желание возвеличить подвиг строителей "города-сада" посреди непролазной тайги, невольно передает бредовой характер ситуации:

Сидят в грязи рабочие,
Подмокший хлеб жуют.

Эту картинку видишь, она реальна, и потому совершенно не веришь его патетическому, если не сказать истерическому, выводу:

Я знаю, город будет,
Я знаю, саду цвесть,
Когда такие люди
В стране советской есть!

Да нет, не построят "такие люди" никакого "города-сада", если не могут построить себе чистой столовой и уберечь от дождя хлеб, а предпочитают покорно сидеть в грязи. Это уже не чудо-богатыри, покорители стихии, а зэки, если не де-юре, то де-факто.

Героизм и сам по себе штука жестокая, ибо в основе его заложена идея самопожертвования, а возведенный в ранг государственной идеологии, он еще и абсурден. Природа ведь не щедра на героев, их не может быть много у любого народа любой эпохи. И что же такое "массовый героизм", столь упорно пропагандировавшийся системой, как не массовое и отнюдь не добровольное жертвоприношение? То есть, попросту говоря, массовое убийство — точно так же, как "покорение природы" попросту означало ее варварское разрушение. Только много позже, оглянувшись назад, люди того времени увидели, что сверхчеловеческое и бесчеловечное суть одно и то же. Пока немногие действительно горели энтузиазмом, остальные тряслись от страха, а наиболее циничные демагоги лезли наверх, к власти, и гибли в очередных чистках. Это поколение сгорело дотла, извело себя на непосильной работе, сгнило по лагерям, полегло на фронтах "классовой борь-

бы", и притом безо всякого толка. Их жертва оказалась бессмысленна: величественные каналы и плотины превратили реки в зловонные болота, а гигантские промышленные комплексы обратили в пустыню цветущую некогда землю, как будто сама природа, этот извечный "враг народа", задалась целью сорвать их грандиозные замыслы.

Абсурдность состояла еще и в том, что героический порыв, как и всякий эмоциональный всплеск, легко вызвать, но совершенно невозможно регулировать и, тем более, направлять исключительно на пользу государству. "Советский человек", каким его стремилась создать система, был невозможен по определению, как невозможен покорный бунтарь, революционер-конформист, герой-трус. Отсюда этот полупьяный надрыв, драки, уголовщина, с одной стороны, и бесконечная, фантастическая ложь — с другой. Не может же страна приказать тебе быть героем только в определенные часы дня и только в определенных случаях. И если тебя воспитывали с детства на примере человека, грудью закрывшего пулемет врага, или девушки, погибшей под пытками в гитлеровском застенке, но не выдавшей своих товарищей, то почти невозможно примирить это с атмосферой лжи и доносов, в которой ты принужден жить.

Во всяком случае, романтическая пропаганда должна была сильно усложнять работу чекистов. Например, мы с изумлением узнаем, что ту же чекистскую "мельницу" под Хабаровском кое-кто выдержал, не расколовшись ни на "японской", ни на "советской" стороне, то есть пройдя через много недель пыток, и чекистам пришлось их расстрелять без суда, чтобы спрятать концы в воду. Там же, на этой адской "мельнице", — поразительный человеческий поступок, от которого просто мурашки по спине:

21 ноября 1947 года советский гражданин, китаец Ян-Лин-Пу, работавший поваром на "ЛЗ" (ложный закордон, официальное название фиктивной "Японской военной миссии") **возмутился творившимся там произволом, побил посуду, уничтожил все кухонные предметы японского производства. Начальник отделения Попов совместно с негласным сотрудником Чу-Цин-Лином, опасаясь, что Ян-Лин-Пу может скрыться за границу, застрелили последнего.**

Да ведь и тот несчастный из доклада Френкеля, что выпрыгнул из окна следственного кабинета в Куйбышеве на улицу и разбился, тоже совершил подвиг, ценой своей жизни разоблачив чекистский произвол. И сколько их было, тех, кто не сдался, не сломался, погиб кусаясь и царапаясь, безо всякой надежды даже на благодарную память потомков? История не сохранила их имен, дошли до нас только легенды, но именно благодаря им злу не удалось захлестнуть весь мир, ставши общепринятой нормой.

Война, как ни странно это звучит, внесла в параноический бред тридцатых годов некоторую долю нормальности. По крайней мере, появился вполне реальный враг, реальная угроза жизни близких, а значит, и вполне понятная человеку необходимость рисковать жизнью ради их спасения. Но по этой же причине оказалась такой успешной и сталинская патриотическая пропаганда, заразившая вирусом героизма военное и послевоенное поколения. Мы росли, не зная ничего, кроме войны, разрушения, смерти, с младенчества соображая, как подороже отдать свою жизнь.

А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки.

Да, видимо, дело было не только в пропаганде. Иногда я думаю, что мы просто родились с какой-то тайной целью, заложенной в генах. Казалось, в своем последнем, отчаянном усилии выжить нация выбросила на свет поколение камикадзе, которое, дойди Гитлер хоть до Сибири, все равно разорвало бы в клочья его полчища. Европе сильно повезло, что война кончилась прежде, чем мы подросли. Но она кончилась, а сопливые смертники остались жить, сильно разочарованные, что "не досталось им даже по пуле", и уже неспособные ни на что другое.

Последствия для режима были самые катастрофические. С одной стороны, страну захлестнула уголовная романтика, которая, сколько с ней ни боролись, осталась господствующей "идеологией" среди молодежи и в конце концов пережила коммунистическую. При всех необходимых скидках на послевоенную неразбериху, безотцовщину и т.п. антигосударственная направленность этого импульса очевидна: все-таки эти "романтики" ушли "из подворотен ворами", а не комсомольцами-добровольцами на стройки коммунизма. Этих последних, когда они попадали в лагеря, ожидала самая свирепая расправа. "Малолетки", составлявшие к 1956 году почти 40% заключенных, по свидетельству всех комиссий, направлявшихся перепуганным ЦК для расследования этого явления, были совершенно неукротимы.

С другой стороны, военная героика разбудила в народе дух сопротивления. Пошли восстания и в лагерях, и вне лагерей, сотрясая устои самой системы. Перемены стали неизбежны, даже если бы Сталин прожил дольше, хотя, конечно, его смерть была поворотным моментом. В частности, волна восстаний в Восточной Европе и особенно венгерская революция 1956 года, безусловно связанные с этим событием, наэлектризовали атмосферу и в самом Советском Союзе. Под танки пришлось бросаться не нам, а нашим сверстникам в Будапеште, что обеспечило им наши симпатии. Думаю, из тех 1416 осужденных в 1958 году по ст.70, о которых пишет Андропов, большинство пошло в тюрьмы "за Венгрию", как тогда выражались. Листовки, поджоги или просто отказ участвовать в выборах стали распространенным явлением.

Оживилась и интеллигенция, особенно круги ученых-физиков, где микроб вольнодумия, видимо, никогда не был истреблен до конца, даже при Сталине.

ЛАНДАУ группирует вокруг себя ряд физиков-теоретиков из числа антисоветски и националистически настроенных ученых еврейской национальности, — докладывал ЦК в 1957 году тогдашний глава КГБ Серов.

Любопытно теперь, 35 лет спустя, читать этот доклад, состоящий в основном из подслушанных чекистами высказываний Ландау, весьма типичных в среде интеллигенции того времени:

Отождествляя мятежников с венгерским народом и рабочим классом, происходящие события в Венгрии он характеризовал как "венгерскую революцию", как "очень хорошее, отрадное событие", где "народ-богатырь" сражается за свободу.

"...Венгерская революция — это значит практически весь венгерский народ, восставший против своих поработителей, т.е. против небольшой венгерской клики, а в основном против нашей.

...Настоящие потомки великих революционеров всех времен... То, что они сейчас проявили, это заслуживает позаимствования. Вот перед Венгрией я готов встать на колени".

Говоря о политике советского правительства в этом вопросе, он заявляет:

"...Наши решили забрызгать себя кровью.

...У нас это преступники, управляющие страной".

12 ноября 1956 года в разговоре у себя на квартире о наших действиях в Венгрии и на вопрос собеседника, что "если бы Ленин встал, у него бы волосы встали", ЛАНДАУ ответил:

"Но с другой стороны у Ленина тоже было рыльце в пуху. Вспомни кронштадтское восстание. Грязная история. Тоже рабочий класс Петрограда и моряки из Кронштадта восстали. У них были самые демократические требования и они получили пули... фашистская система.

...Первое, что было сделано еще в октябре 1917 года, в течение нескольких месяцев произошла передача власти. Она была полностью передана в руки партийного аппарата. Была немедленно дана установка партии: грабь награбленное и бери себе. Ими все было сделано по науке.

...Это не ошибка, в этом была идея. На этом была сделана революция".

На вопрос: "Значит, эта вся идея порочна?" — ЛАНДАУ ответил: "Конечно".

"...Я считаю, что пока эта система существует, питать надежды на то, что она приведет к чему-то приличному, никогда нельзя было, вообще это даже смешно. Я на это не рассчитываю.

...Сейчас вообще открылась возможность, которой я вообще не представлял себе, возможность революции в стране, как возможность. Еще год назад казалось, что думать у нас о революции смехотворно, но это не смехотворно. Она произойдет, это не абсурд".

Да, ровно так мы тогда и думали, так чувствовали, от подростка до академика. В этой-то нашей вере, а отнюдь не в "либерализме" вождей и заключалась "оттепель". Отсюда и началось наше движение, наша борьба против внезапно наступившей зимы, смысл которой непостижим для тех, кто не жил в вечном надрыве, не слышал своими ушами гула адской машины власти, не примерялся с детства прыгать под танки.

Что же касается вождей, то все они, начиная с Хрущева и кончая Горбачевым, стремились лишь затушить эту искру надежды, справедливо видя в ней угрозу своей власти. Сталинское время навсегда осталось для них "золотым веком", о котором они ничего не хотели помнить, кроме официальных легенд. Даже 30 лет спустя они сожалели лишь о том, что Хрущев в пылу борьбы за власть слишком сильно раскачал лодку. И так им хотелось переписать историю, вычеркнув из нее все зигзаги "оттепелей", так не хватало им былой ясности Вождя и Учителя, его твердой руки и орлиного взгляда, устремленного в будущее!

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС 12 июля 1984 года

ЧЕРНЕНКО. За пределами повестки дня я хотел бы проинформировать вас о некоторых письмах, поступивших в мой адрес.

Как вы знаете, по одному из писем мы приняли решение. Это была просьба В.М.Молотова о восстановлении его в рядах КПСС. Я принимал Молотова, беседовал с ним. Он воспринял наше решение с большой радостью и

чуть не прослезился. Молотов сказал, что это решение означает его второе рождение. Молотову сейчас 93 года, но выглядит он достаточно бодрым и говорит твердо. Он заявил, что Политбюро ЦК сохраняет и продолжает ту работу, которую настойчиво вела партия. Только, мол, плохо, что работаете вы, как и мы раньше, допоздна. Молотов рассказал о том, что он интересуется прессой, читает периодические журналы. Он заявил: ведете вы дело правильно, за это и получаете поддержку народа.

УСТИНОВ. Это важная оценка с его стороны.

ЧЕРНЕНКО. Молотов сказал, что он не понимает людей, которые в силу обиды становятся в оппозицию. Он заявил, что осознал свои ошибки и сделал необходимые выводы. После нашей беседы Виктор Васильевич Гришин в горкоме партии вручил Молотову В.М. партийный билет.

ТИХОНОВ. В целом мы правильно сделали, что восстановили его в партии.

ЧЕРНЕНКО. Но вслед за этим в ЦК КПСС поступили письма от Маленкова и Кагановича, а также письмо от Шелепина, в котором он заявляет о том, что он-де был последовательным борцом против Хрущева, и излагает ряд своих просьб. Разрешите мне зачитать письмо Кагановича. (Читает письмо). Письмо аналогичного содержания, с признанием своих ошибок прислал и Маленков.

ТИХОНОВ. Может быть, пока с этими письмами ничего не делать?

ЧЕРНЕНКО. Пока мы можем в связи с этими письмами ничего не делать, а договоримся вернуться к их рассмотрению после XXVII съезда нашей партии.

УСТИНОВ. А, на мой взгляд, Маленкова и Кагановича надо было бы восстановить в партии. Это все же были деятели, руководители. Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущев по отношению к Сталину. Сталин, что бы там ни говорилось, — это наша история. Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина.

ГРОМЫКО. На мой взгляд, надо восстановить в партии эту двойку. Они входили в состав руководства партии и государства, долгие годы руководили определенными участками работы. Сомневаюсь, что это были люди недостойные. Для Хрущева главная задача заключалась в том, чтобы решить кадровые вопросы, а не выявить ошибки, допущенные отдельными людьми.

ТИХОНОВ. Может быть, к данному вопросу вернуться в конце года — начале будущего года?

ЧЕБРИКОВ. Я хотел бы сообщить, что западные радиостанции передают уже длительное время сообщение о восстановлении Молотова в партии. Причем они ссылаются на то, что до сих пор трудящиеся нашей страны и партия об этом ничего не знают. Может быть, нам следует поместить сообщение в Информационном бюллетене ЦК КПСС о восстановлении Молотова в партии?

Что касается вопроса о восстановлении в партии Маленкова и Кагановича, то я бы попросил дать нам некоторое время, чтобы подготовить справку о тех резолюциях, которые писали эти деятели на списках репрессированных. Ведь в случае восстановления их в партии можно ожидать немалый поток писем от реабилитированных в 50-х годах, которые, конечно, будут против восста-

новления их в партии, особенно Кагановича. Надо быть к этому готовыми. Я думаю, что такая справка должна быть в поле зрения Политбюро ЦК при принятии окончательного решения.

ТИХОНОВ. Да, если бы не Хрущев, они не были бы исключены из партии. Он нас, нашу политику запачкал и очернил в глазах всего мира.

ЧЕБРИКОВ. Кроме того, при Хрущеве ряд лиц был вообще незаконно реабилитирован. Дело в том, что они были наказаны вполне правильно. Возьмите, например, Солженицына.

ГОРБАЧЕВ. Я думаю, что можно было бы обойтись без публикации в Информационном бюллетене ЦК КПСС сообщения о восстановлении Молотова в партии. Отдел организационно-партийной работы мог бы в оперативном порядке сообщить об этом в крайкомы и обкомы партии.

Что касается Маленкова и Кагановича, то я тоже выступил бы за их восстановление в партии. Причем время восстановления не нужно, видимо, связывать с предстоящим съездом партии.

РОМАНОВ. Да, люди эти уже пожилые, могут и умереть.

УСТИНОВ. В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным.

ГРОМЫКО. По положительному образу Советского Союза в глазах внешнего мира он нанес непоправимый удар.

УСТИНОВ. Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы.

ГРОМЫКО. Фактически благодаря этому и родился так называемый "евро-коммунизм".

ТИХОНОВ. А что он сделал с нашей экономикой? Мне самому довелось работать в совнархозе.

ГОРБАЧЕВ. А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации!

УСТИНОВ. Мы всегда были против совнархозов. И такую же позицию, как вы помните, высказывали многие члены Политбюро ЦК.

В связи с 40-летием Победы над фашизмом я бы предложил обсудить и еще один вопрос, не переименовать ли снова Волгоград в Сталинград? Это хорошо бы восприняли миллионы людей. Но это, как говорится, информация для размышления.

ГОРБАЧЕВ. В этом предложении есть и положительные, и отрицательные моменты.

ТИХОНОВ. Недавно вышел очень хороший документальный фильм: "Маршал Жуков", в котором достаточно полно и хорошо показан Сталин.

ЧЕРНЕНКО. Я смотрел его. Это хороший фильм.

УСТИНОВ. Надо обязательно его посмотреть.

ЧЕРНЕНКО. Что касается письма Шелепина, то он, в конце концов, просит для себя обеспечения на уровне бывших членов Политбюро.

УСТИНОВ. На мой взгляд, с него вполне достаточно того, что он получил при уходе на пенсию. Зря он ставит такой вопрос.

ЧЕРНЕНКО. Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями. Но как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться.

ТИХОНОВ. Желаем Вам, Константин Устинович, хорошего отдыха во время отпуска.

ЧЕРНЕНКО. Спасибо.

4. Нас слишком мало

Нам всегда говорили: "Вас слишком мало. Какое вы можете иметь влияние?" И мы всегда соглашались: да, мало. А отвечая на расспросы о возможном количестве участников движения или о числе политзаключенных, мы всегда предпочитали скорее преуменьшить, чем преувеличить. Ну, извините: сколько есть — столько есть. Такое уж наше общество, такая страна, что больше желающих не нашлось. Теперь же спрашивающим об этом, особенно своим сверстникам, я еще добавляю:

— Присоединились бы вы к нам — было бы на одного человека больше.

Но у них всегда находятся очень веские причины, убедительно объясняющие, почему они этого сделать никак не могли.

А еще мы отвечали, что дело не в количестве и даже не в практических результатах, а в принципе внутренней свободы и нравственной ответственности человека. Это должно быть как бы нормальной потребностью, вроде потребности дышать, есть, двигаться. Но такого уж совсем никто не хотел слушать. Философии в нашей жизни было и так слишком много, а практических результатов — мало. Да и мудрено получалось: выходит, для собственного же блага надо отказаться от нормальной жизни, карьеры, идти в тюрьму? И в чем же тогда благо?

Замечательно, однако, что при такой бесперспективности и, более того, после стольких десятилетий террора, казалось бы, вытравившего в людях все человеческое, нас оказалось гораздо больше, чем мы могли мечтать, а наше влияние на режим — более значительным, чем мы сами подозревали. Достаточно было самого поверхностного ознакомления с документами ЦК, чтобы в этом убедиться. Прежде всего поражало их количество: КГБ докладывал ЦК буквально все, каждую мелочь о нашем движении, и по каждой мелочи ЦК, а то и политбюро должны были принимать решение. Не только наши аресты, суды, высылки, обыски, но даже мельчайшие оперативные сведения, таким образом, требовали внимания этих пятнадцати сильно пожилых и чрезвычайно занятых людей:

Комитет госбезопасности докладывает, что, по полученным данным, проживающие в г. Обнинске Калужской области кандидат биологических наук Института медицинской радиологии МЕДВЕДЕВ Жорес и его близкий знакомый ПАВЛИНЧУК Валерий приступили к размножению на пишущих машинках неопубликованного романа А.СОЛЖЕНИЦЫНА "В круге первом" с целью распространения его среди научных сотрудников г. Обнинска, — сообщал глава КГБ Андропов своим коллегам в ЦК. — **Для этой же цели планирует свою поездку в Обнинск научный сотрудник Института истории АН СССР ЯКИР Петр Ионович, который известен как участник ряда антиобщественных проявлений и выступающий с политически вредными заявлениями. Учитывая, что роман А.СОЛЖЕНИЦЫНА "В круге первом" является политически вредным произведением, в случае выезда ЯКИРА в Обнинск и получения им экземпляров романа**

считали бы необходимым ЯКИРА П.И. задержать и изъять у него эти рукописи, а в отношении МЕДВЕДЕВА Ж. поручить Обнинскому горкому КПСС принять меры к пресечению его антиобщественной деятельности. Прошу рассмотреть.

И они рассматривали. На полях, от руки, написано "Согласиться", а дальше — подписи Суслова, Пономарева, Кириленко... Поразительно! Даже весь наш самиздат пересылал им Андропов:

Оперативным путем установлено, что ЛИТВИНОВ, ГОРБАНЕВСКАЯ, ЯКИР и некоторые их единомышленники изготовили и распространяют документ под названием "Год прав человека в Советском Союзе" (копия прилагается) с клеветническим изложением судебных процессов в Москве и Ленинграде и кратким содержанием писем и обращений, дискредитирующих советские органы власти и управления. Сообщается в порядке информации.

Попробуй в те времена добиться, чтобы твою жалобу прочел член политбюро! Безнадежно. Все застревало в аппарате, пересылалось тем, на кого жаловался. А тут не только прочтет, но и решение обязан принять. Чудеса! Самый эффективный путь заставить власти задуматься. И это только самиздат, оперативные сведения. По нашим же арестам, судам, приговорам им приходилось иногда и поспорить, откладывать решение для дополнительной проработки проблемы, возвращаться к ней по несколько раз. Работали люди, думали, решали. Не просто автоматически ставили свою подпись. Я так был просто тронут, увидав, что все политбюро, оказывается, заседало, решая, напечатать ли после моего суда в 1967 году маленькую заметку о нем в "Вечерней Москве":

Обвиняемый БУКОВСКИЙ, вина которого состояла прежде всего в том, что он являлся основным организатором антиобщественной демонстрации, в своем выступлении на суде пытался придать суду политическую окраску, заявлял о неконституционности в действиях органов власти и суда, вел себя на суде с явным желанием попасть на страницы зарубежной печати не как антиобщественный уголовный преступник, а как лицо, обвиненное в политическом преступлении, — сообщал в ЦК Андропов. — **В связи с тем, что на Западе вокруг этого процесса появились сообщения, искажающие его суть, представляется целесообразным опубликовать на этот счет в газете "Вечерняя Москва" краткое сообщение (прилагается).**

Действительно, приложен черновик заметки в 14 строк под заголовком "В Московском городском суде". А смысл дела лишь в том, чтобы сообщить, будто бы я признал свою вину и, стало быть, все слухи о какой-то моей речи на суде есть сплошная выдумка буржуазной пропаганды. Только-то и всего, очередная маленькая ложь на благо дела социализма. Но ведь сидели, обсуждали, голосовали. И результат голосования тут же приложен: Брежнев — за, Кириленко — за, Косыгин — в отпуске, Мазуров — замечаний нет, Пельше — согласен, Суслов — в отпуске...

Оказывается, возникали у них и неприятные разногласия. Вот, например, документы о суде над демонстрантами, протестовавшими против советского вторжения в Чехословакию в августе 1968 года. Казалось бы, чего уж яснее — "уголовное антиобщественное преступление", как и у нас годом раньше. Загнать и их по лагерям, да и делу конец. Но даже и тут не все было просто: бабушка Павла

Литвинова, вдова бывшего наркома иностранных дел Максима Литвинова, видимо, старая знакомая Микояна, обратилась к нему с просьбой не сажать внука. И тот переправил письмо прямо Брежневу со своей припиской от руки:

Леонид Ильич! Прошу обратить внимание. В данный момент устроить суд — как это, говорят, проектируется — над внуком Литвинова и др. — это значит дать новую пищу нашим врагам. Они уже отсидели. На этот раз ограничиться предупреждением — было бы разумнее. А.Микоян. 13/IX.

А ниже, рукой Брежнева: "Ознакомить членов Политбюро", — и подписи членов. Не слабо. И, хоть суд все же состоялся, Литвинова и еще двоих из пяти подсудимых отправили не в лагерь, а в ссылку, хотя ссылка и не предусматривалась по этой статье.

Таких документов многие тысячи — тысячи часов работы. И даже если бы мы ничего больше не сделали, ничего не добились, то хотя бы отнимали силы у машины власти, отрывали время от мировой революции. Но ведь такой исключительный интерес к нашей деятельности со стороны властей был отнюдь не параноей. Они-то отлично понимали, насколько опасен для них сам факт нашего существования, поскольку отнюдь не заблуждались насчет народной любви к своему режиму. В условиях тоталитарной системы даже один инакомыслящий опасен, особенно если эта система провозгласила себя совершенной. Не может быть недовольных в социалистическом раю: согласно марксистской идеологии, им неоткуда взяться, тем более через пятьдесят лет после революции.

В этом заключалась основная дилемма коммунистической власти: с одной стороны, число недовольных, инакомыслящих, а уж тем более открытых противников режима должно было по крайней мере сокращаться в ходе "построения социализма", и, стало быть, увеличивать репрессии было больше не в их интересах; с другой — оставлять безнаказанно действовать политических противников при довольно широком народном недовольстве было просто опасно. Отсюда их тактика снижения числа политзаключенных при одновременном усилении давления на инакомыслящих: их задачей было духовно сломать, "идейно обезвредить", позднее — даже выслать из страны, но не посадить. Это замысловато именовалось у них "профилактической работой по предупреждению преступлений".

Таким образом, число политзаключенных само по себе не отражало настроений в стране, но было лишь мерилом человеческой стойкости: сломавшихся, как правило, не сажали. Учитывая это обстоятельство, нас было отнюдь не так мало. Как следует из уже цитировавшегося выше доклада Андропова в ЦК в декабре 1975 года, число осужденных только за антисоветскую агитацию и пропаганду с 1958 по 1967 год составляло 3448 человек, а с 1967-го по 1975-й — 1583 человека. Из последующих сообщений КГБ в ЦК следует, что, несмотря на все усилия и "профилактические меры", этот уровень существенно снизить не удалось: за период 1977–1987 гг. было осуждено 905 человек (цифр за 1976 год найти не удалось). И это только те, кого режим был вынужден открыто признать своими политическими противниками, не включая посаженных в психушки, высланных за границу, осужденных за попытку нелегального перехода границы, измену родине или осужденных по "религиозным" и сфабрикованным уголовным делам. О них мы просто ничего не знаем.

Выходит, за все послесталинское время им не удалось сломать по крайней мере шесть тысяч человек. И даже в период горбачевских "освобождений", когда заключенных немедленно выпускали в обмен на обещание больше не заниматься "антиобщественной" деятельностью, на 15 января 1987 года в тюрьмах и лагерях оставались 233 человека, в ссылках — 55, по "религиозным" статьям — 10, в психушках — 96, освобождено из заключения — 51 и из-под следствия — 31, итого: 476 человек.

Но дело было не в количестве. Сам факт существования людей, открыто бросивших вызов тоталитарному рабству и выстоявших, несмотря на всю ярость государства, имел колоссальное моральное значение для страны. Так, видимо, верующему человеку, погрязшему в мирской скверне, важно знать, что где-то в монастыре такие же, как он, смертные живут "по правде". И, глядишь, одно это знание удержит его иной раз от соблазна. Во всяком случае, нечто подобное ощущалось в отношении к нам как со стороны надзирателей, так и уголовников. Никогда не забуду, как из лагеря, где я был единственным политзаключенным, уходил на этап местный "пахан" и, собравши "воров", отдавал последние наказы. Под конец же, ткнув в меня пальцем, сказал сурово:

— А этого берегите. Мы сидим каждый за свое, а он — за общее.

Удивительно, что десятилетия коммунизма не смогли вытравить из людей такие понятия. Надзиратели же смотрели на нас почти с суеверным почтением. Всегда, даже во Владимирской тюрьме, находился среди них кто-то, соглашавшийся отправить нелегально письмо или передать записку в другую камеру. Учитывая, как много и подробно сообщали о нас тогда зарубежные радиостанции, можно только гадать, какой эффект производило наше пребывание, скажем, в той же Владимирской тюрьме на население города. Особенно в периоды наших голодовок и забастовок. Оттого, наверное, ни один обком не соглашался держать нас на территории своей области: придумывали любые причины, только чтобы от нас избавиться, а ЦК не знал, куда бы нас подальше засунуть. Дебаты на эту тему тянулись годами:

Министерство внутренних дел СССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР поддерживают предложение Владимирского обкома КПСС о переводе особо опасных государственных преступников из тюрьмы N2 УВД Владимирского облисполкома в другое исправительно-трудовое учреждение МВД, — писали в ЦК Чебриков и Щелоков. — **Вопрос о перемещении особо опасных государственных преступников изучался нашими ведомствами в 1977 году. Тогда, с учетом тех же соображений, которые изложены в записке Владимирского обкома КПСС, было признано целесообразным переместить указанных преступников (число их колеблется от 40 до 60 человек) в тюрьму N°4 МВД Татарской АССР. При этом принималось во внимание, что в г. Чистополе, где размещается тюрьма N4, нет ни оборонных, ни особо важных объектов. Город находится в 144 км от Казани, удален от крупных промышленных и культурных центров страны, не имеет достаточно развитых транспортных путей сообщения с другими районами. Тюрьма N4, построенная еще в XVIII веке, не связана с содержанием в ней в прошлом революционеров и прогрессивных деятелей. (...) Предложение о возможном перемещении особо опасных государственных преступников в тюрьму N°4 обсуждалось в 1977 году с представите-**

лями Татарского обкома КПСС. Из-за опасений вызвать осложнение обстановки в реснублике оно было ими отклонено. МВД СССР и КГБ при СМ СССР считают, что серьезных оснований для такого рода опасений не имеется.

* * *

Разумеется, в количественном отношении это была лишь верхушка айсберга. Некоторое представление о реальном положении вещей можно получить по данным чекистской "профилактики":

В соответствии с указаниями ЦК КПСС органы Комитета государственной безопасности ведут большую профилактическую работу по предупреждению преступлений, пресечению попыток ведения организованной подрывной деятельности националистических, ревизионистских и других антисоветских элементов, а также локализации возникающих в ряде мест группирований политически вредного характера. За последние пять лет выявлено 3096 таких группирований, профилактировано 13602 человека, входивших в их состав, в том числе: 2196 участников 502 групп в 1967 г., 2870 участников 625 групп в 1968 г., 3130 участников 733 групп в 1969 г., 3102 участника 709 групп в 1970 г. и 2304 участника 527 групп в 1971 г.

Подобные группы были вскрыты в Москве, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени, на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и других местах.

В результате принимаемых мер заметно сократилось число ежегодных арестов за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Большинство профилактированных сделали правильные выводы, активно включились в общественную жизнь и добросовестно трудятся на порученных им участках производственной и служебной деятельности. Однако некоторые из них продолжают совершать действия, которые при определенных условиях могут стать преступными и нанести существенный ущерб интересам нашего государства.

В целях усиления предупредительного воздействия на лиц, пытающихся встать на путь совершения особо опасных преступлений, а также более решительного пресечения нежелательных проявлений со стороны антиобщественных элементов, считали бы целесообразным разрешить органам КГБ делать в необходимых случаях официальное письменное предупреждение от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснением последствий, которые может повлечь за собой ее продолжение.

На наш взгляд, это существенно повысило бы моральную ответственность профилактируемых, а в случае совершения ими криминальных действий и привлечения к уголовной ответственности имело бы значение для оценки личности преступника органами предварительного следствия и суда.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

Ю.Андропов Р.Руденко

11 октября 1972 года

Конечно, их просьба была удовлетворена, и соответствующий указ президиума ВС СССР появился 25 декабря 1972 года. Но, вопреки всем стараниям чекистов, сопротивление в стране продолжало возрастать. Так, спустя только три года после введения этого указа Андропов докладывал:

За период 1971—1974 гг. было профилактировано 63.108 человек. За этот же период только путем профилактики пресечена на стадии формирования деятельность 1839 антисоветских групп.

Выходит, среднегодовое число последних ничуть не сократилось, а число "профилактируемых" выросло примерно в 10 раз. Но и это было еще не все, так как не всех активных врагов КГБ подвергал "профилактике":

Наряду с профилактикой использовались и продолжают использоваться оперативные и другие меры, не связанные с уголовным преследованием, — продолжал Андропов в том же докладе. — **Удалось разложить на стадии возникновения ряд опасных группирований националистической, ревизионистской и иной антисоветской направленности. Компрометация авторитетов, инспирировавших антиобщественные проявления, позволила предотвратить нежелательные последствия в ряде районов страны. Оправдали себя и такие меры, как лишение некоторых лиц советского гражданства и выдворение их за границу. (...) Оздоровлению оперативной обстановки способствовало также разрешение выезда многим экстремистам из Советского Союза в Израиль.**

Так много нас было или мало? Андропов считал, что только среди взрослого, пережившего войну населения "число таких людей определяется сотнями тысяч человек". Думаю, однако, он сильно недооценивал их количество. Например, в его отчетах почти не упоминаются "наказанные" (сосланные при Сталине) народы, религиозные движения, в особенности из числа запрещенных конфессий. А ведь это миллионы людей, для которых Советский Союз был тюрьмой, и наши контакты с ними развивались уже с 60-х годов.

Комитетом госбезопасности оперативным путем получены данные о том, что ГРИГОРЕНКО в беседе с одним из своих знакомых заявил об известном ему якобы намерении представителей крымских "автономистов" подготовить и направить в ООН обращение, под которым они имеют в виду собрать подписи 250.000 татар, с призывом выступить в поддержку их требований. ГРИГОРЕНКО, одобряя эту акцию, заявляет, что она вызовет "колоссальный резонанс", — сообщал Андропов в ЦК. — **Комитет госбезопасности принимает меры к предотвращению возможных враждебных действий со стороны националистически настроенных лиц из числа крымских татар и других антиобщественных элементов.**

Или вот еще образчик событий того времени:

Комитетом госбезопасности получены данные о намерении отдельных немецких экстремистов, проживающих в Казахстане и Молдавии, инспирировать среди советских граждан немецкой национальности, если их требования о выезде в ФРГ не будут положительно решены, групповые отказы от участия 15 июня 1975 года в выборах в Верховные Советы республик и местные Советы депутатов трудящихся. (...) Одновременно в предвыборные дни "активист" так называемого "движения за выезд немцев в ФРГ" ЛЕЙС (Молдавия) организовал коллективное посещение немцами МВД и КГБ республики (70 человек) с

требованием удовлетворить ходатайства о выезде из СССР, а экстремисты из Казахстана подготовили ряд клеветнических по содержанию обращений в международные организации с коллективными подписями и пытались направить своего представителя в Москву для вручения их иностранным корреспондентам или передачи за границу через А.САХАРОВА. (...) Принятыми мерами 7 июня 1975 года на станции Джамбул у некоего ТЕРМЕРА, направлявшегося в Москву, изъяты "обращения" в ООН, к Женевскому совещанию, канцлеру ФРГ и в другие адреса от имени 900 семей немцев (более 6.000 человек), в которых содержатся тенденциозная информация о положении немцев в СССР и просьбы об оказании содействия в выезде в ФРГ.

Словом, жизнь в СССР могла казаться тихой и безмятежной только западным политикам, советские же отлично знали, на каком вулкане они сидят. Империя трещала по швам задолго до Горбачева.

Среди определенной части коренного населения Карачаево-Черкесской автономной области отмечаются негативные процессы, характеризующиеся националистическими, антирусскими настроениями. На этой основе имеют место антиобщественные проявления, а также уголовные преступления. Принимаются меры по их предупреждению и пресечению.

Там уже речь шла об убийствах и массовых волнениях.

Татары и немцы, евреи и прибалты, украинцы и молдаване — порознь и группами боролись за свою национальную самобытность всеми доступными им способами. Но ниточки со всех концов огромной страны сходились в Москве, где действовали наши каналы связи, наши возможности контактов с внешним миром, *наша гласность*. Мы были для них и вдохновляющим примером, и организующим фактором. Ну как было Андропову не беспокоиться? Как не следить политбюро за каждым нашим вздохом?

Наконец, самые "пассивные" формы сопротивления: запрещенные религиозные общины, распространители самиздата, авторы анонимных протестов — были и самыми распространенными. Как оценить теперь, сколько миллионов людей было вовлечено в эту деятельность? Ведь даже и КГБ до конца оценить того не мог. Ну, положим, религиозные преследования подсчитать можно — в среднем, видимо, человек 200—300 в год сажали да тысяч десять "профилактировали", — но точное число верующих теперь установить невозможно. Как невозможно установить число людей, читавших, множивших, передававших друг другу материалы самиздата. Уж на миллионы-то счет шел точно. Вот и приходилось политбюро читать эти материалы: надо же было знать, что читают миллионы людей в подвластной им стране, где ни одной запятой на этикетке не печатали без цензуры.

Вопрос этот волновал их не на шутку: только в 1971 году он обсуждался в ЦК три раза, и потом ЦК чуть не каждый год возвращался к его обсуждению.

Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой "самиздатовской" литературы показывает, что "самиздат" претерпел за последние годы качественные изменения, — докладывал Андропов в декабре 1970 года. — **Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам, главным образом, идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программ-**

но-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности.

...На базе изготовления и распространения "самиздатовской" литературы происходит определенная консолидация единомышленников, наглядно прослеживаются попытки создания подобия оппозиции.

Примерно в конце 1968 — начале 1969 года из оппозиционно настроенных элементов сформировалось политическое ядро, именуемое "демократическим движением", которое, по их оценке, обладает тремя признаками оппозиции: "имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; не принимая четкой формы организации, ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику; добивается легальности".

...Центрами распространения внецензурных материалов по-прежнему остаются Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков. В этих и других городах выявлено около 300 человек, которые, именуя себя "антисталинистами", "борцами за демократические права", "участниками демократического движения", занимаются выпуском как отдельных документов, так и сборников — "Хроники текущих событий", "Вестника Украины", "Общественных проблем" и т.п. Группой сионистски настроенных элементов в Москве, Ленинграде, Риге с 1970 года начал выпускаться журнал под названием "Исход".

...Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры по пресечению попыток отдельных лиц использовать "самиздат" для распространения клеветы на советский государственный и общественный строй. На основе действующего законодательства они привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении лиц, подпавших под их влияние, осуществляются профилактические меры.

Вместе с тем, принимая во внимание идейную трансформацию "самиздата" в форму выражения оппозиционных настроений и взглядов и устремление империалистической реакции использовать "самиздатовскую" литературу во враждебных Советскому Союзу целях, полагали бы целесообразным поручить идеологическому аппарату выработать на основе изучения проблемы необходимые идеологические и политические меры по нейтрализации и разоблачению представленных в "самиздате" антиобщественных течений, а также предложения по учету в политике факторов, способствующих появлению и распространению "самиздатовских материалов".

Фактически режим уже признавал нас политической оппозицией и, несмотря на внешнюю незыблемость, готов был корректировать соответствующим образом свою линию. Другое дело, что в силу своего одряхления, окостенения он был уже не способен к политической гибкости, и, когда через *полгода* работы ЦК принял наконец постановление "О мероприятиях по противодействию нелегальному распространению антисоветских и других политически вредных материалов", это был на редкость бессмысленный документ, сводивший все к комбинации репрес-

сивных и воспитательно-пропагандистских действий. Единственной уступкой был последний, 9-й пункт:

Отделу культуры ЦК КПСС, Комитету по печати при СМ СССР и Союзу писателей СССР изучить вопрос и внести в ЦК КПСС предложения о целесообразности издания некоторых произведений литераторов, к которым проявляется интерес со стороны части творческих работников и учащихся и произведения которых не переиздавались в СССР после 20-х годов.

В результате издали, кажется, Гумилева, да и то ограниченным тиражом. На рост самиздата это, разумеется, не повлияло никак: он продолжал развиваться, создавая альтернативу официальной печати и головную боль Андропову. Появлялись новые формы — киносамиздат, магнитиздат и т.п., практически возникала альтернативная культура, и тем ослаблялся контроль партии над творческой интеллигенцией, особенно над молодежью. Андропов опять бил тревогу:

В ходе осуществления мероприятий по пресечению враждебной деятельности противника выявлены факты, свидетельствующие о том, что среди одаренной в творческом отношении или стремящейся проявить себя в этом плане молодежи отмечается стремление к группированиям на неофициальной основе, проявляющееся в литературных чтениях, выставках живописи и графики, постановках спектаклей на частных квартирах и в случайно подобранных помещениях. Намечается тенденция к выпуску и распространению машинописных журналов, составленных из неопубликованных произведений.

Изучение обстановки в подобного рода группированиях в г. Москве показало, что, будучи предоставлена самой себе, часть творческой молодежи не находит общественно-полезного применения своим способностям и порой ста-новится на путь нежелательных проявлений, которые, как правило, инспирируются лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью, или иностранцами.

...Таким образом, в настоящее время возникает опасность создания неуправляемых объединений творческой молодежи, существующих параллельно с официальными творческими союзами.

Действительно, к этому периоду относятся такие нашумевшие события, как выставка художников-неконформистов в парке Измайлово, как попытка создать отделение Международного ПЕН-Клуба в Москве, создание московского отделения "Международной Амнистии", а чуть позже — выход неподцензурного сборника "Метрополь" и создание Хельсинских групп (общественных групп по наблюдению за выполнением Хельсинских соглашений) со всеми их комиссиями, комитетами, рабочими группами. И даже первый независимый профсоюз появился к концу 1977 года. Начался процесс структурного оформления оппозиции, совпавший, видимо, с потерей властью контроля над молодежью, что было особенно опасно для режима.

* * *

В сущности, этот "контроль" на моей памяти никогда эффективным и не был, в основном существуя на бумаге — в отчетах комсомольских и партийных комитетов об организационной "охваченности" и пропагандистских мероприятиях. Однако к концу 60-х — началу 70-х молодежь стала заметно политизироваться. Чаще всего это выражалось в анонимных протестах — листовки, надписи на

Bayerische

стенах, национальные флаги в республиках или анонимные письма, адресованные властям. Любое провоцирующее событие — юбилей, праздник, выборы — обыкновенно сопровождалось такими "хулиганскими выходками" молодежи.

Юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения основателя Советского государства В.И.Ленина, по всей стране прошли организованно, в обстановке высокой активности, трудового и политического подъема советских людей, еще раз продемонстрировавших нерушимое единство и сплоченность вокруг Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, — докладывал, например, Андропов в апреле 1970 года. — **Вместе с тем в период подготовки и проведения торжеств в ряде районов страны зафиксировано 155 политически вредных, хулиганских действий, связанных с юбилеем. В том числе в 1969 году 55 и в 1970 году — 100.**

Такого рода проявления отмечались на Украине, в Казахстане, Литве, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Молдавии, Туркмении, Приморском, Хабаровском краях, Московской, Ленинградской, Куйбышевской, Ростовской и других областях. Хулиганствующими элементами уничтожены или повреждены несколько памятников, бюстов и барельефов вождя, значительное количество панно, стендов и транспарантов, а также портретов, лозунгов, плакатов, репродукций, стенгазет и другого праздничного оформления. (...) За подобные политически вредные и хулиганские действия 70 человек привлечено к уголовной ответственности, 65 — профилактировано и 7 — взято в проверку.

В 18 случаях проявления носили исключительно дерзкий характер и преследовали цель омрачить празднование советскими людьми 100-летия со дня рождения В.И.Ленина.

Или вот вполне типичное сообщение в ЦК о праздновании 1 Мая в 1975 году:

Празднование Первого Мая в стране проходило в нормальной обстановке, с большим политическим подъемом.

Вместе с тем в некоторых районах страны отмечены отдельные факты негативных проявлений.

В Москве, Одессе, Кишиневе, Ростовской области были распространены листовки враждебного содержания.

В районном центре Пустомыты Львовской области у обелиска воинам-освободителям сожжены 13 висевших на флагштоках флагов союзных республик. Случаи уничтожения флагов имели место также в Москве и Харькове. В городе Гродно обнаружена порча портрета основателя Советского государства. (...) По всем указанным фактам приняты соответствующие меры. Большинство причастных к враждебным проявлениям лиц установлено.

Однако обычно "устанавливали" далеко не всех — примерно 50-60%, из коих половину "профилактировали"; остальных сажали, как правило, по уголовным статьям (хулиганство). Вместе с анонимными письмами таких происшествий по стране было от десяти до двадцати тысяч в год. И чаще всего "преступниками" оказывалась молодежь, подростки, школьники, иногда успевшие уже создать нелегальную организацию. Конечно, мы и понятия не имели о масштабах этого явления, да о большинстве таких происшествий никогда и не слыхали. Между тем, без них картина состояния страны и преобладавших в ней настроений не будет полной, как не до конца понятна без этого фона нервозность властей.

Представьте себе, что они должны были чувствовать, получая ежедневно по несколько таких сообщений:

Управлением КГБ по Краснодарскому краю выявлен в городе Туапсе нелегальный "Клуб борьбы за демократию", состоящий из 14 человек, в основном учащихся 8-9 классов средней школы N3. Из них 7 членов ВЛКСМ. (...) Участники "Клуба" выработали программу и устав, издавали рукописные журналы "Демократ" и "Русский современник", в которых помещали стихи и статьи, написанные членами "Клуба" на основе сообщений зарубежных радиостанций. Каждый из них дал клятву, имел псевдоним, членский билет, платил взносы.

В программе "Клуба" предусматривалось создание в стране партии "демократов" и завоевание власти, когда члены этой партии станут взрослыми. Ближайшей целью было изготовление и распространение антисоветских документов и вовлечение в организацию новых участников. Осуществляя эту программу, (...) в декабре 1969 года к 90-летию со дня рождения Сталина учинили мелом на асфальте и заборах в различных местах города Туапсе надписи антисоветского содержания. В феврале 1970 года они от имени "Всероссийского союза демократов" изготовили более 40 листовок, содержащих призыв к свержению Советской власти и созданию нелегальных политических организаций, распространили их в Туапсе.

Все участники "Клуба борьбы за демократию" являются несовершеннолетними. В связи с этим принято решение не привлекать их к уголовной ответственности, а ограничиться мероприятиями профилактического характера.

Управлением КГБ по Свердловской области вскрыта нелегальная молодежная группа, именовавшая себя "Партией свободной России" или "Революционной рабочей партией" (...) Участники группы на пишущей машинке отпечатали в два приема около 700 антисоветских листовок (...) Значительная часть этих листовок 7 ноября 1969 года в Свердловске была сброшена с виадука над проспектом Космонавтов в праздничную колонну электровозоремонтного завода и в группу демонстрантов политехнического и юридического институтов.

В феврале 1970 года в городе Рязани было распространено семь рукописных листовок за подписью "Черные ангелы", авторы которых, высказывая клевету на Советское правительство, призывали к организации забастовок и демонстраций. Принятыми мерами установлено, что листовки изготовлялись и распространялись учащимися 9-10 классов школы N42 города Рязани... Все они раскаялись в совершенных проступках и в присутствии своих родителей заверили органы КГБ, что в дальнейшем не допустят никаких антиобщественных проявлений.

Наличие таких настроений среди молодежи, с одной стороны, и растущая организованная оппозиция — с другой, создавали крайне опасную для режима ситуацию. Авторы пространного исследования, проведенного КГБ в 1976 году, пытаясь приписать все влиянию буржуазной пропаганды и западных "подрывных центров", приводят, однако, исключительно интересные данные. Из 3324 "антиобщественных проявлений", совершенных за три года 4406 молодыми людьми, 60,3% приходится на студентов и 22,4% — на школьников.

3174 человека (72%) совершили проявления, выступая одиночками, остальные 1232 человека — в составе 384 групп.

Формы проявлений	количество проявлений	количество человек
Высказывание клеветнических и других политически вредных суждений	1509 45,4%	1598 36,3%
Участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок	99 3,0%	495 11,2%
Участие в антиобщественных действиях на основе подражания "хиппи"	182 5,5%	382 8,7%
Изготовление и распространение клеветнических и идеологически вредных документов (кроме листовок)	252 7,6%	323 7,3%
Изготовление и распротранение листовок, лозунгов, плакатов	167 5,0%	277 6,3%
Надругательство над государственным гербом, флагом, памятниками, портретами	90 2,7%	115 2,6%
Устные и письменные угрозы в адрес советско-партийного актива	50 1,6%	53 1,2%
Передача (попытка передачи) за границу клеветнических и идеологически вредных материалов	26 0,8%	33 0,8%
Изготовление и распространение анонимных писем клеветнического и идеологически вредного содержания	33 1,0%	32 0,7%
Попытка установления и связь с зарубежными антисоветскими центрами	16 0,4%	17 0,4%
Изготовление и вывешивание националистических флагов	6 0,2%	15 0,3%
Иные проявления	894 26,8%	1066 24,2%

Проявления, совершенные с враждебных социализму идейных позиций, составляют 32,4% от общего числа проявлений.

Они были допущены 1269 чел. (29%).

Разновидность враждебной идеологии	количество проявлений	количество человек
идеология буржуазного национализма (кроме сионизма)	364 33,7%	674 43%
идеология сионизма и пронзраильские настроения	188 17,5%	242 15%
идеология ревизионизма и реформизма	377 35%	445 28%
религиозная идеология	88 8,2%	128 8%
идеология (взгляды) фашизма и неонацизма	60 5,6%	80 6%

Тут речь идет о тех, кто мог (или решался) четко сформулировать свою идеологическую платформу. Но и "безыдейные" были не лучше:

Участники вскрытых в Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе, Таллине, Ростове-на-Дону, Одессе и в ряде других городов груви так называемых водражателей западным "хиппи" выступали за пересмотр морально-этических норм социалистического общежития, ставили под сомнение революционные традиции прошлого и духовное наследие "консервативных" отцов, призывали к преодолению "инертности" и "борьбе за свободу и демократизацию общества" на основе идей "хиппи".

Примерно 40% от числа всех профилактированных по стране в 1970—1974 гг. составляла молодежь в возрасте до 25 лет. Так же обстояло дело и с преступностью вообще: например, более половины осужденных в 1971—1973 гг. за изготовление и сбыт наркотиков были моложе 29 лет, а подвергнутых административным мерам за распитие спиртных напитков и появление в пьяном виде в общественных местах молодых людей этого возраста в 1973 г. было 2 533 443, а в 1974-м — 2 616 708. В среднем в год "малолетки" (до 18 лет) совершали около ста тысяч преступлений, из них 47% — в группах.

Любопытны данные и других исследований, приведенные в этом докладе. Так, по данным исследования "Аудитория западных радиостанций в г. Москве", проведенного отделом прикладных социальных исследований ИСИ Академии наук СССР:

...с большей или меньшей регулярностью радиостанции слушают 80% студентов и около 90% учащихся старших классов средних школ, ГПТУ, техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже 1—2-х раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32% студентов и 59,2% учащихся).

Это и была наша аудитория, следившая за нашей деятельностью по сообщениям из Лондона, Мюнхена, Вашингтона, то самое поколение тридцати-сорокалетних, которое 15 лет спустя вышло на улицы:

Многие из профилактированных студентов в своих объяснениях указывали, что передачи по радио идеологически враждебных произведений ими записывались на магнитофон, после чего они распространялись в виде магнитофонных записей или перепечатанных на машинке текстов. В частности по этому каналу они получили представление о ряде антисоветских заявлений и пасквилей СОЛЖЕНИЦЫНА, трактате САХАРОВА "Размышление о мире, прогрессе, интеллектуальной свободе", различных "исследованиях", "обращениях" и других документах, содержащих клеветнические измышления, порочащие советскую действительность. (...)

По степени воздействия ведущее место занимают материалы, нелегально изготовленные в стране.

Одновременно в докладе отмечается падение интереса к изучению марксистско-ленинской теории в вузах и "пассивное участие определенной части студентов в общественно-политической жизни коллективов". Словом, есть все основания утверждать, что к 70-м годам режим практически "потерял" молодежь, а наше влияние на нее стремительно росло. Что могла противопоставить этому грозному явлению дряхлеющая, обюрократившаяся партия? Ничего, кроме ре-

прессий, "профилактики", то бишь запугивания теми же репрессиями, да еще большего "усиления" своей и без того уже надоевшей всем пропаганды. Отчитываясь о проделанной работе всего за несколько лет до крушения коммунистического режима, глава КГБ Чебриков, генеральный прокурор Рекунков, министр юстиции Кравцов и председатель Верховного суда Теребилов гордо сообщали в ЦК:

В целях разоблачения подрывной деятельности спецслужб империализма и связанных с ними враждебных элементов из числа советских граждан проводилась большая работа с использованием средств массовой информации. За последние 10 лет с участием и по материалам органов госбезопасности было создано 150 кино- и телефильмов (в основном документальных короткометражных и хроникальных); за четыре года издано 262 книги и брошюры, опубликовано 178 журнальных и 250 газетных статей. Постоянно по этим вопросам работниками органов КГБ, прокуратуры, суда и юстиции ведется лекционная пропаганда. Систематически с привлечением общественности проводится воспитательная работа с осужденными в местах лишения свободы, что дает свои положительные результаты.

Предметом их особой гордости было то, что за четыре года, с 1982-го по 1986-й, им удалось-таки сломать более ста человек. Этим тоже руководили из ЦК, не жалея своего драгоценного времени. И когда, спасаясь от неминуемой гибели, пришлось им ввести контролируемый процесс "гласности", то начали его с "ломания" оставшихся зэков, с уничтожения ядра оппозиции. Руководил этим лично Горбачев.

5. Закон и целесообразность

— Уважаемые судьи! Сегодня у меня необычный день: впервые за всю свою жизнь в этом городе я выступаю в суде не в качестве подсудимого, а в качестве свидетеля...

Комичность положения усугублялась тем, что и первый раз, выступая в качестве подсудимого в 1967 году, я говорил ровно о том же — о беззакониях, о неконституционности как самой КПСС, так и творимых ею политических репрессий. Настолько то же самое, что теперь, ровно 25 лет спустя, в Конституционном суде России я мог бы просто повторить свою речь слово в слово и никто бы этого не заметил. Невольно вспомнилось, как я готовился к этому первому в своей жизни "последнему слову" на суде (до того меня дважды признавали невменяемым и судили заочно), как угрозой голодовки добился кодексов от начальства Лефортовской тюрьмы и даже конституцию СССР заставил их купить: во всем следственном изоляторе КГБ не было ни единого экземпляра. Потом — казенная скука суда и напряженное ожидание конца, когда мне было положено "последнее слово", единственная форма неподцензурного слова тогда в стране. (Впрочем, кто ж их знал: возьмут и прервут, не дадут досказать. Такое тоже бывало.) И наконец — кульминация всей драмы, когда, размахивая кагебешной конституцией, я ухитрился проговорить почти полтора часа, ежесекундно ожидая окрика судьи. Так что по вопросу о "неконституционности КПСС" я действительно был экспертом. Но если тогда это считалось "клеветой на общественный и государст-

венный строй СССР", то теперь стало высшей государственной мудростью, поддержанной авторитетом самого президента России. Что мне было делать — радоваться или печалиться? Гордиться тем, что обогнал своих соотечественников на четверть века, или недоумевать, почему столь простая истина не пришла им в голову за два с половиной десятка лет до этого?

Подчеркнуто правозащитный характер нашего движения всегда вызывал массу недоумения и даже нареканий. Не в том было дело, что факты нарушения коммунистической властью своих же собственных законов были кому-то неизвестны, а идея требовать их соблюдения — слишком сложна. Напротив, вряд ли мог найтись в те годы такой человек, который бы всего этого не знал, не видел. Но — зачем? Какой в этом прок?

— Вы что, хотите усовершенствовать советскую власть? — язвили советские люди, обычно из числа тех, кто считал, что нас все равно "слишком мало", чтобы к нам присоединяться.

— Скажите, а когда же ваше движение наконец откажется от ссылок на советские законы и перейдет к открытым действиям? — вторили им на Западе те, кто никогда не жил под пятой режима.

Не было никаких способов объяснить определенного типа людям, что правозащитный характер движения — не мимикрия, не тактическая уловка, а так же, как отказ от насилия и подполья, принципиальная наша позиция. И опять не в сложности этой позиции была проблема. Какая уж тут сложность, коли нам всем ежедневно мозолил глаза пример прошлой русской революции и ее результатов?

Разве кто-то не понимал уже в шестидесятые, что насилие не ведет к правовому государству, а подполье — к свободному обществу? Да и с более практической точки зрения — неужто не видно, что если не находится в стране достаточно людей, способных просто требовать положенного им по закону, то откуда же возьмется огромное множество храбрецов, готовых перестрелять и КГБ, и партаппарат, и добрую толику советской армии? А коли наберется в один прекрасный день достаточно требующих, то и стрелять не придется.

Словом, все это были отговорки, самооправдания. Не мог советский человек заставить себя чего-то требовать у ядерной сверхдержавы. Украсть — мог, потребовать — немели губы. Даже просто отказаться с властью сотрудничать — и то не всякий решался. И должен был кто-то делать это у них на глазах, вполне открыто, даже демонстративно, чтобы развеять мистический, иррациональный ужас перед советской властью, ореол ее всесилия. А в этом смысле ничто не могло быть более разрушительным, чем демонстрация ее неэффективности, с одной стороны, и незаконности — с другой.

Да наконец — а что же еще было делать? Разбрасывать листовки или создавать подпольные "партии" из нескольких друзей могли разве что школьники, но даже и они понимали, что это ни к чему не ведет. Нужны были формы *легальной* оппозиции, которые позволяли бы объединять и растить независимые общественные силы в стране. А легальные значит: признающие закон, оперирующие в его рамках.

Между тем, у режима были свои проблемы с законом, которые он никак не мог разрешить со времен революции да так никогда и не разрешил. Прежде всего потому, что идеология вообще, а марксистско-ленинская в особенности, несо-

вместима с понятием "закон". Идеология — это легенда, миф и поэтому неизбежно противоречива, в то время как весь смысл закона — в его внутренней непротиворечивости. Тем более противоречивой была коммунистическая практика, составляя компромисс между идеологией и реальностью. И что "положено", а что — нет на сегодняшний день, знали только на самом верху. Даже секретные инструкции надо было знать, как истолковывать.

Далее. Задача идеологии — объяснить все на свете при помощи туманных, не поддающихся точному определению понятий; задача закона — определить все максимально точно, не оставляя по возможности никаких лазеек. И как это примирить? Как, например, кодифицировать "диалектический материализм"? Получится нечто наподобие попытки средневековых схоластов точно высчитать, сколько ангелов может поместиться на кончике иголки.

Но самая главная причина несовместимости закона и идеологии в тоталитарном государстве состоит в том, что здесь, по определению, должна главенствовать идеология, а не закон и коль скоро она не может править *через закон*, то оказывается *над законом*, правит как бы из-за его спины. Точно так же, как партия — носитель идеологии — правит из-за спины остальных государственных структур, оказываясь надгосударственным образованием. Учитывая же глобальные цели этой идеологии (а с нею — и партии), закон просто превращался в фикцию, в отрасль пропаганды, рассчитанную на создание привлекательного образа "самого демократического в мире" социалистического государства. Особенно это было видно на примере сталинской конституции, написанной исключительно в пропагандистских целях и оттого исключительно удобной для нас.

Словом, практически закон существовал лишь на бумаге, страна же управлялась бесконечными инструкциями или решениями, ведомственными, государственными, партийными, очень часто противоречившими друг другу и большей частью секретными. Привести все это в единое непротиворечивое состояние было не под силу даже самой партии. Процветало "телефонное право": звонок партийного босса был новейшим законодательным актом.

Справедливости ради следует сказать, что идеология была точно так же несовместима и с другими сферами жизни, например с экономикой или наукой, и ровно по тем же причинам. Закон, право оказались изначально нашим оружием просто потому, что этим оружием пользовались против нас власти. И мы, надо сказать, отточили его до совершенства, до того состояния, когда любой суд над кем-либо из нас оборачивался поражением властей. Настолько, что, в отличие от сталинских показательных процессов, наши суды проводились максимально секретно, скрывались от публики, насколько это было физически возможно, а если и освещались в печати, то лишь в ответ на "клевету буржуазной пропаганды".

Конечно, достигнуть такого положения было не просто: требовалась большая выдержка, точность поведения, позволявшие не просто сесть, но сесть "на своих условиях" — с максимальным ущербом для власти, т.е. при максимальном нарушении закона с их стороны. Например, в 1967 году я не просто организовал демонстрацию и сел на три года — нет, я доказывал "теорему" о неконституционности статьи 190[3] Уголовного кодекса. Именно так была рассчитана и сама демонстрация, и наши будущие аргументы на следствии, на суде, чтобы власти могли осудить нас только вопреки закону, отбросив всякую видимость легально-

сти. В данном случае — вопреки статье конституции, гарантировавшей свободу демонстраций.

И, должен сказать, это мне удалось тогда на славу. Даже начальник Лефортовской тюрьмы открыто признавал, что нас посадили "незаконно", прокуратура под благовидным предлогом отказалась вести дело, а мой следователь КГБ только качал головой и печально вздыхал. Не случайно политбюро пришлось заседать, решая напечатать заметку в газете с элементарной ложью об этом деле. Для меня этот факт — вроде золотой медали или присуждения ученой степени.

Наверно, новым поколениям, не жившим в то время, трудно будет понять, какой практический смысл это все имело. Тем более, что в узко утилитарном смысле практических целей у нас и не было — как у того китайца, перебившего японскую посуду на хабаровской "мельнице". Разумеется, никто из нас не ожидал, что советская власть рухнет от наших судов, самиздата или крошечных, чисто символических демонстраций. И уж, конечно, никто не рассчитывал на "улучшение" режима. Парадокс в том и состоял, что наше движение, оказавшее столь значительное политическое влияние, на самом деле не было политическим — оно было *нравственным*. Основным нашим стимулом было не желание переделать систему, а отказ от соучастия в ее преступлениях. Все остальное появилось потом как логическое следствие этой позиции.

Позиция же "неучастия", в свою очередь, возникла как реакция общества на сталинские репрессии, а точнее — на их хоть и частичное, но все же разоблачение при Хрущеве. Общество, во всяком случае его лучшую часть, мучил вопрос: "Как же могло совершиться столь чудовищное преступление? Кто виноват?" И оно неизбежно приходило к выводу, что доля вины лежит на каждом, ибо практически все, вольно или невольно, пассивно или активно, были *соучастниками*. Не только те, кто казнил и пытал, но и те, кто поднимал руку на митингах, "единодушно одобряя" расправы; не только те, кто распоряжался, но и те, кто покорно молчал.

Промолчи — попадешь в палачи.
Промолчи, промолчи, промолчи.

Разумеется, как и в послевоенной Германии, особенно сильно все это повлияло на новые поколения, к преступлениям своих отцов вроде бы непричастные: так уж устроена жизнь, что дети всегда расплачиваются за грехи родителей. И, хоть формально советские вожди не сидели на скамье подсудимых в Нюрнберге, в более широком смысле приговор этого трибунала относился к нам в полной мере. Нам, как и нашим немецким сверстникам, надлежало помнить, что ни мнение окружающего большинства, ни приказ начальства, ни даже угроза собственной жизни не снимают с нас ответственности за наш выбор. Но, в отличие от них, для нас это означало конфронтацию с нашим все еще не разгромленным Рейхом, с нашими эсэсовцами, с которыми, к тому же, весь западный мир стремился "мирно сосуществовать".

Словом, ни о каких практических целях мы и мечтать не могли. Даже определить, что можно считать победой, никто бы не взялся. Нашей задачей было постоянно противопоставлять писаный закон его неписаной идеологической интерпретации, вынуждая власть максимально раскрыть свою антизаконную сущность. А уж что из этого получится для тебя лично — о том лучше было не

задумываться. Ничего, кроме максимального срока, все равно получить было нельзя. Поэтому, вне зависимости от практических результатов, важно было сделать все от тебя зависящее, чтобы потом сидеть свой срок с чистой совестью. Со временем так победа и стала восприниматься — как право сказать потомкам:

— Я сделал все, что мог.

Теперь же, просматривая 25 лет спустя документы ЦК по нашим делам, я просто поражался: практически любой из них можно было класть на стол суда, словно многие десятилетия наше движение только тем и занималось, что готовилось к этому Конституционному суду над КПСС. Да и началось это движение, по крайней мере формально, с первой нашей демонстрации в 1965 году под лозунгом: "Уважайте вашу конституцию!" — и с требования... *гласности*. Нарочно не придумаешь!

* * *

Тогда, в декабре 65-го, мы дали первый открытый бой режиму. Поводом послужило "дело Синявского и Даниэля", наделавшее в ту пору много шума, — дело двух писателей, тайком издававших на Западе свои книги. Курьезность же ситуации состояла в том, что от страны требовалось, как при Сталине, "единодушно осудить отщепенцев и перевертышей", никогда даже в глаза не видев их книг. Тут-то и появилось это словечко — "*гласность*". Наш главный "законник" Алик Вольпин вычитал его, должно быть, в Уголовно-процессуальном кодексе, в разделе о "гласности судебного разбирательства":

"*Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны.*

Закрытое судебное разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц.

Приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично".

Лозунг этот казался безопасным даже самым благонамеренным гражданам: не даете прочесть их книги, так проведите хотя бы "гласный суд" над ними, чтобы мы могли все сами узнать.

Требование застало режим врасплох — такого еще не бывало, чтобы советский человек что-то требовал. Пришлось им изобретать свою "гласность":

В настоящее время Комитетом госбезопасности, совместно с Отделом культуры Центрального Комитета и Союзом писателей СССР готовятся соответствующие публикации в печати, в которых будет раскрыт истинный характер "литературной деятельности" СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ. В целях обеспечения более подробной информации общественности и пресечения аналогичной деятельности со стороны отдельных враждебно настроенных лиц, представляется целесообразным дело СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ рассмотреть в открытом судебном заседании Верховного Суда РСФСР и осудить преступников за изготовление и распространение литературных произведений, содержащих клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй, по части 1 статьи 70 УК РСФСР к лишению свободы, — писали в ЦК глава КГБ Семичастный и генеральный прокурор Руденко 23 декабря 1965 года (а ЦК милостиво

соглашался), *почти за два месяца до суда.* — **Судебный процесс предполагается провести в начале февраля 1966 года под председательством председателя Верховного Суда РСФСР тов. СМИРНОВА Л.Н. с участием государственного обвинителя — помощника Генерального врокурора СССР тов. ТЕМУШКИНА О.П. в зале судебных заседаний Верховного Суда РСФСР, вмещающем 100 человек, и вригласить на процесс представителей советско-партийного актива и писательской общественности. По нашему мнению, было бы целесообразным участие в судебном процессе общественного обвинителя из числа литературных работников. В этой связи считали бы необходимым воручить Союзу писателей назвать кандидатуру на роль общественного обвинителя. После окончания судебного процесса дать соответствующие публикации в печати и по радио. Просим рассмотреть.**

Но это были лишь общие пожелания. Конкретную разработку советского понятия "гласность" представил совсем другой человек, 20 лет спустя ставший зодчим "гласности" при Горбачеве, — *Александр Яковлев*, в ту цору заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК. Фигура теперь вполне историческая, не зная прошлого которой — не понять всех корней горбачевской "гласности". Вот как он определил тогда понятие "открытый суд":

Имеется в виду, что судебное заседание будет проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов гор. Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МГК КПСС.

В связи с вредстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить вредложения об освещении этого процесса в печати и по радио:

I. Ревортажи своих корресвондентов из зала суда, а также специальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газета "Известия" и "Литературная газета". Редколлегии газет "Правда" и "Комсомольская правда", "Советская культура" и "Советская Россия" по своему усмотрению могут вубликовать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты вубликуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корресвонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН вроходят в зал суда (без фотоаппаратов) по служебным вропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Иностранные корресвонденты на судебный процесс не довускаются.

2. Для водготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса образовать свециальную пресс-группу в составе т.т. ... (отдел культуры ЦК КПСС, отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, отдел административных органов ЦК КПСС, КГБ при СМ СССР).

Вроде бы обо всем позаботился, все предусмотрел. Добротно подобранной публикой "приговор суда был встречен аплодисментами". Постаралась и пресса, и партийные организаторы, и КГБ:

Осуждение в уголовном порядке СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ одобрительно восвринято советской общественностью. В адрес суда, редакций газет в ходе

судебного разбирательства поступило большое количество писем и телеграмм от советских граждан с требованиями строго наказать клеветников, – гордо докладывал КГБ о проделанной работе.

Но, всем их усилиям вопреки, уже расходились по стране тысячи листочков папиросной бумаги с текстами "последних слов" подсудимых, и все знали: *они не признали себя виновными!* Нарастали протесты, негодовал мир, возмущался расправой. Работала наша гласность.

Что было делать Яковлеву, кроме как еще громче взвыть:

В целях разъяснения существа судебного процесса над Синявским и Даниэлем, а также разоблачения клеветнических измышлений буржуазной прессы (...) считали бы целесообразным осуществить следующие мероприятия:

– в творческих организациях, в редакциях газет и журналов, в издательствах (...) на гуманитарных факультетах высших учебных заведений, в художественных вузах, в научно-исследовательских учреждениях гуманитарного профиля провести информации и разъяснительные беседы, привлекая в качестве докладчиков и выступающих авторитетных деятелей литературы, искусства и науки;

– поручить Политиздату срочно издать материалы процесса (обвинительное заключение, речи государственного и общественных обвинителей, приговор и др.) с целью ознакомления партийного и творческого актива, а также корреспондентов газет социалистических стран и органов печати компартий капиталистических стран;

– опубликовать в "Литературной газете" и "Известиях" письмо от имени Секретариата правления Союза писателей СССР, в котором бы содержался ответ на выступления зарубежных писателей и деятелей культуры по поводу процесса;

– редакциям газет "Известия", "Комсомольская правда", "Литературная газета", "Советская культура" опубликовать отклики читателей, а также видных представителей литературы, искусства и науки, одобряющие приговор суда и осуждающие антисоветскую деятельность Синявского и Даниэля (...);

– редакциям газет "Правда", "Известия", "Литературная газета", "Комсомольская правда", журнала "Коммунист" опубликовать теоретические статьи о марксистском понимании вопроса о свободе и ответственности личности в условиях социалистического общества.

Комитету по радиовещанию и телевидению при СМ СССР подготовить и передать на зарубежные страны:

– выступления представителей советской общественности в поддержку приговора суда по делу Синявского и Даниэля;

– беседу видного советского юриста с обоснованием правильности приговора с точки зрения советского законодательства...

– материалы, разоблачающие клеветнический характер писаний Синявского и Даниэля, их призывы к террору, злостные антисемитские высказывания, широкое использование их произведений в целях холодной войны (...)

– материалы, показывающие моральную нечистоплотность, политическое двурушничество Синявского и Даниэля;

– комментарии и беседы о свободе творчества в СССР и преследовании

прогрессивных деятелей искусства на Западе.

И пошел расползаться по всему миру скандал. Как при Сталине, по всем предприятиям проводились собрания, требовалось "единодушно осудить" писателей, не читавши их книг. Сотни тысяч людей в СССР были принуждены выбирать между совестью и благополучием. Иные отказывались, большинство соглашалось – ведь тех, кто отказывался, было "слишком мало"... Да и какой смысл? Улучшать советскую власть?

Так вырабатывался прототип всех наших последующих судов, своего рода эталон партийной гласности: "открытые" процессы за закрытыми дверями, со специально подобранной публикой, с горсткой друзей подсудимых и иностранных корреспондентов у входа. И, конечно же, с неизменно оглушительным ревом яковлевской пропаганды после каждого суда, которая все равно не могла заглушить нашей *гласности*, но лишь все больше подрывала доверие к официальной печати. Удивляться ли, что даже дети предпочитали слушать западные радиостанции?

И с самого начала так установилась линия фронта в этом противостоянии: наша гласность против их "гласности", закон против идеологии. Разве кто-то мог этого "не понимать" или "не знать", если режим требовал от своих подданных не просто молчаливой покорности, а вполне активного одобрения?

Конечно, все они всё понимали, всё знали. Но после нескольких "оттепельных" лет, когда поговорить о гражданской совести и нравственной ответственности было даже модно, страна покорно вернулась к своему обезьяньему состоянию: ничего не слышать, ничего не видеть и ничего не говорить. Общество предпочло прикинуться слепоглухонемым, чтобы потом, как и после Сталина, иметь возможность опять притворно изумляться:

"Как же это могло случиться? Кто виноват?"

И если была у нашей гласности хоть какая-то реальная цель – так это лишить его такого комфорта в будущем. Ни навязывать людям свои решения, ни втягивать их в свою деятельность никто из нас не считал себя вправе – это должно было оставаться делом совести каждого. Зато, в отличие от сталинских времен, оправдаться незнанием тоже никто уже не мог, ни на Востоке, ни на Западе.

Как ни странно, несмотря на такую философски-этическую нашу позицию, ее политический эффект вначале был чрезвычайно велик. Последовавшие за делом Синявского–Даниэля процессы, в особенности дело Гинзбурга–Галансков, вызвали целую бурю протестов внутри страны, своего рода "цепную реакцию". Прямые репрессии оказались не только бесполезны, но и вредны для режима: чем больше было процессов, тем больше людей присоединялось к протестам. Да и в лагерях изменилась атмосфера: попавший туда не исчезал больше бесследно, не исключался из жизни, но присоединялся к общему сопротивлению. Сведения о голодовках, забастовках, петиции и даже литературные произведения политзэков стали регулярно просачиваться наружу, словно в насмешку над идеей изоляции. Более того, лагеря оказались как бы связующим звеном для различных групп возникающего в разных концах страны движения. Там и мы узнавали друг друга, а через нас – наши родственники и друзья. Судебные расправы, таким образом, просто теряли смысл: они способствовали росту и консолидации вначале весьма

разрозненного, стихийного движения, превращая его в серьезную политическую силу.

Этого урока режим никогда не забыл. Вся последующая история наших взаимоотношений — история поисков режимом иных форм борьбы с нами и наших поисков ответа на их новые формы. Аресты и суды стали лишь крайней, вынужденной мерой, и очень часто заставить их пойти на это было для нас своего рода победой. Предпочтение отдавалось иным средствам, от психушек и кампаний клеветы ("компрометации", как их называли чекисты) до высылки за границу. Характерно, что в 1977 году режим даже попытался "кодифицировать идеологию" в новой конституции СССР, впервые за всю историю своего существования открыто записав в статье 6-й:

"*Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.*

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма...".

Так они отчасти приняли предложенные нами правила игры. Вот, дескать, теперь на конституцию не сошлетесь! Все по закону. Но и это им не помогло: мы уже и раньше начали ссылаться на Всеобщую декларацию прав человека ООН, на пакты о гражданских правах, а затем — на Хельсинское соглашение. Всегда найдешь, на что сослаться, было бы желание.

Любопытно, однако, что правозащита — этот, казалось бы, самый трудно усваиваемый аспект нашей философии — стала со временем необычайно популярна. К концу 70-х, просматривая самиздатские документы, я просто поражался тому, с какой аккуратностью ссылались в своих петициях на все тонкости закона даже простые работяги. "Качать права" стало вдруг невероятно модно.

Не преминул воспользоваться этим и режим, оказавшись на краю гибели. Режим дряхлел, режим дышал на ладан, и надо было как-то спасаться "партийной элите". Тогда-то и появился "либерал" Яковлев, главный прораб перестройки. Вдруг запестрели газеты нашими лозунгами двадцатилетней давности: "правовое государство", "период застоя" и, конечно, *гласность*. Целые куски из наших самиздатских работ стали вдруг появляться в официальной печати, а то и в партийных решениях, разумеется, без кавычек и без упоминания авторов. А "раскрепощенное" общество, старательно пряча глаза, делало вид, что только теперь все это узнало. Ликовал Запад, поражаясь свободомыслию партийной элиты. Партийная "глазность" — как произносили это словечко зачарованные иностранцы — их вполне устраивала, она стала последним писком западной моды, хотя никто так и не понял, что это значит. Тем более никто не вспоминал про нас — мы даже приехать в Москву не могли: до 1991 года наши имена все еще значились в "черных списках" КГБ. Формально мы все оставались "особо опасными государственными преступниками", "вялотекущими шизофрениками" и агентами империализма. Но и это никого не смущало.

Смешные птицы, кого они надеялись обмануть? Историю? Логику? Самих себя? Ведь даже и без наших имен гласность контролю не поддавалась, а закон все равно не совмещался с идеологией. Всего-то и понадобилось несколько лет без репрессий, несколько лет относительной свободы обмена мнениями, как режим рухнул. Уже к началу 1990 года, нарастая, словно снежный обвал в горах, пронеслась волна забастовок и массовых демонстраций из конца в конец бескрайней страны. И требовали эти люди не хлеба, не денег, хоть и того и другого не было в достатке. Нет, они требовали *отмены 6-й статьи Конституции* — той самой статьи, утверждавшей господство КПСС над каждой общественной структурой в стране, о котором я говорил на суде 1967 года, размахивая гебешным экземпляром конституции. И, признаюсь, увидев это: перемазанных, как черти, угольной пылью шахтеров, полуголодных людей, целые семьи, со стариками и детьми, — но требующих не расправы, а *изменения конституции*, — я готов был расплакаться. Будто кадры кинофильма, пронеслись в моем мозгу три десятилетия: и лагерные бараки, и камеры Владимирской тюрьмы, и пахнущие карболкой коридоры психушек, и московские переулки, где я рос, с детства ощущая себя заброшенным в тыл врага. Все это вдруг наполнилось *смыслом*, нашло свое место в общей стройной симфонии образов, звуков, запахов... Остальное было вопросом года-двух, не более. Последовавший крах режима, распад Союза явились лишь логическим завершением.

И, словно дожидавшийся этого, Верховный суд Российской Федерации тотчас же прислал мне две справки об отмене моих приговоров 1967 и 1972 годов "за отсутствием состава преступления". Обе они были датированы одним и тем же числом — 5 декабря 1991 года, Днем Конституции, в который мы устроили свою первую демонстрацию за 26 лет до этого.

А Яковлев теперь в отставке, политикой не занимается. Он теперь заведует Комиссией при президенте России по реабилитации репрессированных. Как если бы в 1945 году реабилитацией жертв Освенцима заведовал Геббельс...

* * *

Разумеется, большая часть документов ЦК по нашим процессам не содержала для меня каких-то открытий. О чем-то мы знали уже тогда, о чем-то догадывались, кое-что стало известно позже. И, тем не менее, впечатление они производили сильное: все-таки догадываться — это одно, а видеть документ, со всеми подписями и печатями, где предмет твоих догадок изложен черным по белому их непередаваемым казенно-партийным языком, — совсем другое. Да и уровень, на котором эти решения принимались, был, как я уже говорил, гораздо выше, чем мы предполагали. Понятно, что все вопросы решались партией, но предположить, что на уровне ЦК, а то и политбюро, — казалось нам слишком нескромным. Тем более, памятуя эзопов язык документов нацистского руководства в Германии, никак не ожидал я такого откровенного и циничного пренебрежения правовыми нормами. Задолго, иногда за несколько недель до суда, решали они, кого сажать, а кого миловать, нимало не стесняясь записанного в конституции принципа независимости судей. Даже санкции на обыски получали в ЦК, а не в прокуратуре. Они действительно, в прямом смысле, были над законом, не только не стесняя себя какими-либо юридическими соображениями, но и ежедневно перекраивая

законы по своему усмотрению. Все остальные учреждения только проштамповывали их решения.

Вот в апреле 1968 года, вскоре после процесса Гинзбурга–Галанскова, разъярившись на наших друзей, слишком активно защищавших осужденных, политбюро решает с ними расправиться:

Выступая в роли пособников наиболее реакционной части представителей буржуазной прессы и радио, они систематически снабжают их клеветническими материалами, пытаются проводить частным образом пресс-конференции для иностранцев, подстрекают антиобщественные элементы к политически вредной деятельности, инспирируют изготовление и распространение враждебных по своему содержанию писем, заявлений, "протестов", провокационно ведут себя по отношению к органам власти.

Казалось бы, в чем проблема? Ну, судите и их, как Гинзбурга с Галансковым, заступаясь за которых они уже сделали больше этих двоих. Тем более, что и в документе отмечается:

Таким образом, поведение указанной группы лиц приобретает все более дерзкий характер, а безнаказанность их действий вызывает у многих граждан недоумение.

Но сажать да судить их сейчас ЦК не с руки:

...поскольку эта мера может вызвать новую волну демагогических требований со стороны антиобщественных элементов внутри страны и подстрекательских действий буржуазной пропаганды.

Отсюда — комплексное решение, чтобы и овцы целы, и волки сыты. Петра Григоренко — отправить на психиатрическую экспертизу. Алику Вольпину — разрешить уехать в США на математический симпозиум, куда его тщетно приглашают уже не первый раз, а дальше — лишить гражданства и "закрыть ему въезд в СССР", если он "во время пребывания в США скомпрометирует себя недостойным поведением". Якира, Литвинова и Богораз-Брухман — вызвать в прокуратуру СССР и "в категорической форме потребовать немедленного прекращения антиобщественной деятельности".

Предупредить Якира, Литвинова и Богораз-Брухман, что в противном случае они будут лишены прописки и удалены из Москвы.

В связи с этим считаем необходимым внести дополнение в постановление Совета Министров СССР от 15 августа 1966 года N658-211 "Об укреплении паспортного режима в городах Москве, Ленинграде и Московской области" (проект прилагается);

— поручить Моссовету (если предупреждение не возымеет действия) на основании дополнения к указанному постановлению Совета Министров СССР принять решение о лишении Якира и Литвинова московской прописки сроком на 2 года;

— поручить Министерству охраны общественного порядка удалить Якира и Литвинова из Москвы, определив место жительства Якиру в Тюменской области, Литвинову в Гурьевской области Казахской ССР;

— вопрос о лишении прописки и удалении из Москвы Богораз-Брухман рассмотреть дополнительно в зависимости от ее поведения после применения

указанных санкций в отношении Якира и Литвинова;

— подготовить и опубликовать в газете "Советская Россия" в день осуществления санкций в отношении Григоренко, Вольпина-Есенина, Якира, Литвинова и Богораз-Брухман сообщение по этому вопросу.

Тут же приложено и "дополнение" в закон о прописке, позволяющее горсоветам:

..без предварительного наложения административного взыскания аннулировать прописку лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью, допускающих клеветнические измышления, подстрекающих антиобщественные элементы к политически вредной деятельности, провокационно ведущих себя по отношению к органам власти... Удаление лиц, указанных в настоящем постановлении, производится в 24 часа с момента вынесения решения об аннулировании прописки.

Ни одна из этих мер в то время не была законной. Но что им до этого? И политбюро распоряжается все оформить в десять дней, ни с кем даже не консультируясь хотя бы для вида. Еще не знают о своей новой неограниченной власти над миллионами москвичей и ленинградцев их горсоветы, не ведает руководство "суверенного" Казахстана о ссылке в их республику Литвинова. Тем более не догадывается редакция "Советской России" о новом материале для своих страниц. Совет Министров СССР, как будто бы законное правительство страны, покорно подпишет приложенный черновик своего "постановления", и — начнется новая эра, когда любого человека можно будет лишить его жилья нежданно-негаданно, без суда и следствия, в 24 часа. И все это — чтобы выгнать из Москвы трех человек, которых в тот момент было не с руки судить.

Я привел этот пример не потому, что он самый вопиющий или жестокий, — отнюдь нет. Напротив, он из числа "милостивых". Более того, эти меры в основном так и не были осуществлены: через месяц "шум" на Западе поутих, возникла возможность просто посадить столь рассердивших политбюро граждан, и оно свое решение приостанавливает, опять же не извещая об этом заинтересованные стороны.

Так и лежат теперь в архиве должным образом подписанные и проштампованные "законы", так никогда и не увидевшие света. Литвинова и Богораз действительно сослали через полгода, но совершенно по другому поводу и после "законного" суда. Вольпина выпустили в США на его симпозиум... через четыре года, а через пять лет угодил в ссылку и Якир. И тоже по иной причине. Пример этот разителен своей нелепостью да тем чудовищным безразличием к самым элементарным правовым рамкам со стороны верховной власти. Это именовалось у них "социалистической законностью".

Любопытно, что в тот же день, 15 апреля 1968 года, политбюро приняло решение еще о двух людях: Анатолии Марченко и Илье Габае. При абсолютно тех же формулировках и обвинениях, их почему-то предлагалось лишить гражданства СССР и выдворить за границу. Опять же и решение было принято, и указ президиума Верховного Совета подписан, но через месяц передумали. А вскоре нашелся повод арестовать, загнать в лагеря: формально, юридически — уже лиц без советского гражданства! Но о том никто и не вспомнил.

Оба они впоследствии погибли трагически: Габай покончил самоубийством,

Марченко умер во время голодовки в тюрьме уже во времена "перестройки". Вот ведь игра случая: выслали бы их тогда — оба, наверное, были бы сейчас живы.

Конечно, так было лишь вначале. Со временем режим научился обращаться с законом более "аккуратно", а готовить свои "мероприятия" более тщательно. Вот более поздний пример того, как в 1977 году ЦК готовил расправу над участниками Хельсинских групп:

С учетом политической и оперативной обстановки пресечение преступной деятельности наиболее активных антисоветчиков представляется целесообразным осуществить разнообразными путями.

Имеется в виду в отношении ОРЛОВА Ю.Ф. провести расследование по ранее возбужденному Прокуратурой г. Москвы уголовному делу с тем расчетом, чтобы в последующем привлечь его к уголовной ответственности по ст.190[1] УК РСФСР (...) В ходе следствия ОРЛОВА не арестовывать, если он своими действиями не вынудит к этому.

ГИНЗБУРГА А.И. представляется необходимым арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР, следствие по делу провести по месту жительства в Калужской области.

Проживающего в Киеве РУДЕНКО Н.Д. арестовать и привлечь к уголовной ответственности по ст.62 УК УССР (соответствует ст.70 УК РСФСР), но следствие провести не в Киеве, а в Донецке, для чего имеются процессуальные основания.

В связи с тем, что ВЕНЦЛОВА Т.А., 1937 года рождения, бывший научный сотрудник Института истории Академии наук Литовской ССР, ходатайствует о временном выезде по частному приглашению в США, разрешить ему такую поездку. Вопрос о дальнейшей судьбе ВЕНЦЛОВА будет решаться в зависимости от его поведения за рубежом.

Подготовка к проведению процессов над ними была еще более продуманной и еще менее соответствовала закону. Начать с того, что по соображениям чисто пропагандистским все политические суды в 1977 году были отложены почти на год:

Оконченные расследованием уголовные дела подлежали направлению в суд. Однако с учетом проходивших в стране важнейших политических мероприятий (обсуждение и принятие новой Конституции СССР, празднования 60-летия Великого Октября), а также обстановки в связи с Совещанием в Белграде, проведение судебных процессов по указанным делам в 1977 году было признано нецелесообразным.

Это пишут в ЦК, испрашивая одобрения, не писаки из "Правды" и даже не глава агитпропа Яковлев — нет, три главных юриста страны: генеральный прокурор Руденко, председатель Верховного суда Смирнов и глава КГБ Андропов. Что же спрашивать с политбюро, с ЦК, если те, на ком лежит ответственность за поддержание законности, понимают ее только как придаток идеологии? Для них и понятия такого — *законно* — не существовало, а было понятие *целесообразно*, то есть сообразно идеологическим целям.

Они, конечно, знали законы — дело тут не в невежестве. Вот, например, по тому же делу Щаранского возникла юридическая неувязка — чуть-чуть переста-рались чекисты с обвинением в шпионаже:

В соответствии со ст.9 Положения о военных трибуналах данное дело подлежит рассмотрению в Военном трибунале. Однако это обстоятельство может привести к усилению антисоветской кампании, которая в связи с делом ЩАРАНСКОГО проводится реакционными кругами Запада, – пишут они далее. **– Учитывая изложенное, считали бы целесообразным в порядке исключения изменить подсудность дела на ЩАРАНСКОГО и рассмотреть его Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Проект постановления Президиума Верховного Совета СССР прилагается.**

И приложено постановление высшего законодательного органа страны, которое для любого юриста должно звучать абсурдно:

В порядке исключения разрешить Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР рассмотреть в первой инстанции уголовное дело на ЩАРАНСКОГО Анатолия Борисовича, обвиняемого в измене Родине в форме шпионажа.

Как исполнители просили, так законодатели и сделали, сообразно "социалистической законности", легко и просто, ибо все они знали, что обвинение в шпионаже притянуто за уши в силу своей "целесообразности". Реальная "вина" Щаранского была в том, что он:

...систематически поставлял на Запад клеветническую информацию о Советском Союзе, которая активно использовалась спецслужбами США под флагом "защиты прав человека" в СССР. Эти данные были использованы также проционистски настроенными конгрессменами США при принятии дискриминационной по отношению к СССР поправки Джексона–Вэника к "Закону 1974 года о торговле".

6. "Без согласия со стороны последнего..."

Нетрудно заметить, однако, что самые нелепые нарушения закона режим совершал ровно в силу своего нежелания нас сажать или, по крайней мере, "наказывать по всей строгости закона". Именно поиски альтернативных методов расправы приводили к сбоям в их карательной машине. Идеологическая "целесообразность" никак не хотела совмещаться с законностью, создавая невероятные парадоксы, очевидные даже человеку, совершенно юридически неграмотному. Например, наши высылки, изгнания за границу, "обмены", лишения гражданства – разве о них кто-то не знал? Разве кто-либо сомневался в том, что это просто политическая расправа, не имеющая никакой юридической основы? Разве власть пыталась соблюдать даже видимость законности? Мы уже видели, как произвольно решался этот вопрос в отношении Габая и Марченко в 1968 году: уж было выслали, а потом все-таки передумали. И даже подписанный указ о лишении их гражданства не потрудились отменить. Но и во всех других случаях решение было не менее произвольно, начиная с Валерия Яковлевича Тарсиса – первого в послесталинское время человека, лишенного гражданства по политическим причинам. Выпустив его с визитом в Англию, политбюро еще не решило, что делать дальше. Но вот КГБ рапортует, что им удалось дискредитировать Тарсиса на Западе:

Комитет госбезопасности продолжает мероприятия по дальнейшей компрометации Тарсиса за рубежом, как психически больного человека. В связи с

клеветническими антисоветскими заявлениями Тарсиса за границей, а также положительной реакцией советских граждан на проведенные в отношении его мероприятия возвращение его в Советский Союз считаем нежелательным и полагаем целесообразным лишить Тарсиса советского гражданства с закрытием ему въезда в СССР.

И политбюро соглашается, а президиум Верховного Совета издает указ. Спрашивается: а если бы у советских граждан была "негативная реакция" на эти "мероприятия", Тарсиса не лишили бы гражданства? И в чем такая реакция должна была проявиться?

Еще причудливей с правовой точки зрения были "обмены", особенно если "меняли" своих на своих:

В соответствии с постановлением ЦК КПСС NП129/44-ои от 16 ноября 1978 года Комитетом госбезопасности 27 апреля 1979 года выдворены в США лишенные Президиумом Верховного Совета СССР советского гражданства уголовные преступники Винс, Кузнецов, Дымшиц, Мороз, Гинзбург и осуществлен их обмен на осужденных американскими властями советских разведчиков тт. Черняева и Энгера. Одновременно выехали за пределы СССР еврейские националисты Альтман, Бутман, Залмансон, Пенсон и Хнох, которым дано разрешение на выезд по соображениям оздоровления оперативной обстановки в стране в связи с подготовкой к Олимпийским играм в Москве, — докладывал Андропов. И, как будто это недостаточно забавно, добавляет: — **Полученные Комитетом госбезопасности данные свидетельствуют о том, что выдворение из СССР названных выше лиц антисоветские круги за рубежом и антиобщественные элементы внутри страны оценивают как серьезный удар, нанесенный по их планам "расшатывания социализма изнутри". В комментариях из-за рубежа подчеркивается, что Запад потерял в лице Винса, Кузнецова, Альтмана и других антисоветчиков "надежных исполнителей" враждебных замыслов спецслужб и подрывных центров, а также источники злобной клеветы на советскую действительность, внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства.**

...Аналогичным образом оценивают ситуацию и сами выдворенные. Гинзбург и Винс, например, заявляют, что они считали бы лучшим для себя не быть выдворенными и даже оставаться в заключении, чтобы сохранить связь со средой, в которой они работали.

И это все пишется, заметьте, в то время, когда десятки тысяч безуспешно пытаются уехать, а многие из "выдворенных" за то и попали в заключение, что хотели уехать в Израиль. Вспоминается карикатура из "Нью-Йорк таймс" того времени: двое иностранцев в шубах и ушанках стоят на Красной площади и рассуждают: "Ну, теперь все ясно. Тех, кто хочет уехать, — не пускают, а выпускают только тех, кто не хочет".

В самом деле, все "выдворенные" на момент обмена находились в заключении. Так что, если улучшать "оперативную обстановку" радикально, следовало бы их выслать сразу, не обременяя себя ни судами, ни следствием. А заодно и всех остальных "надежных исполнителей враждебных замыслов", да и всех заключенных тоже. Особенно если "подрывные центры" заявят, что это будет для них "серьезным ударом".

Смешно теперь вспоминать, но ведь примерно так и было. Помню, в 1970—1971 годах, до последнего ареста, я таки помог уехать нескольким еврейским активистам из числа тех, кого по разным причинам никак выпускать не хотели. О моем особом умении среди отказников под конец даже ходили легенды, но я держал свой рецепт в строгой тайне. А делалось это очень просто: пожалев кого-нибудь из ребят, я предлагал разыграть своеобразный театр для КГБ, сделав их якобы своими "подручными". Они должны были мне регулярно звонить и говорить загадочные фразы, приходить ко мне домой якобы тайком. Иногда появляться со мной рядом на людях и о чем-то беседовать с деловым видом, а получив "задание" — быстро исчезать. Обычно игра продолжалась не более месяца, и мой "подручный" получал разрешение на выезд в срочном порядке, хотя до того мог годами сидеть в отказе. Так мы с КГБ "оздоровляли оперативную обстановку".

Или вот еще образчик цековского правотворчества:

Орлов Ю.Ф., 1924 года рождения, бывший член-корреспондент Академии наук Армянской ССР в 1978 году был осужден по ч.1 ст.70 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. В настоящее время отбывает ссылку в Якутской АССР, срок ее оканчивается в феврале 1989 года. (...) В целях решения на взаимно приемлемой основе вопроса о Захарове и Н.Данилоффе считаем возможным пойти на выдворение Орлова из страны, освободив его от дальнейшего отбывания наказания и лишив гражданства СССР.

Даже ни малейшего усилия не делалось, чтобы придать этому решению хотя бы вид законности. Просто нужно ЦК решить вопрос, который к Орлову и отношения не имеет. Он здесь вроде довеска к посторонней сделке, нечто наподобие сдачи с крупной купюры.

И, наоборот, меня, например, "забыли" лишить гражданства и отменить мой приговор, "выдворив" за границу гражданином СССР, даже вручив мне паспорт сроком на пять лет. Вопрос о моем обмене обсуждался в политбюро по крайней мере три раза, последний раз — за три дня до обмена. Был, оказывается, издан и указ ПВС СССР, который оставался в тайне. Предложение выдвинули на обсуждение Андропов, Громыко и Пономарев, и все это важно называлось "О мероприятиях в связи с освобождением тов. Л.Корвалана":

Совпосол в Вашингтоне сообщил о согласии чилийских властей передать тов. Л.Корвалана с семьей в Женеве. Имеется в виду, что там же будет передан нами Буковский с матерью.

Чилийцы предлагают провести передачу 18 декабря с.г. (т-ма из Вашингтона N3130). Считаем целесообразным дать согласие на эту дату.

В Женеву для встречи тов. Л.Корвалана желательно направить представителя Международного отдела ЦК КПСС, а также врача.

Для доставки тов. Л.Корвалана из Женевы в СССР следует выделить спецсамолет. Этим же самолетом в Женеву будет доставлен Буковский.

Представляется необходимым, чтобы передаче Буковского чилийской стороне предшествовало принятие Президиумом Верховного Совета СССР Указа о выдворении его из мест лишения свободы за пределы Союза ССР. Это позволит, не освобождая Буковского из-под стражи и без согласия со стороны последнего, доставить его в Женеву.

Вот те на! Значит, только, чтобы "не спрашивать моего согласия" и иметь

удовольствие везти меня в наручниках, приняли отдельный указ. А заодно пришлось не отменять мой приговор и оставить мне гражданство СССР: не гражданина, тем более не осужденного, они не могли содержать под стражей.

Прошло 16 лет, прежде чем я смог увидеть этот указ, а увидев — только руками развел и расхохотался. С каких это пор прорезалась у них такая щепетильность — спрашивать у нас согласия, можно ли с нами расправиться? И главное: зачем? Что они думали: я драться с ними буду, что ли?

Смех, впрочем, весьма относительный — в бесправии и произволе мало забавного. За 70-е — 80-е годы страна "избавилась" таким образом от лучших, часто наиболее талантливых и уж точно наиболее честных деятелей науки, искусства, литературы.

Анализ поступающих материалов свидетельствует о том, что Ростропович и Вишневская на протяжении всего периода их пребывания за рубежом с 1974 года занимаются антиобщественной деятельностью, порочат советский государственный и общественный строй и совершают другие действия, недостойные звания советского гражданина.

Своими провокационными действиями и клеветническими заявлениями Ростропович и Вишневская неоднократно давали пищу для раздувания на Западе антисоветских шумихи, включая злобные нападки на СССР по пресловутым вопросам о "правах человека" и "творческих свободах" в нашей стране. (...) Такое поведение Ростроповича и Вишневской создает прецедент для подражания другим политически незрелым представителям творческой интеллигенции. По их примеру уже обратились с заявлениями о выезде на длительное время за границу несколько музыкантов, дирижеров, литераторов, художников и спортсменов.

С учетом изложенного представляется целесообразным лишить Ростроповича М.Л. и Вишневскую Г.П. советского гражданства и опубликовать Указ ПВС СССР в Ведомостях Верховного Совета СССР и краткую информацию по этому вопросу в газете "Известия".

Любопытно, что в том же пакете лежат и более ранние документы ЦК о преследовании Ростроповича, в частности о запрещении ему приезжать в СССР на гастроли с Вашингтонским национальным симфоническим оркестром в 1977 году, дирижером которого он тогда был, или вот такой документ:

По полученным данным, функционирующей на Западе "Ассоциацией международных встреч по современному искусству" намечено провести в Париже с 27 июня по 3 июля 1977 года конкурс молодых виолончелистов имени РОСТРОПОВИЧА, который объявлен как одно из мероприятий в связи с его 50-летием. Подготовка к конкурсу сопровождается на Западе шумной рекламой.

В сложившейся ситуации представляется целесообразным поручить Министерству культуры СССР проинформировать органы культуры НРБ, ВНР, ГДР, Кубы, МНР, ПНР и ЧССР о нежелательности участия представителей социалистических стран в упомянутом конкурсе.

Все эти документы рассматривались при решении вопроса о гражданстве Ростроповича и Вишневской, и политбюро должно было видеть, что у тех более чем достаточно оснований говорить не только о нарушении прав человека, но о систематической травле. Само же политбюро эту травлю и организовало — а

потом лишило их гражданства, обидевшись на их реакцию. А чего же, спрашивается, оно ожидало? Благодарности?

Словно движимое стремлением к самоуничтожению, политбюро в те годы не желало считаться ни с чем. Если человек отказывался гнуться перед ними, будь он хоть какой знаменитостью, сколько бы ни было у него заслуг или наград, его вышвыривали из страны. В изгнании оказались и скульптор Эрнст Неизвестный, и режиссер самого известного в стране театра Юрий Любимов, и знаменитый кинорежиссер Андрей Тарковский. Другие, устав от невыносимого партийного надзора, бежали сами или отказывались возвратиться из поездки — и становились "предателями", "изменниками", всякое упоминание которых в советской прессе было запрещено. Из библиотек изымались их книги, из энциклопедий — упоминания их имен. Ученые и шахматисты, балетные танцовщики и литераторы вдруг оказались главными врагами режима. Не пощадили и ядерных физиков, коих даже Сталин предпочитал не трогать:

Министерство среднего машиностроения внесло предложения о лишении старшего научного сотрудника Объединенного института ядерных исследований Поликанова С.М. орденов и медалей СССР, звания лауреата Ленинской премии, ученой степени доктора физико-математических наук и об исключении его из членов-корреспондентов Академии наук СССР.

Предложение мотивируется тем, что Поликанов С.М. установил связи с иностранными корреспондентами и снабжает их клеветническими материалами, используемыми западной прессой в антисоветских целях, примкнул к группе лиц, известных своей антиобщественной деятельностью, и участвует в проводимых ими враждебных выступлениях...

Постановлением ЦК КПСС от 25 августа 1978 года Поликанову с семьей разрешен выезд на постоянное жительство в капиталистическую страну.

Единственный, кого выслать так и не решились, был Сахаров — его сослали без суда в Горький, просто так, ни на каком законе не основываясь и даже не вспомнив "законодательство", придуманное в 1968 году для Якира, Литвинова и Богораз об административном выселении из Москвы и Ленинграда.

В целях предупреждения враждебной деятельности Сахарова, преступных контактов с гражданами капиталистических государств и возможного в этой связи нанесения ущерба интересам советского государства признать необходимым ограничиться в настоящее время выселением Сахарова Андрея Дмитриевича в административном порядке из города Москвы в один из районов страны, закрытый для посещения иностранцами.

Установить Сахарову А.Д. режим проживания, исключающий его связи с иностранцами и антиобщественными элементами, выезды в другие районы страны без особого на то разрешения соответствующего органа Министерства внутренних дел СССР. Контроль за соблюдением Сахаровым А.Д. установленного режима проживания возложить на Комитет государственной безопасности и МВД СССР.

Может ли кто-нибудь объяснить мне, почему эта власть абсолютно ничего не могла сделать по законам, которые сама же и придумала?

* * *

Чтобы получить хоть какое-то представление о том, как работали мозги членов политбюро при решении таких вопросов, приведу протокол их заседания, на котором решался вопрос о Солженицыне (цитирую по публикации в "Русской мысли"):

БРЕЖНЕВ. Во Франции и США, по сообщениям наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — "Архипелаг ГУЛАГ". Мне говорил тов. Суслов, что Секретариат принял решение о развертывании в нашей печати работы по разоблачению писаний Солженицына и буржуазной пропаганды в связи с выходом этой книги. Пока что этой книги еще никто не читал, но содержание ее уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступить дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Аллилуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? Если мы применим сейчас в отношении его санкции, то будет ли это нам выгодно, как использует против нас это буржуазная пропаганда? Я ставлю этот вопрос в порядке обсуждения. Хочу просто, чтобы мы обменялись мнениями, посоветовались и выработали правильное решение.

КОСЫГИН. По этому вопросу есть записка товарища Андропова. В этой записке содержится предложение о выдворении Солженицына из страны.

БРЕЖНЕВ. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу.

АНДРОПОВ. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

БРЕЖНЕВ. Очевидно, сам Солженицын такого согласия не даст.

КИРИЛЕНКО. Можно его вывезти без его согласия.

ПОДГОРНЫЙ. Найдется ли такая страна, которая без согласия примет его к себе?

БРЕЖНЕВ. Надо учитывать то, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

АНДРОПОВ. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз.

Я, товарищи, с 1965 года ставил вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение "Архипелаг ГУЛАГ" не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых

Солженицын будет находить поддержку. Сейчас все смотрят на то, как мы поступим с Солженицыным, применим ли мы к нему санкции или оставим его в покое.

Мне недавно звонил тов. Келдыш и спрашивал, почему мы не предпринимаем мер в отношении Сахарова. Он говорит, что если мы будем бездействовать в отношении Сахарова, то так будут вести себя дальше такие академики, как Капица, Энгельгардт и другие.

Все это, товарищи, очень важно, и решать эти вопросы мы должны сейчас, несмотря на то, что происходит общеевропейское совещание.

Я считаю, что мы должны провести Солженицына через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. Он проводит с ними беседы и даже пресс-конференции. Допустим, что у нас существует враждебное подполье и что КГБ проглядел это. Но Солженицын действует открыто, действует нахальным образом. Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безнаказанно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов прозондировать у правительств соответствующих стран, могут ли они его принять. Если мы сейчас его не выдворим, то он будет продолжать свою враждебную деятельность. Вы знаете, что он написал враждебный роман "Август 14-го", написал пасквиль "Архипелаг ГУЛАГ", теперь пишет "Октябрь 17-го". Это будет новое антисоветское произведение.

Поэтому я вношу предложение выдворить Солженицына из страны в административном порядке. Поручить нашим послам сделать соответствующий запрос в ряде стран, которые я называю в записке, с целью принять Солженицына. Если мы не предпримем этих мер, то вся наша пропагандистская работа ни к чему не приведет. Если мы будем помещать статьи в газетах, говорить о нем по радио, а не примем мер, то это будет пустым звуком. Надо определиться, как нам поступить с Солженицыным.

БРЕЖНЕВ. А если его выдворить в социалистическую страну?

АНДРОПОВ. Едва ли, Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? Жить за рубежом он может безбедно, у него в европейских банках на счетах находится 8 млн. рублей.

СУСЛОВ. Солженицын обнаглел, оплевывает советский строй, Коммунистическую партию, он замахнулся на святая святых — на Ленина.

Вопрос времени, как поступить с Солженицыным: то ли его выдворить из страны, то ли судить по нашим советским законам — это надо сделать. Для того, чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развертывания широкой пропаганды. Мы правильно поступили с Сахаровым, когда провели соответствующую пропагандистскую работу. По существу, больше нет уже злобных писем относительно Сахарова. Миллионы советских людей слушают радио, слушают передачи об этих новых сочинениях. Все это воздействует на народ.

Надо нам выступить с рядом статей и разоблачить Солженицына. Это обязательно надо сделать.

По решению, принятому Секретариатом, имеется в виду опубликовать одну-две статьи в "Правде", в "Литературной газете". Народ будет знать об этой книге Солженицына. Конечно, не надо развертывать кампании вокруг этого, а несколько статей напечатать.

КИРИЛЕНКО. Это только привлечет внимание к Солженицыну.

СУСЛОВ. Но и молчать нельзя.

ГРОМЫКО. Солженицын — это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его.

Что касается проведения пропагандистских мер, то их надо дозировать. Надо внимательно их продумать. Но нельзя отказаться и от таких шагов, которые предлагает тов. Андропов. Если мы его насильно без согласия выдворим из страны, то надо иметь в виду, что это может буржуазная пропаганда обратить против нас. Выселить с согласия было бы хорошо, но он не даст такого согласия. Может быть, нам немножко потерпеть еще какое-то время, пока идет европейское совещание? Даже если какая-то страна и согласится, то сейчас его выселять было бы нецелесообразно, потому что против нас может быть развернута широкая пропаганда, и это не поможет нам при завершении общеевропейского совещания. Я имею в виду подождать три-четыре месяца, но еще раз говорю, что в принципе я за строгие меры. Солженицына сейчас надо окружить кордоном с тем, чтобы он эти месяцы был изолирован, чтобы не допускать к нему людей, через которых он может вести пропаганду.

В ближайшее время предстоит визит Леонида Ильича на Кубу. И это тоже сейчас не совсем выгодно для нас, потому что будут помещать много различного рода материалов против Советского Союза. Внутри страны нужно принять необходимые меры пропагандистского характера по разоблачению Солженицына.

УСТИНОВ. Я считал бы начать работу по осуществлению предложений, которые внес тов. Андропов. Вместе с тем надо опубликовать пропагандистские материалы, разоблачающие Солженицына.

ПОДГОРНЫЙ. Я бы хотел поставить вопрос таким образом: какую административную меру принять в отношении Солженицына: или его судить по советским законам внутри страны и заставить его отбывать наказание у нас, или, как предлагает тов. Андропов, выдворить его из страны. То, что Солженицын враг, наглый, ярый и что он ведет за собой отщепенцев, — это бесспорно. То, что он делает все это безнаказанно, это тоже для нас всех ясно. Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае открыто казнят людей; в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливают грязью все и вся.

Я считаю, что наш закон является гуманным, но в то же время беспощадным по отношению к врагам, и мы должны его судить по нашим советским законам в нашем советском суде и заставить его отбывать наказание в

Советском Союзе.

ДЕМИЧЕВ. Конечно, шум за рубежом будет, но мы уже опубликовали несколько материалов о новой книге Солженицына. Нам нужно дальше развертывать пропагандистскую работу, так как молчать нельзя. Если в своем произведении "Пир победителей" Солженицын говорит, что он пишет так потому, что обозлен на советскую власть, то теперь в книге "Архипелаг ГУЛАГ", которую он написал в 1965 году, он с большей наглостью, с большей откровенностью выступает против советского строя, против партии. Поэтому мы должны дать резкие выступления в нашей печати. Это, по-моему, не повлияет на разрядку международной напряженности и на общеевропейское совещание.

СУСЛОВ. Партийные организации ждут, социалистические страны тоже ждут, как мы будем реагировать на действия Солженицына. Буржуазная печать сейчас вовсю трубит об этой книге Солженицына. И нам молчать нельзя.

КАТУШЕВ. Все мы однозначно определяемся в оценке действий Солженицына. Это — враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. Видимо, мы не уйдем от того, чтобы не решать вопрос с Солженицыным сейчас, но его надо решать в комплексе. С одной стороны, использовать всю нашу пропаганду против Солженицына и, с другой стороны, нам нужно предпринять меры в соответствии с запиской тов. Андропова.

Можно, очевидно, по постановлению Верховного Совета выселить его за пределы нашей страны и сказать об этом в печати. Он посягнул на наш суверенитет, на наши свободы, на наши законы и должен понести за это наказание.

Переговоры о выдворении Солженицына, очевидно, займут 3-4 месяца, но, повторяю, решать этот вопрос нужно в комплексе и выдворять его из страны чем скорее, тем лучше.

Что касается нашей печати, то со статьями в ней нужно выступить.

КАПИТОНОВ. Я хотел бы порассуждать по этому вопросу так: если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ. Могут, конечно, быть всякие недомолвки, пересуды и т.д. Что мы этим покажем — свою силу или слабость? Я думаю, что мы во всяком случае своей силы этим не покажем. Мы пока что идеологически его не развенчали и народу по существу о Солженицыне ничего не сказали. А это надо сделать. Нужно прежде всего начать работу по разоблачению Солженицына, вывернуть его нанизанку, и тогда любая административная мера будет понятна нашему народу.

СОЛОМЕНЦЕВ. Солженицын — матерый враг Советского Союза. Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществляет сейчас Советский Союз, то можно было бы, конечно, вопрос решить без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? Но, очевидно, при всех случаях мы должны сказать народу о Солженицыне все, что надо сказать. Надо дать острую оценку его действиям, его враждебной деятельности. Конечно, у народа возникнет вопрос, почему не предпринимают мер по отношению к Солженицыну? В ГДР, например, уже напечатали статью о

Солженицыне, в Чехословакии — тоже. Я не говорю о буржуазных странах, а наша печать молчит. По радио мы слушаем о Солженицыне очень много, о его произведении "Архипелаг ГУЛАГ", а наше радио молчит, ничего не говорит.

Я считаю, что молчать нам нельзя, народ ждет решительных действий. В печати нужно дать острые материалы по разоблачению Солженицына. Очевидно, надо договориться с социалистическими странами и с компартиями капиталистических стран о мерах пропагандистского характера, которые они бы проводили у себя в странах.

Я считаю, что Солженицына надо судить по нашим законам.

ГРИШИН. Тов. Андропову, очевидно, следует искать страну, которая согласилась бы принять Солженицына. Что касается разоблачения Солженицына, то это надо начинать немедленно.

КИРИЛЕНКО. Когда мы говорим о Солженицыне как об антисоветчике и злостном враге советского строя, то каждый раз это совпадает с какими-то важными событиями, и мы откладываем решение этого вопроса. В свое время это было оправдано, но сейчас откладывать решение этого вопроса нельзя. То, что написали о Солженицыне, — это хорошо, но писать о Солженицыне надо, как здесь уже говорили товарищи, более солидно, остро, аргументировано. Например, писатель ПНР Кроликовский написал о Солженицыне очень хорошую разоблачительную статью. Сейчас Солженицын все более и более наглеет. Он не одиночка, он контактируется с Сахаровым. За рубежом он имеет контакты с НТС. Поэтому настал момент взяться за Солженицына по-настоящему, но чтобы после этого последовало бы выселение его из страны или другие административные меры.

Андрей Андреевич говорит, как бы эта мера не обернулась против нас. Но как бы она ни обернулась против нас, а так оставлять нельзя этот вопрос. Враги вставляют нам палки в колеса, и молчать об этом мы не можем. Даже многие буржуазные газеты сейчас выступают о Солженицыне и заявляют, что его, очевидно, будут судить по советским законам и что он уже подпадает под действие закона о нарушении конвенции об охране авторских прав, к которой мы присоединились.

Я за предложение, которое выдвинул тов. Андропов.

В газетах нужно дать статьи, но очень аргументированные, обстоятельные.

КОСЫГИН. У нас у всех, товарищи, общее мнение, и я полностью присоединяюсь к сказанному.

Несколько лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы.

Если говорить об общественном мнении, которое создается за рубежом, то нам надо рассуждать так: где будет меньше вреда — или мы его разоблачим, осудим и посадим, или мы будем ждать еще несколько месяцев, потом выселим в другую страну.

Я думаю, что для нас будет меньше издержки, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам.

Очевидно, статьи о Солженицыне в газетах надо дать, но серьезные. Солженицын куплен буржуазными компаниями, агентствами и работает на них. Книга Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" — это махровое антисоветское произведение. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу. Конечно, социалистические страны Солженицына не примут. Я за то, чтобы попытаться тов. Андропову прозондировать в капиталистических странах вопрос, какая из них может его принять. Но, с другой стороны, нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск. Туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно. Скрывать от народа нам нельзя. Статьи в газетах надо поместить.

ПОДГОРНЫЙ. Солженицын ведет активную антисоветскую работу. В свое время менее опасных врагов, чем Солженицын, мы высылали из страны или судили, а к Солженицыну пока мы подойти не можем, все ищем подхода. Последняя книга Солженицына не дает никаких оснований для снисхождения к нему.

Надо, чтобы эта мера, конечно, не повредила проведению других акций. У Солженицына есть немало последователей, но проходить мимо его действий нельзя.

Я считаю, что любую нашу акцию народ поддержит. Статьи в газетах нужно публиковать, но очень аргументированные и убедительные. Сейчас о нем много знают и о последней книге тоже уже знают. Ведут передачи "Голос Америки", "Свободная Европа" и другие радиостанции. И у нас, и за рубежом ждут, какие же меры примет Советское правительство к Солженицыну. Он, конечно, не боится и полагает, что к нему никаких мер не будет принято.

Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо оттого, что происходит общеевропейское совещание, надо провести меру суда над Солженицыным, и пусть знают, что мы проводим в этом отношении принципиальную политику. Мы не даем никакой пощады врагам.

Я считаю, что мы нанесем большой ущерб нашему общему делу, если не предпримем мер к Солженицыну, даже несмотря на то, что за рубежом поднимется шум. Будут, конечно, всякие разговоры, но интересы нашего народа, интересы Советского государства, нашей партии нам превыше всего. Если мы не предпримем этих решительных мер, то нас спросят, почему мы таких мер не предпринимаем.

Я хочу высказаться за то, чтобы провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость. Нам нужно подготовиться к суду, разоблачить Солженицына в печати, завести на него дело, провести следствие и передать через Прокуратуру дело в суд.

ПОЛЯНСКИЙ. До суда его можно арестовать?

АНДРОПОВ. Можно. Я советовался по этому вопросу с Руденко.

ПОДГОРНЫЙ. Что касается выселения в какую-то другую страну, то без

согласия этой страны этого делать совершенно нецелесообразно.

АНДРОПОВ. Мы начием работу по выдворению, но одновременно заведем на него дело, изолируем его.

ПОДГОРНЫЙ. Если мы его вышлем за границу, то и там он будет нам вредить.

ГРОМЫКО. Надо, очевидно, нам остановиться все же на внутреннем варианте.

АНДРОПОВ. Я считаю, что если мы будем затягивать дело по отношению к Солженицыну, то это будет хуже.

ПОДГОРНЫЙ. Можно и растянуть дело с Солженицыным, скажем, затянуть следствие. Но пусть он это время находится в тюрьме.

ШЕЛЕПИН. Когда мы три месяца тому назад собирались у тов. Косыгина и обсуждали вопрос о мерах, которые должны приниматься по отношению к Солженицыну, то пришли к выводу, что административных мер принимать не следует. И тогда это было правильно. Теперь сложилась другая ситуация. Солженицын пошел открыто против Советской власти, Советского государства. И сейчас нам, я считаю, выгодно до окончания европейского совещания решить вопрос о Солженицыне. Это покажет нашу последовательную принципиальность. Если мы проведем эту акцию после европейского совещания, то нас обвинят, что мы на самом совещании были неискренними, когда принимали решение, что уже начинаем нарушать эти решения и т.д. У нас чистая и правильная линия. Мы не позволим никому нарушать наши советские законы. Высылка его за границу, по-моему, эта мера не является подходящей. По-моему, не следует впутывать иностранные государства в это дело. У нас есть органы правосудия, и пусть они начинают расследование, а затем и судебный процесс.

БРЕЖНЕВ. Вопрос в отношении Солженицына, конечно, не простой, а очень сложный. Буржуазная печать пытается связать дело Солженицына с проведением наших крупных акций по мирному урегулированию. Каким образом нам поступить с Солженицыным? Я считаю, что лучший способ — это поступить в соответствии с нашими советскими законами.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Наша Прокуратура может начать следствие, подготовит обвинение, подробно расскажет в этом обвинении, в чем он виновен. Солженицын сидел в свое время в тюрьме, отбывал наказание за грубое нарушение советского законодательства и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Его реабилитировали два человека — Шатуновская и Снегов. В соответствии с нашим законодательством надо лишить его возможности связи с заграницей, пока ведется следствие. Следствие нужно вести открыто, показать народу его враждебную антисоветскую деятельность, осквернение нашего советского строя, очернение памяти великого вождя, основателя партии и государства В.И.Ленина, осквернение памяти жертв Великой Отечественной войны, оправдание контрреволюционеров, прямое нарушение наших законов. Его нужно судить на основании нашего закона.

Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отпустить из страны Аллилуеву. Все это мы

пережили. Я думаю, переживем и это. Нужно дать аргументированные статьи, дать строгий и четкий ответ на писания такого журналиста, как Олсоп, опубликовать статьи в других газетах.

Я беседовал с тов. Громыко относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейском совещании. Я думаю, что это не окажет большого влияния. Высылать его, очевидно, нецелесообразно, так как никто его не примет. Одно дело, когда Кузнецов и другие убежали сами, а другое дело, когда мы выселяем в административном порядке.

Поэтому я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом всего того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

ПОДГОРНЫЙ. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

БРЕЖНЕВ. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить т.т. Андропову, Демичеву, Катушеву подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

ВСЕ. Правильно. Согласны.

Принято следующее постановление:

О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А.И.

1. За злостную антисоветскую деятельность, выразившуюся в передаче в зарубежные издательства и информационные агентства рукописей, книг, писем, интервью, содержащих клевету на советский строй, Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза и их внешнюю и внутреннюю политику, оскверняющих светлую память В.И.Ленина и других деятелей КПСС и Советского государства, жертв Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации, оправдывающих действия как внутренних, так и зарубежных контрреволюционных и враждебных советскому строю элементов и групп, а также за грубое нарушение правил печатания своих литературных произведений в зарубежных издательствах, установленных Всемирной (Женевской) Конвенцией об авторском праве Солженицына А.И. привлечь к судебной ответственности.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В. и Руденко Р.А. определить порядок и процедуру проведения следствия и судебного процесса над Солженицыным А.И. в соответствии с обменом мнениями на Политбюро и свои предложения по этому вопросу представить в ЦК КПСС.

О ходе следствия и судебного процесса информировать ЦК КПСС в оперативном порядке.

3. Поручить т.т. Андропову, Демичеву и Катушеву подготовить информацию для первых секретарей ЦК Коммунистических и рабочих партий социалистических и некоторых капиталистических стран о наших мерах, предпринимаемых в отношении Солженицына с учетом состоявшегося на Политбюро

обмена мнениями, и представить ее в ЦК КПСС.

4. Поручить Секретариату ЦК определить срок направления этой информации братским партиям.

* * *

Как видим, законность вождей совсем не интересовала, и если они вообще вспоминали про закон, то только в связи с его "строгостью". Создается впечатление, что они искренне верили: что бы они ни решили, то и будет законно. Вряд ли кто из них вообще догадывался, что, например, решение о возбуждении уголовного дела может по закону принимать только прокуратура, а "порядок и процедура проведения следствия и судебного процесса" определены Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и, стало быть, никак не могут определяться ни главой КГБ, ни генеральным прокурором.

Да что там закон, если они и с реальностью-то были не в ладах: чего стоит одна их уверенность, что "в Англии уничтожают сотни трудящихся"! Или их утверждение, что они "не побоялись отпустить из страны Аллилуеву". Не говоря уж о ни на чем не основанной уверенности, что народ поддерживает их репрессивные меры. Эти люди жили в мире "социалистического реализма", т.е. в мире собственной пропаганды, которую они объявили реальностью.

Характерно, что в это самое время западная пресса была полна рассуждений "советологов" о борьбе "голубей" и "ястребов" в Кремле и, что еще хуже, западные политики верили этим легендам. Торжествовал "детант" — самый идиотский период послевоенной истории. Но, как легко убедиться из приведенного протокола, единственным "голубем" оказался Андропов, да и тот предпочитал выслать Солженицына не по доброте душевной. Хорошо было политбюро решать, что должны делать другие, не неся при этом никакой ответственности за исполнение решений. Андропов же знал, что все негативные последствия ареста и суда над Солженицыным повесят ему на шею. И он, разумеется, нашел выход, как повернуть решение политбюро на 180 градусов, а точнее говоря, нашел страну, которая согласилась принять Солженицына вопреки его воле.

Для Андропова и отчасти для Громыко решение политбюро об уголовном преследовании Солженицына было крайне неприятно. Мало того, что политбюро с ними не согласилось и отвергло их рекомендации — а такое поражение уже само по себе ничего хорошего не предвещало, — но все их хитрые игры в "детант" оказывались под ударом. Что же им оставалось делать, как не обратиться к "партнерам" по этой игре — германским социал-демократам? И те не подвели. Мы еще вернемся к этой теме гораздо подробнее и увидим, что это все означало да куда вело. Для этого у нас будет еще целая глава (четвертая). Теперь же достаточно сказать, что в течение месяца ответ был найден: канцлер ФРГ Вилли Брандт 2 февраля вдруг заявил, что Солженицын может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ. Как писал позднее Солженицын в своей книге "Бодался теленок с дубом": "сказал — и сказал".

Такое заявление БРАНДТА даст все основания для выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА в ФРГ, приняв соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его гражданства. Это решение будет правомерно и с учетом наличия в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА материалов о его преступной деятельности, — тотчас доложил в ЦК Андропов.

Мало того, чтобы уж наверняка добиться своего, Андропов делает еще две вещи: во-первых, инспирирует доклад своих подчиненных Чебрикова и Бобкова о настроениях в стране в связи с делом Солженицына, где дается понять, что у того довольно много последователей даже среди рабочих, считающих, что он выступает за снижение цен и "против вывоза из страны необходимых народу товаров под видом помощи арабским государствам".

Во-вторых, он обращается с письмом лично к Брежневу, где пишет, что вопрос о Солженицыне "в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, имеющую определенный политический характер".

Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

Словом, Андропов добился-таки своего и, конечно, был прав: издержек при выдворении было гораздо меньше. Оттого-то этот вид политической расправы и стал таким распространенным к концу 70-х. Но возникает другой вопрос — об издержках внутренних, вызванных "безнаказанностью поведения" любого из нас, а с тем, что эти издержки больше любых других, никто в политбюро, заметьте, не спорил. Эта высокая оценка эффективности нашей деятельности чрезвычайно любопытна. Она многое объясняет. Система могла существовать только при условии монопольного господства партии над страной, а идеологии — над законом, логикой, здравым смыслом. Возникновение оппозиции, даже самой незначительной по размеру, даже состоящей из одного человека, означало ее конец. Именно это, видимо, и имел в виду один из них, говоря о посягательстве на их "суверенитет". Вот это-то "посягательство на суверенитет" они чувствовали с самого начала нашего движения.

Сейчас стало вполне очевидным, что западная пропаганда и группа вышеуказанных лиц, являющихся инструментом в руках наших противников, пытаются легализовать в нашей стране ведение антисоветской работы, добиться безнаказанности за враждебные действия, — писал Андропов еще в 1968 году после процесса Гинзбурга—Галансков.

Для него наша подчеркнутая открытость, легальность, апелляция к закону были гораздо опаснее любого подполья, заговоров, терроризма.

В последние годы спецслужбы и пропагандистские органы противника стремятся создать видимость наличия в Советском Союзе так называемой "внутренней оппозиции", предпринимают меры по оказанию поддержки инспираторам антиобщественных проявлений и объективно содействуют блокированию участников различных направлений антисоветской деятельности, — в тревоге сообщал он после возникновения Хельсинских групп в 1976 году. — **Отдавая на данном этапе приоритет в осуществлении антисоветских целей нелегальным методам подрывной работы, противник вместе с тем пытается активизировать враждебные действия в легальных или полулегальных формах.**

Аресты и выдворения были, конечно, не единственной формой реагирования режима на эти попытки. Использовался весь арсенал средств, от психушек и кампаний клеветы ("компрометации") до угроз и шантажа. Характерно, что в 1977 году, как мы уже видели, партия даже попыталась закрепить свое монопольное положение конституционно, впервые за всю историю своего существования открыто записав это в статье 6-й новой конституции СССР.

Так они обороняли свой "суверенитет" от наших "посягательств", отчасти приняв предложенные нами правила игры. Сказать, что режим не проявлял изрядной гибкости, никак нельзя. И все же, невзирая на все "издержки", обойтись без обычных репрессий тоже не мог:

Вместе с тем отказаться в данный момент от уголовного преследования лиц, выступающих против советского строя, невозможно, поскольку это повлекло бы за собой увеличение особо опасных государственных преступлений и антиобщественных проявлений.

Так писал Андропов в декабре 1975 года, уже после подписания Хельсинского соглашения, принимая, таким образом, неизбежность "внешних издержек" от его будущего нарушения как наименьшее из двух зол. А "издержки" эти были отнюдь не малыми. Не только "буржуазное" общественное мнение оказывалось настроенным резко против СССР (что еще можно было как-то списать на "происки империализма"), но и "прогрессивное" тоже. Даже многие коммунистические партии Запада, особенно те, что покрупнее и, стало быть, больше зависят от общественного мнения своих стран, были вынуждены — хоть и с оговорками, и неохотно, — но все же выступать с осуждением такой практики. И, сколь бы притворны ни были эти "осуждения", а угроза раскола в коммунистическом движении, тем более угроза политической изоляции СССР, были вполне реальны.

7. Внешние издержки

Нужно ли говорить, что политбюро таким развитием сюжета было чрезвычайно обеспокоено.

В последнее время буржуазная пропаганда активно использует в подрывной деятельности, направленной против Советского Союза и других социалистических стран, известные высказывания руководителей компартий Франции и Италии по вопросам, касающимся советской демократии, прав и свобод граждан, пресечения деятельности антиобщественных элементов. Передаваемые западными радиостанциями материалы по этому вопросу становятся известными широкому кругу советских граждан, которые выражают недоумение по поводу такой позиции руководства компартий Франции и Италии, – докладывал Андропов. **– Проблема, возникающая в связи с высказываниями некоторых руководителей компартий Франции и Италии, кроме идейно-теоретического аспекта, имеет также и практическую сторону, связанную с обеспечением безопасности Советского государства. (...) В данном случае друзья явно уступают перед пропагандистским давлением противника. Выдвигаемый "Юманите" тезис о предоставлении в условиях социализма свободы действий тем, кто "утверждает свое несогласие с системой, выработанной большинством", объективно способствует противникам социализма в их попытках создать в Советском Союзе и других социалистических странах легальную оппозицию,**

подорвать руководящую роль коммунистических и рабочих партий.

Спецслужбы и идеологические центры империализма прилагают усилия к тому, чтобы опорочить советские законы, представить их устаревшими, догматичными и не соответствующими духу международных документов, в частности "Декларации прав человека". За эти утверждения цепляются антиобщественные элементы внутри нашей страны. С ними, к сожалению, перекликаются появившиеся в коммунистической печати Франции и Италии известные высказывания относительно демократических свобод при социализме. Тут игнорируются реальные условия классовой борьбы в современный период, недооценивается подрывная деятельность мирового империализма и его агентуры. (...) Выступающие с подобными заявлениями товарищи, даже после событий в Венгрии и Чехословакии, не хотят видеть того, что и в условиях развитого социализма, несмотря на монолитность и политическое единство общества, все еще сохраняются в тех или иных формах, в большей или меньшей степени антисоветские проявления. (...) Имеющиеся данные свидетельствуют о стремлении спецслужб и идеологических центров противника объединить действия враждебных элементов всех оттенков. (...) Из сказанного видно, что отказ от активного пресечения политически вредной деятельности "диссидентов" и других враждебных элементов, как этого хотят французские и итальянские товарищи, мог бы вызвать самые серьезные негативные последствия. Делать в этом вопросе принципиальные уступки, как нам представляется, нельзя, т.к. они неизбежно повлекли бы за собой дополнительные неприемлемые для нас требования...

Было бы желательно в удобный момент провести с французскими и итальянскими товарищами соответствующие беседы на высоком уровне, в которых разъяснить им, что борьба с так называемыми "диссидентами" является для нас не отвлеченным вопросом о демократии вообще, а жизненно важной необходимостью охраны безопасности Советского государства.

Поэтому с конца 1975 года политбюро несколько раз направляло длинные послания руководству "братских партий" вообще и ЦК ФКП в частности. Первое такое послание в декабре 1975 года был выдержано в исключительно осторожном, дипломатическом тоне:

Товарищи, — писало политбюро. — Нам хорошо понятно, что ФКП ведет упорную борьбу за демократию во Франции, против попыток реакции посягнуть на права трудящихся. Это — законная борьба, и она встречает с нашей стороны полное понимание и поддержку. Но нельзя защищать свободу во Франции и допускать при этом нередко нападки на Советский Союз, наносить ущерб отношениям между нашими партиями. (...)

Конечно, в нашей стране есть, как и в других странах, преступные уголовные элементы, которых советская власть вынуждена изолировать в местах заключения и трудового перевоспитания. Но это не имеет ничего общего с нарушениями демократических свобод советских людей. Мы с полной ответственностью сообщаем вам, что отдельные, крайне немногочисленные лица среди 250-миллионного населения страны осуждаются советским судом, в полном соответствии с Конституцией и при соблюдении норм судебного демократического процесса, лишь в том случае, если они ведут враждеб-

ную деятельность против социалистического строя и советского государства. В нашей стране в настоящее время строжайшим образом соблюдается социалистическая законность, неуклонно развивается социалистическая демократия, все больше расширяются материальные и политические возможности для свободного и всестороннего развития личности. Но мы давали и будем давать отпор любым посягательствам на основы нашего строя, который и гарантирует свободы и права трудящегося человека. (...)

Полагаем, что в наших общих интересах показывать преимущества социализма над капитализмом, социалистической демократии перед формальной буржуазной демократией, преимущества социалистического строя, в условиях которого работает и борется за коммунизм и за упрочение мира советский народ.

ЦК КПСС счел необходимым обратиться к вам с этим письмом, исходя из уверенности, что оно будет правильно понято как выражение заботы о дальнейшем укреплении наших отношений на принципах классовой солидарности, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга.

И почти тотчас же вслед за этим, в январе 1976 года, — еще одно, гораздо более обширное послание всем "братским партиям" на ту же тему, с развернутым опровержением "измышлений антисоветской пропаганды":

Дорогие товарищи!

Нагнетание клеветнической антисоветской и антикоммунистической кампании на Западе в последнее время, ее особенно злостный, опасный для дела социализма, для дела мира и демократии характер побуждают нас обратиться к вам с прилагаемой информацией.

Мы надеемся, что это поможет вашей партии оказывать своевременный и активный отпор антикоммунистическим, антисоветским кампаниям, предотвращая ущерб, который они могли бы причинить международному коммунистическому движению. Совместный отпор политическим диверсиям империалистов, убедительное опровержение клеветнических измышлений о жизни в СССР и других социалистических странах важны и для нас, и для вас. Уверены, что наше сотрудничество будет крепнуть и в этой области, способствуя успеху в борьбе за мир, демократию и социализм и нашему общему коммунистическому делу.

И дальше целых 18 страниц "информации", то бишь рассуждений о том, как хорошо в стране советской жить да какие мы все негодяи и агенты империализма.

ЦК КПСС с признательностью отмечает, что братские партии разоблачают деятельность органов буржуазной пропаганды, целью которых является внесение путаницы и замешательства в умы людей, борющихся против капитализма. Мы понимаем значительные трудности, с которыми приходится сталкиваться братским партиям капиталистических стран, противостоящим мощному идеологическому аппарату буржуазии. Вместе с тем мы с недоумением и вполне понятным огорчением воспринимаем отдельные случаи, когда даже наши друзья-коммунисты, некритически относясь к тем или иным домыслам реакционной буржуазной пропаганды, вольно или невольно способствуют их распространению. Своевременное и успешное разоблачение антикоммунистиче-

ских, антисоветских измышлений, распространение правды о Советском Союзе, о жизни и успехах других социалистических стран, как нам представляется, в немалой степени способствуют и укреплению позиций самих братских партий несоциалистических стран, всех прогрессивных сил.

Это послание было разослано сначала 22 партиям, а примерно через месяц, 5 февраля 1976 года, еще 13-ти, не исключая даже самых незначительных и находящихся в подполье. Однако уже через несколько месяцев дипломатия уступает место раздражению:

В ряде капиталистических стран наблюдается оживление антисоветской кампании в поддержку "диссидентов", осужденных советским судом за враждебную деятельность, – с тревогой сообщал в ЦК международный отдел. – **При этом отмечаются попытки организаторов кампании привлечь к своим акциям для придания им "объективности" представителей прогрессивных организаций, а также "увязать" выступления в поддержку "диссидентов" с заявлениями в защиту лиц, являющихся жертвами произвола в капиталистических странах.**

Так, в Париже 21 октября с.г. проводился митинг в поддержку Буковского и одновременно — уругвайского коммуниста Массера и некоторых других лиц. В митинге приняли участие представители Французской компартии, в связи с чем ЦК КПСС направил письмо в адрес руководства ФКП (постановление ЦК КПСС NП30/43 от 18 октября с.г.).

Считали бы целесообразным направить ориентировку по этим вопросам совпослам в тех капиталистических странах, где такого рода попытки могут иметь место (Италия, Великобритания, США, ФРГ, Япония, Испания, Португалия, Бельгия, Швейцария, Швеция, Норвегия). Текст телеграммы совпослам в этих странах прилагается.

В телеграмме же, кроме повторения вышесказанного, говорилось:

Для вашего сведения и ориентировки сообщаем, что ЦК КПСС направил 18 октября с.г. закрытое письмо в адрес руководства ФКП, в котором была изложена наша оценка этой антисоветской затеи и заявлено, что мы оставляем за собой право принять меры, которые мы сочтем целесообразными, чтобы разоблачить в глазах французской и мировой общественности провокационный смысл организуемого антисоветского сборища.

В связи с тем, что представители ФКП все же приняли участие в указанном митинге, 22 октября в зарубежных странах был распространен комментарий ТАСС, в котором дается принципиальная оценка проведенного антисоветчиками сборища и факта участия в нем представителей ФКП.

С протестом против попыток использования движения солидарности с уругвайскими жертвами фашистского произвола в антисоветских целях выступила Коммунистическая партия Уругвая (текст заявления ЦК Компартии Уругвая также направлен в вашу страну по каналам ТАСС).

При необходимости вам следует использовать указанные материалы в политико-разъяснительной работе с коммунистами и представителями других демократических сил.

Дело, разумеется, на этом не кончилось, и в начале 1977 года политбюро вновь обратилось к ФКП с длинным посланием, гораздо более резким, чем прежде. Мотивируя такую необходимость, секретарь ЦК, глава международного отдела

Борис Пономарев писал:

В последнее время резко усилились негативные аспекты в деятельности руководства Французской компартии, связанные с курсом ее XXII съезда. Отдельные критические высказывания в адрес КПСС и Советского Союза, имевшие место до съезда, стали теперь приобретать систематический и открыто недружественный характер. Так, например, в октябре-декабре 1976 года представители ФКП приняли участие в проведенном антисоветскими элементами митинге в зале "Мютюалите", член Политбюро ФКП Ж.Канапа участвовал в антисоветской передаче французского телевидения, а Генеральный секретарь ФКП сделал заявление антисоветского характера в связи с высылкой Буковского и мерами по освобождению т.Л.Корвалана. Руководство ФКП и газета "Юманите" выступили с резкой критикой политики ГДР и Чехословакии по вопросам социалистической демократии, взяв по существу под защиту антисоциалистические элементы в этих странах. В начале 1977 года от критики отдельных аспектов социалистической демократии Ж.Марше и Ж.Канапа переходят к критике политической системы и механизма советской социалистической демократии.

С ведома, а в ряде случаев — с одобрения руководства ФКП появились книги, в которых делается попытка теоретически подкрепить эту линию и оправдать ее в глазах партийного актива и трудящихся масс. К числу таких работ следует отнести книги Ж.Элленштейна, написанные в антисоветском духе, а также статью Ж.Канапа, написанную для американского журнала "Форин афферс".

Нападки руководства ФКП концентрируются прежде всего на политике компартий братских социалистических стран в области развития демократии. Руководство ФКП выдвинуло формулу о том, что "свобода неделима" и, ссылаясь на нее, игнорируя принципиальную разницу демократии социалистической и демократии буржуазной, с одинаковой меркой подходит к преследованиям революционеров в буржуазных странах и к мерам пресечения подрывной деятельности антисоветчиков и контрреволюционеров в социалистических странах.

Эта линия руководства ФКП, как теперь видно, тесно связана с поворотом и во внутриполитической стратегии. Установка на исключительно парламентский путь борьбы за социализм, а затем — на сохранение при социализме частной собственности (кроме монополистической), буржуазной оппозиции, как и другие уступки оппортунизму ради погони за голосами избирателей — все это представляет собой отход руководства ФКП от принципиальных марксистско-ленинских позиций. (...)

Поворот в политике руководства ФКП наталкивается на неодобрение значительной части французских коммунистов и трудящихся. По этим вопросам в партии не прекращается дискуссия. Согласно имеющимся сведениям, в руководстве ФКП также имеются на этот счет немалые разногласия. Однако Ж.Марше и его ближайшее окружение подавляют всякие выражения несогласия со своей линией.

В то же время ФКП в обстановке обострения классовой борьбы возглавляет активные выступления трудящихся в защиту своих требований, ведет боль-

шую работу с целью создания союза антимонополистических сил, укрепления влияния партии. ФКП продолжает выступать в пользу укрепления мира и разрядки, за разоружение, за укрепление франко-советской дружбы.

Учитывая вышеизложенное, считали бы целесообразным направить Центральному Комитету Французской коммунистической партии закрытое письмо.

Это было не просто письмо, а солидный теоретический труд, призванный объяснить заблудшим французским товарищам классовую сущность демократии и прав человека. Работа над ним длилась более месяца, оно несколько раз обсуждалось политбюро, переделывалось и было направлено адресату, а заодно и всем компартиям мира только в конце марта — начале апреля. Разумеется, не забыли и о нас как о причине теоретических расхождений, но вместо обычной в таких случаях ругани и мы получили более солидное "классовое" определение.

Ведь, в самом деле, появление ничтожной кучки контрреволюционеров, порвавших с самыми устоями нашего строя, вставших на путь борьбы против него и, как правило, связанных с империалистическими кругами, отнюдь не является закономерным продуктом внутреннего развития в Советском Союзе. В прошлом у нас, как известно, были группы людей и даже политические партии, которые открыто выступали против советского строя. От слов они часто переходили к действиям — вплоть до покушений на жизнь В.И.Ленина и других руководителей коммунистической партии и Советского правительства. Тогда эти группы и партии опирались на не ликвидированные еще эксплуататорские классы.

Сейчас таких классов у нас нет, и, стало быть, нет социальной базы для антисоветских групп. Однако отдельные выступления антисоветского характера есть. И это не удивительно. Развитие политического сознания многомиллионных народных масс, их воспитание в духе социалистической идеологии, морали и нравственности, преодоление частнособственнической идеологии и морали, избавление от пережитков капитализма в сознании людей — все эти идеологические процессы сами по себе, как известно, являются более медленными, чем перестройка материальной базы общества. Кроме того, они происходят сегодня на фоне массированной, ежедневной антисоветской пропаганды и прямых подрывных действий империалистических "центров", резко усиливших в последнее время свою активность, враждебную странам социализма. Пережитки капитализма в сознании некоторых лиц систематически подогреваются и поощряются извне, со стороны империалистических пропагандистских центров. Что же касается разведывательных и иных подрывных органов буржуазных государств, а также связанных с ними эмигрантских организаций, то они стараются использовать отсталые настроения отдельных людей в своих, враждебных социализму интересах. И, как должно быть понятно коммунистам, это неизбежно до тех пор, пока существуют на мировой арене две противостоящие друг другу системы — социалистическая и капиталистическая, пока главным содержанием мирового развития остается классовая борьба между ними.

Наши классовые противники, стремясь создать впечатление, будто в СССР много противников социализма, прибегают к самым различным трюкам. Одни

из самых распространенных среди них — объявлять "диссидентами" всех, кто по какому-то вопросу имеет точку зрения, расходящуюся с общепринятой в нашей стране, и даже тех, например, писателей и артистов, у которых возникают разногласия на профессиональной почве с их творческой организацией. Понятна вся фальшь такого приема.

...Однако даже откровенных противников социализма поначалу обязательно стремятся убедить в их неправоте. Лишь когда они прибегают к антисоветским действиям, наносящим ущерб нашей стране и нашему народу, и когда, следовательно, они преступают закон, только тогда принимаются меры пресечения. При этом, разумеется, все делается на основе закона, при строгом его соблюдении.

...Тесная взаимосвязь деятельности "диссидентов" и развития международной классовой борьбы видна еще и из следующего. Первые из этих людей, выступившие как активные противники советского строя, заявили о себе в середине шестидесятых годов, то есть в период начала разрядки, когда империализм выдвинул лозунг "размягчения" социализма. Обвинения в адрес Советского Союза и других стран социализма, выдвигавшиеся ими тогда, да и сегодня, — в точности те же самые, с которыми выступали и выступают буржуазные пропагандисты. Их требования также аналогичны западным требованиям относительно "размягчения" социализма. Многочисленные факты показывают, что это — не случайность, что в большом числе случаев так называемые борцы за усовершенствование социализма получают материалы с клеветническими заявлениями из-за границы — от буржуазных разведок... Когда же кто-либо из "диссидентов" оказывается на Западе, то он быстро сбрасывает фальшивую маску "борца за улучшение социализма" и оказывается откровенным реакционером, монархистом (вроде Солженицына) или же поклонником Штрауса и Тэтчер (вроде Буковского), подзуживает руководителей западных стран ко все более активной борьбе против Советского Союза и других социалистических стран. На это уже обратили внимание многие братские партии, в том числе коммунисты Великобритании, Голландии, Австрии, Португалии, Греции, Финляндии и ряда других стран. Об этом пишет и их печать. Странно то, что об этом умалчивают некоторые руководители ФКП. Более того, они призывают нас дать таким людям "беспредельную свободу выражения мнений", вести с ними "дискуссию"!

Но, в основном, это послание было даже не о нас, а о самой ФКП и ее позиции. Это был почти ультимативный документ, лишь немногим не доходящий до объявления полного разрыва:

Последние выступления в ряде интервью, а также в антисоветских передачах французского телевидения показывают, что от критики отдельных аспектов социалистической демократии в Советском Союзе и других социалистических странах представители руководства ФКП фактически переходят к попыткам поставить под сомнение соответствие политической системы, существующей в СССР и других социалистических странах, интересам их народов. Нам во всеуслышание предлагают пересмотреть или, в сущности, отбросить всю систему советской демократии во имя того, чтобы предоставить безграничные "свободы" всем противникам социализма.

Это, разумеется, обсуждению подлежать не может, а любой на этом настаивающий есть враг СССР.

В заключение позвольте еще раз откровенно сказать вам, что из каких бы соображений ни исходили товарищи в руководстве ФКП, которые стремятся разрушить отношения интернациональной солидарности между КПСС и ФКП, такого рода действия, по нашему твердому убеждению, могут принести дивиденды только вашим и нашим классовым противникам. (...) Учитывая все сказанное выше, ЦК КПСС решительно возражает против подобных действий и считает нужным привлечь внимание к той ответственности, которую берут на себя ваши товарищи, совершая поворот от дружественных братских отношений между ФКП и КПСС, имеющих полувековую давность, к политике критиканства и навязывания КПСС и Советскому Союзу взглядов, не отвечающих интересам международной борьбы за мир и социализм. Мы надеемся на то, что Центральный Комитет вашей партии сочтет необходимым рассмотреть это наше послание.

* * *

Напряжение в отношениях с итальянской компартией было менее заметным, менее "публичным", но не менее опасным и тоже шло по восходящей. В августе 1976 года, отвечая на письмо генсека ИКП Э.Берлингуэра Брежневу по моему делу, политбюро было предельно почтительно и дипломатично. Сообщив обычный набор "сведений" о моей антисоветской деятельности, они писали:

Из Вашего письма можно заключить, что итальянские товарищи, видимо, не имеют достаточной информации об антисоветской деятельности Буковского. (...) Как видите, товарищ Берлингуэр, речь идет не об образе мышления, а о конкретных антисоветских акциях гражданина, который несет всю ответственность за них. Он находится в тюрьме не за свои убеждения и мнения, судим не за идеи, а за совершенные поступки, наказуемые в судебном порядке.

...Задача этой идеологической диверсии ясна — нанести удар по престижу Советского государства, по его законам и порядкам. Понятно, что удар по престижу СССР — это и удар по компартиям, в том числе и в вашей стране.

Заканчивая письмо, хотим выразить надежду, что высказанные соображения и приведенные факты будут правильно восприняты Вами и использованы итальянскими товарищами в качестве аргументов в борьбе против измышлений буржуазной пропаганды, против наших общих идеологических противников.

Но уже через полгода тон обращений начинает меняться, а по мере дальнейшего участия ИКП в различных кампаниях по правам человека становится все резче.

Как свидетельствуют сообщения, в Италии нарастает новая волна антисоветской и антисоциалистической кампании, в ходе которой главный упор делается на т.н. "диссидентов". Ведется активная подготовка т.н. "сахаровских слушаний" в Риме (25-27 ноября), "дискуссии по диссидентам" во Флоренции, международной выставки искусства в Венеции (Биеннале) для пропаганды деятельности диссидентов (15 ноября — 17 декабря). Эти манифестации

осуществляются империалистическими пропагандистскими службами и приурочены по времени к периоду, следующему непосредственно за нашими основными мероприятиями в связи с 60-летием Октября, преследуют цель дискредитировать реальный социализм. Подготовка этих мероприятий проходит при полном одобрении итальянских властей, что явно противоречит духу хельсинских соглашений, — сообщали в ЦК Б.Пономарев и В.Кузнецов. — В ряде случаев представители Итальянской компартии идут на поводу у организаторов названных мероприятий, подключаются к некоторым из них, а партийная печать ИКП, помещая разного рода материалы о "диссидентах", объективно способствует тем самым усилению к ним интереса итальянской общественности.

С нашей стороны уже предпринимались шаги по противодействию антисоветской кампании в Италии. Совпосол имел беседы с представителями итальянских властей по поводу попыток использования венецианской Биеннале в неблаговидных политических целях. ЦК КПСС направил письмо руководству Итальянской компартии по этому же вопросу (Ст-49/13гс от 21 марта с.г.). Во время переговоров в Москве в июле с.г. с делегацией ИКП делегация КПСС подвергла критике недружественные и необъективные выступления печати ИКП и некоторых ее официальных представителей по поводу т.н. "диссидентов".

В сложившихся условиях следовало бы предпринять дополнительные меры для усиления отпора антисоветской и антисоциалистической кампании в Италии.

Представленный ими "План информационных и пропагандистских мероприятий в целях противодействия антисоветским акциям в Италии" включал в себя целый комплекс мер, от официальных протестов посольства до публикаций в советской печати и от выступлений советских журналистов, писателей, деятелей культуры по итальянскому телевидению до "Недели советских фильмов" в Италии и посылки делегации советских писателей в Италию для выступления перед итальянской общественностью. Извещая об этом братские соцстраны, ЦК писал:

ЦК КПСС счел полезным направить письмо руководству Итальянской компартии, в котором обращалось внимание друзей на факты участия коммунистов в мероприятиях, проводимых классовым противником против социалистических стран. (...) Направляя эту информацию, ЦК КПСС был бы признателен узнать о мерах, намечаемых друзьями для организации отпора антисоциалистической кампании в Италии.

В послании же руководству ИКП, в частности, говорилось:

Очевидно, что империалистическая пропаганда решила на этот раз сделать центром своей антисоветской и антисоциалистической кампании Италию. И видно, что эти мероприятия проводятся при политической и материальной поддержке правительства Италии. Но нашу озабоченность вызывает то, что в ряде случаев в этой кампании участвуют деятели Итальянской компартии.

Так, например, идея проведения во Флоренции дискуссии о "диссидентах в странах Восточной Европы" была поддержана левыми силами флорентийского муниципалитета, в том числе — коммунистами, а по сообщениям итальянской печати, мэр Флоренции, член ЦК ИКП т.Габбуджани провел широко разрекла-

мированную прессой встречу с женой Сахарова — Е.Боннэр. В ходе этой встречи, по сообщениям печати, рассматривались вопросы оказания поддержки "диссидентам" в Советском Союзе. Сообщается также, что член Руководства ИКП сенатор г.Террачини вошел в состав т.н. "сахаровского трибунала".

Если эти сообщения достоверны, то положение представляется серьезным, поскольку, по существу, речь идет об открытой поддержке представителями ИКП людей, которые активно борются против советского государственного и общественного строя. Независимо от побуждений, которыми руководствуются итальянские коммунисты, выступающие в поддержку "диссидентов" или мероприятий под знаком "диссидентства", их акции не могут быть расценены нами иначе, как недружественные, целиком противоречащие неоднократно высказываемому руководством ИКП желанию укреплять братскую дружбу между нашими партиями. (...) Мы считаем своим долгом обратить ваше внимание на указанные выше факты и просить ЦК Итальянской компартии принять необходимые меры.

Последующие события никак, однако, не способствовали улучшению их отношений. Напротив, суды над членами Хельсинских групп, вторжение в Афганистан, ссылка Сахарова, военное положение в Польше — все это только добавляло поводов для разногласий. К 1980 году Москва уже ориентировалась на раскол ИКП, поддерживая внутри нее группы, "выступающие с дружественных нам позиций и критически настроенные в отношении ошибочных действий Руководства ИКП".

Все это, разумеется, было лишь частью тех "издержек", которые режим навлек на себя своей репрессивной политикой. — лишь индикатором того, насколько наша правозащитная кампания оказалась успешна на Западе. Европейские компартии присоединились к ней не от хорошей жизни: они просто не могли оставаться в стороне, не дискредитировав себя. Слишком сильна была общественная реакция, чтобы ее мог игнорировать любой политик. Не удивительно, что очень скоро эта кампания стала фактором в межгосударственных отношениях (поправка Джексона–Вэника в 1974 году, Хельсинское соглашение и его "третья корзина" в 1975 году), а к 1977 году, с приходом к власти в США президента Картера, — чуть ли не ключевым вопросом в отношениях между Востоком и Западом.

Такое развитие темы было для СССР просто катастрофой, грозившей политической изоляцией.

Встретьтесь с Вэнсом и скажите, что Вам поручено довести до сведения президента Картера и его, госсекретаря, следующее, — инструктировало политбюро своего посла в Вашингтоне. — **То, что подобное вмешательство в наши внутренние дела предпринимается под предлогом заботы о "правах человека", не меняет существа дела.**

Разумеется, каждый волен иметь собственный взгляд на вещи, в том числе и на то, как обстоит дело со свободой и правами человека в той или иной стране. Свое понимание этих вопросов и их состояния в США есть и у нас.

Но совсем иное — переносить такие взгляды в сферу межгосударственных отношений и тем самым осложнять их. А ведь иначе нельзя расценить

позицию представителей администрации США, когда они пытаются сделать предметом обсуждения вопросы, целиком и полностью входящие во внутреннюю компетенцию Советского государства. Это затрагивает принципиальную сторону наших взаимоотношений, и здесь должна быть полная ясность с самого начала. Такая позиция для нас категорически неприемлема...

Нетрудно представить себе, что получилось бы, если бы мы, исходя из своих моральных ценностей, стали увязывать развитие межгосударственных отношений с США и другими капиталистическими странами с такими реально существующими в этих странах проблемами, как многомиллионная безработица, ущемление прав национальных меньшинств, расовая дискриминация, неравноправное положение женщины, нарушение прав граждан органами государственного управления, преследование лиц с прогрессивными убеждениями и т.п.

Кстати, если говорить об озабоченности по поводу прав человека, то как выглядит, например, систематическая поддержка Соединенными Штатами диктаторских, антинародных режимов в ряде стран, где постоянно и грубо попираются самые элементарные человеческие права и свободы?

Если бы мы начали ставить все эти вопросы в плоскости наших межгосударственных отношений, результат, очевидно, был бы только один: это лишь осложнило бы все отношения между нашими странами, увело бы далеко в сторону от решения тех проблем, которые действительно могут и должны быть объектом взаимодействия и сотрудничества наших государств. При этом неизбежно пострадали бы всякие усилия, направленные на обеспечение права человека жить в мире, свободном от войн и бремени гонки вооружений, в обстановке безопасности и дружественного общения между народами.

Моя встреча с Картером, последовавшая ровно через десять дней после этого демарша, очевидно вызвала в политбюро просто панику. Не знали, ни как на это реагировать, ни тем более — как сообщить населению. В конце концов, по распоряжению ЦК, ТАСС представило проект:

ПРИЕМ В БЕЛОМ ДОМЕ

ВАШИНГТОН, 1 марта (ТАСС). Сегодня президент США Дж. Картер принял выдворенного из пределов Советского Союза Буковского — уголовного преступника, который также известен как активный противник развития советско-американских отношений.

Как объявлено представителем Белого дома, беседа продолжалась около часа и носила дружественный характер (эту фразу уточнить в соответствии с сообщением Белого дома, которое будет сделано после 23 часов московского времени).

Так это сообщение и пошло в печать, за исключением последней фразы — ее все-таки кто-то догадался снять в последний момент.

Однако переполох продолжался недолго. Уже к маю вся гигантская советская машина "идеологической войны" была приведена в действие. Задействованы были все "друзья" и попутчики, все виды шантажа и угроз, обещаний и подкупа. Режим боролся не на жизнь, а на смерть за свое "суверенное право" сажать нас в тюрьмы и психушки, ссылать и высылать по своей прихоти. Как сигнал к атаке,

19 мая последовало указание политбюро "всем совпослам и совпредставителям" в мире:

В последнее время на Западе развернута широкая и скоординированная пропагандистская кампания по поводу мнимых "нарушений прав человека" в Советском Союзе и других социалистических странах. Застрельщиками этой шумихи, носящей откровенно провокационный и демагогический характер, являются, как это не раз бывало в прошлом, прежде всего реакционные антикоммунистически и антисоветски настроенные силы в США и в некоторых государствах Западной Европы. Обращает на себя внимание, что в данном случае к этой кампании весьма усердно подключились и официальные круги Вашингтона, причем из высших политических эшелонов новой американской администрации.

Враждебная нам кампания под фальшивой вывеской "защиты прав человека" связана прежде всего с общей активизацией на Западе реакционных сил, ведущих борьбу с мировым социализмом. Она преследует цель отвлечь внимание народных масс капиталистических стран от тех серьезных трудностей, которые переживает буржуазное общество, особенно в обстановке охватившего его сейчас глубокого экономического кризиса, новых социальных и политических потрясений. Она представляет собой также попытку ослабить привлекательность идей социализма, бросить тень на успехи социалистических стран, помешать народам знать правду о нашем образе жизни, представить в кривом зеркале цели и принципы советской внешней политики и попытаться подорвать постоянно растущий международный авторитет Советского Союза. особенно в канун 60-летия Великого Октября.

Посольствам и совпредставительствам надлежит настойчиво проводить систематическую работу по решительному противодействию этой враждебной кампании, активно разоблачая ее демагогический и клеветнический характер, опасную для дела мира политическую направленность, означающую вмешательство во внутренние дела других государств. (...) Проводить эту работу следует в наступательном плане, разумеется, с учетом специфики страны пребывания, позиции ее правительства и политического лица конкретной аудитории или собеседника, в тесной координации с посольствами братских стран.

И далее целых 20 страниц инструкций, контраргументов, конкретных мероприятий, скрытых угроз.

Подчеркивайте прежде всего, что подобного рода кампании, которые, разумеется, ни на йоту не в состоянии поколебать прочность социалистического строя, могут, однако, отрицательно сказаться на разрядке напряженности, помешать позитивным процессам, происходящим в международных отношениях в последние годы. Совершенно очевидно, что развернутая на Западе кампания о "правах человека" в соцстранах, возводимая кое-где чуть ли не в ранг государственной политики, может серьезно отравить международную атмосферу, посеять неприязнь и подозрительность между народами.

Отмечайте, что подобные шаги, естественно, не способствуют, а лишь осложняют решение актуальных международных проблем, которые действительно могут и должны быть предметом взаимодействия и сотрудничества

государств. Противники разрядки, накаливая страсти вокруг надуманного вопроса о "правах человека" в соцстранах, рассчитывают — и об этом надо прямо сказать, — что в подобных условиях им будет сподручнее двинуть дело к дестабилизации обстановки в мире, к еще большему наращиванию военных арсеналов. Характерно, что в поднятой провокационной шумихе большую роль играют как раз те круги, которые пытаются запугать население своих стран измышлениями насчет "советской военной угрозы".

Здесь присутствует, конечно, и расчет на то, чтобы в негативном плане повлиять на тех деятелей в правительствах западных стран, которые проявляют реалистический подход к международным делам и выступают за развитие сотрудничества с социалистическими государствами. (...)

Отведите утверждения о том, что враждебная социалистическим странам кампания "защиты прав человека" и, в частности, публичные заявления по этому поводу некоторых высокопоставленных официальных лиц на Западе не являются якобы вмешательством во внутренние дела других государств, а представляют некий вид идеологической борьбы, признаваемой-де и самими социалистическими странами. Обращайте внимание на то, что подстрекательские и провокационные заявления некоторых официальных инстанций на Западе против социалистических стран нельзя охарактеризовать иначе, как подрывные акции, как действия несовместимые с поддержанием нормальных отношений между государствами.

Подчеркивайте, что мы действительно стоим на точке зрения признания идеологической борьбы, борьбы общественно-политических мировоззрений, которая не прекращается и в период международной разрядки. Однако такая борьба не имеет ничего общего с методами и приемами идеологических диверсий, с созданием и поддержкой незаконных организаций в других странах. (...)

Провокационная кампания, прежде всего империалистических кругов США и их представителей, ведущаяся под фальшивым предлогом "защиты прав человека", на деле оборачивается поддержкой и подстрекательством разного рода отщепенцев, а то и просто уголовных элементов, противопоставляющих себя социалистическому обществу. Меры, принимаемые к таким лицам за совершаемые ими действия, полностью соответствуют статьям 70 и 190 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Такие лица, как указывал на XVI съезде советских профсоюзов тов. Л.И.Брежнев, "становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным". Защита прав, свобод и безопасности 260 миллионов советских людей от действий подобных отщепенцев — это не только наше право, но и наш священный долг.

Поскольку западная пропаганда не перестает спекулировать на так называемом вопросе "инакомыслящих" ("диссидентов"), стараясь создать вокруг этих единичных отщепенцев — пособников, а то и агентов империализма какой-то "ореол", Вам следует и в этом вопросе занимать наступательную позицию, активно используя в систематических беседах на эту тему на раз-

ных уровнях новые дополнительные данные по этому вопросу, содержащиеся в приложении к настоящим указаниям (передается отдельно).

Учитывая, что пропагандистская кампания, инспирированная Вашингтоном, вызывает негативную реакцию в правящих кругах ряда западных стран, следовало бы во всех беседах по правам человека делать упор на разоблачение порядков в самих США. Следует умело использовать аргументацию для дискредитации попыток Соединенных Штатов представить себя в качестве образца демократических прав и высшего мирового арбитра.

Следует добиваться того, чтобы весь оперативный состав посольств и представительств, корреспонденты были подготовлены для бесед по правам человека, чтобы они доводили факты до возможно большего числа лиц, влияющих на государственную политику и общественные настроения в стране пребывания.

Обратить внимание советских корреспондентов на необходимость более активной работы по вопросам нарушения прав человека в капиталистических странах.

Вам следует систематически работать над выявлением уязвимых мест в политике и практике стран Запада в области обеспечения прав человека, обращая особое внимание на соответствующее законодательство и судебно-карательную практику этих стран, и делать в Центр предложения относительно усиления нашего пропагандистского контрнаступления на западные страны, пытающиеся оказать на нас политический нажим под предлогом "защиты прав человека".

Такой массированной атаки западные политики, конечно, долго выдержать не могли, тем более что тема прав человека, советским утверждениям вопреки, была для них всего лишь модой, а не долгосрочной стратегией. Одни боялись возвращения "холодной войны", другие стремились сохранить "детант", а Картеру нужен был договор о сокращении стратегических вооружений. Словом, к концу года западная кампания в поддержку прав человека, хоть и не заглохла совсем, но несколько поувяла. Во всяком случае, в ноябре на Белградской конференции по проверке выполнения Хельсинских соглашений только общественные представители не побоялись выступить с осуждением СССР; правительства предпочли ограничиться общими, туманными формулировками.

Мы еще вернемся к тому, как и почему это произошло. Однако, невзирая на это, остается бесспорным, что режим готов был нести колоссальные "издержки" вовне, лишь бы не допустить возникновения вполне мирной и законопослушной оппозиции внутри, понимая, что даже чисто символической оппозиции ему не выдержать. Другое дело — попытаться свести такие "издержки" к минимуму, прибегая к репрессиям только в крайнем случае, в основном же полагаясь на более скрытые формы преследования (использование психиатрии, кампании по "дискредитации", высылки за границу и т.п.). Так эту политику и сформулировал Андропов в 1975 году, сразу после подписания Хельсинских соглашений:

Все вышеизложенное подтверждает правильность линии нашей партии на решительную борьбу "за ограждение советского общества от действий враждебных элементов". В соответствии с этим органы государственной безопасности будут и впредь решительно пресекать всякую антисоветскую деятель-

ность на территории нашей страны. (...) КГБ будет строго следить за тем, чтобы так называемые "диссиденты" не могли создать организованное антисоветское подполье и проводить антисоветскую деятельность, в том числе и с "легальных позиций". (...) Целесообразно проводить оправдавшую себя линию на разумное сочетание профилактических и других оперативно-чекистских мер с мерами уголовного преследования в тех случаях, когда это необходимо.

8. Психиатрический ГУЛАГ

Пожалуй, больше всего искал я документы об использовании психиатрии в репрессивных целях, а найти их было всего труднее. Поди пойми — то ли саботировали мои поиски бывшие аппаратчики, то ли этих документов просто не было? Время шло, приближался момент давать показания в Конституционном суде, и я уже начинал тихо паниковать: ведь это был "гвоздь программы", одно из самых зловещих преступлений послесталинского периода, которое, по меткому выражению Солженицына, было "советским вариантом газовых камер".

Для меня же эта тема была особенно важна — она была как бы моим личным делом, за которое я отсидел свой последний срок, был изгнан из страны, продолжал воевать на Западе и в конце концов победил. Разумеется, я далек от мысли приписать одному себе эту победу — напротив, в том и достижение, что в кампанию против карательной психиатрии включилось огромное количество и психиатров, и юристов, и общественных деятелей всего мира. С годами, невзирая на политическую конъюнктуру, она продолжала расти, достигнув своего апогея в 1977 году, когда Всемирный конгресс психиатров в Гонолулу осудил советские злоупотребления. Но и тогда она не иссякла, как бывало с другими кампаниями, а оставалась постоянным фактором воздействия на общественное мнение мира. К 1983 году советскую делегацию даже исключили из Всемирной ассоциации психиатров, точнее, советские ушли сами, понимая, что исключение неизбежно.

Словом, это была самая убедительная победа нашей *гласности*. Проблема же заключалась в том, что, начавши эту кампанию и даже поставив на карту свою жизнь, я, тем не менее, до конца не знал, прав ли был в своих догадках. То есть, конечно же, те материалы о шести посаженных в психушки политзаключенных, которые я передал на Запад в 1970 году, были подлинные, и сомнения в психическом здоровье этих людей не возникало. Но вот случайное ли это совпадение, самоуправство ли местных властей, местного КГБ или сознательная политика режима — я знать не мог. Существовали лишь догадки, некоторые косвенные данные, на то указывающие. Так, мы знали, что первая волна "психиатрических" репрессий возникла еще при Хрущеве, вскоре после его заявления в 1959 году о том, что в СССР нет политзаключенных, а есть только психически больные люди. Знали опять же чисто эмпирически: я сам попал в психушку в 1963 году и был тому свидетель.

Затем, после снятия Хрущева, волна спала на какое-то время и опять возникла в конце 1968 — начале 1969 годов. Во всяком случае, целый ряд наших друзей попал в психушки в этот период.

Более того, легко было вычислить причину, по которой эти "волны" возникали: с одной стороны, рост недовольства, протестов, с другой — нежелание увели-

чивать видимые репрессии, нести "внешние издержки" в периоды "детанта". Словом, все было логично, все совпадало, но — оставалось лишь догадкой. Версия о том, что политбюро, не разбираясь в психиатрии, просто "верило врачам", оставалась неопровергнутой. И что мне было делать, если документов не найдется? Их и вообще могло не существовать, так же, как и документов об "окончательном решении" еврейского вопроса не было найдено в архивах Третьего Рейха.

Однако то, что я нашел в конце концов, превзошло мои ожидания. Для начала, не все было просто с нашим делом 1967 года. 27 января, т.е. буквально на следующий день после завершения наших арестов, тогдашний глава КГБ Семичастный и генеральный прокурор Руденко докладывали политбюро о том, что они предлагают с нами делать.

В результате сложилась группа лиц в количестве 35-40 человек, которые осуществляют свою политически вредную деятельность путем изготовления и распространения антисоветской литературы, а также организации различного рода манифестаций и сборищ. Участники этой группы апеллируют к западной прессе, которая печатает изготовленные ими материалы, пытаясь распространить их на территории Советского Союза.

Описав довольно подробно наши действия и перечислив наши фамилии, а также фамилии тех, кто, по их мнению, нас "подстрекает", они как бы между прочим пишут:

Следует отметить, что некоторые из этих лиц страдают психическими заболеваниями. — И далее: — **Документируется также враждебная деятельность ранее привлекавшихся к уголовной ответственности и освобожденных в связи с психическими заболеваниями ГРИГОРЕНКО П.Г., 1907 года рождения, бывшего генерал-майора Советской Армии, и ВОЛЬПИНА А.С., 1924 года рождения.**

Затем следует более или менее обычный перечень пропагандистских и профилактических мер:

Считая, что привлечение к уголовной ответственности указанных лиц вызовет определенную реакцию внутри страны и за рубежом, полагали бы целесообразным поручить Отделу пропаганды ЦК и МГК КПСС провести необходимую разъяснительную работу, включая выступления партийных работников, авторитетных пропагандистов, руководящих работников прокуратуры и госбезопасности на предприятиях, учреждениях и особенно среди студенческой молодежи.

Комитет госбезопасности и Прокуратура СССР со своей стороны имеют в виду провести профилактические мероприятия по месту работы и учебы лиц, допускающих антиобщественные проявления по своей политической незрелости и недостатку жизненного опыта.

Одновременно с этим представляется целесообразным подготовить в газету "Известия" развернутое сообщение с разъяснением принимаемых мер, а также поручить МИД СССР, КГБ и Прокуратуре информировать наши инопредставительства за рубежом.

Создается впечатление, что КГБ и прокуратура больше всего опасались вызвать такую же бурную реакцию в мире, какую только за год до этого вызвал суд над Синявским и Даниэлем. Похоже, они склонялись, в основном, к применению "психиатрического метода" — по крайней мере, в отношении "некоторых лиц,

страдающих психическими заболеваниями". Но — вот чудеса! — политбюро с ними не согласилось.

1. Вопрос с рассмотрения снять.

2. Поручить т.т.Суслову М.А., Пельше А.Я., Семичастному В.Е. продумать вопросы с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро и, если будет необходимо, внести их в ЦК (в том числе об ответственности авторов за передачу рукописей для издания за границей /.../ и др.)

Более того, никаких новых решений политбюро на эту тему не последовало, а через четыре месяца Семичастный был снят и его место занял Андропов, присутствовавший на заседании в феврале. А еще через несколько месяцев мы все были осуждены и — *ни один из нас не был признан невменяемым*.

Остается только гадать, что же все-таки произошло на заседании политбюро? В чем же не согласились партийные вожди с мнением юристов? Единственное объяснение, какое приходит мне в голову, — это их несогласие с *мягкостью* предложенных мер. Легко представляю себе Суслова, говорящего:

— Что же это получается, товарищи? Выходит, мы испугались буржуазной пропаганды? Получается, что они выиграли дело Синявского—Даниэля и мы не решаемся наказывать по всей строгости закона тех, кто последовал по их стопам, печатает свою клевету за границей?

Весьма вероятно также, что Суслов давно хотел снять Семичастного, оставшегося на посту главы КГБ с хрущевских времен, и заменить его своим протеже Андроповым. Но, как бы то ни было (а до конца мы теперь этого, видимо, никогда не узнаем), "психиатрические меры" одобрения явно не получили. Какое-то время после Хрущева они, надо полагать, считались слишком мягкими, слишком большой уступкой Западу.

Однако уже через пару лет обстановка сильно изменилась, и в 1969 — начале 1970 года несколько человек (Григоренко, Горбаневская, Файнберг и др.) были признаны невменяемыми. С одной стороны, прав оказался Семичастный: наши процессы вызвали колоссальный резонанс; с другой — начинался "детант" с Западом, и нужно было срочно изыскивать эффективные средства репрессий против растущего числа протестующих, такие, которые не привлекали бы внимания общественного мнения мира. Во всяком случае, к 1970 году "психиатрический метод" уже всерьез обсуждался политбюро как возможный метод *массовых репрессий*. Документы политбюро об этом чрезвычайно любопытны уже хотя бы тем, что были засекречены по высшей категории секретности: это не только "особая папка", но с краю на полях стоит надпись, которой я больше нигде не встречал:

К СВЕДЕНИЮ

Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специальной оговорки ЦК.

Копировка указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещаются.

Отметка и дата ознакомления делаются на каждом документе лично товарищем, которому документ адресован, и за его личной подписью.

Вопрос Комитета госбезопасности.

Поручить Министерству здравоохранения СССР, Комитету госбезопасности и МВД СССР с участием Госплана СССР и Совминов союзных республик внести в 1-м полугодии 1970 года на рассмотрение ЦК КПСС предложения по выявлению, учету и организации лечения, а в определенных случаях и изоляции психически больных в стране.

Инициатива, разумеется, исходила от Андропова, который разослал членам политбюро докладную записку УКГБ по одному из краев — Краснодарскому, в качестве примера того, что происходит по всей стране:

...о наличии в крае значительного числа психически больных, вынашивающих террористические и другие общественно опасные намерения. Аналогичное положение имеет место и в других районах страны.

Этот уникальный документ заслуживает того, чтобы его привести полностью:

УКГБ при СМ СССР по Краснодарскому краю располагает материалами, которые свидетельствуют о том, что в крае значительное число психически больных совершает общественно опасные и враждебные проявления, вынашивает преступные, политически вредные намерения, вносит деморализующие факторы в жизнь советских людей. За последние два года в поле зрения органов госбезопасности края попало более 180 таких лиц. Некоторые из них высказывают террористические угрозы, намерения убить представителей актива или совершить другие преступления. Так, Бычков Г.А. и Миков Г.Е. допускали злобные антисоветские высказывания, угрозы в адрес некоторых руководителей партии и Советского правительства; Ворона А.П. также высказывал террористические угрозы, составил список актива Крымского района, "подлежащего уничтожению", пытался создавать антисоветскую группу; Сони С.А. высказывает злобные бредовые намерения посетить мавзолей Ленина и с помощью кинокамеры оживить вождя революции, а затем вновь умертвить его; Ватницев Г.В. посетил мавзолей, где совершил дерзкий циничный акт; Дмитриев О.В. в лесу возле Сочи совершил нападение на сержанта правительственной охраны и ранил его; Пикалов В.М. в сентябре 1969 года высказывал угрозы физической расправы над одним из руководящих работников Анапинского горкома партии, фотоспособом изготовляет клеветнические документы и распространяет их.

Ряд психически больных совершает опасные преступления на государственной границе, пытается проникнуть на суда заграничного плавания с целью ухода за границу. В 1969 году на участке 32-го пограничного отряда в числе 50 нарушителей государственной границы или пытавшихся проникнуть на суда заграничного плавания 19 человек оказались психически неполноценными. Наиболее опасные преступления совершили: Скрылев П.А., который захватил самолет АН-2, вылетел в направлении Турции и был сбит с помощью средств ПВО над нейтральными водами; Коротенко Н.А. с призывного пункта города Кропоткина сбежал в Новороссийск и пытался пробраться на итальянское судно; Павлов В.И. на лодке с подвесным мотором в районе Сочи в 1968 году готовился изменить Родине, ранее за такие же устремления задерживался в Батуми; Грекалов В.А. настойчиво изыскивал возможности бегства за границу.

Некоторые больные выезжают в Москву, с фанатичной настойчивостью пытаются встретиться с иностранцами, проникают в посольства капиталистических стран с бредовыми намерениями или просьбами предоставить им политическое убежище. Рыбка П.Л. в ноябре сего года посетил французское посольство; Череп А.И. несколько раз пытался и в 1968 году посетил посольство США; Резак С.В. пытался проникнуть в посольство США; Лелябский Н.И. встречался с англичанами на выставке "Инпродмаш" и просил у них политического убежища, пытался передать какие-то документы.

Многие страдающие психическими заболеваниями пытаются создавать новые "партии", различные организации, советы, готовят и распространяют проекты уставов, программных документов и законов. Так, Шевнин Н.С. вынашивает и навязывает другим бредовую идею создания "Советов по контролю за деятельностью Политбюро ЦК КПСС и парторганов на местах", в этих целях проводил поиск и обработку единомышленников, выезжал в Москву, чтобы встретиться с деятелями Коммунистических и рабочих партий для "обсуждения" этого вопроса, шантажирует лиц, не пожелавших поддержать его, высказывал в письме угрозы секретарю Новочеркасского ГК КПСС Ростовской области в связи с известными событиями 1962 года; Бех А.И. предпринимал попытки создания нелегальной "партии"; Пак В.А. систематически изготовляет и распространяет документы политически вредного содержания, требует создания так называемого всемирного правительства.

Многие больные пишут массу писем в различные краевые и центральные организации с клеветническими, антисоветскими измышлениями и угрозами. Из них Михальчук Д.И., добивающийся выезда за границу, в письме в Президиум Верховного Совета СССР от 5-го апреля 1969 года писал: "...Вы хотите, чтобы мои деяния были тождественны деяниям у Боровицких ворот?..." В беседе с председателем Белореченского горисполкома Михальчук заявил, что не ручается за себя и может совершить преступление.

В числе психически больных немало склонных к совершению нападений, к изнасилованиям, убийствам, а некоторые пытаются и совершают такие дерзкие преступления. К примеру, в период обострения болезни Бузницкий А.Г. отрубил голову своему десятилетнему сыну, Овельян Е.М. убила мужа, Пономаренко А.М. убил свою сестру.

В крае, по данным психдиспансеров, в общем количестве 55,8 тысячи психически больных многие агрессивны, злобны, а около 700 человек представляют общественную опасность. Наибольшее количество их проживает в Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Майкопе, Геленджике, Ейском, Крымском районах.

В целях предотвращения опасных последствий со стороны указанной категории лиц органы госбезопасности края вынуждены проводить необходимые мероприятия, отвлекая для этого большие силы и средства.

В настоящее время, по данным крайздравотдела, нуждается в госпитализации 11-12 тысяч больных, а лечебницы соответствующего профиля располагают только 3785 койками.

В целях пресечения опасных проявлений со стороны лиц, страдающих психическими заболеваниями, по нашему мнению — его разделяют и руко-

водители органов здравоохранения края, требуется дальнейшее улучшение системы мер по их выявлению, учету, госпитализации и лечению, а также контролю за их поведением вне лечебных учреждений.

По существу изложенного вопроса проинформированы крайком партии и крайисполком.

Начальник Управления КГБ при СМ СССР
по Краснодарскому краю генерал-майор С.Смородинский
15 декабря 1969 года

Это поразительный документ, верх чекистского иезуитства. Начать с того, что он, вне сомнения, был инспирирован самим Андроповым: начальнику краевого УКГБ не было нужды да и не полагалось писать такие обобщающие меморандумы своему шефу. Тем более, что по каждому упомянутому эпизоду он наверняка уже докладывал Андропову в свое время. Скажем, неужели же не было своевременно доложено в Москву о сбитом "средствами ПВО в нейтральных водах" самолете? Или в Москве не знали о посещении жителями Краснодарского края иностранных посольств, мавзолея Ленина, тем более с совершением "дерзкого циничного акта"? И если предположить, что инициатива докладной записки действительно принадлежала генералу Смородинскому, то он непременно добавлял бы при описании ситуации сакраментальную бюрократическую фразу: "Как я уже докладывал". Однако этих слов ни разу не встречается, как будто бы все эти сведения два года накапливались у бедного генерала и наконец прорвались в крике души.

Далее, упор в подборе эпизодов вполне сознательно делается на опасности террористических актов со стороны душевнобольных. Дело происходит, заметим, в конце 1969 года, т.е. вскоре после знаменитого покушения на Брежнева — "деяние у Боровицких ворот", — совершенного Ильиным, которого сразу же признали невменяемым и заперли в Казанской спецбольнице на "вечной койке" (он вышел только к концу 80-х и никаких признаков психической болезни не обнаружил). Стало быть, и пишущий, и читающие отлично понимают, о чем идет речь. Они знают, что имеется в виду под "психической болезнью" и "общественной опасностью": люди, просто доведенные до отчаяния, на которых чекистская "профилактика" уже повлиять не может.

В этой связи становится понятно, почему выбран именно Краснодарский край: там, с одной стороны, много правительственных курортов, а с другой — близко к границе с капстраной, Турцией. То есть число отчаянных поступков там выше, чем в среднем по стране. Конечно, Андропов врет, утверждая в своей препроводительной записке, что "аналогичное положение имеет место и в других районах страны". Не может быть этого во внутренних областях, не имеющих доступа к границе. Никто не станет захватывать самолеты в Рязанской области — оттуда не долететь до капстраны. Нет там и "судов заграничного плаванья", и других провоцирующих советского человека объектов. Статистика "психических заболеваний" будет там несравненно ниже.

Наконец, обратим внимание на приведенные цифры. Общее количество психически больных в крае — 55,8 тысяч, из которых 11-12 тысяч нуждаются в госпитализации, а "общественно опасных" среди них — около 700 человек. Стало быть, члены политбюро легко поймут, о каких масштабах идет речь, коль скоро положение везде "аналогично", а краев и областей в СССР около ста. Значит, в

целом по стране должно быть порядка 70 тысяч "опасных" и 1,2 миллиона "нуждающихся в госпитализации". Речь, таким образом, шла ни больше ни меньше, как о создании *психиатрического ГУЛАГа*. И политбюро согласилось на его создание, причем в срочном порядке: вопрос предполагалось решить в течение полугода!

Легко понять, почему Андропов решил подстраховаться — переслать "доклад" своего подчиненного в политбюро, чего ни до, ни после этой бумаги обычно не делал. Ведь всего лишь три года назад его предшественник Семичастный погорел именно на психиатрии, продемонстрировав свою "мягкость" к врагу. Кто же мог поручиться, что политбюро опять не взбрыкнет? Тем более, что речь идет о такой глобальной акции, в сущности — о повороте всей карательной политики. Вот он и старается, нагнетает ужас на старичков сообщением о разгуле сумасшедших в Краснодарском крае, как будто это положение только сейчас возникло по непонятной причине.

* * *

Разумеется, освобождаясь из лагеря в январе 1970 года, я не имел ни малейшего понятия о том, что как раз в это время политбюро приняло решение, из-за которого мне опять предстояло идти в тюрьму. Никто из нас ничего подобного себе даже и вообразить не мог.

Мы лишь заметили, что число признанных невменяемыми по нашим делам заметно возросло. А кроме того было очевидно, что психиатры целенаправленно разрабатывали специальную диагностику, весьма удобную для массового применения к политическим оппонентам да и вообще к любым недовольным режимом. Появились такие сомнительные термины, как "бред реформаторства", получила признание "вялотекущая шизофрения" проф. Снежневского, до того считавшаяся спорной. Было ясно, что против нас готовят психиатрические репрессии, хотя о масштабах этих приготовлений мы не догадывались.

Однако получилось так, что мы со своей кампанией попали в самую точку. Еще не истекло полгода и политбюро не успело принять окончательного решения, как появились мои первые интервью западной прессе, а к лету — и телевидению, где проблема психиатрических репрессий выдвигалась на первый план. Мы как бы застукали их на месте преступления, причем совершенно случайно. Так, наверное, бывало на войне, когда шальной снаряд попадал в склад боеприпасов и срывал запланированную атаку. Пришлось режиму обороняться чем попало, а решение о создании "психиатрического ГУЛАГа" оказалось отложенным по крайней мере на два года. Когда же к обсуждению этого вопроса вернулись, а это произошло только в январе 1972 года, вскоре после моего суда (совпадение это или закономерность — поди пойми! Я ведь был осужден за клевету на советскую психиатрию), обстановка была уже слишком накалена. Слишком много было уже разговоров о психиатрических репрессиях, чтобы возвращаться к первоначальному плану, не возбудив еще большей кампании. Какая уж тут "конспирация", если о советских психиатрических репрессиях трубили тогда на Западе все средства массовой информации.

По сути дела, обсуждение свелось у них просто к анализу состояния психиатрии в стране. Создана была специальная комиссия Совмина для изучения этого

вопроса, так называемая комиссия Раковского, выяснившая, между прочим, что состояние это крайне неудовлетворительно помимо всякой политики:

По данным Министерства здравоохранения СССР, в стране отмечается рост психических заболеваний. Если на начало 1966 года на учете во внебольничных психоневрологических учреждениях было 2 млн. 114 тысяч больных, то на начало 1971 года состояло более 3 млн. 700 тысяч человек, и на лечении в стационарах находилось 280 тысяч человек.

Обеспеченность населения страны психиатрическими койками в два с лишним раза ниже потребности. Материальная база подавляющего большинства психиатрических стационаров неудовлетворительна, значительная часть из них расположена в неприспособленных помещениях, непригодных для нормального размещения больных. Во многих больницах площадь на больного менее 2,0—2,5 кв. метров, при норме 7 кв. метров. Нередки случаи, когда больные размещаются по двое на койке и даже на полу. В ряде больниц построены двухэтажные нары...

Вследствие перегрузки в стационарах нарушается санитарно-гигиенический режим, создаются нетерпимые условия для содержания, обследования и лечения больных, а также для работы медицинского персонала. Нередки случаи преждевременной выписки больных...

В последнее время отмечается значительный рост больных алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом, которые все больше поступают в психиатрические учреждения, в связи с чем из года в год снижается число психически больных, получающих лечение в стационарах.

Существующий ежегодный прирост числа психиатрических коек крайне мал. За 1965—1970 гг. он составил в среднем по СССР около 4 процентов к имеющемуся числу коек и осуществляется в значительной мере за счет дальнейшего приспособления и уплотнения зданий психиатрических больниц.

Трудности с госпитализацией психически больных, преждевременная их выписка из стационаров приводят к тому, что среди населения находятся тяжелые, нередко социально опасные психически больные.

По данным МВД СССР, за последнее время на территории страны увеличилось число убийств, разбоев, грабежей, краж и других тяжких преступлений, совершаемых лицами, страдающими психическими заболеваниями. В 1970 году ими совершено 6493 преступления, в том числе 937 убийств. При этом отдельные преступления совершались с особой жестокостью и сопровождались большим количеством жертв. (...)

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 года N517 "О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране" предусмотрено строительство и ввод в эксплуатацию до 1975 года не менее 125 психиатрических больниц на 500 и более коек каждая. В народнохозяйственном плане на 1971—1975 гг. предусматривается строительство 114 психиатрических больниц с вводом в действие 43,8 тысяч коек.

В 1971 году Министерство здравоохранения СССР совместно с МВД СССР и КГБ при Совете Министров СССР внесли в Совет Министров СССР проект постановления о мерах по дальнейшему улучшению медицинской помощи

психически больным. (...)

26 января т.г. Президиум Совета Министров СССР рассмотрел данный вопрос и поручил комиссии в составе т.т. Раковского (созывающий), Мартынова, Петровского, Цвигуна, Щелокова, Волкова, Гарбузова, Прохорова доработать проект постановления с учетом обмена мнениями на президиуме.

В общем, дело застопорилось надолго, перешло в сферу чисто профессиональных проблем и политическую остроту потеряло. Разумеется, число психбольниц заметно выросло к концу 70-х, как это и планировалось, но число помещенных по политическим причинам не выросло даже пропорционально числу больниц. Оно и не удивительно, принимая во внимание размах кампании в мире против психиатрических злоупотреблений.

В ряде западных стран нагнетается антисоветская кампания с грубыми измышлениями об использовании в СССР психиатрии якобы в качестве инструмента политической борьбы с "инакомыслящими", – докладывал в ЦК Андропов. **– Идеологические центры и спецслужбы противника широко привлекают к этому средства массовой информации, используют трибуны научных форумов, инспирируют антисоветские "демонстрации" и "протесты"... Последние данные свидетельствуют о том, что эта кампания носит характер тщательно спланированной антисоветской акции. Организаторы клеветнических выступлений стремятся подготовить, как видно, общественное мнение к публичному осуждению "злоупотреблений психиатрией в СССР" на предстоящем VI Всемирном конгрессе психиатров (Гонолулу, США) в августе 1977 года, рассчитывая вызвать политически негативный резонанс в канун празднования 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. (...)**

Активную роль в нагнетании антисоветских настроений играет Королевский колледж психиатров Великобритании, находящийся под влиянием просионистских элементов. В мае 1976 года на его съезде принято решение обратиться к участникам VI Всемирного конгресса психиатров с требованием осудить "систематическое использование психиатров в СССР в политических целях". Для изучения "доказательств злоупотребления психиатрией" создана рабочая группа.

В июне 1976 года вопрос о "положении в советской психиатрии" рассмотрен на Генеральной ассамблее Союза французских психологов, где принята резолюция, "осуждающая действия психиатров СССР", и составлена петиция с требованиями "прекращения использования психиатрии в репрессивных целях". (...)

Инспираторы акции оказывают нажим и на руководство Всемирной ассоциации психиатров (ВАП). В Исполком ВАП поступают сфабрикованные на Западе "доказательства злоупотреблений психиатрией в СССР" и требования выступить с обвинениями в адрес советских психиатров. Члены Исполкома ВАП английские психиатры Д.ЛИ и Л.РИС подвергаются публичной травле только за то, что они по инициативе советских ученых избраны почетными членами Всесоюзного общества невропатологов и психиатров.

На проходившем в июне 1976 года в Лондоне симпозиуме ВАП об этике в психиатрии некоторые участники пытались внести в декларацию пункт о "политических диссидентах", поддержанный некоторыми членами парламен-

та, большинством лондонских газет, радио, телевидением, а также участниками организованного антисоветского митинга. Однако в результате активной и принципиальной позиции советского представителя, члена Исполкома ВАП, профессора ВАРТАНЯНА М.Е. это предложение удалось отклонить.

Комитетом госбезопасности через оперативные возможности принимаются меры по срыву враждебных выпадов, инспирируемых на Западе вокруг советской психиатрии.

Вместе с тем полагали бы целесообразным по линии Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС и Отдела пропаганды ЦК КПСС поручить Минздраву СССР осуществить в период подготовки и проведения VI Всемирного конгресса психиатров (1977 г.) соответствующие официальные мероприятия по каналам международного научного обмена, организовав их пропагандистское обеспечение совместно с органами информации.

Все это, заметьте, пишется без тени иронии, будто не сам Андропов только что направлял в тот же самый ЦК свои материалы и предложения о психиатрическом ГУЛАГе. Включая и упоминание бедных затравленных английских психиатров Д.Ли и Л.Риса, якобы принятых в почетные члены советского общества психиатров "по инициативе советских ученых", хотя и Андропов и ЦК отлично знают, что инициатива исходила от них самих. Более того, такая обработка западных психиатров велась вполне целенаправленно, по решению ЦК:

Министерство здравоохранения СССР проводит работу по выявлению прогрессивно настроенных крупных психиатров США, Англии, Франции и других капиталистических стран и приглашению их в СССР для участия в научных конференциях и симпозиумах, ознакомления с достижениями психиатрической помощи в нашей стране. Имеется в виду использовать их позитивные высказывания в пропагандистской работе за рубежом. (...) Минздравом СССР и МВД СССР организованы инспекторские проверки специальных больниц, где проводится принудительное лечение лиц с психическими заболеваниями, с целью улучшения медицинского обслуживания этой категории больных. Предполагается, в случае необходимости, осуществлять показ отдельных таких лечебниц иностранным специалистам.

Разумеется, "прогрессивным" западным коллегам не покажут обычных психбольниц, где не хватает коек и больных кладут по двое в койку, или на пол. Впрочем, некоторые из них были, видимо, настолько "прогрессивны", что и это бы их не смутило.

В последний день пребывания в СССР член португальской парламентской делегации, которую мне было поручено сопровождать, видный специалист в области невропатологии и психиатрии, депутат от социалистической партии А.Фернандес да Фонсека в доверительном порядке сообщил мне следующее, – доложил в ЦК советский "парламентарий" Юрий Жуков. **– По имеющимся у него данным, антисоветски настроенные американские деятели готовятся использовать предстоящий Всемирный конгресс психиатров 1977 году в Гонолулу для организации яростной антисоветской кампании в связи с распространяемыми на Западе клеветническими суждениями о том, будто у нас психиатрические больницы используются для заключения туда "инакомыслящих".**

– Маневры такого рода, – сказал А.Фернандес да Фонсека, – предпри-

нимались уже на предыдущем Всемирном конгрессе по психиатрии в Мексике в 1972 году, но сейчас готовится гораздо более крупная акция. В этой связи было бы важно, чтобы советские специалисты, которые будут участвовать в конгрессе, были вооружены убедительной документацией научного порядка, которая была бы противопоставлена лживым утверждениям врагов СССР. Кроме того, на мой взгляд, было бы важно, чтобы уже сейчас советские специалисты вооружили соответствующей научной информацией прогрессивно настроенных зарубежных выдающихся деятелей психиатрии, которые могли бы вместе с советскими деятелями дать отпор клеветникам.

В этой связи А.Фернандес да Фонсека попросил прислать ему соответствующие данные для подготовки к выступлению на конгрессе. По его словам, использовались бы эти данные для ознакомления с ними видных психиатров других стран, народы которых говорят на португальском языке.

— В мае, — сказал он, — намечается организационная встреча ассоциаций психиатров Португалии, Бразилии и пяти стран Африки, народы которых говорят на португальском языке. У нас будет возможность встретиться с моими видными коллегами и убедить их в неправомерности обвинений, выдвигающихся американскими представителями.

А.Фернандес да Фонсека подчеркнул, что сейчас требуются не общие заявления политического характера, в которых доказывается абсурдность американских обвинений, а конкретный научный материал — диагнозы и сведения о лечении таких людей, как Плющ, Буковский и другие, которых выдают за "невинных жертв".

Хотел бы я теперь встретиться с этим А.Фернандесом да Фонсекой, желательно в присутствии журналистов или на телевидении. Но ведь не решится, как и все остальные наши противники времен "холодной войны". И даже если его силой привести — все равно не раскается. Будет, небось, твердить, что "не знал", что "верил" и что во всем виноваты американцы. Во всяком случае, ни мне, ни Плющу никаких извинений от него до сих пор не приходило.

* * *

Нужно ли говорить, как рады были советские "психиатры в штатском" такому добровольному помощнику, позволявшему им "и в дальнейшем использовать его возможности для распространения нужной нам информации". Работы у них было даже слишком много: практически каждый год составлялся и утверждался в ЦК "План мероприятий по разоблачению антисоветской клеветнической кампании по поводу так называемых "политических злоупотреблений" в психиатрии". Это впечатляющие документы, содержащие детальную разработку международной контркампании, в которой задействованы все возможности: и пресса, и телевидение, и советская дипломатия, и меры КГБ. В них и тактика, и стратегия, и до осуждения в Гонолулу, и после. Но если до Гонолулу это в основном комплекс защитных мер пропагандистского характера, то после Гонолулу — отчаянная борьба за выживание.

Осуждение в Гонолулу было для режима жестоким поражением, далеко выходящим за рамки психиатрии. Прежде всего потому, что самое отчаянное усилие советской внешнеполитической машины не смогло его предотвратить. Оправды-

ваясь перед ЦК, руководство советской психиатрии подробно описывает все принятые ими меры:

В порядке подготовки к Конгрессу Минздравом СССР были проанализированы основные антисоветские публикации и подготовлены обоснованные контраргументы; проведен ряд симпозиумов с участием крупных зарубежных специалистов, активизировано участие в программах ВОЗ. Непосредственно перед конгрессом для согласования позиций социалистических стран советские психиатры выезжали в Болгарию, Венгрию, ГДР и ЧССР.

Для участия в Конгрессе была подготовлена авторитетная советская делегация, которая сразу по прибытии в Гонолулу установила активные контакты с делегациями социалистических и других государств (Мексики, Венесуэлы, Сенегала, Нигерии, Индии и т.д.). Эти контакты, а также дальнейший ход Конгресса подтвердили, что, хотя официально Конгресс проводился ВАП, вся фактическая подготовка научной и организационной программы полностью находились в руках Американской психиатрической ассоциации. Воспользовавшись своим положением и поддержкой Президента Конгресса Ш.Фрезер и Президента ВАП Г.Рома (оба из США), составители программы пошли на открытую политизацию Конгресса в ущерб основным научным интересам психиатрии...

Помещения, где проходили заседания Конгресса, были наводнены антисоветской макулатурой, листовками с грязными нападками на советскую психиатрию и отдельных ее представителей. В кулуарах сновали привезенные на Конгресс "бывшие советские психиатры" (...), создавалась шумиха вокруг психически больного лица (Л.Плющ), высланного из СССР.

В связи с этим советская делегация с первого же дня последовательно представляла резкие протесты по поводу антисоветских провокаций как Исполкому ВАП, так и организационному комитету Конгресса. В самом Исполкоме ВАП советский представитель М.Е.Вартанян сумел, в частности, добиться отказа в регистрации Л.Плюща в качестве делегата Конгресса, а также удаления из основного зала заседаний антисоветской литературы. Что же касается коридоров и фойе, то Оргкомитет заявил, что эти помещения им не оплачиваются и соответственно, якобы не контролируются...

Однако главное столкновение с антисоветчиками развернулось на двух заседаниях Генеральной Ассамблеи ВАП, где организаторами Конгресса были поставлены на обсуждение подготовленная Исполкомом "Гавайская декларация" об общих этических принципах современной психиатрии (к которой советская делегация присоединилась), а также провокационная англо-австралийская резолюция, "осуждающая злоупотребление психиатрией в СССР" и американское предложение о создании "Комитета по расследованию случаев злоупотребления психиатрией".

Советский представитель на Ассамблее (Э.А.Бабаян) опротестовал включение в повестку этих предложений как явно клеветнических и противоречащих Уставу ВАП. Он выступил также против предложенного порядка обсуждения пунктов повестки дня, исключавшего сколько-нибудь серьезное их рассмотрение. Была категорически опротестована и сама система голосования, основанная на пропорциональности числа голосов величине вносимых

национальными ассоциациями денежных взносов в бюджет ВАП (от 30 до 1–2-х голосов). Однако эти протесты не были приняты из-за открытого нажима Президента ВАП Г.Рома и ссылок на Устав ВАП. (...) После этого Президент ВАП грубо нарушил порядок ведения заседания и форсировал голосование с нарушением элементарных требований процедуры (не было запечатанной урны, бюллетени получали непосредственно в руки представители секретариата, которыми же и проводился подсчет голосов и т.д.). Это было также немедленно опротестовано представителями СССР и других социалистических стран на Ассамблее и в Исполком ВАП, но не было принято Председателем и Генеральным секретарем ВАП. Однако даже в этих условиях 33 делегации национальных психиатрических обществ из 55 голосовали против антисоветской англо-австралийской резолюции, т.е. в поддержку советской психиатрии, и только 19 за резолюцию. Лишь подсчет по системе "взвешенного голосования", архаичность которой была признана даже Исполкомом (но которую может изменить лишь следующий Конгресс), дало преимущество организаторам антисоветской кампании лишь в 2 голоса (90 и 88). Следует отметить, что на Конгрессе отсутствовали представители Польши и Румынии, имевшие 6 голосов, и по необъявленным причинам были признаны недействительными 2 бюллетеня с 8 голосами. Это же определило и принятие решения поручить новому Президенту ВАП проф. П.Пишо (Франция) и Исполкому продолжить рассмотрение вопроса о создании так называемого комитета по расследованию злоупотреблений в психиатрии, которое, как было показано в ходе дискуссии, не имеет под собой никаких медицинских или юридических оснований. После голосования представитель СССР еще раз подчеркнул недемократический, дискриминационный характер процедуры ВАП и заявил, что результаты голосования явно свидетельствуют, что большинством стран — членов ВАП резолюция не принята. (...)

На следующий день советская делегация представила вновь избранному и старому Исполкому ВАП устное и письменное заявление по общим итогам Конгресса. В нем был дан подробный анализ всей антисоветской клеветнической кампании, осуждены дискриминационные методы ведения ассамблеи, еще раз подчеркнуто, что антисоветская резолюция ассамблеи не может считаться принятой. Это заявление было распространено среди всех национальных делегаций и представителей прессы. Как широко отмечалось в кулуарах Конгресса и в прессе, несмотря на формальное "принятие" клеветнической англо-австралийской резолюции, моральная победа на Конгрессе была одержана советской психиатрией.

Разумеется, такая "победа" ЦК не устраивала, а потому работа началась сразу же после Гонолулу:

Советские ученые (Снежневский А.В., Морозов Г.В., Бабаян Э.А., Жариков Н.М., Вартанян М.Е., Рожнов В.Е. и др.) выезжали на научные совещания по психиатрии в ФРГ, Швейцарию, ГДР, ВНР, где встречались с зарубежными и подробно информировали их об истинном характере событий на прошедшем Конгрессе. В Женеве по итогам Конгресса была проведена пресс-конференция (Э.А.Бабаян), которая получила объективное освещение в ряде швейцарских газет.

Соответственно, "план" кампании на 1978–1979 гг., утвержденный ЦК, включал в себя огромное количество пропагандистских мероприятий, использования научных контактов, публикаций, а также тактических приемов типа:

Добиваться демократизации Устава ВПА и правил процедуры ее высшего органа — Генеральной ассамблеи.

Провести работу по включению в состав Этического Комитета ВПА советского представителя, добиваясь рассмотрения этим комитетом лишь профессиональных вопросов медицинской этики (срок — 1 квартал 1978 г.).

Установить и поддерживать контакт с новым президентом (проф. П.Пиппо — Франция) и Генеральным секретарем ВПА (проф. П.Бернером — Австрия). Систематически направлять в адрес Исполкома ВПА и национальных ассоциаций психиатров (стран — членов ВПА) соответствующие материалы и документы, разоблачающие клеветнический характер проводимой политической антисоветской кампании.

В случае принятия ВПА каких-либо новых решений, направленных на дальнейшее ее вовлечение в эту кампанию, заявить о выходе Всесоюзного общества невропатологов и психиатров из ВПА.

Расписано было все, вплоть до сроков исполнения и учреждений, за исполнение отвечавших. Например:

Принять необходимые меры по активизации работы со специалистами и учеными социалистических стран. Для этого провести в Москве в первой половине 1978 года совещание ведущих психиатров социалистических стран и представителей Минздравов этих стран для разработки планов совместных мероприятий по актуальным проблемам психиатрии. Активно участвовать во всех конгрессах и конференциях по вопросам психиатрии, проводимых в социалистических странах, с представлением докладов и материалов о достижениях советской психиатрии.

Регулярно предоставлять рабочие места для подготовки специалистов социалистических стран по клинической и судебной психиатрии в Институте психиатрии АМН СССР, Центральном НИИ судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Продолжать работу по изучению позиций ведущих ученых-психиатров капиталистических стран и научной направленности проводимых ими исследований с целью привлечения некоторых из них к совместной работе в рамках научных конференций, симпозиумов и межинститутских соглашений. Использовать для этих целей также каналы сотрудничества с ведущими фармацевтическими фирмами капиталистических стран

Провести мероприятия по более активному привлечению психиатров развивающихся стран к работе научных конференций, проводимых в СССР, а также использовать все возможности для командирования советских специалистов в развивающиеся страны для чтения лекций по вопросам психиатрии.

Иногда возникали и курьезы. Так, и до Гонолулу, и после одним из важных мероприятий считалось:

Организовать получение информации о судьбе выехавших из Советского Союза психически больных лиц, бывших граждан СССР, имея в виду использование этих данных в приемлемой форме с учетом требований медицинской

этики для разоблачения клеветнического характера обвинений в адрес советской психиатрии.

Ответственные: Министерство иностранных дел СССР,
Комитет госбезопасности при СМ СССР,
Министерство здравоохранения СССР.

Речь шла о том, чтобы выяснить, кто из нас, когда-то помещавшихся в советские психбольницы, попал на лечение к психиатрам за границей. А коли таких случаев нет, то выдумать их. КГБ дважды просить не пришлось, и вскоре во многих левых западных изданиях появились сообщения о том, что тот или другой из наших друзей якобы попал в психбольницы уже на Западе.

В частности, такие сообщения появились об Алике Вольпине, жившем к тому времени в США, а он, не долго думая, подал в американский суд за клевету на эти издания. В панике Андропов, Кузнецов, Замятин и Толкунов сообщали в ЦК:

Реакционные сионистские круги США в явно провокационных антисоветских целях инспирировали обращение в американский суд отщепенца Есенина-Вольпина. Он предъявил иск к ТАСС, АПН и американской газете "Дейли уорлд" (орган компартии США) в оскорблении его через публикацию (диффамация). Формальным предлогом использован перепечатанный в газетах "Известия" и "Советская Россия" материал из итальянского левого журнала "Раджоне" (май 1976 года), разоблачающий клеветническую реакционную пропаганду о том, будто в Советском Союзе здоровых людей по политическим причинам заключают в психиатрические больницы. О Есенине-Вольпине в этой статье говорится, что он, "которого с таким старанием защищала западная печать, не успел приехать в Италию, как вновь оказался в больнице для умалишенных; в настоящее время он лечится у американских психиатров".

ТАСС поместил эту заметку в советских газетах, АПН — в одном из своих изданий в ФРГ, "Дейли уорлд" напечатала собственный материал на основании этой заметки.

Американский суд вручил судебные повестки отделениям ТАСС и АПН в Нью-Йорке с требованием явиться в суд, а в случае неявки до 2 февраля с.г. ТАСС и АПН будут признаны автоматически виновными и должны будут уплатить в пользу Есенина-Вольпина по 200 тысяч долларов каждый.

Сам иск составлен в антисоветском провокационном духе о так называемом преследовании инакомыслящих в СССР, о заключении их в психиатрические больницы и тому подобном вздоре. Все это рассчитано на разжигание очередной кампании в Америке средствами массовой информации США против Советского Союза.

С целью пресечения этого процесса посол СССР в США имел беседу с заместителем госсекретаря США, обратив его внимание на недопустимость и необоснованность предпринятых американским судом действий. Американский госсекретарь уклонился от прямого ответа, сославшись на то, что "с юридической точки зрения это дело не такое уж простое".

Чтобы представителям ТАСС и АПН не являться в американский суд и не ввязываться по существу в этот провокационный процесс, совпослу было разрешено привлечь американского адвоката, добиваться через него прекра-

щения процесса и аннулирования иска, используя американское законодательство.

Послу поручено также продолжать настаивать перед госдепартаментом на принятии срочных мер для прекращения дела по иску Есенина-Вольпина, как ни на чем не основанного и явно преследующего враждебные Советскому Союзу политические цели, что вытекает из самого иска. При этом совпослу было поручено дать понять американской стороне, что в противном случае нами будут приняты меры ответного плана против американских органов печати и их корреспондентов в Москве, которые нередко публикуют действительно клеветнические сообщения, касающиеся Советского Союза и его граждан.

В зависимости от ответа американской стороны и дальнейшего хода дела считаем целесообразным разработать по линии Комитета государственной безопасности необходимые мероприятия ответного порядка. Считаем также целесообразным продолжать вести намеченную нами линию через госдепартамент США.

С тем, чтобы не ввязываться в процесс по существу, как рассчитывают сионистские круги, затеявшие иск Есенина-Вольпина, считаем, что корреспондентам ТАСС и АПН являться в американский суд не следует ни сейчас, ни в дальнейшем. Представляется целесообразным скоординировать наши действия с друзьями в связи с аналогичным иском против "Дейли уорлд".

Просим одобрить указанный ход действий.

ЦК, разумеется, "ход действий" одобрил, покрыв своим решением незадачливых чекистов, попавшихся на столь явной лжи. В интересах дела социализма все было "целесообразно". Не выдержал и госдепартамент, испугался конфронтации. Не знаю, как уж они смогли вмешаться в дела правосудия — по американским законам такое вмешательство криминально, — но дело так никогда в суде и не слушалось.

А жаль. Если бы Западу хватало мужества хотя бы не нарушать собственные законы и порядки в угоду советскому диктату, то коммунизм и кончился бы гораздо раньше, и страданий людям причинил бы меньше. Во всяком случае, пример достойного поведения психиатров большинства западных стран — тому лучшее доказательство. Так и не смогли советские вожди создать психиатрический ГУЛАГ, весь их грандиозный план погиб, не родившись, а вплоть до 1989 года им приходилось оправдываться перед всем миром да проводить бесконечные "мероприятия". Это пятно позора им до конца смыть не удалось. Более того, наша гласность оказалась в этом случае настолько эффективной, что к концу 70-х КГБ уже опасался, как бы кто-то из известных диссидентов не попал в психбольницу даже случайно, независимо от их воли. Благодаря этому, например, Александр Зиновьев не был арестован — его предпочли вытолкать на Запад.

Имеющиеся в Комитете госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что вся деятельность ЗИНОВЬЕВА является противоправной и есть юридические основания для привлечения его к уголовной ответственности, — докладывал Андропов в ЦК в 1978 году. **— Однако эту меру пресечения антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА, по нашему мнению, в настоящее время применять нецелесообразно по той причине, что, по заявлению ряда лиц, близко**

знающих ЗИНОВЬЕВА, он ранее лечился от алкоголизма, психически неуравновешен, страдает манией величия. Эти обстоятельства могли бы (в случае привлечения ЗИНОВЬЕВА к уголовной ответственности) послужить причиной для признания его судом психически больным с направлением на принудительное лечение. С учетом развязанной на Западе кампании вокруг психиатрии в СССР эта мера пресечения представляется нецелесообразной.

Но только в 1989 году, в разгар горбачевско-яковлевской "глазности", когда признаваться в прошлых преступлениях стало выгодно, политбюро приняло, наконец, постановление "О совершенствовании законодательства об условиях и порядке оказания психиатрической помощи", вводившее правовые гарантии против психиатрических злоупотреблений. Правда, даже и тогда эта мера была отчасти вынужденная, проведенная под давлением Запада.

В ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 10 мая 1989 года (П157/37) "О советско-американских контактах в области психиатрии" Министерство иностранных дел СССР, Министерство здравоохранения СССР и Академия наук СССР пришли к выводу о том, что возможные изменения ведомственных инструкций и других нормативных актов, регламентирующих оказание психиатрической помощи в рамках ныне действующего "Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи", не могут быть признаны достаточными для решения поставленных задач. Положение не в полной мере соответствует статьям 54 и 57 Конституции СССР, гарантирующим неприкосновенность личности и право на судебную защиту личной свободы граждан. Несовершенство Положения не позволяет полностью исключить возможность случаев произвольного использования психиатрии, а также повышает вероятность ошибочного помещения на недобровольное психиатрическое лечение. Имеются в нем и другие существенные проблемы.

Нуждается в совершенствовании действующее законодательство и под углом зрения международных обязательств СССР, вытекающих, в частности, из положений Итогового документа Венской встречи государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как известно, в рамках ООН разрабатывается проект Свода принципов и гарантий защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи. Ряд содержащихся в проекте норм, на которые мы в принципе дали согласие, не отражен в действующем в нашей стране законодательстве.

И, перечислив ряд необходимых законодательных изменений, завершают:

Все это будет еще одним шагом к тому, чтобы снять вопросы психиатрии как политические.

Теперь и в России, и на Украине есть общественные группы психиатров, наблюдающие за тем, чтобы не возродилось использование их профессии в политических целях. Они расследуют все подозрительные случаи, изучают каждую жалобу, посещают психбольницы, а если нужно — ходатайствуют перед властями о пересмотре сомнительных дел. Но такие случаи теперь встречаются не чаще, чем в любой другой стране.

В психиатрии, в отличие от многих других сторон советской жизни, действительно произошли разительные перемены. Наши времена тут, и правда, уже история. В Ленинградской спецбольнице, где мы когда-то познакомились с гене-

ралом Григоренко, наши "истории болезни" теперь показывают посетителям, как в Петропавловской крепости — камеру, где сидел Бакунин. А в 1992 году, готовясь к своему выступлению в Конституционном суде, я посетил Центральный институт судебной психиатрии им. Сербского вместе с командой российского телевидения. у входа нас встретила молодая, миловидная женщина, нынешний директор института доктор Татьяна Дмитриева.

— Я читала вашу книжку и давно хотела вам сказать: все, что вы написали и о нашем институте, и о спецбольницах, — правда.

Я знаю, она не лицемерит: она уже говорила об этом прессе.

Прошло тридцать лет с того дня, как я впервые переступил порог этого когда-то зловещего учреждения. Из всех, кто меня знал "пациентом", осталось только два человека: старая нянечка Шура и "почетный директор", "академик" Г.В.Морозов, наш доктор Менгеле, который, говорят, предпочитает здесь больше не появляться.

Впрочем, так ли уж окончательны эти перемены? Ведь никто не отменял наших диагнозов, никто и не подумал извиниться за всю ту клевету, которая десятилетиями на нас обрушивалась в печати, распространялась закулисно, шепотком, при "личных контактах". Никто из этих "академиков" не предстал перед судом за преступления против человечества и даже не был лишен профессорских званий за нарушение клятвы Гиппократа. Напротив, многие из них, как Вартанян и Бабаян, продолжают руководить российской психиатрией и даже представлять ее за границей. И если нынешней власти не нужен "психиатрический метод", то это не значит, что он не понадобится власти завтрашней. Так ли трудно будет к нему вернуться? Только-то и потребуется уволить эту миловидную женщину с директорского поста да загнать по лагерям немногочисленных психиатров из общественных наблюдательных групп. А уж какой идее будет служить психиатрия, исправляя мозги своих граждан, — национал-социализма или интернационал-социализма, — так ли это важно?

9. Во что они верили?

Бесспорно, использование психиатрии в качестве инструмента политических репрессий было наиболее ярким преступлением против человечества послевоенной эпохи. О нем будут помнить наши потомки много столетий спустя, как мы помним гильотину французской революции, как останутся в истории сталинский ГУЛАГ и гитлеровские газовые камеры. Более того, приведенные выше документы однозначно показывают, что это была не случайность, не прихоть исполнителя, а политика политбюро, без чьей воли ни один волос не мог упасть с наших голов. Однако, как ни странно это звучит, но, даже прочитав все эти бумаги, я не могу до конца ответить на вопрос: понимало ли политбюро, что оно делало? Ведь при всей своей практичности они действительно жили в фантастическом мире соцреализма, где факт от фикции, информацию от дезинформации уже невозможно было отличить. Тем более людям, для которых истина инструментальна ("классова") по определению, в силу их идеологии. Она ведь тоже, как и законность, подчинялась принципу "целесообразности".

В самом деле, применимы ли вообще к этим людям такие понятия, как добро

и зло, ложь и правда? Я не знаю. Тем более, что в коммунистической новоречи эти, как и многие другие, привычные нашему уху слова имели совершенно иное значение. Скажем, обвиняя нас в "клевете на советский общественный и государственный строй", навязчиво, словно заклинание, повторяя во всех своих документах, рёшениях, посланиях термин "клеветнический" при определении наших высказываний, публикаций, материалов самиздата, действительно ли они верили, что мы искажаем реальность, сознательно или хотя бы бессознательно? Да нет, конечно. Но сами понятия "реальность", "действительность" имели в их языке совершенно другой смысл.

Идеология отвергала что бы то ни было общечеловеческое, в том числе и смысл слов: не могло быть просто "реальности" или "действительности" — она была или "буржуазной", или "социалистической". Таким образом, "клевета на социалистическую действительность" означала просто несоответствие сказанного или написанного тому образу "реального социализма", который само же политбюро и создавало. А в этом образе, по определению, не могло быть "органических пороков" или изъянов, могли быть только "отдельные недостатки" или "проблемы роста".

Легко себе представить, к какому абсурду все это должно было приводить даже в чисто языковом смысле. Вот, скажем, Андропов в письме Брежневу по поводу высылки Солженицына пишет, что книга "Архипелаг ГУЛАГ" безусловно антисоветская, но "факты, описанные в этой книге, действительно имели место". А в некоторых документах даже появляется выражение "клеветнические факты", которое и объяснить-то невозможно вне советской системы. И как тут было не запутаться, что "действительно", а что "действительно действительно"?

Дело усложнялось еще и тем, что со временем понятия формализовались, а язык упрощался. Так, прилагательное "социалистический" перестали употреблять с каждым словом — это разумелось само собой. А какой же еще? Другого не дано. Поэтому, например, нельзя было сказать: "В СССР нет демократии", — тем более: "В СССР нет настоящей демократии". Как же нет? Есть демократия социалистическая — в отличие от буржуазной, самая настоящая. И если за это вас обвиняли в "клеветнических измышлениях", то это просто означало статью 190[1] Уголовного Кодекса, а если в "антисоветских измышлениях", то статью 70, в то время как выражение "идейно вредный" значило, что вам повезло и вас, скорее всего, только выгонят с работы, из партии, комсомола, института или чего-нибудь еще, то бишь применят "меры профилактики". Точно так же, как в 30-е годы выражение "враг народа 1-й категории" означало расстрел, а 2-й категории — концлагерь или ссылку.

Выходит, сказать, что же они в политбюро думали "на самом деле", просто невозможно. Да и было ли у них это "на самом деле"? Из порочного круга соцреализма просто не было выхода. Не мог один член политбюро спросить другого: "Вот вы, Иван Иванович, докладываете, что благосостояние советского народа неуклонно растет. А как на самом деле?" Для них, высших распорядителей и созидателей воображаемого мира соцреализма, "на самом деле" было то, что сказала партия. И если благосостояние народа при социализме должно неуклонно расти, то оно и росло... во всех отчетах.

Или, например, если в 30-е годы партия решила, что "по мере построения

социализма классовая борьба возрастает", то и число "врагов народа" росло соответственно. Верили они или нет, что их же вчерашний коллега и сотоварищ стал сегодня "врагом народа"? Удивляло ли их, что эти "враги" исчисляются непременно в круглых цифрах — сотнях, тысячах, десятках тысяч?

Такой вопрос не имеет смысла. Он, я уверен, никогда и не обсуждался, да скорее всего и в голову не приходил. Решалось и обсуждалось другое — масштаб и целесообразность проведения чисток. И точно так же в наши дни никого из них не волновало, страдаем ли мы психическими заболеваниями или нет. Даже факт внезапного роста психически больных в стране — *на 42,8% за пять лет* (см. цифры, приведенные в документе на стр.168) — не вызвал у них ни удивления, ни сомнений.

Более того, прочитав столько документов, ими написанных (или подписанных), я, тем не менее, не могу с уверенностью сказать, верили они хотя бы в свою идеологию или все это было сплошное лицемерие. С известной степенью вероятности можно утверждать, что верил Ленин и его непосредственное окружение. Допускаю, что при всем своем цинизме верил в "историческую оправданность" своей деятельности Сталин, под конец даже чувствовавший себя полубогом, воплотившим в своей личности "историческую истину". Без сомнения, какая-то наивная, вполне крестьянская вера в социализм была у Хрущева. Но скажите мне — во что верили Брежнев, Андропов, Черненко? Конечно, все это были люди не великого интеллекта, к самоанализу не склонные, но ведь должны же были они верить во что-то? Должны были иметь те "цели", сообразно которым надлежало действовать?

Скажем, Ленин, ликвидировавший "буржуазные классы", поступал сообразно своей цели создания бесклассового рая. Сталин считал всякого, кто, по его мнению, "объективно" вредил делу социализма, "субъективно" за это ответственным как пособник классового врага, а всякого, кто мнился ему личным врагом, — "объективно" враждебным делу социализма. Даже Хрущев вполне мог искренне верить, что при социализме не может возникнуть внутренних врагов и, стало быть, только психически больные люди способны испытывать враждебность к этой самой совершенной общественно-политической системе в истории человечества. У всех у них была хоть и бесчеловечная, извращенная, но все же логика, некая сообразность личности и поступков, цели и действий. Но что мы должны думать, скажем, читая в докладе Андропова 1968 года, что Габай и Марченко, "утратив чувство гражданской ответственности, пренебрегая интересами государства, своими действиями оказывают прямую помощь нашим классовым врагам"?

Он действительно верит в наличие "классовых врагов" на 51-м году советской власти? В "классовые интересы" советского государства? В долг каждого гражданина СССР эти интересы защищать? Или эта фраза — всего лишь дань тому партийному жаргону, на котором они изъяснялись?

Или, пересылая в политбюро доклад краснодарского генерала об эпидемии сумасшествия в крае, он не понимал, что делает? А политбюро действительно верило, что всякий, пытающийся "изменить Родине с подвесным мотором", непременно психически болен? Что идея создания "Советов по контролю за деятельностью Политбюро ЦК и парторганов на местах" могла прийти в голову

только сумасшедшему? Ведь всего несколько лет спустя тот же Андропов объяснял политбюро, что в стране сотни тысяч враждебно настроенных людей и что режим не может обойтись без репрессий.

Но вот передали же мне из вполне достоверных источников еще в 1977 году (я уже описал этот эпизод в книге "Записки русского путешественника"), что вскоре после моей встречи с Картером Брежнев запросил досье о моей деятельности за границей, а прочитав его, якобы сказал своим помощникам:

— Товарыщы, вы что же это сделали? Вы же мне говорили, что он — *того*, — тут он покрутил пальцем у виска, — а он *не того*.

Так, выходит, Брежнев все же верил, что мы сумасшедшие?

Быть может, оттого что я прочел слишком много записок и докладов Андропова или по какой-то еще причине, но вопрос о том, во что же все-таки верил Андропов, сильно заинтриговал меня. Если типичные аппаратчики типа Суслова, привыкнув лицемерить всю свою жизнь, действительно могли уже не отличать идеологию от жизни, а такие окаменелости, как Брежнев и Черненко, вряд ли были в состоянии думать даже в свои лучшие годы, Андропов не производит впечатления ни фанатика, ни идиота. В отличие от своих партийных коллег, он не похож на человека, способного поверить в собственную дезинформацию. Напротив, он, по всей видимости, даже понимал, что "идеологи" (а то и идеология) сами плодят врагов системы, с которыми ему, Андропову, приходится потом бороться. Замечательно, что, пытаясь свести к минимуму такие явления, он даже вмешивался в дела искусства, в политику партии в области культуры.

С 1957 года в Москве работает художник ГЛАЗУНОВ И.С., по-разному зарекомендовавший себя в различных слоях творческой общественности. С одной стороны, вокруг ГЛАЗУНОВА сложился круг лиц, который его поддерживает, видя в нем одаренного художника, с другой — его считают абсолютной бездарностью, человеком, возрождающим мещанский вкус в изобразительном искусстве, — пишет он в ЦК в 1976 году. — Вместе с тем ГЛАЗУНОВ на протяжении многих лет регулярно приглашается на Запад видными общественными и государственными деятелями, которые заказывают ему свои портреты. Слава ГЛАЗУНОВА как портретиста достаточно велика. Он рисовал президента Финляндии КЕККОНЕНА, королей Швеции и Лаоса, Индиру ГАНДИ, АЛЬЕНДЕ, КОРВАЛАНА и многих других. В ряде государств прошли его выставки, о которых были положительные отзывы зарубежной прессы. По поручению советских организаций он выезжал во Вьетнам и Чили. Сделанный там цикл картин демонстрировался на специальных выставках.

Такое положение ГЛАЗУНОВА, когда его охотно поддерживают за границей и настороженно принимают в среде советских художников, создает определенные трудности в формировании его как художника и, что еще сложнее, его мировоззрения.

ГЛАЗУНОВ — человек без достаточно четкой позиции, есть, безусловно, изъяны и в его творчестве. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям. Сумбурность его политических взглядов иногда не только настораживает, но и отталкивает. Его дерзкий характер, элементы зазнайства также не способствуют установлению

нормальных отношении в творческои среде.

Однако отталкивать ГЛАЗУНОВА в силу этого вряд ли целесообразно.

Демонстративное непризнание его Союзом художников углубляет в ГЛАЗУНОВЕ отрицательное и может привести к нежелательным последствиям, если иметь в виду, что представители Запада не только его рекламируют, но и пытаются влиять, в частности, склоняя к выезду из Советского Союза.

В силу изложенного представляется необходимым внимательно рассмотреть обстановку вокруг этого художника. Может быть, было бы целесообразным привлечь его к какому-то общественному делу, в частности, к созданию в Москве музея русскои мебели, чего он и его окружение настоичиво добиваются.

Так в Москве появился еще один музей, а взгляды Глазунова стали еще сумбурней, но "нежелательных" для Андропова "последствий" не возникло. Однако ему далеко не всегда удавалось их предотвратить — система плодила врагов быстрее, чем он мог вмешаться, а переломить упрямство "идеологов" удавалось не каждый раз.

В Комитет госбезопасности поступили данные о том, что член Союза художников СССР, скульптор НЕИЗВЕСТНЫЙ Э.И. намерен в ближайшее время выехать за границу на постоянное место жительства. Это решение вызвано якобы тем, что он испытывает определенную неудовлетворенность из-за того, что к его творчеству не проявляется должного интереса со стороны соответствующих организаций и учреждений культуры, по вине которых он не имеет заказов и вынужден заниматься случайными работами.

По имеющимся данным, НЕИЗВЕСТНЫЙ рассчитывает получить приглашение от имени какого-либо влиятельного лица на Западе. Предположительно, таким лицом может оказаться американский сенатор Эдвард КЕННЕДИ, личный представитель которого посетил НЕИЗВЕСТНОГО во время последнего визита сенатора в СССР. (...)

В случае отказа в выезде за границу, он намерен привлечь к себе внимание широкой мировой общественности. В этом он рассчитывает на поддержку отдельных деятелей итальянской и французской коммунистических партий и Ватикана.

В связи с изложенным считали бы целесообразным рассмотреть вопрос о предоставлении НЕИЗВЕСТНОМУ какого-либо государственного заказа на создание монументального произведения на современную тему, которое соответствовало бы его творческим планам.

Но у того сумбура в голове не было, а преследования и запрещения со стороны партийных властей продолжались. И, хотя какие-то заказы после письма Андропова он получил, через два года все же предпочел уехать. Как он сам рассказывает, не без помощи того же Андропова.

А чего стоит приводившаяся уже выше записка о Зиновьеве, в которой Андропов рекомендует Зиновьева не сажать, опасаясь, что его ненароком могут признать невменяемым и загнать в психушку? Можно подумать, что такое могло произойти просто по воле суда, без ведома Андропова! Ведь даже на экспертизу, как мы видели, направляли по решению ЦК. Но — нужно было Андропову избавиться от лишнего дела, и он пугает политбюро возможным скандалом на уже и

без того больную тему.

Эти и многие другие эпизоды создавали Андропову репутацию "либерала", впоследствии на Западе, при его приходе к власти в 1983 году, превратившуюся в легенду о "скрытом либерале", надо полагать — не без его же помощи. На самом деле он был не более либералом, чем Берия, положивший начало процессу десталинизации: так же, как и Берия, он рассчитывал прийти к власти, и ему вовсе не улыбалось прослыть душителем интеллигенции. К тому же, опять как Берия, он, видимо, понимал необходимость некоторой коррекции политики предшественников, заведшей режим в тупик. Так, наблюдая в 1968 году "процесс цепной реакции", когда прямые репрессии только способствовали росту нашего движения, он все больше рекомендует превентивные, "профилактические" меры, которые к тому же более "сообразны" внешнеполитическим целям режима. А к 70-м годам, ставши одним из главных зодчих советской внешней политики и, стало быть, лицом за нее ответственным, он еще более склонен полагаться на "оперативно-чекистские мероприятия".

Дело было, однако, не только в том, что эти "мероприятия" позволяли уменьшить "издержки" социализма, как внутренние, так и внешние, помогали создать более цивилизованный образ режима. Это несомненно так. Но, прочитав столько его документов, наблюдая его ловкую игру в политбюро, невозможно избавиться от мысли, что он просто любил такие методы, был к ним психологически склонен. Не случайно при нем и под его непосредственным руководством так расцвели, разрослись и система международного терроризма, и система советской дезинформации, и "освободительные движения" в Третьем мире. При нем расцвел "детант" — самое гибельное для Запада изобретение, позволявшее советскому режиму вести одностороннюю идеологическую войну, да еще и на западные средства. А в момент кризиса "детанта", в 1980 году, под его же руководством развернулось мощное "движение за мир". И, наконец, после него, при его ученике и наследнике Горбачеве, вся внешняя и внутренняя политика режима превратилась в одно гигантское оперативно-чекистское мероприятие под названием "перестройка".

Словом, он, видимо, был манипулятор по природе, если и веривший во что-либо, так только в то, что история есть сплошная цепь заговоров. Один его доклад 1978 года (который мне никак не удалось скопировать и еле-еле удалось просмотреть), под названием "О наших отношениях с Ватиканом", всерьез трактует избрание Римским Папой польского кардинала Войтылы как часть международного заговора с целью отколоть Польшу от советского блока. В самом деле, сплошных поляков выдвигают империалисты на передний план: в Вашингтоне — Бжезинский, в Ватикане — Войтыла. Это же не может быть случайно, хоть никакого механизма влияния Бжезинского на решение конклава и неизвестно. В общем, как говаривал мой следователь КГБ, "если случайностей больше трех, то это не случайности". Его шеф, видимо, не далеко ушел от этой чекистской мудрости. Не сомневаюсь, хоть никаких документов на эту тему мне и не попадалось, что именно Андропов организовал покушение на Иоанна-Павла II через несколько лет: ведь он оказался "прав", Польша стала откалываться.

Впрочем, эта вера в заговоры, в известной мере свойственная всем секретным

службам, у Андропова имела свои корни скорее в коммунистической идеологии. Это ведь только в абстракции марксизм трактует историю как объективную и неизбежную борьбу классов. Но почитайте даже у классиков этого учения, у Маркса, Энгельса, Ленина, анализ более конкретной политической ситуации современного им мира, и вы увидите, что весь "анализ" у них сводится к "разоблачению" очередного "заговора" буржуазии против пролетариата. Даже политический жаргон, введенный ими, говорит о вере в заговор: у них ведь не встретишь просто характеристики какого-то деятеля, а все только "ставленники" да "пособники", "лакеи" да "прихвостни", "наймиты" да "провокаторы". В крайнем случае — "ренегаты" и "предатели". На то она и "классовая борьба".

Безусловно, коммунистическая идеология глубоко параноидальна, и даже те, кто только лицемерил, нисколько в нее не веря (а таковы, я думаю, были партийные вожди 60-х — 70-х годов), неизбежно приобретали несколько параноидальный стереотип мышления. Неважно, что большинство из них, потонувши в рутине ежедневных забот, вряд ли вспоминало философские основы марксизма-ленинизма, — на то существовали "идеологи", чтобы их помнить. "Практикам" достаточно было, полагаясь на выработанные рефлексы, просто следовать логике борьбы, знаменитому ленинскому принципу "кто кого".

К тому же, как свойственно людям недалеким, да еще и мало знающим западную жизнь, они приписывали противнику свои методы и намерения, свою мораль, отвечая на воображаемые "происки" — реальными, а на "клевету" — клеветой. И, словно боксер, дерущийся с собственной тенью, никак не могли победить. Понимали ли они нелепость ситуации? И да, и нет. Как и у всех советских людей, у них была удивительная способность говорить одно, думать другое, а делать третье. Нисколько, видимо, не страдая от такого расщепления личности, они могли одновременно и верить, и не верить в свою идеологию, и любить, и ненавидеть систему, которая, с одной стороны, порабощала их, с другой же — наделяла почти сверхчеловеческой властью.

Андропов, надо полагать, исключения не составлял. Говорят, он не любил идеологию и уж точно — "идеологов". Неудивительно: они ведь мешали ему работать, ограничивали в действиях или, наоборот, создавали лишние проблемы. Кто же любит надзирателей? Это, однако, вовсе не означает, что он сознательно отвергал идеологию или понимал ее абсурдность. Скорее, как и большинство своих коллег, сталкиваясь с несоответствиями идеологии и реальной жизни, он был склонен приписывать эти несоответствия происках врагов, а разрешать их — происками "друзей". Так было удобнее. Тем более, что и "враги", и "друзья" всегда находились — если хорошо поискать... А какой еще выход мог быть у человека, для которого вера в непогрешимость идеологии была обязательна? Или идея совершенна, но ее осуществление саботируется врагами; или она несовершенна, и тогда ты сам становишься врагом.

Логика железная, вроде той, что вращала чекистскую "мельницу" под Хабаровском.

* * *

Появление нашего движения представляло для политбюро не только практическую проблему, но и теоретическую головоломку. Хорошо было Ленину — он имел дело с реальным "классовым врагом". Даже у Сталина еще кое-как сходи-

лись концы с концами: по крайней мере, его "враги" родились до революции и сформировались "в условиях буржуазного общества", а значит, могли сохранить в своем сознании "пережитки капитализма". Но как объяснить появление "врага" в бесклассовом социалистическом рае? Ведь большинство из нас родилось и выросло уже в условиях, созданных по их же рецептам. Мы были, говоря образно (а иногда и фактически), их же дети.

Неудивительно, что режим с такой радостью ухватился за "психиатрический" тезис Хрущева, хотя даже Суслову пришлось бы изрядно попотеть, придумывая идеологическое обоснование неизбежности роста безумия при социализме — ни Маркс, ни Ленин такого не предвидели. Но и эта лазейка прикрылась благодаря мощной общественной кампании против карательной психиатрии. Оставалось только одно — приписать все происки империализма. Не мог же режим допустить, что человек сам в состоянии понять абсурдность советской системы. Отсюда монотонное повторение в каждом документе, нас касающемся, формулы о происках "спецслужб" и "идеологических центров" противника, якобы нами руководивших. Отсюда же и более развернутое "классовое" определение, данное политбюро в посланиях "братским партиям" 1975—1977 гг., из которого вытекает, что раз "эксплуататорские классы" в СССР "ликвидированы", то:

...появление ничтожной кучки контрреволюционеров, порвавших с самыми устоями нашего строя, вставших на путь борьбы против него и, как правило, связанных с империалистическими кругами, отнюдь не является закономерным продуктом внутреннего развития в Советском Союзе. (...) Пережитки капитализма в сознании некоторых лиц систематически подогреваются и поощряются извне, со стороны империалистических пропагандистских центров. Что же касается разведывательных и иных подрывных органов буржуазных государств, а также связанных с ними эмигрантских организаций, то они стараются использовать отсталые настроения отдельных людей в своих, враждебных социализму интересах. И, как должно быть понятно коммунистам, это неизбежно до тех пор, пока существуют на мировой арене две противостоящие друг другу системы — социалистическая и капиталистическая, пока главным содержанием мирового развития остается классовая борьба между ними.

Такова была идеологическая установка, в рамках которой КГБ надлежало действовать. Но легко было идеологам в политбюро придумывать "классовые" объяснения, пригодные для употребления вплоть до конца истории, — не им предстояло осуществлять вытекающую из таких объяснений политику. Не им и отдуваться, коли такая политика не принесет результатов. От Андропова же требовалось эти мифические "центры" обнаруживать, а их происки обезвреживать, отлично при этом понимая, что никаких таких "центров" не существует в природе. Задача головоломная, особенно в периоды "детанта", когда западные правительства из кожи лезли вон, чтобы продемонстрировать советским вождям свое дружелюбие. И что же ему оставалось делать, кроме как изобрести хоть один "подрывной центр"?

Так появился в нашей жизни пресловутый НТС — Народно-трудовой союз российских солидаристов, связь с которым КГБ пыталось всеми правдами и неправдами "пришить" буквально каждому. Изъятие на обыске даже самой невин-

ной книги, изданной "Посевом", могло оказаться достаточным для такого обвинения. По крайней мере, этот факт непременно был бы размазан в печати, как если бы только из-за того вас и посадили. И как было от этого отвертеться, если почти до середины 70-х других русских издательств на Западе практически не существовало? Рукопись, переданная за границу даже через случайного туриста, непременно попадала в НТС.

Соответственно, и доклады КГБ, и послания ЦК ссылались на НТС как на "один из" подрывных центров (других примеров, однако, не приводя ввиду их отсутствия), приписывая ему самые изощренные происки, а советская пропаганда раздула его деятельность до каких-то мифических масштабов. Как мы помним, даже политбюро, решая судьбу Солженицына, не преминуло упомянуть его "контакты с НТС" как нечто особо зловещее. Поди пойми, верили они в это или нет? В сознании советских людей — наверху ли, внизу ли — НТС представлялся этаким гигантским суперспрутом, вездесущим и всемогущим. Дьявол во плоти, да и только.

В реальной жизни НТС представлял из себя ничтожную эмигрантскую организацию с сомнительным прошлым, подозрительным настоящим и неопределенным будущим. Созданный в 1930 году в Югославии профашистски настроенной эмигрантской молодежью (сначала он назывался Национально-трудовой союз нового поколения и находился под сильным влиянием идей Муссолини), в годы войны он сотрудничал с немцами (через Абвер), в частности издавая газеты на оккупированных немцами территориях России.

После войны в числе прочего имущества НТС достался американцам и англичанам и в разгар "холодной войны" вплоть до смерти Сталина использовался для засылки разведгрупп в СССР, вербовки агентуры и сбора информации. Уже тогда ряд провалов их групп заставил многих подозревать инфильтрацию КГБ на самом высоком уровне. В результате к 1955 году произошел раскол, практически уничтоживший организацию. К нашему времени оставшиеся две-три сотни членов влачили жалкое существование, искусственно поддерживаемые и КГБ, и ЦРУ в качестве организации — двойного агента.

Разумеется, большинство членов НТС и понятия не имело о той роли, которую играла их организация, — об этом, видимо, знало лишь руководство, так называемый "руководящий круг", нечто вроде их ЦК. Организация была сугубо конспиративной, построенной по принципам, в чем-то сходным с большевистской партией. Как я мог убедиться уже здесь, в эмиграции, большинство рядовых членов были люди честные, часто глубоко религиозные, преданные своим идеям и руководству до фанатизма. В основном, это были представители "второй волны" русской эмиграции, т.е. те, кому удалось пережить и войну, и плен, и лагеря для перемещенных лиц, и выдачу Сталину союзниками его беглых рабов после войны. Для них служение России, ее будущему освобождению было почти религиозной миссией, и объяснить им, что же происходит на самом деле, не было просто никакой возможности.

Вначале, в 60-х, не знали всего этого и мы. Зато в КГБ отлично ведали, что творят. Там прекрасно понимали, что никакого отношения к НТС мы иметь не можем хотя бы уж потому, что по своей сути были совершенной ему противоположностью. Если НТС был организацией сугубо подпольной, централизованной да

к тому же ставящей своей задачей вооруженную борьбу с советским режимом, призывающей к революции, наша позиция была подчеркнуто открытой, ненасильственной, даже легалистской, а от создания организации или даже организационных структур мы принципиально отказывались. Но в том-то, видимо, и была, с точки зрения КГБ, ценность идеи "связать" нас с НТС: лучшей компрометации и придумать нельзя.

Отдать нам должное, мы все довольно быстро разобрались в том, что представляет из себя НТС, и на приманку не купились. Отчасти из-за принципиальной разницы наших позиций, но еще более оттого, что уж слишком навязчиво "шило" нам КГБ эту связь, просто толкая нас в объятия НТС. Да и сам НТС действовал слишком грубо, торопясь, видно, выполнить задание. Помню мое первое прозрение году в 65-м, когда кто-то из друзей передал мне конверт от заезжего энтээсовского курьера. Уже одно это неприятно поразило меня: я ведь ранее никогда не просил контактов с ними. Но то, что было в конверте, поразило меня гораздо больше: плотно, почти без интервалов напечатанная на машинке, там лежала "инструкция" о том, как создавать "пятерки" (подпольные группы из пяти человек каждая — любимая тактика НТС), а также письмо, адресованное мне, с предложением.. взорвать мавзолей Ленина! Там же лежала бесцветная копирка для тайнописи и инструкция о том, как поддерживать связь с НТС. Словом, весь джентльменский набор. Ворвись в тот момент КГБ в мою квартиру, хороший был бы им подарок.

Разумеется, тогда я только посмеялся над незадачливыми конспираторами и тотчас сжег свой непрошеный джентльменский набор, но мысль об этом эпизоде долго не оставляла меня. И, сколько ни крутил я в мозгу этот сюжет, получалось скверно. Во-первых, я только что освободился из психушки, что, видимо, было известно моему нежданному "инструктору". Он, верно, рассчитывал, что я действительно сумасшедший и вполне могу по невменяемости его инструкцию исполнить. Во-вторых, кому и зачем нужно взрывать мавзолей? Наверно, тому, кто объявит это "своей операцией", да и КГБ если не сам взрыв, то попытка взрыва была бы очень кстати. Под такое дело арестовали бы не только меня, но и всех моих товарищей. А что, если бы я и вправду был сумасшедший?

Вскоре, однако, эти подозрения стали всеобщими, когда в 1968 году КГБ усердно "клеил" связь с НТС Гинзбургу и Галанскову в качестве основного обвинения на процессе и уж так усердствовал, что перестарался. Это было как раз то наше злополучное дело, на котором уже погорел Семичастный, пытавшийся, как мы помним, спустить его на психиатрических тормозах, да политбюро заартачилось. Для Андропова это было его первое дело, где ему надлежало проявить свои способности, предугадав все желания ЦК. Но проклятое дело опять не клеилось: то ли интриговали его противники в ЦК, то ли не все он угадал, как надо. Вот по окончании следствия он докладывает:

Предварительное следствие закончено, и дело передано в Московский городской суд. В середине декабря оно будет рассматриваться в судебном заседании. (...) Следствием установлено, что ГИНЗБУРГ, ГАЛАНСКОВ и ДОБРОВОЛЬСКИЙ через приезжавших в СССР иностранцев поддерживали связь с зарубежной организацией "Народно-трудовой союз" (НТС) и передавали за границу антисоветские, клеветнические материалы, которые публиковались в

антисоветской прессе и активно использовались НТС во враждебной Советскому Союзу пропаганде. В частности, ГАЛАНСКОВ передал НТС составленный им антисоветский сборник "Феникс"; ГИНЗБУРГ подготовил так называемую "Белую книгу" с клеветническими материалами о процессе над СИНЯВСКИМ и ДАНИЭЛЕМ, которая ГАЛАНСКОВЫМ была переправлена за границу и опубликована там в журнале НТС "Грани". (...) Учитывая политический характер процесса, а также то, что вокруг ГИНЗБУРГА и его сообщников ведется антисоветская кампания в зарубежной прессе, имеется в виду процесс провести закрытым. По каналам КГБ и АПН дать выгодную нам информацию об этом процессе в зарубежную печать. О результатах процесса опубликовать хроникальное сообщение в газете "Вечерняя Москва" (текст прилагается).

Но ЦК опять недоволен и на полях доклада появляется грозная резолюция: "Следует обменяться мнением на Политбюро".

Возражения "идеологов" очень серьезны:

Обвинительное заключение по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой в его нынешнем виде составлено таким образом, что как по пунктам обвинения, так и по изложению и аргументации предъявляемых обвинений оно ставит в крайне невыгодное положение как следствие, так и государственного обвинителя.

Проведение процесса на основе нынешнего варианта обвинительного заключения может вызвать новую антисоветскую кампанию за границей, аналогичную той, которая была развернута после процесса над Синявским и Даниэлем.

Дело в том, что обвинительное заключение в его нынешнем виде делает упор на обвинениях в сборе и, частично, сочинении тенденциозных (по существу антисоветских) материалов для пересылки их за границу, отодвигая на задний план более доказанные обвинения и более убедительные как для советской, так и для зарубежной общественности. Таких убедительных фактов в судебном деле вполне достаточно для того, чтобы использовать процесс для пропагандистского обличения подлых методов работы американской разведки (через один из ее филиалов, именуемый для обмана советского и зарубежного общественного мнения "самостоятельной политической организацией" — Народно-Трудовым Союзом (НТС).

Поскольку обвинительное заключение уже вручено обвиняемым и их адвокатам и не может быть изменено, целесообразно в ходе ведения судебного следствия и в выступлениях на процессе государственного обвинителя построить как аргументы обвинения, так и ведение судебного следствия на основе следующей принципиальной схемы, которая может быть подтверждена имеющимися в распоряжении следственных органов фактами.

1. Целесообразно объяснить, почему Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова оказались причастными к антисовтской деятельности, откуда они были заражены антисоветскими настроениями. (...)

2. Целесообразно в доказательствах вины подсудимых сосредоточить все внимание на их связи с НТС. (...) Одновременно, с упором именно на эти моменты, целесообразно показать, что обвиняемые, может быть, и не полностью осознали истинное назначение своей деятельности, прикрываемой перед

ними эмиссарами НТС фразами о "борьбе за свободу, демократию, борьбе с несправедливостью" и т.д. Одиако по сути дела обвиияемые выполияли задания филиала американской разведки и готовились для использоваиия в коиечиом счете в качестве агентуры американской разведки под ширмой НТС. (...)

3. Все упоминания в обвиинтельиом заключении отиосительио распространения обвиияемыми так называемой "Белой книги", подпольиых журиалов "Феиикс", "Сиитаксис", различных обращеиий и документов, связаиных с "борьбой" за освобождеиие Синявского и Даниэля, целесообразно свести к миимуму, а если возможно, то и не упомииать о них вообще. Тем самым обвиисиие будет сконцеитрироваио вокруг одиого несомиеиного факта: обвиняемые действовали по заданию НТС — филиала американской разведки, скрывающегося под флагом политической антисоветской организации. (...)

В целях пропагаидистского обеспечения процесса как в Советском Союзе, так и за границей целесообразно еще до проведения процесса, который желательио ограиичнть по срокам одним днем, отказавшись ради этого от заслушивания второстепеииых свидетелей, проделать следующую работу:

1. Подготовить циркулярную ориентировку совпослам, в которой излагалась бы вышеприведеииая трактовка процесса. Эту ориентировку заблаговременно (за 1-2 дня до начала процесса) иаправить совпослам в ряде стран для информации руководства братских партий.

2. Отделам ЦК КПСС совместно с соответствующим управлением КГБ подготовить соответствующие версии журнальных отчетов о ходе процесса для опубликоваиия в газетах "Комсомольская правда", "Московская правда", журнале "Неделя". Аналогичиые версии подготовить для распространения за границей через агентство печати "Новости" и по инорадиовещанию.

Андропов пытался обороняться, оправдываться тем, что ровно это он и имел в виду, и даже пытался ссылаться на законы, в частности по поводу невозможности провести процесс за один день, как того требовали идеологи. Но, в общем, спорить не осмелился: к тому времени он пробыл председателем КГБ всего лишь полгода, и его положение, видимо, было еще не так прочно. В основном процесс прошел так, как предлагал ЦК. Более того, исполняя распоряжение акцентировать роль НТС, Андропов перещеголял сам себя. Назначенный было на 11 декабря, процесс внезапно отложили без всяких сроков или причин и начали лишь 8 января 1968 года. За это время произошло весьма важное событие: в Москву срочно, как по заказу, приехал "курьер НТС" с материалами "в защиту Гинзбурга и Галанскова", был арестован и представлен на процесс в качестве не то главного "свидетеля", не то "вещественного доказательства" преступной связи. Трюк этот был настолько очевидным, что ни у кого не осталось сомнения в связи КГБ и НТС. Или КГБ просто "вызвал" этого "курьера", или, в крайнем случае, знал о его предстоящем приезде и специально отложил суд, чтобы его дождаться.

На этом, конечно, эпопея с НТС не закончилась. КГБ продолжал "клеить" нам эту "связь" в каждом деле, чтобы иметь предлог докладывать о своей героической борьбе с "подрывными центрами противника". Более того, энтээсовские ячейки иногда создавались целиком из сотрудников КГБ — в целях "профилактики", с тем чтобы "выявить идейно-незрелых" сограждан, а заодно и для ведения

"игры" с зарубежным "центром". Порой им даже удавалось заловить в этот капкан какую-нибудь молодежную группу, пользуясь ими же созданной "репутацией" НТС как самого страшного врага режима. Но чаще "доказательства" выдавливали из тех, кто сломался под следствием. В награду за такое "разоблачение" освобождали почти немедленно, давали выступить по телевидению и даже разрешали эмигрировать. Так было, например, с Якиром и Красиным в 1973 году — трагическая страница в нашей истории, о которой нет уже места рассказать.

Между тем, руководство НТС, нимало не смущаясь своей провокационной ролью в этих трагедиях, продолжало игру. Более того, рассчитывая, видимо, на чью-то благодарность, они даже афишировали эту роль, заявляя и устно и письменно, что "диссидентов" вообще "создал НТС". А после трагической гибели Галанскова в лагере в 1972 году объявили его тайным членом своего ЦК — редкий цинизм даже и для этих людей. Не сомневаюсь, такая же участь ждала и меня, если бы не мой внезапный обмен и освобождение. Как рассказал мне впоследствии Алик Вольпин, после его отъезда из России в 1972 году представители НТС долго уговаривали его вступить в их организацию:

— А вот ваш друг Буковский является нашим членом, — говорили они, надеясь, видимо, что мы с Аликом никогда уже не встретимся. Я в то время был на голодовке во Владимирской тюрьме, и слухи о моем состоянии были самые мрачные.

Вообще же лгать, приписывая себе несуществующие успехи, сотни и тысячи несуществующих членов в России, считалось у них вполне оправданным "высшими целями". Такова особенность подпольной психологии — "бесовщина", как мы тогда говорили, от которой уберег нас принципиальный отказ от подполья. Так же как и от всей прочей атрибутики дурных детективов в стиле Ле Карре.

Теперь все это уже не тайна: в 1990 году бывший полковник КГБ Ярослав Карпович поведал в печати о том, как он долгие годы был членом "руководящего круга" НТС, их "человеком в Москве". По его словам, руководил этой "операцией" непосредственно Андропов, под наблюдением самого Брежнева.

И скажите мне теперь: во что же они все-таки верили?

10. Самое мощное оружие партии

Но и это был еще не конец "оперативно-чекистского мероприятия". В отличие от хабаровской "мельницы", андроповская даже отходов не производила: удалось "пришить" вам связь с НТС — замечательно; не удалось — тоже не беда. Чекистская фантазия всегда бежала на пару шагов впереди реальности и все равно восполняла промахи коллег, создавая "через свои возможности" нужную репутацию. Все это вполне откровенно именовалось у них "мерами по компрометации".

Вот, скажем, с большой натяжкой, но все же прилепили Гинзбургу пресловутую "связь": хоть и не он сам, но кто-то другой передал же его рукопись в "Посев", издательство НТС, где ее и издали. "Факт" этот следует теперь отпрепарировать и преподать в лучшем виде. И вот не кто-нибудь, не какой-то безвестный аппаратчик — само политбюро шлет "ориентировку" всем совпослам в мире:

В ближайшие дни в Московском городском суде на открытом заседании будет слушаться дело Гинзбурга, Галансков, Добровольского и Лашковой.

За рубежом вокруг предстоящего процесса развернута обычная антисоветская шумиха, обвиняемые выдаются за "молодых талантливых писателей", "борцов за свободу творчества" и т.п.

В действительности Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова никакого отношения к писателям и к литературному труду не имеют: первые двое — служащие, Добровольский — переплетчик, Лашкова — машинистка. Никаких литературных трудов за ними не числится.

В разное время с каждым из них установили связь агенты НТС — известного филиала ЦРУ — в целях вербовки их для выполнения шпионских заданий. Для начала зарубежные разведчики поручали им вербовать людей в НТС, снабжали инструктивными материалами по формам и методам борьбы с социалистическим строем, средствами для размножения листовок антисоветского характера и ведения тайной переписки с заграницей. (...) Советские органы безопасности сочли необходимым пресечь связи Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой с враждебными разведывательными организациями, не допустить, чтобы они были втянуты в совершение тяжелых преступлений шпионского характера.

Только в случае обращения к Вам руководства друзей, разъясните им вышеизложенное.

<u>Справка.</u> Сообщение направляется послам СССР в европейских социалистических странах (кроме Албании), а также в Австрии, Австралии, Аргентине, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Дании, Италии, Канаде, Норвегии, Сирии, США, Уругвае, ФРГ, Финляндии, Франции, Чили, Цейлоне, Швеции.

И это еще скромно — боялись, видимо, поднимать лишний шум, надеялись, что дело пройдет тихо. Чаще размах был гораздо шире, а "меры" проводились гораздо агрессивней. Не только через послов да "друзьям" по особой просьбе. В ход пускалось все: и дипломатия, и печать, и "возможности КГБ".

Характерно, однако, с какой легкостью сделало чекистское воображение этот скачок от издательства НТС к "преступлениям шпионского характера". И таких скачков мог последовать целый каскад, пока нужный для компрометации образ не получал своего художественного завершения. Например, сколько КГБ ни старался, но пришить мне связь с НТС так и не смог. Не только такого обвинения мне никогда не предъявили официально, но даже в "мерах по компрометации" оно не фигурировало вплоть до... 1976 года. Любопытно, что впервые оно появляется в письме политбюро главе итальянской компартии Энрико Берлингуэру за четыре месяца до моего обмена:

После выхода из психиатрической больницы Буковский продолжал заниматься антисоветской деятельностью. В ноябре 1965 г. он создал "штурмовую пятерку" с задачей подготовки к вооруженному выступлению против Советской власти. В это же время Буковский установил связь с известной зарубежной антисоветской организацией НТС.

Поневоле задумаешься, откуда проведало политбюро про ту "инструкцию" из джентльменского набора, которую я столь старательно сжег в 1965 году? И зачем теперь, почти через одиннадцать лет, вспоминать о собственной неудаче? Должно

быть, знали они уже о моем предстоящем обмене и заранее готовили мне подходящий образ. Ну и жалко стало добра: зря, что ль, старались в 65-м?

Действительно, вслед мне выпустили мощный пропагандистский заряд: и уголовник (а кто же еще — ведь "у нас нет политических заключенных"), и "недоучившийся студент" (им ли не знать — сами выгоняли), и, конечно, эти самые "штурмовые пятерки" (а я-то ломал тогда голову: откуда они эти "пятерки" взяли?). И хоть заряд их успеха на Западе не имел — западная пресса только посмеялась над этими "пятерками", — но образ полусумасшедшего "террориста" был мне уже обеспечен на долгие годы. Неуспех в таких случаях вождей никогда не смущал, ибо они твердо верили: повторенная сотни раз, ложь в конце концов становится правдой, по принципу, отмеченному еще Бомарше:

Клевещите, клевещите... Что-нибудь да останется.

Порою, мне кажется, этот принцип срабатывал в отношении их самих, и, повторив друг другу раз сто ими же сочиненную ложь, они начинали в нее верить. Во всяком случае, ничем иным не могу объяснить следующий поразивший меня документ политбюро 1979 года, озаглавленный "Об ответе на предложение министра юстиции США":

Министр юстиции США Сивиллетти в беседе с послом СССР в США, касаясь проведения Олимпийских игр в США и СССР, обратил внимание на опасность активизации деятельности террористов, провоза наркотиков и совершения других преступных акций в этот период. По его мнению, было бы целесообразно установить негласный рабочий контакт между соответствующими службами Советского Союза и США, чтобы "обменяться соображениями, касающимися возможной конкретной озабоченности по указанным вопросам", а затем создать "специальные рабочие группы для обмена информацией и принятия различных мер обеими сторонами". Сивиллетти высказал пожелание получить предварительную реакцию на его предложение.

Как известно, у нас с американцами разные подходы к вопросу о терроризме. Это наглядно проявляется, например, в отношении к национально-освободительным движениям и их организациям.

Кроме того, в США создан ореол "мучеников" вокруг осужденных в СССР преступников-террористов, таких, как Кузнецов, намеревавшийся с группой соучастников захватить самолет и убить членов экипажа. Кузнецов и отщепенец Буковский, также сторонник террора, принимались в Белом доме президентом США. Два убийцы — Бразаускасы получили покровительство США.

Исходя из вышеизложенного, Комитет госбезопасности СССР считает нецелесообразным установление по линии административных органов СССР контакта с американскими службами, предложенного министром юстиции США. Вместе с тем можно было бы пойти на то, чтобы на основе взаимности стороны по обычным дипломатическим каналам передавали друг другу сведения о предполагаемой террористической или иной преступной деятельности в связи с проведением Олимпийских игр.

Таким образом, первыми "террористами", о которых любезно предупредили администрацию США их советские коллеги, были мы с Кузнецовым. Можно только гадать, что же распространяли о нас тайно, если такое передавалось по "обычным дипломатическим каналам". Некоторое представление об этом я вполне

неожиданно получил уже сравнительно недавно, в 1985 году, когда в советском журнале "Новое время", издававшемся АПН на Западе на девяти языках и распространявшемся практически во всех странах мира, появилась статья под загадочным, многообещающим заголовком "Кто убил Джессику Савич?"

Можете представить себе мое изумление, когда, проглядывая статью с некоторым любопытством — Джессика Савич была американской тележурналисткой, известной своими просоветскими симпатиями, незадолго до того погибшей в автомобильной катастрофе, — я обнаружил, что убил ее... я! Да, да, в самом прямом, не переносном смысле — убил. Порешил, и все. О, конечно, не своими руками, сообщал журнал, а в сговоре с небезызвестным террористом Мейером Кахане, силами его организации "Лига защиты евреев".

"Гибель Джессики Савич свидетельствует о том, что преступный мир США пополнился новой шайкой, которой заправляет Буковский. С юных лет он мечтал стать вождем террористов, бредил идеей террора и особо ценил в других склонность к убийству. Его судили и приговорили к лишению свободы за организацию террористической группы, члены которой готовились к тому, чтобы "физически уничтожать, вешать на фонарях, расстреливать, душить" (эти слова принадлежат Буковскому, они взяты из судебного протокола). На Западе, став агентом ЦРУ, Буковский получил свободу для реализации своих преступных наклонностей. Один нынешний парижский знакомый Буковского так характеризует его: "Тщеславен, до садизма жесток. До денег жаден патологически. Уголовник, который не видит иного удовлетворения, чем отнять жизнь у другого".

Партнерство с раввином-террористом Кахане и его лигой, покровительство сионистских главарей еврейской общины США делают банду Буковского неуязвимой для полицейских".

Признаться, сначала я даже опешил: такого ведь еще не бывало. "Агент империализма", "клеветник", "отщепенец", даже "агент ЦРУ" — ко всему этому мы уже привыкли, уж и реагировать перестали. А тут не абстрактно как-нибудь, а вполне конкретно, конкретного человека — убил! Что бы это значило? Не затевают ли они устроить мне какой-нибудь уголовный сюжет, даже убить? У них ведь всегда было так: действие сопровождается пропагандой, пропаганда — действием.

Словом, внезапно для самого себя я совершенно освирепел и попросил своего друга, известного американского юриста, начать в нью-йоркском суде дело о клевете против авторов, издателей, распространителей и вообще всех причастных. По крайней мере, думал я, вынужденные давать показания под присягой, эти мерзавцы о чем-нибудь да проболтаются. И уж, каковы бы ни были их намерения, продолжать "операцию", имея на руках судебный иск, им будет не в жилу. Куда там! Ни авторов, ни издателей привлечь к суду было невозможно: они находились в Москве. Оставался распространитель — тот самый книжный магазин Камкина, созданный и содержавшийся на советские деньги для распространения коммунистической пропаганды. Но и он, по американским законам, нес ответственность за распространяемую клевету только в том случае, если мы могли доказать, что он знал содержание своего товара. В крайнем случае, как утверждал закон:

"Если книготорговец предлагает на продажу газету или журнал, где постоянно публикуются статьи скандального характера, распространение подобного издания может быть сопряжено с риском, что в статьях обнаружатся какие-либо клеветнические нападки".

На том дело и стало, протянувшись более двух лет, но так и не достигнув зала суда. Американская Фемида не пожелала признать тот очевидный факт, что любые советские публикации (тем более кагебешное "Новое время") именно для распространения лжи и существовали. Как можно! Так ведь, глядишь, пришлось бы запретить распространение любых советских публикаций на Западе. Вот ужасто — это же "охота на ведьм"!

* * *

— Да стоит ли беспокоиться? — говорили мне. — Советская пропаганда настолько очевидна, что ей никто все равно не верит.

— Напротив, надо, чтобы на Западе больше знали советскую пропаганду, — утверждали некоторые, — она разоблачает режим лучше всех нас.

Увы, это было бы так лишь в нормальном, нравственно здоровом мире, в котором каждое очередное изобретение агитпропа или главного управления "А" КГБ действительно должно было бы вызывать дружный хохот публики, насмешки прессы и возмущение политиков. Нам же приходилось жить в мире реальном, где большинство людей хотело верить советскому режиму — в силу ли идеологических симпатий, страха перед ядерной катастрофой, веры в "стабильность", в "прагматический подход", в Божий промысел и черт знает еще что. Трагедия состояла в том, что западный человек в наше время мало уже чем отличался от советского: живя в постоянном страхе, он предпочитал не знать, чтобы легче было верить. Феномен "трех счастливых мартышек", которые зла не видят, не слышат и оттого о нем не говорят, был на Западе еще разительнее, чем в советском мире: по крайней мере, в последнем существовали реальные причины для страха. Здесь же и страх был воображаемым, нагнетенным все той же советской пропагандой, а верить в него было просто удобней, успокоительней для совести обывателя, поскольку он получал прекрасное — и даже как бы благородное — оправдание своей природной трусости.

Прибавьте сюда и тот факт, что большая часть интеллигенции, страдая "детской болезнью левизны", просто симпатизировала идеям социализма. Для них самым страшным врагом человечества было собственное правительство, а советские вожди — хоть и немного заблудшими, но все же "прогрессивными" деятелями.

Так или иначе, а советская пропаганда и дезинформация были на Западе гораздо эффективнее, чем в СССР. Достаточно вспомнить, например, многомиллионное "движение за мир", словно по волшебству возникшее в начале 80-х, или восторги прессы по поводу прихода к власти "скрытого либерала" Андропова в 83-м (не говоря уж о всеобщей вакханалии счастья в связи с появлением Горбачева и его "перестройки"), чтобы в этом убедиться. Человек и вообще-то, по самой своей природе, склонен селективно воспринимать только ту информацию, которую он ожидает или очень хочет получить; тем более усиливается это свойство под влиянием эмоций, желаний и верований. Лучший тому пример — история с чернобыльской катастрофой, которая никак не отразилась на восторгах по

поводу Горбачева, пытавшегося ее скрыть в ущерб здоровью миллионов людей, никак не поколебала светлой веры в социализм, но была воспринята лишь как доказательство опасности любых атомных электростанций, где бы, кто бы и как бы их ни строил. Чудесным образом весь общественный гнев обратился не на тех, кто был повинен во лжи и безразличии к жизни людей, а на тех, кто ни в чем повинен не был.

А уж поверить в любую гадость по поводу "диссидентов" был готов почти каждый: при всем внешнем восхищении нашим "мужеством" западная элита нас люто ненавидела. Само наше существование было угрозой иллюзиям одних и упреком глубоко забаррикадировавшейся совести других. Даже их восхищение бывало омерзительно: оно как бы подчеркивало, что наша деятельность, наша позиция предполагают наличие каких-то сверхчеловеческих качеств и потому неприемлемы для людей "нормальных".

Казалось бы, появление нашего движения в СССР было самой лучшей, самой оптимистической новостью послехрущевского времени, в перспективе предполагавшей возможность мирного избавления от советской угрозы. Казалось бы, даже самая мизерная надежда на такой исход должна была заставить Запад пересмотреть всю свою стратегию и сконцентрироваться на его достижении. Куда там! Мы были объявлены — сперва с восхищением, а потом со злобой — "исключением" из общего правила, не имеющим никакого значения для западной политики, кроме разве что лишней головной боли. И, как ни была тупа, абсурдна, подла советская кампания по нашей "компрометации", ни смеха, ни возмущения она обычно не вызывала. Напротив, она послужила Западу хорошим предлогом для сворачивания кампании в защиту прав человека в СССР в самый решающий момент.

Комитет госбезопасности докладывает, что опубликованные с санкции ЦК КПСС в газете "Известия" материалы, разоблачающие враждебно-подстрекательскую деятельность спецслужб США среди "диссидентов" в СССР, сыграли определенную роль в дискредитации ведущейся в США антисоветской кампании о "правах человека", — докладывал в ЦК Андропов в марте 1977 года.

Речь шла о публикации письма некоего Липавского, всего лишь обычных "разоблачений" обычного стукача КГБ, человека вполне ничтожного и никому не известного. Таких "разоблачений" со стороны людей, расколовшихся под следствием или как-нибудь иначе сломленных, были уже десятки, но впечатления, как правило, не производили. Только идиот не понимал, что режим в состоянии выдавить из человека и не такие еще "сведения". Уж коли Бухарин мог "признаться" во вредительстве, чего было ждать от какого-то Липавского? Но кампания в защиту прав человека в СССР стала уже тяготить Запад, принуждая его менять всю свою долгосрочную политику, все приоритеты. Сопротивление со стороны западной элиты таким радикальным изменениям было огромно. Отсюда — внезапный эффект дезинформации, в сущности очень примитивной, касавшейся еще и не арестованного Щаранского.

Согласно поступившим данным, проведенное мероприятие вызвало серьезную реакцию в США и других западных странах. В сообщениях американских газет, радио и телевидения сквозит озабоченность общественного мнения взятым администрацией КАРТЕРА курсом на поддержку "диссидентов" и открытым вмешательством во внутренние дела СССР и других социалистических

страи. Характерно, что в комментариях американских средств массовой информации не приводится серьезных доводов в защиту этого курса.

Опубликованные в "Известиях" материалы вызвали растерянность среди аккредитованных в СССР американских дипломатов и корреспондентов и оказали сдерживающее влияние на их контакты с "диссидентами". В соответствии с поступившими из Вашингтона инструкциями они отказываются от каких-либо комментариев и прибегают к голословному отрицанию изложенных в открытом письме и статье фактов.

Вместе с тем сотрудники посольства США в своем окружении высказывают опасения, что советская сторона может потребовать выдворения из СССР скомпрометированного связью с ЦРУ американского дипломата ПРЕСЕЛА, организовать пресс-конференцию с автором открытого письма и опубликовать в других газетах новые разоблачительные материалы. Произошло определенное замешательство и в среде просионистски настроенных лиц и "диссидентов", поддерживающих активные контакты с американскими представителями в СССР.

И далее, окрыленный неожиданным успехом довольно заурядной дезинформации, Андропов рекомендует (а политбюро одобряет) план расширения своей кампании:

Комитет госбезопасности полагает целесообразным после визита в нашу страну госсекретаря США ВЭНСА осуществить следующие мероприятия по дальнейшей дискредитации роли спецслужб США в антисоветской кампании:

— организовать интервью с автором открытого письма ЛИПАВСКИМ С.Л. американского или другого западного корреспондента с участием советского журналиста для последующего опубликования этого интервью в газете "Известия" и в зарубежной прессе;

— через возможности ТАСС, АПН и Гостелерадио использовать в сообщениях и передачах на заграницу подготовленные Комитетом госбезопасности статьи, показывающие на фактических данных (...) что случай с ЛИПАВСКИМ не является единичным в использовании спецслужбами США "диссидентов" в разведывательно-подрывной деятельности против СССР;

— организовать через возможности Комитета госбезопасности направление в Вашингтон и в посольство США в Москве писем от отдельных советских граждан и коллективов с протестами против вмешательства США во внутренние дела СССР;

— чтобы не вызвать ответных мер американских властей в отношении сотрудников советских представительств в США, ограничиться компрометацией первого секретаря посольства США ПРЕСЕЛА и корреспондента ОСНОСА, не прибегая к мерам их официального выдворения из СССР.

Нет сомнения, прояви американская администрация в тот момент достаточно твердости, а западное общество — достаточно возмущения, и Андропов бы притих, и Щаранскому, скорее всего, не осмелились бы "пришить" шпионаж. Но вместо этого Картер стал оправдываться, извиняться, клясться и божиться, что он, дескать, проверял в ЦРУ и Щаранский их агентом вроде бы не был. Еще более заискивающую позицию занял, приехав в Москву, Вэнс. Как же — надо было "спасать детант"! Испугались и еврейские организации на Западе: ах, как бы это

не повлияло на эмиграцию!

Словом, Запад "потек", как новичок на допросе в КГБ, и то, что было заурядной чекистской провокацией, превратилось в грандиозный успех их пропаганды.

Комитетом госбезопасности получены данные о том, что американские дипломаты и иностранные корреспонденты в Москве расценивают статьи и комментарии в советской печати и передачах радио и телевидения, в которых дается отповедь ведущейся на Западе антисоветской кампании о "нарушении прав человека" как проявление твердой решимости Советского Союза не допускать вмешательства в свои внутренние дела, особенно накануне визита в СССР государственного секретаря США ВЭНСА, – докладывал окрыленный успехом Андропов. – **По их мнению, "кульминационным моментом в этих мероприятиях Москвы" явился арест советскими властями "диссидента" ЩАРАНСКОГО, что свидетельствует о непреклонности намерений СССР принимать предусмотренные законом меры в отношении подобных отщепенцев.**

Согласно высказываниям американского журналиста АКСЕЛЬБАНКА, публикация разоблачительных материалов в газете "Известия" и последующий арест ЩАРАНСКОГО поставили американскую сторону в щекотливое положение. Если эта ситуация будет подкреплена новыми доказательствами использования спецслужбами США "диссидентов" в шпионских целях, то это серьезно затруднит Западу пропаганду в "защиту прав человека" в СССР и укрепит позицию Москвы в этом вопросе.

Другой американский журналист РЕЗНИ заявил по этому поводу, что наказуемость шпионажа в пользу иностранной державы ни у кого не вызывает сомнений, в том числе и у американских юристов. Опасения обидеть ВЭНСА не имеют почвы, хотя он может и высказать неудовольствие. (...) После ареста ЩАРАНСКОГО "диссиденты" во главе с САХАРОВЫМ организовали 16 марта с.г. импровизированную пресс-конференцию на частной квартире, на которую пригласили несколько американских и других западных журналистов и раздали им заранее подготовленные заявления клеветнического характера. По полученным данным, посольство США в своем сообщении для госдепартамента об этой пресс-конференции особо выделило высказывания САХАРОВА о том, что "при нынешнем критическом положении, в котором находится советское движение в защиту прав человека, было бы очень полезно, если бы американский конгресс и президент как-то отреагировали на арест ЩАРАНСКОГО. Любое ослабление давления из-за границы в такой критический момент крайне нежелательно".

Отвечая на вопрос одного из иностранных журналистов, намерен ли САХАРОВ встретиться с ВЭНСОМ во время его визита в СССР, он сказал, что не хочет такой встречи, если она поставит госсекретаря в затруднительное положение, и сам просить о встрече не намерен.

На состоявшейся 18 марта с.г. закрытой пресс-конференции в посольстве США для американских корреспондентов представитель посольства уклончиво прокомментировал обращение САХАРОВА и других "диссидентов" к США с призывом оказать им помощь, сославшись на то, что ему не известно, какой будет реакция правительства США.

На вопрос корреспондента, не осложнит ли арест ЩАРАНСКОГО визит

ВЭНСА в СССР, представитель посольства ответил, что администрация КАРТЕРА не связывает права человека с разрядкой.

Согласно поступающим сведениям, средства массовой информации США признают, что против ЩАРАНСКОГО выдвинуто "конкретное серьезное обвинение в государственной измене" и что это ставит в затруднительное положение тех, кто пытается выступать в его защиту.

Одним словом, Запад сдал и Щаранского, и не ими завоеванные позиции, а смехотворное, идеологами политбюро придуманное положение о диссидентах как орудии "подрывных центров империализма" неожиданно даже для его авторов получило легитимность. Через год, развивая свой успех, они расправились и со всем хельсинским движением в СССР, ловко перетасовав их суды с судами над реальными шпионами, а вся западная кампания в защиту прав человека практически кончилась. Как мы помним, политбюро долго не решалось судить "хельсинцев", отложив их процессы на целый год и тщательно готовя это "мероприятие" Издержки были слишком велики, учитывая тогдашний накал страстей в мире вокруг проблемы прав человека. И, скорее всего, поведи себя Запад в ту пору тверже, не осмелились бы они столь открыто бросить вызов.

Обстановка сегодняшнего дня позволяет решить вопрос о проведении судебных процессов. В частности, имеется в виду, что в последнее время в действиях противника по дискредитации принятых в отношении преступников мер появилась неуверенность. Он значительно сбавил тон в попытках утверждать, что следствие якобы не располагает вескими доказательствами виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Более того, администрация и пропагандистские органы США, по существу не отрицая преступной связи ЩАРАНСКОГО с американской разведкой и в то же время желая избежать новых разоблачений ЦРУ, пытаются убедить общественность, что его деятельность была связана лишь с защитой "прав человека". Аналогичная линия на оправдание преступной деятельности обвиняемых проводится и в отношении других лиц.

Принимается также во внимание, что в настоящее время могут быть полнее учтены и использованы в пропагандистских мероприятиях намерения и аргументы противника, которые он раскрыл в предшествующий период, организуя на Западе разного рода кампании в защиту преступников.

Изложенные и другие благоприятные обстоятельства дают возможность выработать действенную тактику организации судебных процессов и их пропагандистского обеспечения.

И далее — подробная разработка, как, в каком порядке и в сопровождении какой дезинформации проводить эти процессы. Ключевым моментом для них было в этом деле сознательное смешивание дел членов Хельсинских групп и целого ряда людей, действительно арестованных за шпионаж, но, разумеется, никакого отношения к "хельсинцам" не имевших. На худой конец — аккуратное совмещение процессов над теми, кто сломался под следствием, и теми, кто не сломался. Все это обсуждалось вполне цинично, без малейших иносказаний или намеков:

С учетом того, что противник сосредоточит свое главное внимание на попытках дискредитировать рассмотрение дел на ЩАРАНСКОГО, ГИНЗБУРГА,

ОРЛОВА, ГАМСАХУРДИЯ, представляется целесообразным начать организацию судебных процессов с публикации материалов, разоблачающих действия спецслужб США по сбору шпионской информации и созданию на территории нашей страны очагов проведения организованной антисоветской деятельности. В частности, опубликовать в газете "Труд" материалы судебного процесса над разоблаченным агентом американской разведки РАДЖАБОВЫМ.

Осуществление разоблачительных мероприятий создаст выгодные условия для одновременного проведения во второй половине марта процессов по делам МАРИНОВИЧА и МАТУСЕВИЧА в г. Василькове Киевской области и ЛУБМАНА в Ленинграде. Такое сочетание в порядке рассмотрения дел позволит в определенной мере нейтрализовать шумиху вокруг судебных процессов в отношении МАРИНОВИЧА и МАТУСЕВИЧА и в то же время продолжить разоблачение вмешательства американской разведки во внутренние дела СССР.

Во второй половине мая — начале июня имеется в виду провести оставшиеся процессы. Их проведение целесообразно начать с разбирательства в суде дела ОРЛОВА в Москве, совместив его по времени с рассмотрением дела ГАМСАХУРДИЯ и КОСТАВА в Тбилиси. Тактически такое совмещение будет оправданным, поскольку ГАМСАХУРДИЯ полностью раскаивается в совершенном им преступлении. ГАМСАХУРДИЯ является сыном известного грузинского писателя, имеет широкие связи в среде творческой интеллигенции, в связи с чем его разоблачительные выступления, в частности, вскрытие неприглядной роли установленных американских разведчиков, действующих под крышей посольства США в Москве, вызовут выгодный для нас резонанс. Разоблачения со стороны ГАМСАХУРДИЯ обеспечат, в свою очередь, условия для проведения судебного процесса по делу ГИНЗБУРГА, а затем и ЩАРАНСКОГО.

Поскольку ЩАРАНСКИЙ обвиняется в измене Родине, то процесс над ним выгодно совместить с процессом по делам ФИЛАТОВА и НИЛОВА, что дополнительно создаст серьезные позиции для разоблачения проводимой ЦРУ на территории СССР шпионской деятельности. Этим процессам будет предшествовать предание гласности материалов изъятых у американских разведчиков ПЕТЕРСОНА и КРОКЕТА при захвате их с поличным в 1977 году и свидетельствующих о подрывной деятельности разведки США на территории СССР.

Это был полный разгром, полная сдача позиций Западом в самый ключевой момент нашей истории. В результате и так называемый Хельсинский процесс потерял смысл, выродившись в пустую говорильню. Ведь, вопреки положениям Хельсинского соглашения, Запад уже "не связывал права человека с разрядкой". Такому повороту в политике Запада, конечно, было много причин (о них мы еще поговорим в главе пятой), но вряд ли кто может отрицать роль в этом и советской дезинформации, и, как бы тупа она ни была, поразительной готовности, даже желания Запада ей верить.

Между тем, наше движение так никогда и не оправилось от этого разгрома. Через год, в 79-м и начале 80-го, без особого шума и протестов подобрали последних, расправились и с Сахаровым, вторглись в Афганистан — все это под одобрительный рев толпы на Олимпийских играх в Москве. Даже этого редкостно циничного шоу не смог Запад остановить — советский образ мышления восторжествовал повсюду. Победила их "правда", их представления о добре и зле. А столь

дорогая сердцу Запада "разрядка" ("детант") так же незаметно и бесславно исчезла: "не связанная с правами человека", она и смысла не имела, превращаясь в обыкновенную капитуляцию.

Характерно, однако, что советские вожди выдержали свою игру, не дрогнув, до самого конца. Даже много лет спустя, в разгар "гласности и перестройки", они от своей легенды не отказались и настояли-таки на том, чтобы Щаранский был освобожден как настоящий шпион — в обмен на реального советского шпиона и на том самом мосту в Берлине, где шпионов обменивали. Эти ребята своего не упускали. Ну, а Запад... утерся и засиял в полном восторге от своего нового друга Горбачева.

Как говорят англичане, с такими друзьями и врагов не нужно.

* * *

Можно не сомневаться, что уж если в таком важном вопросе да столь примитивная гебешная дезинформация тем не менее могла сыграть столь роковую роль, то в вопросах менее существенных, привлекавших гораздо меньше общественного интереса, она была еще эффективней. Особенно учитывая, что чекистские "меры по компрометации" очень часто довольно искусно строились вокруг чисто человеческих особенностей, слабостей характера, нестандартных отношений, используя и амбиции людей, и их бесправное положение, и малую осведомленность Запада. Разработки эти бывали на редкость подлы. Вот, например, в том же деле Щаранского мало было чекистам привесить ему ярлык шпиона, надо было залезть и в личную жизнь.

...в связи с тем, что официальные власти США активно используют в антисоветской кампании бывшую советскую гражданку Штиглиц под видом жены Щаранского, поручить совпослу Добрынину А.Ф. передать президенту Картеру материалы, раскрывающие аморальный облик Щаранского, в том числе личные письма отца Штиглиц, категорически отрицающего супружество дочери с Щаранским и выступающего против ее провокационной деятельности. В последующем эти материалы можно будет передать для опубликования в зарубежной прессе.

Расчет тут столь же простой, сколь и подлый: известно, что Картер — человек глубоко религиозный, баптист — имеет представления о нравственности супружеских отношений гораздо более строгие, чем принято в нашем мире. И это, без всякого смущения, передается по "обычным дипломатическим каналам", через посла в США. Можно только гадать, какие же гадости передавались "по каналам КГБ", закулисно.

По имеющимся в Комитете госбезопасности сведениям, противник рассматривает издание новой книги С.АЛЛИЛУЕВОЙ "Только один год" как одну из мер по расширению антисоветской кампании, приуроченной к 100-летию со дня рождения В.И.ЛЕНИНА. (...) Учитывая вышеизложенное, в целях отвлечения мировой общественности от клеветнической кампании, проводимой противником с использованием книги С.АЛЛИЛУЕВОЙ "Только один год", предлагаются следующие мероприятия:

В связи с письмом Иосифа АЛЛИЛУЕВА и Екатерины ЖДАНОВОЙ в Политбюро ЦК КПСС, в котором выражается возмущение по поводу изменнического

поведения их матери, считаем возможным подготовить и опубликовать за рубежом открытое письмо детей С.АЛЛИЛУЕВОЙ, адресованное известному политическому обозревателю Г.СОЛСБЕРИ, заместителю главного редактора газеты "Нью-Йорк таймс", который неоднократно брал интервью у С.АЛЛИЛУЕВОЙ и в личном плане относится к ней с оттенком презрения.

Это мероприятие будет подстраховано публикацией упомянутого письма и интервью с детьми С.АЛЛИЛУЕВОЙ в одном из ведущих европейских журналов.

Продвинуть в западную печать тезисы о том, что новая книга С.АЛЛИЛУЕВОЙ является результатом коллективного труда таких лиц, как Д.КЕННАН, Л.ФИШЕР, М.ДЖИЛАС, Г.ФЛОРОВСКИЙ, А.БЕЛИНКОВ, и других, зарекомендовавших себя ярыми противниками СССР и специализирующихся на фальсификации истории Советского государства. Одновременно включить в эти материалы имеющиеся в распоряжении КГБ сведения, компрометирующие упомянутых лиц в личном плане.

Направить в адрес С.АЛЛИЛУЕВОЙ письмо от видных представителей советской интеллигенции, лично знавших С.АЛЛИЛУЕВУ (писатель СОЛОУХИН, кинодраматург КАПЛЕР, главный редактор журнала "Советский экран" ПИСАРЕВСКИЙ, профессор МЯСНИКОВ — научный руководитель С.АЛЛИЛУЕВОЙ при защите ею диссертации и др.), в котором содержался бы мотивированный протест против фальсификации фактов из истории Советского государства, клеветы на В.И.ЛЕНИНА. Такое письмо могло бы быть передано С.АЛЛИЛУЕВОЙ через возможности КГБ и с таким расчетом, чтобы оно стало достоянием зарубежной печати.

И такие "меры по компрометации" сопровождали буквально каждое событие, от публикаций книг до арестов и судов, от побегов за границу деятелей искусства до международных происшествий крупного масштаба. Разумеется, далеко не все эти "мероприятия" были удачны, но и отрицать их значение было бы крайней наивностью: ведь в результате создавалась гигантская машина дезинформации, целая система "агентов влияния", против которых у Запада не было никакой защиты. Напротив, демократия была вынуждена защищать право своих заклятых врагов распространять заведомую ложь. Во многих странах, например в США, закон практически даже не защищает вас от клеветы в печати: вам, а не клеветнику надлежит доказывать в суде наличие у клеветника умысла вас оклеветать. А если вы, не дай Бог, человек известный, клеветать на вас считается священным правом прессы.

К тому же, большинство этих "агентов влияния" не были в буквальном смысле агентами КГБ. Просто кто-то распространял советскую дезинформацию из идейных соображений, кто-то — выплачивая, так сказать, старый "должок" этому ведомству или, наоборот, ожидая некой ответной поблажки, услуги, а кто-то — и вовсе не ведая, что творит. Ведь часто "нужная" КГБ "информация" была одновременно весьма интересна вашему конкуренту, завистнику или просто склочному человеку, а задачей КГБ становилось всего лишь подсунуть ее такому заинтересованному лицу.

Да мало ли какие возникали сюжеты. Скажем, большинство западных специалистов по России — советологов, славистов — оказались в зависимости от режима просто в силу того, что им необходимо было время от времени ездить в

СССР. Без этого специалист в здешнем академическом мире не считался за специалиста. Любой мог бросить ему упрек в том, что он дисквалифицировался, оторвался от действительности. А возможность туда поехать плотно контролировалась в те годы Лубянкой.

Но ведь существовал и обратный механизм, куда более мощный: советский человек любой профессии не мог выехать за границу, скажем, на научную конференцию, на гастроли или соревнования — без санкции КГБ. Став "невыездным", он, конечно, автоматически терял свою ценность, а иногда и просто работу. "Возможности КГБ" были, таким образом, практически безграничны.

Разглядывая же теперь документы ЦК об этих самых "мерах по компрометации", я только диву давался, до чего же они, сволочи, были ловки. Вот ведь, углядели, что Солсбери "в личном плане относится с оттенком презрения" к Аллилуевой, да тут же и задействовали этот оттенок. И что в такой ситуации было делать той же Аллилуевой? Объяснять Солсбери, что им воспользовался КГБ как "каналом" своей дезинформации?

Или вот еще сюжет: записка Андропова "О мерах по компрометации решения Нобелевского Комитета о присуждении премии мира САХАРОВУ А.Д." и соответствующее решение политбюро:

— поручить Отделам науки и учебных заведений, пропаганды ЦК КПСС, совместно с Президиумом Академии Наук СССР подготовить от имени Президиума Академии Наук СССР и видных советских ученых открытое письмо, осуждающее акцию Нобелевского Комитета, присудившего премию мира лицу, вставшему на путь антиконституционной, антиобщественной деятельности. Указанное письмо за подписью членов Президиума Академии Наук СССР и видных советских ученых опубликовать в газете "Известия";

— редакции газеты "Труд" опубликовать фельетон, в котором преподнести присуждение САХАРОВУ Нобелевской премии мира в сумме 122 тысяч долларов как подачку реакционных кругов Запада за постоянно поставляемую им клевету на советский общественный и государственный строй;

— по линии АПН продвинуть на Запад материалы, раскрывающие тезис о том, что присуждение премии мира человеку, выступающему против разрядки международной напряженности и оценивающему с крайне реакционных позиций события в Чили, Вьетнаме, Камбодже, Ближнем Востоке, противоречит политике Советского государства и всех прогрессивных сил мира, направленной на разрядку международной напряженности и разоружение;

— по каналам Комитета государственной безопасности продвинуть на Запад статьи, в которых показать абсурдность решения Нобелевского Комитета, присудившего премию мира лицу, которое является изобретателем оружия массового поражения людей.

В этом документе все замечательно учтено: и покорность академиков (они, говорят, еще и дрались между собой за привилегию подписать это "открытое письмо" — еще бы, позволяли ведь не всем, а только "ведущим советским ученым"!), и зависть работяг (газета "Труд" — орган советских профсоюзов — читалась в основном рабочими, для которых сумма в 122 тысячи долларов была просто невообразима), и сантименты "прогрессивных сил мира". Ну а последний пункт, идею об "абсурдности" присуждения премии мира создателю водородной

бомбы, "продвинул на Запад" не кто иной, как... Жорес Александрович Медведев. И не где-нибудь, а в Осло, выступая в Нобелевском институте. Так, между прочим, сказал — и сказал. Как уж он оказался этим "каналом", кто ему подсказал столь глубокую мысль, или сам додумался — Бог весть. Но какая удача для Андропова: не кто-нибудь, известный ученый-диссидент...

И говорите мне теперь, что КГБ было глупым, что их дезинформация ни на кого не действовала. Куда там! Годами с редкостным терпением готовили они свои "каналы", зачастую играя с людьми, точно кошка с мышкой. И горе было тому, кто пускался с ними в эти игры, наивно надеясь их перехитрить: обмануть ведь можно человека или группу людей, но не систему.

В Дубравном исправительно-трудовом лагере отбывает наказание осужденный в феврале 1966 года Верховным Судом РСФСР к 7 годам лишения свободы по ст.70 ч.1 УК РСФСР СИНЯВСКИЙ А.Д.

Наблюдение за его поведением в исправительно-трудовом лагере показало, что он в последнее время все чаще размышляет над своей дальнейшей судьбой, хотя по-прежнему отрицает свою вину. В отличие от ДАНИЭЛЯ и членов его семьи, СИНЯВСКИЙ и его жена не принимают участия в каких-либо антиобщественных акциях.

В целях пресечения дальнейшего использования Западом факта осуждения СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ в антикоммунистической пропаганде, считаем целесообразным продолжить работу с СИНЯВСКИМ в плане склонения его к подаче заявления в Президиум Верховного Совета РСФСР о помиловании. При получении такого заявления считали бы возможным удовлетворить просьбу СИНЯВСКОГО.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ

Записка т. Андропова Ю.В. от 30 сентября 1968 г. (о Синявском)
(т.т. Суслов, Андропов, Поляньский, Шелепин, Демичев)

Разрешить т. Андропову Ю.В. вести работу с учетом обмена мнениями, состоявшегося на заседании Политбюро ЦК.

Осужденный Верховным судом РСФСР на 7 лет лишения свободы литератор Синявский А.Д., автор книг антисоветского содержания, публиковавшихся на Западе под псевдонимом "Абрам Терц", отбыл к настоящему времени более двух третей наказания.

Наблюдение за Синявским показывает, что он, находясь в исправительно-трудовом учреждении, соблюдает установленный режим, отрицательно относится к попыткам отдельных заключенных вовлечь его в антиобщественную деятельность и своим поведением фактически не дал новых поводов для использования его имени за рубежом во враждебных нашему государству целях.

Никаких предосудительных поступков не допустила и его жена Розанова-Кругликова, проживающая в г. Москве.

Вместе с тем Синявский продолжает стоять на позиции непризнания своей виновности и отрицания антисоветского характера своих действий, по-прежнему считает суд над ним незаконным. Однако с его согласия жена Синявско-

го обратилась с ходатайством о помиловании, избрав в качестве мотива трудность воспитания малолетнего сына.

Рассмотрев это заявление и проанализировав материалы, а также принимая во внимание, что срок наказания Синявского истекает в сентябре 1972 года, полагаем возможным положительно решить вопрос о сокращении ему в порядке помилования срока наказания на 1 год 3 месяца.

Такая мера, по нашему мнению, способствовала бы отрыву Синявского от антиобщественных элементов и может положительно повлиять на его дальнейшее поведение.

Проекты постановления ЦК КПСС, Указа Президиума Верховного Совета РСФСР по этому вопросу прилагаются.

Просим рассмотреть.

Ю. Андропов Р. Руденко А. Горкин

12 мая 1971 года

О помиловании Синявского А.Д.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета РСФСР по этому вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Комитетом госбезопасности проводится работа по оказанию положительного влияния на досрочно освобожденного из мест лишения свободы СИНЯВСКОГО Андрея Донатовича, созданию обстановки, способствующей его отходу от антиобщественных элементов.

Принятыми мерами имя СИНЯВСКОГО в настоящее время в определенной степени скомпрометировано в глазах ранее сочувствующей ему части творческой интеллигенции. Некоторые из них, по имеющимся данным, считают, что он связан с органами КГБ. СИНЯВСКИЙ следует совместно выработанной по возвращении его в Москву линии поведения, ведет уединенный образ жизни, занимается творческой работой, связанной с вопросами русской литературы XIX века и историей древнерусского искусства.

Используя "авторитет" СИНЯВСКОГО, через его жену РОЗАНОВУ-КРУГЛИКОВУ удалось в выгодном нам плане воздействовать на позиции отбывших наказание ДАНИЭЛЯ и ГИНЗБУРГА, в результате чего они не предпринимают попыток активно участвовать в так называемом "демократическом движении", уклоняются от контактов с группой ЯКИРА.

Вместе с тем, известно, что СИНЯВСКИЙ, в целом следуя нашим рекомендациям, по существу остается на прежних идеалистических творческих позициях, не принимая марксистско-ленинские принципы в вопросах литературы и искусства, вследствие чего его новые произведения не могут быть изданы в Советском Союзе.

Различные буржуазные издательства стремятся использовать это обстоятельство, предлагая свои услуги для публикации работ СИНЯВСКОГО, что вновь может привести к созданию нездоровой атмосферы вокруг его имени.

5 января 1973 года СИНЯВСКИЙ обратился с ходатайством в ОВИР УВД Мосгорисполкома о разрешении ему выезда вместе с женой и сыном, 1965 года рождения, во Францию сроком на 3 года по частному приглашению профес-

сора парижского университета КЛОДА ФРИЮ.

Учитывая изложенное и принимая во внимание желание СИНЯВСКОГО сохранить советское гражданство, считали бы возможным не препятствовать выезду семьи СИНЯВСКОГО из СССР.

Положительное решение этого вопроса снизило бы вероятность вовлечения СИНЯВСКОГО в новую антисоветскую кампанию, так как лишило бы его положения "внутреннего эмигранта", оторвало бы от творческой среды и поставило бы в конечном счете СИНЯВСКОГО в ряд писателей "зарубежья", потерявших общественное звучание.

В последующем можно решить, целесообразно ли возвращение СИНЯВСКОГО в Советский Союз после истечения срока пребывания во Франции.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ

11. Страдающая интеллигенция

Я привел эту драму в документах почти целиком, потому что она удивительно точно, шаг за шагом, иллюстрирует, как терпеливо и обстоятельно "работало" политбюро, подготовляя свои "оперативно-чекистские мероприятия". И уж кого-кого, а свою родную советскую интеллигенцию они понимали прекрасно, отлично зная, как наиболее эффективно сбалансировать кнут и пряник. А пуще всего — как использовать интеллигентскую самовлюбленность. В мою задачу вовсе не входит кого-то персонально "разоблачать" или даже осуждать, тем более, что для большинства из нас в этих документах ничего особенно нового не содержится. То, что Синявская "играла в сложные игры с КГБ", она и сама тогда не скрывала.

Я еще помню, как, вернувшись из лагеря в январе 70-го, столкнулся с ней на обеде у общих знакомых. Любопытно, что это была наша первая и последняя встреча в Москве, до того мы и знакомы-то не были, но госпожа Синявская просто рта не закрывала. А говорила она — причем, как всегда, с большим апломбом — о том, что "нам — писателям" не нужен весь этот шум, это так называемое "движение", вся эта "политика". Это только вредит "нам — писателям", а надо тихо сидеть и не рыпаться. А пуще всего не стоит связываться со всеми этими Якирами и прочими любителями шума. Увидев же мою резко негативную реакцию на свою "писательскую" линию, она больше со мной встречи не искала. Не удалось, "пользуясь авторитетом Синявского, повлиять..." — и не надо. Я ей только затем и нужен был, затем, надо полагать, и притащилась на обед к общим знакомым в тот самый день, когда я там должен был появиться.

Но дело не в этом. Для меня несущественно, пользовалась ли она "авторитетом Синявского" по своей инициативе или по "достигнутой договоренности", — так же, как не имеет теперь значения, затевала ли она бесконечные склоки в эмиграции (в том числе и постоянные нападки на Солженицына) согласно "совместно выработанной линии" или просто в силу склочности характера. Так ли, сяк ли, Андропов не прогадал. Занятно, однако, другое: упоминание этих документов в русской печати вызвало совершеннейшее бешенство госпожи Синявской. Нимало не смущаясь забавного противоречия, она тотчас — и, как всегда, безапелляционно — заявила (в "Московских новостях"), что документы: а) "укра-

дены", б) "подделаны", в) что Андропов все переврал. Прямо как тот не в меру ретивый провинциальный адвокат из известного анекдота, который утверждал, что его подзащитный невиновен, так как у него есть абсолютно неопровержимое алиби, а в то же время он нуждается в снисхождении из-за своего чрезвычайно трудного детства. Затем, опять же не переводя дыхания, взяла и сама опубликовала те же самые документы — вот она, дескать, "вся правда", не украденная и не подделанная. Наконец в длиннющей статье в "Независимой газете", на два номера с продолжением, по целой газетной странице в каждом, поведала о своих необычайных подвигах: о том, как она, умная и бесстрашная женщина, объегорила глупый и трусливый КГБ, "переиграла" их в их же собственной игре. Она, видите ли, шантажировала КГБ, ложно обвинив их в краже ценных книг во время обыска. Вот ведь находчивость! Вот смелость! Что ж тут оставалось делать бедным чекистам, как только отпустить их с миром в Париж.

Но и это еще бы ничего — в российской прессе сейчас и не такое встретишь. Как говорится, не хочешь — не слушай, а врать не мешай. Не стал бы и я пересказывать весь этот горячечный бред, если бы не один абзац этого по случаю сочиненного мемуара, в котором, распалив уже свою фантазию добела, она как бы кричит всем нам сразу:

"*Лодите прочь, бесстыдники, на что хвост подымаете? На дело Синявского—Даниэля, из которого вы вышли, как, простите за стилистическую вольность, русская литература из гоголевской шинели? Откуда у вас сегодня такое стремление плюнуть в свое прошлое? Откуда у вас такая вера в КГБ и преданность этой фирме? Как могло случиться, что слово Андропова стало вам дороже слова Синявского? Почему вам так хочется, чтобы король оказался голым?*"

Оставлю в стороне крайне наглый, базарный тон этого "воззвания". Но, прочитав о нашем коллективном происхождении из четы Синявских, невозможно не подивиться как диалектичности их совести, так и интеллигентской самовлюбленности. Да неужели они всерьез верят в это? Неужто им невдомек, что Синявский имеет такое же отношение к "делу Синявского—Даниэля", как Киров — к делу убийства Кирова? Или как Дрейфус — к "делу Дрейфуса". Собирая нашу первую демонстрацию в 1965 году, мы и Синявского в глаза не видели, и книг его не читали (а я так и впоследствии не осилил больше 20 страниц). Дело ведь было не в нем, а в том, потерпит ли общество политические репрессии в послесталинское время. Вернемся ли мы назад, ко временам террора, или все-таки проснется в людях их гражданское мужество. Это был просто тест на зрелость, который выдержали лишь немногие. Большинство осталось советским, как и было, и Синявский в их числе. "Голос из хора", да еще и фальшивый.

Что стоит за дубовым языком андроповских сообщений, понятно лишь посвященным. Скажем, что значит: "отрицательно относится к попыткам отдельных заключенных вовлечь его в антиобщественную деятельность"? А это значит молчать, когда издеваются над твоим сокамерником, идти на работу, когда бастуют твои солагерники, постыдно жрать лагерную кашку, когда зона объявила голодовку. Или что значит "ходатайство о помиловании"? Де-юре это и есть признание вины, сколько бы ты ни говорил потом, что не признаёшь себя виновным. Да ничего другого и не требовал от нас режим, по крайней мере для начала. Согла-

сись на это любой из нас, и — дом, свобода, тепло, пища. Любящая жена и трудновоспитуемые дети. Но не пошел на это умирающий Галансков, предпочел умереть Марченко. И, наоборот, "помилованный" Гамсахурдиа дослужился до президента Грузии. Мы-то знаем: режим на достигнутом не успокаивался, свой "должок" получал и много лет спустя.

Словом, это твой выбор. Конечно, ты вправе выбрать путь полегче, но тогда не жди уважения солагерников, тем более не требуй аплодисментов. В самом деле, уж коли "мы — писатели", ну так и сидели бы писали о литературе. И не лезли бы в гнусную политику ни тогда, ни теперь. Так нет, теперь еще и лавры борцов нужны, отцов-основателей. Право же, как говорят англичане, нельзя одновременно и съесть пирожок, и иметь его, а по-лагерному еще точнее — и рыбку съесть, и... И кашку получать в лагере за то, что следуешь "достигнутой договоренности", и помилование получить от Андропова, и в Париж уехать вполне комфортабельно, с иконами, с совпаспортом, с возможностью ездить назад, но и в героях ходить, а теперь еще с апломбом вещать о судьбах России...

"Мне удалось вывезти Синявского из лагеря на 15 месяцев раньше срока", — с гордостью пишет его жена, оправдывая свои "игры" с КГБ. Помилуйте, да можно было и все 7 лет сэкономить, сразу "достигнув договоренности" и занявшись исключительно историей древнерусского искусства. Так ведь многие и делали, с самого начала найдя себе "безопасный" предмет для занятий. Стоило ли и огород городить?

Ах, но ведь это же не кто-нибудь, а сам *Синявский*! Она же *Синявского освободила*! Перед непомерностью этого достижения нам всем остается лишь потупить глаза, притихнуть и тайно восхищаться подвигом верной подруги. Будто нам и невдомек, что Синявский превратился в *Синявского* благодаря "делу Синявского—Даниэля", всему тому "шуму", который "им — писателям", оказывается, вовсе не нужен.

Для меня, повторяю, несущественно, пользовались ли они "авторитетом Синявского" по своей инициативе или по "достигнутой договоренности". Существенно, что они вообще претендуют на какой-то "авторитет". Меня гораздо больше коробит интеллигентская самовлюбленность, исключительность. Ведь они — "таланты", а стало быть, убеждены, что и мерки к ним должны быть другие. Простой смертный себе и одной десятой такого коллаборационизма позволить не мог без клейма позора, каковой интеллигенция выдает теперь за героическое сопротивление, или, в крайнем случае, за оправданную жертву. Да чем оправдано-то? Своей собственной самовлюбленностью?

24 июля 1969 года в Англию с целью сбора материалов для создания нового произведения о В.И.ЛЕНИНЕ выехал КУЗНЕЦОВ Анатолий Васильевич, 1929 года рождения, уроженец г. Киева, член КПСС с 1955 года, ответственный секретарь Тульского отделения Союза писателей РСФСР, заместитель секретаря партийной организации отделения, член редколлегии журнала "Юность" с июня 1969 года.

По информации посольства СССР в Англии, вечером 28 июля КУЗНЕЦОВ ушел из гостиницы и, как сообщило позднее министерство иностранных дел Англии, обратился с ходатайством разрешить ему остаться в стране. Просьба КУЗНЕЦОВА удовлетворена.

Эта история нашумела в свое время не только потому, что Кузнецов был писателем весьма известным, но главным образом из-за откровенного признания Кузнецова в своем сотрудничестве с КГБ. Отдадим ему должное: он сказал об этом сразу, при первой же возможности, и сам настоял на публикации этого признания в английских газетах со всеми подробностями, желая таким образом загладить вину. Тем не менее, история поразительная: по его словам, он "играл с КГБ" более года и даже писал ложные, фантастические по своей абсурдности доносы на своих друзей и коллег, известных писателей и артистов, якобы состоящих в заговоре против советской власти, — все это лишь затем, чтобы получить возможность поехать за границу и там остаться. Он, видите ли, не мог больше жить в СССР, где его талант задыхался от отсутствия творческой свободы.

И это еще не худший пример. По крайней мере, Кузнецов не требовал лавров героя, не рассчитывал на сочувствие, а всю историю рассказал сам вполне честно. Он хотя бы чувствовал, что совершил нечто недостойное. Большинство не осознавало и этого. Скажем, деятели культуры, получавшие разрешение на заграничные поездки, обязаны были потом писать отчеты о виденном и слышанном, а иногда и "выполнять отдельные поручения КГБ". И это считалось у них вполне "нормальным", так же, как и доносить на иностранцев, приезжавших в СССР.

Дело здесь отнюдь не в самой связи с КГБ, к которому я всегда относился на редкость безлично, так же, как и к обыкновенным стукачам. Одного из этих последних, человека, наговорившего на меня в КГБ четверть века назад таких гадостей, что я вполне мог и погибнуть, я встретил теперь случайно на улице и — не почувствовал ничего, кроме некоторой жалости. Нет, это совсем другое. Те, о ком я говорю, жалости не вызывают и никогда себя виновными не чувствуют. Напротив, они собой любуются. Не знаю, быть может, я слишком субъективен, но эти люди вызывают у меня чисто физиологическое отвращение, какое мы обычно испытываем при виде мокрицы.

Прости меня, моя страна,
За то, что я — кусок говна...

— писал один питерский поэт в припадке откровенности. Ему хотя бы достало совести осознать эту грустную истину — ведь большинство его сотоварищей по классу и того не осилило. Как раз когда я пишу эти страницы, второй канал Би-Би-Си показал нам удивительный документальный фильм о новом герое нашего времени... Владимире Познере. Да-да, том самом Познере, что годами убеждал с экрана западных телезрителей в Америке, Англии, Франции на своем безукоризненном английском и французском в преимуществах советского строя, в миролюбии советской политики, в том, что Сахарова сослали правильно, в Афганистан вторглись правильно, а в психушки никого, кроме сумасшедших, не сажают. Теперь же с не меньшей убедительностью, со слезой в голосе рассказывает, как он... безмерно страдал все эти годы. Ведь его — жутко подумать! — долго не пускали за границу, а вся его продукция шла только "на экспорт". Ему — *ему!* — не доверяли, не давали вести никакой программы на родном советском телевидении! И, конечно, ему приходилось лгать — а кому не приходилось? — отчего он страдал еще больше. Но — чего не сделаешь ради своего таланта. И в чем же талант? Да в том, что он лучше других умел лгать на своем безукоризненном английском, французском...

Надо сказать, Би-Би-Си постаралось на славу создать образ героя на крайне бедном материале. Задача отнюдь не простая — как если бы в 40-е сделать героический фильм об Эзре Паунде. Но уж очень им, видать, хотелось — ведь это, наверно, делали такие же познеры, только западные. Камера любовно показывает нам Познера на утренней пробежке, Познера с его американским близнецом Донахью, Познера дома, Познера молодого и Познера старого. Вот "его" школа в Нью-Йорке, где он учился мальчиком до репатриации в СССР; вот дом Познеров в самом сердце либерального Нью-Йорка, в Гринвич-Виллидже. Домик не слабый, по нынешним временам потянет на несколько миллионов, да и тогда стоил соответственно. Но все это счастье безвозвратно потеряно из-за проклятого маккартизма: Познер-старший, коммунист по убеждениям и гражданин СССР по паспорту, не пожелал расстаться с "серпастым-молоткастым", отчего — какая несправедливость! — потерял работу в крупной голливудской фирме. Пришлось ехать в СССР — страдать. И теперь при виде своей детской фотографии Познер... плачет. Да-да, плачет самыми настоящими слезами. Я даже записал этот фильм на видеокассету — ведь мне иначе никто не поверит. Буду, невзирая на авторские права, за плату показывать неверящим плачущего Познера, умилившегося собственной детской фотографии.

Но вот и кульминация — август 1991-го, танки на улицах Москвы, "Лебединое озеро" по советскому телевизору и — освобождение Познера. Кадры из фильма Формана "Полет над кукушкиным гнездом": всегда покорный индеец-гигант вырывает из пола тумбу и крушит ею окно. Свобода! Он решился, он порвал путы.

"Я не позволю себе поверить ни в человека, ни в правительство, ни в идеологию. Никогда больше!" — как всегда убедительно, на своем безукоризненном английском говорит он с экрана в заключение, словно старая потасканная шлюха клянется, что она больше никому, никогда, ни за что не даст. Благо никто больше и не просит. Причем тут вера? Ведь нам уже вроде бы объяснили: ни во что он не верил, он всю жизнь лгал и страдал...

* * *

Помилуйте, да ведь все они страдали, боролись, преследовались — так уж был устроен советский режим, суть которого не изменилась со времен Сталина. И те академики, что, расталкивая коллег локтями, рвались подписать письмо против Сахарова. А как же? Ведь те, кому подписать не удалось, пострадали — они не попали в число "ведущих советских ученых". И мой случайный собеседник, "сосланный" за вольнодумство послом в одну захудалую западную страну. И даже Андропов — только подумайте, сколько же ему пришлось вытерпеть от "идеологов" в политбюро! Все они боролись и страдали. Преследовали одних и преследовались другими, были и палачами, и жертвами одновременно. Но то, что жертвы, — теперь вспомнил каждый, а то, что палачи, — никто вспоминать не хочет.

А уж пуще всех страдала творческая интеллигенция, ежедневно "приносившая жертву" ради спасения своего таланта, своей науки, искусства, литературы... Да ведь в наши годы писателю просто требовалось чуть-чуть пострадать, чтобы талант его обратил на себя внимание, засверкал, заискрился. Не всерьез, конечно, а так, как писал Высоцкий: чтоб "в тридцать три распяли, но не сильно". Какой же это писатель, если его совсем-совсем не преследуют? Кто бы, скажите, вообще

знал, особенно на Западе, о существовании такого "поэта", как, например, член ЦК ВЛКСМ Евгений Евтушенко, если бы не его "авторитет" опального, преследуемого, "сердитого молодого человека"? А стоило это не дорого:

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР докладывает, что в N6 журнала "Юность" за 1977 год заверстана поэма Е.Евтушенко "Северная надбавка". Герой поэмы Петр Щепочкин длительное время работает на севере и, зашив в пояс свою "северную надбавку" в десять тысяч рублей, едет в отпуск. Он мечтает о том, как сядет в поезд "Владивосток — Москва" и "в брюшную полость" нальет себе пивка. (...)

Прогуляв в столице несколько "слипшихся" дней и став легче "на три аккредитива и тяжелей бутылок на сто пива" Петр Щепочкин решает навестить свою сестру Валю, работающую медсестрой в подмосковном городе Клину. Его, привыкшего швырять сотни и тысячи рублей, "ошеломила" встреча с сестрой, живущей вместе с мужем и ребенком в "окраинном" бараке на зарплату в сто пятнадцать рублей. Герой поэмы при этом горько размышляет

"...про множество вещей —
про эти сторублевые зарплаты,
про десятиметровые палаты,
где запах и пеленок и борщей.
Он думал — что такое героизм?
Чего геройство показное стоит,
когда оно вздымает гири ввысь,
наполненные только пустотою?"

Свой вывод он "формулирует" в словах, обращенных к старику-сторожу: "Воров боишься? Разберись, кто вор...", недвусмысленно тем самым намекая, что люди, получающие "сторублевую зарплату" и проживающие в "десятиметровых палатах", по сути дела обворованы.

На эти неприемлемые с нашей точки зрения моменты из поэмы Е.Евтушенко "Северная надбавка" обращено внимание заместителя главного редактора журнала "Юность" А.Дементьева в беседе с ним в Главном управлении 6 мая с.г. Тов. Дементьев согласился с этими замечаниями, но сказал, что редакция вряд ли сумеет внести в поэму нужные исправления, поскольку поэт якобы заявил, что он ни одной строчки в ней менять не будет.

Ну что значит — "ни одной строчки"? Ведь это ж все, как признал сам поэт, "геройство показное", "наполненное только пустотою". Конечно же, ЦК во всем разобрался, все поправил.

Главлит СССР (т.Романов) информирует о том, что в очередном номере журнала "Юность" (N6, 1977) готовится к публикации поэма Е.Евтушенко "Северная надбавка", в которой допущены серьезные идейно-художественные просчеты, искажающие нашу действительность.

В соответствии с поручением в Отделах пропаганды и культуры ЦК КПСС состоялась беседа с руководством журнала "Юность" (т.Дементьев) и Союза писателей СССР (т.Сартаков). Как сообщил т.Дементьев, при подписи в печать в текст внесены существенные поправки, учитывающие замечания Главлита. В ходе беседы редакции журнала было предложено продолжить работу по редактированию текста.

Вопрос о публикации поэмы Е.Евтушенко, с учетом проведенной работы по редактированию текста в целом, считали бы возможным оставить на окончательное решение редколлегии журнала "Юность". Было обращено внимание редакции (т.Дементьев) на необходимость неукоснительного соблюдения постановления ЦК КПСС "О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-художественный уровень публикуемых материалов и репертуара".

Правлению Союза писателей СССР (т.Сартаков) рекомендовано принять необходимые меры по укреплению редколлегии и аппарата редакции журнала "Юность".

Пожурили, поставили на вид — только и всего. И поэму напечатали, и на этап никто не поехал, но зато сколько шуму, разговоров — сам ЦК вмешался! Теперь и читатель зачитает журнал до дыр, и за границей появятся статейки сочувствующих журналистов о преследуемом правдолюбце Е.Евтушенко. Ну и, конечно, "авторитет" среди интеллигенции: он же не какой-нибудь там Долматовский, он опальный, сердитый...

Впрочем, и Евгений Долматовский тоже ведь не лыком шит, он тоже опальный и преследуемый.

В девятом номере журнала "Октябрь" за этот год опубликованы новые стихи поэта Е.Долматовского. Среди них — стихотворение "23 февраля 1973 года", посвященное празднованию дня Советской Армии и Военно-Морского Флота в наше время.

Система образов этого стихотворения такова, что, вместо раскрытия преемственной связи героических традиций советского народа и его вооруженных сил, она объективно ведет к противопоставлению сегодняшнего времени прошлому. В стихотворении содержатся двусмысленные образы и формулировки, бросающие, независимо от субъективных намерений автора, тень на современную жизнь. Е.Долматовский сетует, что "теперь салют сменился фейерверком. Не пушки, а одни хлопушки бьют".

Что касается преемственности в традициях советского общества, то автор считает: "Конечно, разноцветные ракеты салютам огнедышащим родня, но дальняя... И рыбы — предки наши!"

В Отделе пропаганды ЦК КПСС 12 сентября 1973 г. состоялась беседа с зам. главного редактора журнала "Октябрь" т.Строковым, в которой указано на ошибочность публикации этого стихотворения. Было обращено внимание редакции на повышение требовательности к идейному смыслу публикуемых материалов.

Так они и боролись — друг с другом, и страдали тоже друг от друга, в бесконечной борьбе за место у партийной кормушки. Спрашивается: и какая между ними разница? Почему мы должны отличать "правых" от "левых", "прогрессивных" от "реакционных" (а теперь еще и "демократов" от "патриотов", которые из них соответственно образовались), ежели они отличались не более, чем салют от фейерверка? Да они и сами это прекрасно понимали, а промеж собой и не слишком скрывали. Недаром ходила по Москве эпиграмма, якобы адресованная Долматовским Евтушенко:

Ты — Евгений, я — Евгений;
Ты не гений, я не гений;
Ты — говно, и я — говно,
Ты — недавно, я — давно.

Какая уж там борьба. Просто мазать друг друга говном — любимое занятие советской интеллигенции. И кто больше преуспел, кто ухитрился измазать всех остальных более толстым слоем — тот и лучше. Так они понимают самосовершенствование. В реальности же и те, и другие были всего лишь двумя разными частями одной и той же машины: одна работала "на экспорт", другая — для внутреннего потребления. Вот распорядился ЦК:

Руководство Французской компартии (ФКП) обратилось с просьбой о том, чтобы некоторые известные во Франции представители советской интеллигенции направили послание солидарности и симпатии французским коммунистам. Оно связывает эту акцию с митингом французской демократической интеллигенции, который состоится в г. Париже 30 января 1981 г. и рассматривается друзьями как манифестация поддержки Генеральному секретарю ФКП Ж.Марше...

И, давя друг друга, спешат расписаться под письмом, которое составил полуграмотный аппаратчик из международного отдела, самые прогрессивные да либеральные: и Трифонов, и Катаев, и Юткевич, и даже Тарковский. А как же? Должок-то отдавать надо, за привилегию быть "на экспорт" надо платить.

Мы выражаем горячую солидарность с вашей борьбой за расцвет национальной культуры, за развитие интернациональных творческих связей между работниками культуры всех стран, за мир, демократию и социализм. В наше время идеи свободы, равенства и братства неразрывно связаны с идеями социализма, который делает доступными для трудящихся все формы культуры и все достижения человеческого гения.

Подписывают и, заметьте, рожу не кривят, что, дескать, стиль дубовый, что "мы — писатели" написали бы лучше. Знают: зато им простятся некоторые стилистические вольности в их собственном творчестве. Цензура благодушно пропустит: там — недомолвку, здесь — намек. Советское "искусство", "литература", ими созданные, так и остались на уровне игры с цензурой, на уровне полунамеков, понятных лишь посвященным, которым полагалось с душевным трепетом восхищаться смелостью авторов. Все это дутые авторитеты, творения которых не пережили да и не могли пережить режима. Те же, кто его, без сомнения, пережил, никогда и не помышляли жертвовать своей совестью ради "спасения таланта". Такое не могло и в голову прийти ни Булгакову с Платоновым, ни Ахматовой с Мандельштамом, ни Солженицыну с Бродским.

Да, они были изгоями, аутсайдерами и — за исключением двух последних — при жизни не увидели своих основных работ изданными у себя на родине. Зато и не сидели в президиумах, не спасали человечество от войны, хором не пели. Я помню, как ребенком водил меня отец к умирающему Платонову (они знали друг друга по фронту), в его дворницкую. Мать сердилась:

— Что ж ты делаешь? У него же открытая форма туберкулеза, а ты ребенка туда таскаешь.

— Ничего, — сухо обрезал отец, — подрастет — гордиться будет.

И я горжусь: я видел человека, который предпочел работать дворником при Литературном институте, но лгать не стал даже в страшные сталинские годы. Его книжки я потом прочел все, какие смог найти. А что писали те, для кого он подметал дорожки, мне, право, не интересно. Поразительно: вид Платонова с метлой и лопатой ничему их не научил, хотя, без сомнения, был самым важным наглядным пособием во всей их учебной программе.

Слушая теперь стенания интеллигенции о том, как она страдала, вынужденная лгать, я недоумеваю: а почему непременно, любой ценой, надо было становиться писателями, профессорами, академиками? Талант здесь, как мы видим, ни при чем, с ним можно и дворником быть. Такой выбор имелся у каждого. Но нет, в дворники никто идти не пожелал, всем хотелось страдать комфортабельно. Всем требовалось благородное оправдание собственного конформизма.

Помню, как, выйдя из психушки в 1965 году, вдруг обнаружил, что все мои "оттепельные" друзья куда-то исчезли, словно растворились. А встреченные случайно на улице, непременно куда-то спешили с папочками и портфельчиками или еще лучше — с детской колясочкой. "Извини, старик, — бормотали они на ходу, не подымая глаз, — нужно вот диплом сперва защитить, диссертацию, кандидатскую получить". Или: "Нужно сперва детей вырастить". И трусили дальше, не глядя по сторонам. Казалось, целое поколение моих сверстников отгородилось от жизни папочками да колясочками, учеными степенями да книгами. Кого они думали обмануть? Себя, режим, своих детей? Разве в наше время, в отличие от 20-х — 30-х годов, кто-то не знал, не понимал, что любые их таланты и достижения будут использованы режимом только во вред людям? Разве непонятно было, что, не решив этих проблем, взваливать их на детей по меньшей мере бессовестно? Из них, как и из вас, просто сделают со временем или палачей, или жертв — ведь ничего другого этот чудовищный конвейер произвести не мог.

И точно: лет через двадцать этих самых детей, зачатых в самообмане, для оправдания собственного бесстыдства, погнали в Афганистан, чтобы убивать или быть убитыми. Тупо молчала страна, привычно трусили на службу, к своим книгам и диссертациям, их папы и мамы: даже и такая жертва не показалась им достаточно велика, чтобы потревожить их привычный мирок с его страданиями и авторитетами. Вот и долюбовались собой: теперь и книг, и докторских диссертаций, всего того интеллигентского самовыражения, коим и оправдывались, хоть пруд пруди, а страна гибнет. И нет в них ни тени раскаяния. Куда там! Виноват кто угодно, только не они.

Признаюсь, я не испытываю ни малейшего сочувствия к этим людям. Напротив, слушая теперь их нытье, их бесконечные жалобы на тяготы посткоммунистической жизни, в моей душе поднимается нечто наподобие злорадства:

"Ага, — думаю я, — вам голодно, вам нечего есть? А вот ваш диплом в толстых кожаных корочках, вот толстенная диссертация — жуйте их. Вам не платят зарплату четвертый месяц? А чем же вы всю жизнь занимались? Ах, книжки писали? Ну, так идите на улицу, продавайте их прохожим. Вам плохо? Но ведь раньше вам было хорошо? Так, значит, все в порядке — справедливость, наконец, восторжествовала".

Мне трудно избавиться от мысли, что нынешние их бедствия более чем заслужены. Ведь именно на них — не на фанатиках-коммунистах, коих в наши дни

была горсточка, и даже не на КГБ, не на стукачах, коих в наше время вполне можно было игнорировать, — на ***них*** держался этот режим лишних тридцать лет. На их самовлюбленном конформизме, на их самооправданиях, на их всеядности. И если с поколением наших родителей, переживших сталинское средневековье, еще можно спорить, когда они, словно заклинание, твердят свое триединое:

"***не знали — верили — боялись***"

— то аналогичное бормотание этих людей вызывает лишь насмешку:

Верили — во что? В то, что режим незыблем? Что его хватит на вашу жизнь?

Боялись — чего? Потерять свои привилегии, свое благополучие?

Не знали — чего? Что от расплаты друг за дружку не спрячешься?

12. Новый Чичиков и его "мертвые души"

Невозможно описать, в какой экстаз пришла советская интеллигенция от появления Горбачева с его "гласностью". Еще бы! На них ведь она и была рассчитана, им и адресовалась. Им да им подобным на Западе — всем тем, для кого ее появление было прежде всего оправданием их коллаборационизма:

— Вот видите? — торжествовали первые, — к чему был *нам* — *писателям* весь этот шум, эти "движения"?

— Вот видите, — вторили последние, — нужна была не конфронтация, а сотрудничество.

Пожалуй, не вспомнить другого такого момента в истории человечества, когда коллаборанты и конформисты вдруг оказались самыми большими героями. Страна захлебывалась от восторга собственной смелостью. Те самые газеты, что десятилетиями наполнялись ложью и оттого распространялись почти насильственно, раскупались теперь с утра; то же самое телевидение, которое уже и не смотрел никто, за исключением футбола или хоккея, глядели теперь за полночь, словно завороженные, и бежали утром на работу с красными глазами. Разве было на этих страницах, на этом экране хоть что-нибудь, чего бы все уже не знали и так, со времен Хрущева, по передачам западных станций или из самиздата? Наконец, от собственных родителей, друзей, соседей, дедушек и бабушек? Нет, конечно. Но — как смело! Как интересно!

Удивительное это было время — время лжи в кубе, лжи уже настолько извращенной, что и чистая правда становилась обманом. И те, кто писал-показывал, лгали, изображая из себя отважных первооткрывателей; и те, кто читал-смотрел, лгали, делая вид, что только теперь все это узнали. И завораживала их отнюдь не новизна информации, но тот факт, что ***теперь это можно***. Без малейшей иронии и при всеобщем восторге заговорили вдруг о "белых пятнах истории", о прошлых преступлениях режима. Да разве кто-то не знал о репрессиях, об уничтожении крестьян в коллективизацию, о Большом Терроре 30-х, о сговоре Сталина с Гитлером перед войной или о высылке целых народов после войны? Да ведь и семьи такой не было, где бы кто-то не пострадал или хотя бы не поучаствовал в этих событиях. Но раньше было — *нельзя*, а теперь — *можно*. И, затаив дыхание, каждый следил воспаленными глазами: а что еще будет можно завтра?

Между тем, десятилетия между Хрущевым и Горбачевым, их собственная жизнь,

продолжали зиять одним большим "белым пятном", никого особенно не волнуя своей девственной белизною. Нет, конечно, о них писалось и говорилось даже слишком много: и про "застой" в экономике, и про экологическую катастрофу, и даже про Венгрию с Чехословакией, а со временем и про Афганистан. Но все это было как бы не про них, а про марсиан. Они сами как бы и отношения не имели к происходившему. Они страдали — как Познер, были жертвами — как Евтушенко, боролись — как Андропов. Они "не знали — боялись — верили".

Характерно, однако, что, используя нашу терминологию, наши определения "застоя" и "правового государства", а иногда цитируя целые куски из самиздатских работ, никто из них ни разу даже не заикнулся о первоисточнике, о том, откуда появилось это странное слово — гласность. Будто бы и не было наших судов, наших книг, нашумевших обменов и высылок. Словно исчезли из жизни страны два десятилетия и жизнь началась заново, с нуля. И дело тут было даже не в том, что *еще нельзя*, а в том, что говорить об этом никто не хотел, понимая неизбежность вопроса:

— А что же в это время делали вы?

Более того, сознательно или бессознательно, но вся эта перестроечная публика люто нас ненавидела, так же, впрочем, как и возникшие из нее нынешние "демократы". Никогда не простят они нам того, что мы остались "чистыми", не жрали с ними из одной партийной кормушки, не искали тех компромиссов с совестью, что составляли их жизнь. Сам факт нашего существования разрушает их легенду: ведь если мы есть — значит, все-таки был выбор, значит, можно было жить иначе.

Забавный эпизод: в разгар их "гласности" весной 1987 года мы, десять живущих на Западе писателей, артистов, диссидентов, озверев от всей этой фантастической лжи, а в особенности — от западной эйфории, написали совместное письмо в газеты, чтобы хоть как-то отрезвить общественное мнение. Это ставшее потом известным "письмо десяти" появилось тогда в газетах большинства западных стран — в "Фигаро", в лондонском "Таймсе", в "Нью-Йорк таймс" и т.п. и совершенно неожиданно для нас — в "Московских новостях", тогдашнем самом "прогрессивном", перестроечном советском издании. Всего-то и сказали мы, притом в тоне крайне сдержанном, что рано восторгаться "реформами" Горбачева, пока они лишь только обещаны, да и обещаны-то в весьма туманной форме. Тем более, пока остается господствовать в стране людоедская идеология марксизма-ленинизма. Да и обращено было это письмо к Западу, не к ним, но, Бог мой, сколько же ругани обрушили на нас эти "либералы"! Столько и газета "Правда" не помещала в старое время: и "отщепенцы", и "махровые антисоветчики", и, конечно, "агенты ЦРУ". Сами же перепечатали (чтобы продемонстрировать подлинность своей "гласности"), сами же и испугались, а испугавшись, принялись ругаться, не постеснявшись даже использовать замшелые кагебешные шаблоны. Мне так и "штурмовые пятерки" тут же вспомнили.

А как же? Ведь мы осмелились затронуть "их гласность"! Мы — отщепенцы и предатели, покинувшие (!) Родину в поисках легкой жизни, в то время как они — остались страдать и бороться. Мы — враги Родины, а они — борцы за ее улучшение. Невероятно: они же теперь объясняли нам, что такое права человека!

Но чем больше они ругались — а по существу ответить им было нечего, — тем

больше расползалось по стране наше письмо, переписанное тысячами рук, перенятое со стенда "Московских новостей" у здания редакции. Это был, пожалуй, первый случай в нашей истории, когда материал попал в самиздат из официальной публикации. Пришлось партии защищаться всерьез. Уже не только "Московские новости", издававшиеся в основном для иностранцев да для узкого круга надежных "перестройщиков", но и все остальные "прогрессивные" издания, т.е. те, коим политбюро разрешало бежать чуть-чуть впереди прогресса, демонстрируя смелость, были вынуждены ввязаться в полемику, инспирировать "письма трудящихся" и "круглые столы" на своих страницах. И "Огонек", и "Новое время", и, наконец, сама "Правда" — все в лучших традициях яковлевской пропаганды времен наших судов. Скандал растянулся на многие месяцы, но чем больше они барахтались, тем больше влипали, как та муха на липкой бумаге. Это ли было не предвестие того, к чему только и могли привести их игры в "гласность"?

Между тем, ровно в то время, как "перестройщики" гневно клеймили нас на страницах своих "либеральных" изданий, — частным образом, через общих знакомых, передавались нам совсем иные упреки:

— Ну, что же вы, ребята, нас так подвели: "спровоцировали" напечатать свое письмо, а нам за это теперь попало. "Московские новости" вообще закрыть грозятся. За что же вы нас так? Мы же никому не мешаем, а обманываем только Запад. Мы-то с вами понимаем, что происходит.

И что ты им скажешь, коли "обманывать Запад", как и стучать на иностранцев, для них "нормально"? Выходит, мы же еще и виноваты: "подвели", "спровоцировали". Вроде как сказала мне одна моя соученица по школе много лет спустя:

— Ты даже не представляешь, как ты нас всех подвел!

— А что такое?

— Да как же! Из-за тебя мы стали интересоваться самиздатом, некоторые попались, еле-еле дали им университет закончить, диссертацию защитить...

— Ну, извини... — только и мог сказать я. А что мне было еще ответить? Правда ведь, не будь у них в памяти моего примера, жилось бы им всем гораздо счастливее.

Начиная свою хитрую игру в "гласность", Горбачев с Яковлевым прекрасно знали, что на родную советскую интеллигенцию они вполне могут положиться. Если их что и тревожило в тот момент, так это возможность нашего влияния; оттого они больше всего и заботились о том, как бы нас изолировать, отсечь. Причем заботы эти, как видно из документов, начались задолго до нашего "письма десяти" да и вообще задолго до "гласности".

Поступающие в Комитет госбезопасности СССР материалы свидетельствуют о том, что, осуществляя целенаправленные подрывные действия, имеющие целью дискредитировать курс партии на ускорение социально-экономического развития страны и дальнейшее совершенствование общественного процесса, противник особое внимание уделяет представителям советской творческой интеллигенции, и в первую очередь деятелям литературы и искусства, — докладывал глава КГБ Чебриков в июне 1986 года. — **Учитывая всеобщий подъем политической и трудовой активности в жизни нашей страны, западные спецслужбы и центры идеологической диверсии модернизируют формы и методы**

подрывной деятельности, направленные на "идейную деформацию социалистического общества", разжигание ревизионистских и оппозиционных настроений, пытаются столкнуть советских литераторов на путь отхода от принципов социалистического реализма и партийности литературы. Для достижения своих враждебных замыслов противник стремится внедрить в сознание творческой интеллигенции нигилистическую оценку всей практики социалистического строительства в СССР. Вновь "реанимируются" и выдвигаются на арену идеологической борьбы политические перерожденцы типа Солженицына, Копелева, Максимова, Аксенова, Владимова и им подобные, вставшие на путь активной враждебной деятельности. Многие из них стали прямыми участниками и исполнителями антисоветских провокаций и широкомасштабных пропагандистских акций. По заданиям спецслужб они ведут поиск единомышленников и пытаются устанавливать нелегальные каналы связи с негативно настроенными лицами из числа творческой интеллигенции нашей страны.

С учетом курса партии на дальнейшую демократизацию советского общества, противник стремится в первую очередь подвергнуть массированной обработке тех литераторов, которые и ранее допускали идейные шатания, не всегда выдерживали проверку на гражданскую зрелость и классовую убежденность, прямо или завуалированно ставили под сомнение правильность линии партии на коллективизацию, раскулачивание, борьбу с троцкизмом, национальную политику КПСС, заявляли об отсутствии социальной справедливости и творческой свободы у нас в стране, требовали "убрать цензуру" и вывести литературу и искусство из-под контроля партийных органов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что как раз эти вопросы излагались Солженицыным в 1967 году в провокационном письме IV съезду советских писателей, в поддержку которого тогда выступили 80 членов Союза писателей СССР. Среди них Рыбаков, Светов, Солоухин, Окуджава, Искандер, Можаев, Рощин, Корнилов.

Имеющиеся данные показывают, что весь последующий период эти писатели находились под пристальным вниманием спецслужб и центров идеологической диверсии противника. В настоящее время их идеологическая обработка значительно активизировалась как с позиций представительств капиталистических стран в Москве, так и в периоды выездов за рубеж по линии международного культурного обмена...

Противник пытается изобразить дело таким образом, что будто в настоящее время "в русской литературе, как и в русском общественном сознании, началась новая эпоха, гораздо менее зависимая от идеологической политики партии... Общественная мысль перешла к кардинальному переосмыслению всей духовной и исторической ситуации". С учетом этого спецслужбы выдвинули тезис о так называемом "единстве мировой русской культуры", пытаются навязать его представителям литературной общественности в СССР, пропагандируя свою идею слияния на основе "общих духовных установок и целей" творческого процесса художественной интеллигенции в нашей стране и бывших представителей, активно занимающихся на Западе антисоветской деятельностью и причисляемых к лику "гениев русской литературы в изгнании".

По имеющимся сведениям, отдельные советские литераторы в публичных

выступлениях и частных беседах высказываются за пересмотр отношения к личностям и творчеству ряда отщепенцев и настаивают на актуальности рассмотрения их произведений как неотъемлемой части "единой русской культуры". В частности, М.Рощин и Приставкин высказывают мнение о возможности возвращения Солженицына в СССР и целесообразности в ближайшем будущем публикации его "произведений" в нашей стране. В.Леонович в апреле сего года на собрании объединения московских поэтов публично призвал пересмотреть отношение к проживающим на Западе отщепенцам Войновичу и Бродскому. В марте 1986 года на вечере в Музее В.В.Маяковского он высоко отозвался о творчестве антисоветчика Галича, выразив недовольство тем, что "у нас не печатают его мужественные произведения". Окуджава, выступая на Всесоюзном семинаре ученых-славистов в пос. Нарва-Йыэсуу, Эстонской ССР, назвал Галича "первым по значимости среди бардов России".

За последнее время в различные инстанции поступали заявления и письма в защиту отдельных осужденных за противоправную деятельность лиц, которые активно использовались Западом во враждебных СССР целях, а их пасквили в настоящее время объявлены на Западе "неотъемлемой частью русской литературы". (...) Комитет госбезопасности СССР проводит необходимые мероприятия по противодействию подрывным устремлениям противника в среду творческой интеллигенции.

Вот это действительно ЦК тревожило. Не случайно сам Горбачев наложил резолюцию на докладе:

1. Разослать членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС.

2. Тт.Лигачеву Е.К. и Яковлеву А.Н. Прошу переговорить со мной.

А все эти десятки тысяч совписов — "левых" ли, "правых", "прогрессивных" или "реакционных" — со своею вечной междоусобной борьбой и показным фрондерством их вполне устраивали. Причем в любых комбинациях, какие только могли потребоваться партии:

ГОРБАЧЕВ. Давайте послушаем информацию т. Яковлева А.Н. о ходе работы съезда писателей СССР.

ЯКОВЛЕВ. В целом съезд писателей идет в русле партийных решений, но остро. В секциях даются резкие личностные характеристики. При этом дело доходит до крайностей. Поэт Куняев подрался с одним писателем. В прениях ставится вопрос о периодической сменяемости членов правления Союза писателей. Предлагается избирать их не более чем на два срока. Нынешних руководителей Союза писателей называют "детьми времени" и говорят, что пусть они уходят с этим временем. Зал встречает такие заявления овациями.

Руководство Союза писателей критикуется за келейность, недемократичность, бюрократизм. Подчеркивается отсутствие гласности в работе правления и руководства Союза писателей. Много говорится о необходимости покончить с "неприкасаемыми писателями", которые стоят вне критики.

Затрагивается тема семейственности. Критикуется нынешняя система авторских прав.

Вознесенский внес предложение просить ЦК КПСС определить отношение к принятому в свое время постановлению о журналах "Звезда" и "Ленинград".

Это предложение было встречено аплодисментами...

...Теперь о возможном составе нового руководства Союза писателей. Марков сейчас находится в больнице. Может быть, следует иметь в виду такой вариант: Марков — председатель правления, Бондарев — первый секретарь. Но вместе с тем можно было бы создать рабочее бюро в составе т.т.Быкова, Залыгина, Распутина, Айтматова и некоторых других писателей. Не следует сбрасывать со счетов т.т. Евтушенко, Вознесенского и Рождественского. При этом нужно учитывать, что общее настроение складывается так, что старый состав руководства может быть забаллотирован.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что нам не следует замыкаться на одном лице, не надо бороться за подведение черты при выдвижении кандидатур в состав правления.

ЯКОВЛЕВ. Если будет в список кандидатур для голосования выдвинуто дополнительно человек 10, то старое руководство может быть забаллотировано. В этом случае можно было бы иметь и запасной вариант: председатель правления — т.Залыгин, а первый секретарь — т.Карпов. Но и в этом случае было бы целесообразно создать рабочее бюро.

ГРОМЫКО. А сами писатели за какой вариант высказываются?

ЯКОВЛЕВ. Что касается первого варианта — избрание председателем т.Маркова, то нужно учитывать то обстоятельство, что он уже длительное время находится в руководстве Союза писателей, а этот момент подвергается критике.

ГОРБАЧЕВ. Конечно, избрание т.Маркова было бы лучшим вариантом. А как расценивается кандидатура т.Бондарева?

ГРОМЫКО. Это крупный писатель.

СОЛОМЕНЦЕВ. Он придерживается правильной линии.

ВОРОТНИКОВ. Можно было бы включить в состав т.Быкова и некоторых других.

МЕДВЕДЕВ. А т.Бондарева забаллотируют?

ЯКОВЛЕВ. Не должны.

ГОРБАЧЕВ. Если т. Марков не пройдет, то можно пойти на т.Залыгина. Но он в годах, силенки маловато. Наверное, все-таки крен нужно держать на т.Бондарева.

ЗИМЯНИН. А как быть с секретариатом правления Союза писателей?

ГОРБАЧЕВ. Пусть остается.

ЯКОВЛЕВ. Если мы будем ориентироваться на т.Бондарева как на первого секретаря, то об этом нужно было бы поговорить с т.Марковым.

ГОРБАЧЕВ. С т.Марковым надо говорить обо всем. Ему следует воздать должное. И если даже он не будет избран, то с ним нужно поступить по-доброму.

ЯКОВЛЕВ. А нужно ли говорить с т.Бондаревым?

ЛИГАЧЕВ. После избрания состава правления Союза писателей.

ГОРБАЧЕВ. Правильно. Ведь все равно избирать нужно из состава тех, кто будет избран членами правления. Филипп Денисович, какое Ваше мнение?

БОБКОВ (зам. председателя Комитета госбезопасности СССР). Если распространятся сведения об ориентации на т.Бондарева, то его могут не избрать.

Так что этот факт преждевременно огласке не предавать.

Что касается т.Бондарева, то это хорошая кандидатура.

СОЛОМЕНЦЕВ. Может быть не скрывать того факта, что будет смена руководства, но не говорить, кто имеется в виду для избрания персонально?

ГОРБАЧЕВ. Да, не следует ставить т.Бондарева под удар.

ЛИГАЧЕВ. Вообще-то говоря, смена руководства Союза писателей — это вещь назревшая.

ГРОМЫКО. Мы не должны смену руководства Союза писателей воспринимать болезненно. Важно, чтобы новое руководство было творческим, авторитетным. Ведь было время, когда Союза писателей не существовало, а авторитеты в литературе все равно были.

ГОРБАЧЕВ. Конечно, следует учитывать общее настроение в пользу обновления руководства. Драматизировать это не следует. Прав Егор Кузьмич, что освежение состава руководства Союза писателей — вещь назревшая. Давайте договоримся в первую очередь ориентироваться на то, чтобы т.Марков был избран председателем, а т.Бондарев — секретарем. Нужно использовать для этого возможности нашего влияния. Ведь на съезде будет заседание партийной группы?

ЯКОВЛЕВ. Да.

ГОРБАЧЕВ. Давайте исходить из этого, а т.Яковлев А.Н. пусть идет на съезд.

В результате т.Марков стал председателем, а секретарем — "запасной вариант" т.Карпов, отставной генерал-майор и патриот, слывший больным либералом. Но сколько же было восторгов — и на Востоке, и на Западе — по поводу революционных перемен! Так начиналась новая эра — их гласность.

* * *

Слов нет, "гласность и перестройка" были дьявольским изобретением: на них ведь купилась не только вечно готовая продаться советская интеллигенция — купился весь мир. Да и как было не купиться на "молодого, энергичного" генсека, еще и заговорившего о "реформах", после череды унылых, неулыбчивых кремлевских стариков, после их бесконечных похоронных процессий, а пуще всего — после напряжения внезапно вернувшейся в начале 80-х "холодной войны" с ее гонкой вооружения, "движением за мир" и кризисами. Кому же не хотелось верить, что все это позади? И, сколько ни объясняй людям, что советская система — не монархия, а генсек — не царь, кто же в ту пору не желал удачи новому царю-реформатору? Из сотен тысяч политиков, журналистов, академиков лишь крошечная горстка сохранила достаточно трезвости, чтобы не поддаться соблазну, и еще меньшая горстка решалась сказать вслух о своих сомнениях.

Но разве кто-нибудь хотел слушать?

Между тем, достаточно было поглядеть на Горбачева, услышать в оригинале его неправильную, корявую и бессмысленную речь, эту бесконечную околесицу мелкого партийного чиновника — перевод сильно ее скрашивал, — чтобы раз и навсегда избавиться от иллюзий и наваждений. Достаточно было самого поверхностного знания советской системы, чтобы этих иллюзий не иметь изначально: не мог подняться по ступенькам партийной лестницы либерал-реформатор. Чу-

дес не бывает.

Но всем так хотелось чуда!

На скептика бросались с яростью, как на врага, на убийцу будущего человечества.

— Молчи! Не спугни...

Словно все мы вдруг оказались соучастниками одного всемирного заговора, сказать о котором вслух значит предать заговорщиков, разбудив задремавшего врага.

— Тсс... Тихо. Лишь бы не проснулся...

Да ведь ровно так и оценила советская пресса (а с нею — и советская интеллигенция) наше "письмо десяти": как "донос на свой народ" ("Правда"), как "попытку убить перестройку" ("Московские новости"). Поневоле забеспокоишься: да что ж такое эта "перестройка", если ее можно убить невзначай одним словом сомнения? Помилуйте, донос — кому? Где же притаился этот незримый враг? На Западе? На Востоке? Кого из чувства любви к родине надлежало нам всем обманывать? Уж точно не политбюро — они ведь эту политику и придумали.

Но в том и состояла гениальность этого изобретения, что никакие логические доводы на людей не действовали. Это был своего рода массовый психоз, сродни миротворческой истерии начала 80-х, вдобавок инспирированный ровно теми же кремлевскими манипуляторами. Конечно, не самим Горбачевым — этим провинциальным аппаратчиком, способным разве что на мелкое жульничество. Юрий Любимов, блестящий режиссер, с профессионально острым глазом на типажи, очень точно подметил поразительное сходство нового генсека с классическим типом русского мошенника:

— Да это же вылитый Чичиков — господин приятный во всех отношениях!

И правда, посмотрите забавы ради у Гоголя описание его бессмертного героя:

"*В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж не так, чтобы слишком молод...*"

Чем не Горбачев? Только пятна на лбу не хватает.

За эту округлую приятность его и сделали генсеком — как наиболее подходящего исполнителя грандиозного "оперативно-чекистского мероприятия", задуманного и разработанного мастером этих дел Андроповым еще в конце правления Брежнева. Не случайно говорили тогда чекисты некоторым особо доверенным деятелям из числа "либеральной" интеллигенции:

— Погодите, не торопитесь. Вот покончим с диссидентами, умрет Брежнев, и наступят большие перемены...

Да ведь и сам Горбачев не скрывал этого под конец, когда процесс уже вышел из-под контроля и многие стали упрекать его за непродуманность реформ. Как, мол, не продумали? — возмущался он. Очень даже продумали, причем задолго до 1985 года, — сто десять исследований и разработок было тогда представлено в ЦК различными мозговыми трестами. "Все они относятся к периоду, когда до апрельского Пленума было еще далеко", — сказал Горбачев, выступая перед "деятелями науки и культуры" в январе 1989 года.

И то сказать, разве мог секретарь захудалого крайкома, только к 1978 году попавший в ЦК, да и то на должность куратора сельского хозяйства, додуматься

до такого дьявольского плана, столь точно рассчитанного на психологию западного истеблишмента? Он и на Западе-то не бывал до 1984 года, то есть до того момента, как его стали активно готовить к роли генсека. Нет, тут чувствовалась рука мастера дезинформации, 15-летний опыт шефа КГБ, его вера в заговор как двигатель истории. Кто ж еще мог придумать инсценировку в Москве гибрида "пражской весны" с ленинским нэпом? Кому еще могло прийти в голову создать видимость политического плюрализма средствами КГБ?

Да и само это словечко — перестройка — тоже ведь шедевр пропаганды. Поди, пойми, что это значит? Целые библиотеки книг и исследований написаны на Западе на эту тему, а весь мир, точно стая попугаев, старательно выговаривал, ломая язык: per-re-stroi-ka!

А ведь, казалось бы, так просто: ПЕРЕ-стройка в строительстве — то же, что и перелицовка одежды. Ничего нового не предполагает: тот же материал, да не запачканной еще изнанкой наружу. Тот же социализм, только с новым фасадом. Вот они и "перестраивали" концлагерь социализма в большую потемкинскую деревню. Конечно же, такую операцию не специалист по сельскому хозяйству придумал: в потемкинских деревнях урожаев не собирают.

Теперь, когда это "мероприятие" с треском провалилось, стало известно, как создавались фиктивные "партии", гебешные "народные фронты" и всякие ультранационалистические пугала вроде "Памяти". Недавно А.Н.Яковлев признался, что даже Жириновского выдумал КГБ с одобрения политбюро в 1989 году. Но истинным шедевром была, конечно, легенда о борьбе в политбюро "реформаторов" и "консерваторов", благодаря которой весь мир "спасал Горбачева" целых семь лет! И как спасал! Одних кредитов и займов — то бишь денег западных налогоплательщиков — выдоил Горбачев у Запада за это время 45 миллиардов долларов. Не считая Нобелевской премии мира самому себе. Теперь же хватились — ни единого цента найти не могут. Где, в каких швейцарских банках они осели — Бог весть.

Вспоминая это время, я не могу избавиться от чувства физической тошноты. Мир готов был оправдать все: и спровоцированный Москвой карабахский конфликт, и резню в Тбилиси в мае 89-го, и кровавую вакханалию в Баку в 90-м, и даже провокации советских спецчастей в Прибалтике в январе 91-го, хотя эти последние каждый мог видеть по телевизору. Будто бы хоть кто-то, даже отдаленно знакомый с советской системой, не знал, что ни одно это событие не могло свершиться вопреки воле генсека. Но — лишь бы не кончился золотой сон перестройки, лишь бы "консерваторы" не съели "реформаторов" в политбюро. Гибли тысячи людей, а мир волновало только одно: ах, как бы это не "повредило Горбачеву".

Поразительно: человек, сосредоточивший в своих руках больше власти, чем Сталин и Мао Цзэдун вместе взятые, воспринимался как жертва, как гонимый оппозиционер. Есть ли другой такой пример в истории? Сюжет был практически неисчерпаем: то — "борьба за наследие", то — "борьба за власть"; то одни имена "врагов перестройки", то другие услужливо разносили по свету сотни тысяч журналистов, наблюдателей, "экспертов". Независимо от того, понимали они или нет, что служат каналами дезинформации, навсегда останется на их совести тяжкий грех. И даже теперь, когда все это уже очевидно, ни один из них не покаялся.

Напротив, они теперь на самом верху, как, например, Строб Талбот, сделавший Горбачева "человеком десятилетия" в журнале "Тайм", а ныне — главный зодчий отношений с Востоком у президента Клинтона.

И где же эта борьба? Вот передо мной протокол заседания политбюро 11 марта 1985 года, на котором Горбачев был избран генсеком. Избран, заметьте, *единогласно*. Это длинный и скучный документ, состоящий из сплошных панегириков, произносимых присутствующими по очереди. Поэтому я не стану его приводить целиком, ограничусь лишь речами тех, кого чаще всего называли конкурентами Горбачева на этот пост, врагами его политики, "консерваторами", "реакционерами":

ГРИШИН. Мы сегодня решаем исключительно важный вопрос. Речь идет о продолжении дела партии, о преемственности руководства. Генеральный секретарь ЦК — это человек, который организует работу Центрального Комитета. Поэтому на таком посту должно стоять лицо, которое отвечает самым высоким требованиям. Оно должно обладать и знаниями, и принципиальностью, и опытом, и, кроме того, очень большой терпимостью. Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, в какой-то мере предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам. На мой взгляд, он в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК. Это широко эрудированный человек. Он окончил юридический факультет Московского университета и экономический факультет сельскохозяйственного института. У него большой опыт партийной работы. Поэтому я думаю, что у нас нет и не может быть другого предложения, кроме предложения о выдвижении М.С.Горбачева для избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается нас, то мы каждый на своем посту будем активно его поддерживать.

РОМАНОВ. Михаил Сергеевич Горбачев прошел богатую школу жизни. Он начал с низовой работы в комсомольской, потом партийной организации. И здесь проявилось его качество организатора и руководителя масс. Я по своей прежней работе могу сказать, что партийный актив высоко оценивает деятельность М.С.Горбачева. Он эрудированный человек. Например, он очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Причем не только разобрался, но и начал нащупывать пути решения многих проблем, связанных с внедрением научно-технических достижений в производство. Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма. Ход этой комиссии задает т.Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются Комиссией.

В своей работе Михаил Сергеевич очень требователен. Но эта его требовательность сочетается с активной помощью людям, с доверием к ним. Поэтому я считаю, что он будет полностью обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с теми обязанностями, которые будут на него возложены.

ЧЕБРИКОВ. Ход сегодняшнему нашему разговору задал Андрей Андреевич Громыко. Он очень правильно сказал, что мы должны смотреть в будущее.

Это умение смотреть в будущее, может быть, сейчас важнее всего. Мне также исключительно импонировали слова А.А.Громыко о необходимости сохранения и укрепления единства Политбюро, Центрального Комитета, всей нашей партии в целом. И сегодня, когда мы говорим о Генеральном секретаре ЦК КПСС, мы должны четко оценить, кто тот человек, который сможет выполнить эту сложнейшую задачу. И я уверен, что Михаил Сергеевич Горбачев с этой задачей с честью справится. За эти качества т.Горбачева очень ценили Л.И.Брежнев, Ю.В.Андропов и К.У.Черненко.

Лидер нашей партии должен обладать хорошей теоретической и практической базой. Можно было бы сослаться на ряд статей и выступлений Михаила Сергеевича. Но я назову лишь его выступление на состоявшейся недавно Всесоюзной теоретической конференции. Я думаю, что все из нас заметили, насколько это было смелое и сильное выступление.

Михаил Сергеевич Горбачев — контактный человек. Он умеет прислушиваться к другим, с пониманием относится к затрагиваемым проблемам. А проблем у нас в стране много. И для решения их требуется человек, который хорошо понимает эти проблемы, человек, обладающий большой работоспособностью и эрудицией. Такая эрудиция и работоспособность у М.С.Горбачева есть в полной мере.

Идя сегодня на Пленум, я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру т.Горбачева М.С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа. Что касается нас, то мы со своей стороны постараемся работать на высоте задач, которые стоят перед Комитетом государственной безопасности. Сплоченный чекистский коллектив сделает все, чтобы еще лучше работать во главе с Политбюро ЦК КПСС, которое будет возглавлять новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев.

ДЕМИЧЕВ. Я скажу очень кратко. Уверен, что мы делаем сегодня совершенно правильный выбор. Михаила Сергеевича Горбачева хорошо знают в нашей стране. Его неплохо знают и за границей. О том, что он умеет работать за рубежом, убедительно показали его поездки в Англию, Канаду, в Народную Республику Болгарию.

ГРОМЫКО. И в Италию тоже.

ДЕМИЧЕВ. У Михаила Сергеевича Горбачева есть чувство нового, есть широкая эрудиция и организаторский талант. Это обаятельный человек. Ведь не секрет, что после смерти Ю.В.Андропова он занимался всеми вопросами работы Центрального Комитета, но особенно много сделал в области развития нашего агропромышленного комплекса. Без преувеличения можно сказать, что к нему потянулись наши ученые, творческая интеллигенция, писатели. Вообще это вполне достойный человек для такого высокого поста.

ЛИГАЧЕВ. Прежде всего я хочу отметить очень важный зачин, который сделал здесь А.А.Громыко. Михаил Сергеевич Горбачев, несомненно, обладает всеми чертами крупного политического деятеля. Причем у него в запасе еще

очень много интеллектуальных и физических сил. Важно также отметить, что для М.С.Горбачева характерен большой азарт в работе, стремление к поиску в малых и больших делах, умение организовать дело. А это, как вы понимаете, имеет огромное значение для всей партийно-организационной работы, для улучшения ее стиля и методов. Эта работа охватывает кадровую политику, деятельность Советов, профсоюзов, комсомола, и с ней хорошо знаком Михаил Сергеевич Горбачев, который пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом. Мне об этом сегодня говорили многие секретари обкомов и крайкомов партии. Выдвижение М.С.Горбачева вызовет чувство гордости в нашем народе, поднимет авторитет Политбюро ЦК КПСС.

И так — все присутствующие члены политбюро, секретари ЦК (отсутствовал один Щербицкий, находившийся с визитом в США и не успевший к началу заседания). И где же "борьба за престолонаследие"? Ни единого намека, ни тени сомнения. Откуда же, скажите, взялись эти слухи (и даже утверждения) о том, что Горбачева выбрали чуть ли не меньшинством голосов? Но, быть может, идея перестройки была для них неожиданностью? Быть может, она и вызвала впоследствии "борьбу за власть"? Напротив, собравшиеся отлично знают, какой план предстоит осуществлять новому генсеку: потому и подчеркивают энергию, "новаторство" своего кандидата, стоящие перед страной проблемы. Похоже, вопрос о наследии вообще давно предрешен, возможно еще при Андропове, а происходящее 11 марта — всего лишь пустая формальность.

Более того, просмотрев десятки протоколов заседаний горбачевского политбюро, я не нашел ни малейших следов "борьбы" вообще. Конечно, у них возникали разногласия, сомнения, даже споры, связанные с конкретными проблемами, как они возникали и при Брежневе. Скорее их было меньше, а протекали они уж точно менее остро, чем у Андропова с "идеологами". Уж если кто и был из них "консервативен", так это сам Горбачев, всегда занимавший осторожную позицию. Но зато "неприятные" проблемы поручались вполне сознательно тем, кому создавали репутацию консерваторов, а "приятные" — "реформаторам". Тому много примеров, некоторые даже забавны:

ГОРБАЧЕВ. Один вопрос я отложил. Его внес по моему поручению т.Долгих. Вот его записка (читает). Это вопрос о возвращении ледоколу "Л.Брежнев" его прежнего наименования "Арктика". А новый ледокол назвать "Л.Брежнев".

ЗАЙКОВ. Там уже заложена табличка: "Л.Брежнев".

АЛИЕВ. Спускать, "Л.Брежнев", но сообщение не публиковать.

РЫЖКОВ. Это надо сделать в один день без телевидения.

ГОРБАЧЕВ. Поручим т.т.Лигачеву и Зайкову продумать все и внести предложения.

И еще один вопрос. (Читает письмо Аллилуевой). Конечно, спешка в решении о ее приезде была. Первое желание — пусть едет, но, может быть, не торопиться, побеседовать.

ЧЕБРИКОВ. Первые письма были хорошие, с благодарностью. Здесь же — 50 процентов проблем, о которых она вообще не говорила. Сегодня ночью ее увезли в больницу с сердечным приступом.

ГОРБАЧЕВ. Надо выяснить мнение ее дочери и встретиться на высоком

уровне. Если мне, то потребуется оценивать Сталина, Сталинград и т.д. Я сам из такой семьи. Дяде подорвали здоровье. Пять детей у матери из беднейшей семьи. Я медаль получил за сочинение "Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет!" Может, поэтому целесообразнее встречу получить тов. Соломенцеву М.С.?

ГРОМЫКО. А может быть, тов. Лигачеву Е.К.?

ЧЕБРИКОВ. В письме многое подтасовано. Никто ее не обижал.

ГОРБАЧЕВ. Поручим встретиться тов. Лигачеву.

Как видно, он и сам до конца не мог определить, из какой же он все-таки семьи? Из той, что пострадала, или из той, что навеки осталась в полете юности?

Впрочем, смешного во всем этом мало. Слишком дорого обошлись их игры всем нам.

13. Души живые

Конечно, при такой масштабной имитации демократии основной задачей для властей было не упустить инициативу, не дать консолидироваться *реальной оппозиции* — пример польской "Солидарности" должен был маячить у них перед глазами мрачным напоминанием. А потому, прежде чем создавать свои "фронты", надо было сперва окончательно добить оппозиционные группы, сложившиеся за 20 лет борьбы с режимом. И прежде всего — доломать упрямых зэков, лишить их морального авторитета, заставить "идейно разоружиться". В то же время никак нельзя было рассчитывать и на успех на Западе, не избавившись от проблемы политических заключенных: слишком уж она очевидна.

Вопросом этим будущий лауреат Нобелевской премии мира занялся сразу же после прихода к власти. Внешне 1985 год никакой высшей милостью отмечен не был — аресты и преследования, напротив, даже усилились. Оно и понятно: сначала надо было "очистить" страну от потенциальных оппозиционеров. Так, в докладе главы КГБ Чебрикова лично Горбачеву о проделанной его ведомством работе за 1985 год в числе прочего сообщается:

В отчетный период органы госбезопасности активизировали борьбу с идеологическими диверсиями классового противника. Чекисты повсеместно участвовали в работе партийных органов по устранению различных негативных процессов и явлений, совершенствовали предупредительно-профилактическую деятельность.

В результате принятых мер сорваны планы спецслужб противника в более широких масштабах инспирировать в нашей стране враждебную деятельность антиобщественных элементов.

В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других городах предупреждены и пресечены подрывные идеологические акции нескольких сот эмиссаров и функционеров зарубежных антисоветских националистических, сионистских и клерикальных организаций. Из них 300 выдворены, 322 закрыт въезд в СССР. (...)

На стадии зарождения на Украине, в прибалтийских республиках, некоторых других местах выявлено и ликвидировано 25 нелегальных националистических группирований. Пресечены попытки создания ряда нелегальных групп

просионистскими элементами. 28 наиболее активных инспираторов враждебной деятельности привлечены к уголовной ответственности. Своевременно принятыми мерами предупреждено формирование на идейно ущербной основе 93 молодежных группирований.

За враждебную деятельность и другие правонарушения привлечено к уголовной ответственности 11 находившихся на нелегальном положении церковно-сектантских главарей, пресечена противоправная деятельность многих религиозных экстремистов, ликвидировано несколько печатных точек, перевалочных баз и складов литературы. В результате принятых мер прекращена деятельность на территории среднеазиатских и северокавказских республик около 170 подпольных "школ" по обучению детей религии, ряд сектантских общин склонен к легализации.

Разыскано *1275* авторов и распространителей анонимных антисоветских и клеветнических материалов, *97* из них привлечены к уголовной ответственности. (...)

Органы КГБ активно участвовали в деятельности партии и государства по воспитанию у советских людей высокой политической бдительности, уважения к праву и закону, вели большую работу по предупреждению преступных, антигосударственных деяний, политически вредных процессов и явлений. Осуществлены предупредительно-профилактические меры в отношении *15271* человек.

Гуманное отношение к заблуждающимся советским гражданам сочеталось с твердым и решительным пресечением преступных действий враждебных элементов. Привлечено к уголовной ответственности: за особо опасные государственные преступления — *57* человек, иные государственные преступления — *417*, другие преступления — *61*. Расследование дел проводилось при строгом соблюдении уголовно-процессуальных норм, под надзором органов прокуратуры. (Цифры, выделенные курсивом, вписаны от руки).

Однако одновременно увеличилось и давление на заключенных с целью заставить их раскаяться, отказаться от своих взглядов. Это давление продолжало расти весь 1985 и 1986 годы, достигнув своего апогея к концу 1986-го. Горбачев явно торопился: с началом гласности проблему нужно было решать срочно.

ГОРБАЧЕВ. Я попросил Виктора Михайловича рассказать о том, что за люди у нас отбывают наказание за преступления, которые западная пропаганда квалифицирует как политические.

ЧЕБРИКОВ. Согласно нашему законодательству эти преступления являются особо опасными государственными преступлениями. Всего за совершение указанных преступлений привлечены к ответственности и отбывают наказание 240 человек. Это лица, осужденные за шпионаж, переход государственной границы, распространение враждебных листовок, валютные махинации и т.д. Многие из этих лиц заявили о своем отказе от продолжения враждебной деятельности. Свои заявления они связывают с политическими изменениями после апрельского Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии.

Представляется, что можно было бы вначале одну треть, а затем и половину этих лиц из заключения освободить. В этом случае отбывать наказание остались бы лишь те лица, которые продолжают оставаться на враж-

дебных нашему государству позициях.

ГОРБАЧЕВ. Представляется, что это предложение можно было бы поддержать.

ЧЕБРИКОВ. Мы сделаем это разумно. Для того, чтобы быть уверенными, что указанные лица не будут продолжать заниматься враждебной деятельностью, за ними будет установлено наблюдение.

ЩЕРБИЦКИЙ. Чем объясняется, что к уголовной ответственности за совершение особо опасных государственных преступлений привлекается сравнительно немного лиц, перестройкой?

ЧЕБРИКОВ. Это объясняется тем упором, который органы КГБ делают на проведение профилактической работы. Многие лица выявляются, если можно так сказать, на подходе к грани, за которой следует уголовно наказуемое деяние. Для воздействия на них используются как возможности органов КГБ, так и общественности.

ГРОМЫКО. Какие преступления являются самыми опасными и какое наказание за них назначается?

ЧЕБРИКОВ. Шпионаж. Мера наказания за него — расстрел или 15 лет лишения свободы.

За шпионаж расстреляли Полищук. Вчера приведен в исполнение приговор в отношении Толкачева.

ГОРБАЧЕВ. Американская разведка щедро расплачивалась с ним. У него обнаружено 2 миллиона рублей.

ЧЕБРИКОВ. Этот агент выдал противнику очень важные военно-технические секреты.

ГОРБАЧЕВ. Давайте условимся о том, что соображения, высказанные тов. Чебриковым, в принципе одобряем. Пусть КГБ вносит предложения в установленном порядке.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Согласны.

Заметьте, как старательно сваливают они в одну кучу и валютчиков, и шпионов, и политических оппонентов. Можно подумать, они не понимают разницы. Как бы не так! Кто же это "отказался от продолжения враждебной деятельности в связи с апрельским Пленумом"? Уж точно не валютчики со шпионами. Но, видно, так легче — не все называть своими именами.

Соответственно, к концу года "в установленном порядке" вносятся "предложения":

В последние годы (...) удалось парализовать противоправную деятельность организаторов, инспираторов и активных участников нелегальных группирований: "хельсинских групп", "Свободного межотраслевого объединения трудящихся", Русской секции "Международной амнистии", "Фонда помощи политзаключенным" и других, которые противник рассматривал как "силы, способные привести к изменению существующего в СССР государственного и общественного строя, — докладывали руководству Чебриков, Рекунков, Теребилов и Кравцов в декабре 1986 года. — **За период 1982—1986 гг. более *100* человек отказались от продолжения противоправной деятельности и встали на путь исправления. Отдельные из них (...) выступали по телевидению и в газетах с публичными**

заявлениями, разоблачающими спецслужбы Запада и бывших единомышленников.

В 1986 г. Президиумом Верховного Совета СССР и Президиумами Верховных Советов союзных республик по представлению органов КГБ, прокуратуры и суда *21* человека были освобождены от дальнейшего отбытия наказания. *4* осужденным наказание в виде лишения свободы было заменено ссылкой. Подавляющее большинство из них правильно восприняли принятые в отношении них решения, за исключением Ратушинской, которая, выехав на Запад по частным делам, продолжает выступать с враждебными заявлениями.

В настоящее время за совершенные преступления по вышеуказанным статьям отбывают наказание *301* и находятся под следствием *23* человека. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что происходящие после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии изменения в нашем обществе повлияли на образ мыслей и поведение части из тех, кто в свое время оказался под воздействием буржуазной пропаганды и враждебно настроенных элементов, совершил противоправные действия и понес наказание. Один из них осознали вред, нанесенный ими интересам общества, другие — придерживаются выжидательной позиции. Ряд лиц не изменил своих антисоветских взглядов.

В нынешних условиях демократизации всех сторон общественной жизни, крепнущего единства партии и народа представляется возможным рассмотреть вопрос об освобождении в порядке помилования из мест лишения свободы и ссылки определенной части осужденных, а также от уголовной ответственности — находящихся под следствием лиц, совершивших упомянутые выше преступления.

Лицам из указанной категории можно было бы предложить обратиться с заявлением в Президиум Верховного Совета СССР о недопущении ими впредь враждебной и иной противоправной деятельности. При получении заявлений освободить единовременно таких лиц от отбывания наказания или от уголовной ответственности по представлению Прокуратуры СССР, Верховного суда СССР, Минюста СССР, МВД СССР и КГБ СССР в порядке помилования Президиумом Верховного Совета СССР. (...) Не освобождать от наказания особо опасных рецидивистов, а также лиц, которые продолжают оставаться на явно враждебных позициях, откажутся дать письменные заверения о прекращении антиобщественной деятельности.

Такие меры позволили бы отказавшимся от продолжения противоправной деятельности занять свое место в обществе, а с другой стороны, выявить и тех, кто ранее под лозунгом борьбы за "демократизацию" и "права человека" лишь прикрывал антисоветскую сущность своих устремлений.

Принятие положительного решения по данному вопросу даст политический выигрыш, еще раз подчеркнет гуманизм Советской власти. При осуществлении указанных мер мы можем встретиться с рецидивами антиобщественной деятельности, однако это, по нашему мнению, не должно привести к серьезным негативным последствиям. (Цифры, выделенные курсивом, вписаны от руки).

Так горбачевская "демократизация" начиналась с выкручивания рук политзаключенным под аккомпанемент восторженных дифирамбов на Западе. Конеч-

но, непосвященной публике трудно понять, что это значило: три месяца неотапливаемого ПКТ посреди зимы, 400 грамм хлеба, горячая пища через день, а раз-два в неделю — офицер КГБ с его неизменным вопросом:

— Ну как, усвоили смысл апрельского Пленума ЦК?

Да ведь и это еще не все — давили на родственников, грозили новым сроком. Бывали и случаи избиения. Чекистской фантазии не было предела — некоторых переодевали в гражданскую одежду, везли домой показать, как хорошо на воле. А под конец — все тот же вопрос:

— Ну что, готовы написать заявление?

Эта жестокая игра настолько возмутила Толю Марченко, что он объявил бессрочную голодовку, требуя безусловного освобождения всех политзэков, проголодал больше трех месяцев и погиб. Но даже и такая крайняя форма протеста Запад не отрезвила. Наступали на редкость бессовестные времена.

Однако смерть Марченко встревожила политбюро: убивать в их планы не входило. Да и резонанс на Западе, какой-никакой, а все же был. Пришлось "ускорить" процесс освобождения, уменьшить давление, снизить требования. Освобождать стали по любому заявлению, даже без обещания "отказаться от антиобщественной деятельности", лишь бы попросил о помиловании.

На 15 января 1987 года отбывали наказание за преступления, предусмотренные статьями 70 и 190[1] Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик, 288 человек, — докладывали Чебриков и генеральный прокурор Рекунков лично Горбачеву в феврале 1987 года. — **Из них в исправительно-трудовых учреждениях за антисоветскую агитацию и пропаганду (статья 70) — 114 человек, за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (статья 190[1]) — 119 человек, в ссылке осужденных по указанным статьям находилось 55 человек.**

Во исполнение Постановления ЦК КПСС N47/54 ОП от 31 декабря 1986 года Прокуратурой и Комитетом госбезопасности СССР организована необходимая работа среди этой категории лиц.

В результате 51 человек обратился с письменным заявлением о недопущении впредь противоправной деятельности. Президиумом Верховного Совета СССР принято решение о их помиловании.

Вновь поступило на рассмотрение 13 заявлений. С остальными осужденными работа продолжается и в феврале будет завершена.

Кроме того, под следствием находилось по статье 70 — 4 человека, дела по ним прекращены. По статье 190[1] — 17 человек, дела в отношении которых прекращаются.

В исправительно-трудовых учреждениях и ссылке находятся 25 особо опасных рецидивистов, осужденных по этим статьям, на которых не распространяется установленный инстанцией порядок освобождения от наказания.

Представляется возможным провести с ними, на строго индивидуальной основе, воспитательную работу. Тех, кто твердо встал на путь исправления, осудил прошлую преступную деятельность и заявит о недопущении ее впредь, представить к помилованию на общих основаниях. (...)

Что касается отбывающих наказание по статье 142 (нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви) Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик (10 человек), занимавшихся организацией нелегальных подпольных типографий, инспирацией антиобщественных проявлений среди верующих и незаконным приобщением детей к религии, то представляется целесообразным и в данном случае при получении от них заявлений об отказе в дальнейшем от противоправной деятельности представлять материалы к помилованию на общих основаниях.

Особую категорию составляют лица (96 человек), совершившие правонарушения, предусмотренные перечисленными статьями уголовных кодексов, в состоянии невменяемости и направленные по определению судов на принудительное лечение. В соответствии с установленным порядком о медицинском переосвидетельствовании их дважды в год те из них, кто по состоянию здоровья не представляет более общественной опасности, переводятся в психиатрические больницы общего типа или под наблюдение родственников. В настоящее время, в частности, по медицинскому заключению от принудительного лечения освобождается ряд лиц (Гершуни, Первушин, Клебанов и другие).

Такие доклады, как сводки с поля боя, продолжали поступать на стол Горбачеву чуть не каждый месяц до середины 1987 года. Последний, что мне довелось увидеть, датирован 11 мая — в нем сообщаются, между прочим, такие цифры:

В связи с решением инстанций в порядке частного помилования в марте-апреле с.г. освобождено 108 человек, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, и 64 человека, отбывавших наказание за совершение преступления, предусмотренного статьей 190[1] УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

На 1.05.1987 г. продолжали отбывать наказание 98 человек из этой категории осужденных (в местах лишения свободы 78 и в ссылке 20 человек), в том числе 24 рецидивиста и 74 пока отказывающиеся дать обязательства о прекращении преступной деятельности.

Под конец произошло то, чего мы больше всего опасались: освобождали (и даже без заявлений) только тех, о ком знали, за кого заступались на Западе. Их чаще всего на Запад и выгоняли, лишая гражданства. Но ни интереса, ни возмущения это уже ни у кого не вызывало. Напротив, восторгались либеральностью Горбачева, его неустанной борьбой с "консерваторами". Так и войдет теперь в историю, что вот, дескать, реформатор Горбачев освободил политических заключенных. Не всех сразу, постепенно, поскольку "сопротивлялись консерваторы" в политбюро, но ведь освободил.

На самом деле, последних политзэков освободил уже Ельцин в феврале 1992 года.

* * *

Конечно, Горбачев не мог долго дурить даже придурковатый Запад, не решив вопроса с Сахаровым, все еще находившимся в ссылке. Этой проблемой он тоже занялся вскоре после прихода к власти, задолго до провозглашения своей гласности:

ГОРБАЧЕВ. ...В конце июля с.г. ко мне с письмом обратился небезызвестный Сахаров. Он просит дать разрешение на поездку за границу его жены Боннэр для лечения и встречи с родственниками.

ЧЕБРИКОВ. Это старая история. Она тянется вот уже 20 лет. В течение этого времени возникали разные ситуации. Применялись соответствующие меры как в отношении самого Сахарова, так и Боннэр. Но за все эти годы не было допущено таких действий, которые нарушали бы законность. Это очень важный момент, который следует подчеркнуть.

Сейчас Сахарову 65 лет, Боннэр — 63 года. Здоровьем Сахаров не блещет. Сейчас он проходит онкологическое обследование, так как стал худеть.

Что касается Сахарова, то он как политическая фигура фактически потерял свое лицо и ничего нового в последнее время не говорит. Возможно, следовало бы отпустить Боннэр на 3 месяца за границу. По существующему у нас закону можно на определенный срок прервать пребывание в ссылке (а Боннэр, как известно, находится в ссылке). Конечно, попав на Запад, она может сделать там заявление, получить какую-нибудь премию и т.д. Не исключено также, что из Италии, куда она собирается поехать на лечение, она может поехать и в США. Разрешение Боннэр на поездку за границу выглядело бы гуманным шагом.

Возможны два варианта дальнейшего ее поведения. Первый — она возвращается в Горький. Второй — она остается за границей и начинает ставить вопрос о воссоединении семьи, то есть о том, чтобы Сахарову было дано разрешение на выезд. В этом случае могут последовать обращения государственных деятелей западных стран, да и некоторых представителей коммунистических партий. Но мы Сахарова не можем выпустить за границу. Минсредмаш (министерство среднего машиностроения, т.е. атомной промышленности) против этого возражает, поскольку Сахаров в деталях знает весь путь развития наших атомных вооружений.

По мнению специалистов, если Сахарову дать лабораторию, то он может продолжить работу в области военных исследований. Поведение Сахарова складывается под влиянием Боннэр.

ГОРБАЧЕВ. Вот что такое сионизм.

ЧЕБРИКОВ. Боннэр влияет на него на все 100 процентов. Мы рассчитываем на то, что без нее его поведение может измениться. У него две дочери и один сын от первого брака. Они ведут себя хорошо и могут оказать определенное влияние на отца.

ГОРБАЧЕВ. Нельзя ли сделать так, чтобы Сахаров в своем письме заявил, что он понимает, что не может выехать за границу? Нельзя ли у него взять такое заявление?

ЧЕБРИКОВ. Представляется, что решать этот вопрос нужно сейчас. Если мы примем решение накануне или после Ваших встреч с Миттераном и Рейганом, то это будет истолковано как уступка с нашей стороны, что нежелательно.

ГОРБАЧЕВ. Да, решение нужно принимать.

ЗИМЯНИН. Можно не сомневаться, что на Западе Боннэр будет использована против нас. Но отпор ее попыткам сослаться на воссоединение с семьей

может быть дан силами наших ученых, которые могли бы выступить с соответствующими заявлениями. Тов. Славский (министр среднего машиностроения) прав — выпускать Сахарова за границу мы не можем. А от Боннэр никакой порядочности ожидать нельзя. Это — зверюга в юбке, ставленница империализма.

ГОРБАЧЕВ. Где мы получим большие издержки — разрешив выезд Боннэр за границу или не допустив этого?

ШЕВАРДНАДЗЕ. Конечно, есть серьезные сомнения по поводу разрешения Боннэр на выезд за границу. Но все же мы получим от этого политический выигрыш. Решение нужно принимать сейчас.

ДОЛГИХ. Нельзя ли на Сахарова повлиять?

РЫЖКОВ. Я за то, чтобы отпустить Боннэр за границу. Это — гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно, будет шум. Но и у нас появится возможность влиять на Сахарова. Ведь сейчас он даже убегает в больницу для того, чтобы почувствовать себя свободнее.

СОКОЛОВ (министр обороны СССР). Мне кажется, что эту акцию нужно сделать, хуже для нас не будет.

КУЗНЕЦОВ. Случай сложный. Если мы не разрешим поехать Боннэр на лечение, то это может быть использовано в пропаганде против нас.

АЛИЕВ. Однозначный ответ на рассматриваемый вопрос дать трудно. Сейчас Боннэр находится под контролем. Злобы у нее за последние годы прибавилось. Всю ее она выльет, очутившись на Западе. Буржуазная пропаганда будет иметь конкретное лицо для проведения разного рода пресс-конференций и других антисоветских акций. Положение осложнится, если Сахаров поставит вопрос о выезде к жене. Так что элемент риска тут есть. Но давайте рисковать

ДЕМИЧЕВ. Прежде всего я думаю о встречах т.Горбачева М.С. с Миттераном и Рейганом. Если отпустить Боннэр за границу до этого, то на Западе будет поднята шумная антисоветская кампания. Так что сделать это, наверное, лучше будет после визитов.

КАПИТОНОВ. Если выпустим Боннэр, то история затянется надолго. У нее появится ссылка на воссоединение с семьей.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, поступим так: подтвердим факт получения письма, скажем, что на него было обращено внимание и даны соответствующие поручения. Надо дать понять, что мы, мол, можем пойти навстречу просьбе о выезде Боннэр, но все будет зависеть от того, что будет делать за рубежом Боннэр. Пока целесообразно ограничиться этим.

В результате, как известно, и Сахаров пообещал не проситься за границу, и Боннэр — не делать политических заявлений, а поездка прошла без всяких инцидентов.

Это всего лишь один эпизод в той игре, которую вело политбюро вокруг Сахарова. На протяжении 1985–1986 гг. Горбачев пристально следит за всем, что касается ссыльного ученого: ему лично пересылает КГБ записи прослушанных разговоров, куски украденных КГБ "Воспоминаний", которые пытался писать в то время Андрей Дмитриевич. В июне 1986 года политбюро вновь возвращается к теме Сахарова в связи с его письмом Горбачеву, где критикуется вся практика

политических преследований. Объясняясь по этому поводу, Чебриков, в частности, сообщает:

Следует отметить, что количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за указанные преступления, незначительно и имеет тенденцию к снижению. В настоящее время в исправительно-трудовых учреждениях и ссылке отбывают наказание за антисоветскую агитацию и пропаганду 172 человека, за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, — 179 человек, за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви — 4 человека. Указанные в письме Сахарова двенадцать человек (Марченко, Осипова, <Иван> Ковалев, Некипелов, Шиханович и другие) осуждены за совершение конкретных преступных деяний, подпадающих под действие норм уголовного законодательства, и в строгом соответствии с законом. (...) Отдельные лица из числа отбывающих наказание, в том числе и упомянутые в письме Ковалев, Осипова, Шиханович, в результате систематической воспитательной работы осудили свои действия, заявили о раскаянии и отказе от проведения в дальнейшем противоправной деятельности. (...)

Поднятые Сахаровым вопросы обусловлены, видимо, заблуждениями, которые усиливаются постоянным негативным влиянием его жены Боннэр.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным письменный ответ Сахарову не давать. Можно было бы поручить ответственному работнику Прокуратуры СССР провести с ним обстоятельную беседу, в которой дать аргументированные ответы на затронутые в его письме вопросы.

Проблема Сахарова и проблема политзаключенных были неразрывно связаны: одну без другой решить было нельзя, а решение одной автоматически предопределяло решение другой. Поэтому основной принцип решения — освобождать только "идейно разоружившихся" — был сохранен и тут. Представляя по поручению ЦК свои "предложения в отношении Сахарова", глава КГБ Чебриков, член политбюро Лигачев и президент Академии наук СССР Марчук писали:

Решение о необходимости пресечения враждебной деятельности Сахарова было вызвано тем, что он на протяжении длительного времени проводил подрывную работу против Советского государства. Подстрекал агрессивные круги капиталистических государств к вмешательству во внутренние дела социалистических стран, к военной конфронтации с Советским Союзом, инспирировал выступления против политики Советского государства, направленной на разрядку международной напряженности и мирное сосуществование. Вместе с тем Сахаров предпринимал меры по организационному сплочению антисоветских элементов внутри страны, подстрекал их к экстремистским действиям, пытался установить контакты с антисоциалистическими группами в ЧССР, солидаризировался с чехословацкими "хартистами" и представителями польского так называемого "Комитета общественной самозащиты", призывал их к организационному объединению для проведения антисоциалистической деятельности.

Но вот, благодаря мерам воздействия мудрого КГБ, поостыв в Горьком и, главное, в отсутствие жены Сахаров взялся-де за ум, опять стал интересоваться наукой, "критиковал американскую программу "звездных войн", позитивно ком-

ментировал мирные инициативы советского руководства, объективно оценивал события на Чернобыльской АЭС".

Указанным изменениям в поведении и образе жизни Сахарова по-прежнему настойчиво противодействует Боннэр. Она по существу склоняет мужа к отказу от научной деятельности, направляет его на изготовление провокационных документов, заставляет вести дневниковые записи с перспективой издания их за рубежом. Однако, несмотря на это, представляется целесообразным продолжить усилия по привлечению Сахарова к научной работе, что полезно уже само по себе и может способствовать удержанию его от активного участия в антиобщественной деятельности.

В этих целях представляется возможным в настоящее время решить вопрос о возвращении Сахарова в Москву, так как дальнейшее пребывание его в Горьком может вновь подтолкнуть его к активизации антисоветской деятельности, если учесть к тому же отрицательное воздействие на него жены и продолжающийся интерес к так называемой "проблеме Сахарова" со стороны Запада.

При этом хочется верить и в заявление Сахарова о том, что он по возвращении в Москву готов отойти от общественной деятельности. (Курсив мой. — *В.Б.*)

Возвращение Сахарова в Москву может вызвать и некоторые негативные моменты, учитывая антисоветскую направленность Боннэр, ее явное стремление провоцировать Сахарова на конфронтацию с нами, нескрываемое желание сотрудничать с противодействующими нашей политике кругами Запада. Их квартира может вновь стать местом всякого рода пресс-конференций с участием иностранных журналистов, местом встречи антиобщественных элементов, выработки заявлений и требований негативного характера. Сам Сахаров вряд ли воздержится от участия в делах по так называемой "защите прав человека". Но и при наличии всего сказанного возвращение Сахарова обойдется в настоящее время меньшими политическими издержками, чем продолжение его изоляции в Горьком. При этом имеется в виду, что по линии Комитета госбезопасности будут осуществляться меры по нейтрализации возможных негативных проявлений.

В конечном счете, и Сахаров, и "помилованные" политзэки возвращались не как победители и даже не как невинно репрессированные, а как "нейтрализованные" и милостиво прощенные. Не возникало и речи об их реабилитации, как, например, было при Хрущеве. Решение опять же было продиктовано партийной "целесообразностью", необходимостью уменьшить "издержки". Какая уж там "победа демократии" — это была победа политбюро, победа их "гласности".

Да и сами "помилованные" знали, что это поражение: написавшие заявление, по каким бы причинам они это ни сделали, все равно признавали таким образом чекистскую "целесообразность". "Отказавшись от деятельности", можно было и с самого начала не садиться. Режим ничего другого от нас и не требовал. И те, кто это сделал, получили вознаграждение, стали депутатами, "политическими деятелями", а те, кто отказался, — остались "антиобщественными элементами". Разве кто-то не понимал, от какой деятельности требуется отречься, если это открывало путь к... общественной деятельности? Разве напоминал Горбачев Сахарову о его

обещании "отойти от общественной деятельности", приглашая его широким жестом открыть свой "Съезд народных депутатов" весной 1989 года?

Так кончилось наше движение, расколовшись на тех, кто взялся "поддерживать Горбачева", и тех, кто отказался служить ширмой генеральному секретарю ЦК КПСС в его играх. И даже тех из нас, кто был изгнан на Запад, режим быстренько разделил на "хороших" и "плохих" диссидентов: на тех, кто "признал перестройку", и тех, кто ее не признал. (Как эмигрантов в 20-е годы — на тех, кто "признал революцию" и тех, кто не признал ее.) "Признавших" стали пускать в страну, печатать статьи в газетах об их героическом прошлом; о "непризнавших" молчали, точно нас и не было. Только советские дипломаты при встрече стали зазывно улыбаться и вполне искренне огорчаться, видя наше "застойное" недоверие.

Конечно, одним из первых пожаловал Синявский, "они — писатели" собственной персоной, объяснил публике с важностью, "им — писателям" присущей:

"*У меня всегда были лишь стилистические разногласия с Советской властью*".

Бог мой, сколько ж в этой фразе было жеманства, снобизма и — мерзости. Ведь это говорилось об ублюдках, замучивших миллионы людей и, как мы теперь с грустью видим, загубивших страну. Любопытно, а с Гитлером у него тоже "стилистические" разногласия? И в чем же они? В каком же стиле предпочли бы "они — писатели" убивать живых людей?

С Горбачевым, которого он объявил "диссидентом N1", не было уже, видать, разногласий ни в синтаксисе, ни в грамматике.

— Скажите, а почему вы не возвращаетесь? — спрашивали меня перестроечные журналисты с неподдельным удивлением. И трудно было понять, чего в этом вопросе больше: глупости или подлости.

14. Последние попытки

Однако мало было доломать старую оппозицию — требовалось еще не допустить и создания новой.

Группа лиц (...) пытается провести 10-14 декабря сего года в Москве так наз. "семинар независимых общественных организаций стран — участниц хельсинского процесса по гуманитарным вопросам".

...Возглавить секции намереваются Григорьянц, Ковалев, Богораз-Брухман, Черновол, Айрикян и другие, в прошлом судимые за антисоветскую деятельность и помилованные в текущем году Указом Президиума Верховного Совета СССР. Председателем "подготовительного комитета" объявил себя Тимофеев.

Распространяется "обращение", в котором устроители "семинара" демагогически заявляют, в частности, о необходимости создания международных гарантий, обеспечивающих выполнение государствами-участниками (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) своих обязательств в области прав человека, а также "выработки методов международного контроля за выполнением решений по гуманитарному аспекту СБСЕ".

...Вопросы подготовки "семинара" постоянно муссируются на сборищах названных лиц в Москве с участием иностранных корреспондентов. В компа-

нии с ними члены "пресс-клуба Гласность" не скрывают стремления к объединению антиобщественных элементов в нашей стране и их притязаний на ведущую в этом роль.

Происходит это не в 1968 и не в 1977 году, а в 1987-м, в разгар восхваляемой Западом "перестройки", но руководит "мерами по пресечению" все тот же Александр Яковлев, изобретатель партийной "глазности".

В целом очевидно, что речь идет о подготовке провокации, которая по замыслу организаторов и их зарубежных инспираторов в любом случае должна принести дивиденды: если "семинар" удастся, то это придаст вес "Гласности" и создаст своего рода прецедент; если же проведение будет пресечено, то будет повод поднять антисоветскую шумиху, тем более что затея приурочена к Дню прав человека 10 декабря и совпадает со сроками проведения советско-американской встречи на высшем уровне.

В этих обстоятельствах предлагается действовать следующим образом:

— На обращение устроителей "семинара" в Исполком Моссовета насчет аренды помещения дать отрицательный ответ, пояснив, что впредь до разработки соответствующего законодательства действует положение Исполкома Моссовета от 11 августа 1967 г., принятое в интересах обеспечения государственного и общественного порядка, в котором, в частности предусматривается обязательство соблюдать Конституцию СССР, другие законодательные акты. К тому же "пресс-клуб Гласность" не зарегистрирован официально, и непонятно, по какому праву он претендует на организацию международных мероприятий. Можно полагать, что при отказе от аренды помещений "семинар" будет собран на частных квартирах, однако пропагандистский эффект в этом случае будет значительно снижен;

— Аналогичную мотивировку следует применить при отказе в выдаче виз тем иностранным гражданам, которые запросятся на "семинар". Нельзя исключить вместе с тем, что определенное число иностранцев прибудет в качестве туристов и что в сборище примут участие некоторые западные журналисты, аккредитованные в Москве;

— Учитывая, что одна из главных целей устроителей "семинара" состоит в том, чтобы спровоцировать скандал, воздержаться на данном этапе от мер пресечения в их отношении;

— Если устроители не примут во внимание решение Моссовета, дать им предупреждение по линии Прокуратуры о противоправности приготавливаемого мероприятия.

Вместе с тем возникает вопрос не только об административных, но и политических методах нейтрализации деятельности подобных антиобщественных элементов. Как показывает первый опыт действий в условиях демократизации, наиболее перспективной оказывается кропотливая индивидуальная работа, проводимая советскими, партийными и общественными организациями, в том числе по месту жительства, с применением в случае необходимости дифференцированного подхода, разоблачением в средствах массовой информации подлинного лица этих "правозащитников".

Что же изменилось? Тот же Яковлев, тот же КГБ, те же "меры", тот же произвол. Только теперь симпатии мира не на нашей стороне, не наша гласность

теперь побеждает. Никто не хочет видеть, что торжествует не демократия, а "демократизация", не рынок, а "рыночный социализм". Даже Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган. Западная пресса взахлеб пишет обо всех этих чекистских "фронтах" и прочих "общественных организациях", их западные "коллеги" спешат установить с ними деловые контакты, а западные фонды — снабдить их техникой и средствами. Спорить, объяснять бесполезно: на тебя смотрят как на самозванца, на мошенника, стремящегося из своекорыстных соображений отобрать средства у достойных людей, в отличие от тебя борющихся с "консерваторами" у себя дома за демократию. А ты кто такой? Что ты здесь, на Западе, делаешь?

Да и что им объяснять? Что горбачевская "глазность унд перестройка" — гигантское "оперативно-чекистское мероприятие"? Что все эти "фронты" — чекистские игры? В лучшем случае, на тебя посмотрят, как на сумасшедшего: ведь "даже Рейган и Тэтчер" так не считают. Ведь "сам Сахаров" поддерживает Горбачева...

И что ты им ответишь? Что эта игра на то и рассчитана? Что ее цель — не дать сформироваться действительно независимым общественным силам? Да ведь западный истеблишмент это вполне устраивает: как раз "независимых" он больше всего и боится. Оттого диссиденты никогда и не получили реальной поддержки Запада ни до, ни во время, ни после перестройки:

— Вы неконтролируемы, — говорили мне вполне откровенно те, от кого такая поддержка зависела. Чем не трогательное единодушие западного истеблишмента и политбюро: всем им хотелось "контролируемой революции", оттого и наплодили они марионеточных "революционеров".

Конечно, горбачевское политбюро отлично все это понимало. Для того-то и создавали они свои "общественные организации", чтобы нас "нейтрализовать". Вот и в связи с "семинаром по правам человека" они постановляют в числе прочих мер:

МГК КПСС (т.Карабасову Ю.С.) совместно с Комиссией международного сотрудничества по гуманитарным проблемам и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество (т.Бурлацкому Ф.М.) вести с привлечением партийных, комсомольских, советских и других организаций систематическую работу по нейтрализации деятельности антиобщественных группировок типа "пресс-клуба "Гласность"", включая разоблачение подлинного лица этих "правозащитников" в средствах массовой информации".

Для того и создавались эти "Комиссия" и "Комитет" во главе с партийным "либералом" Бурлацким, чтобы уж никакая "хельсинская" деятельность из-под контроля не вышла.

В соответствии с принятым решением осуществлены меры по противодействию реализации антиобщественными элементами поддержанного империалистическими спецслужбами и зарубежными подрывными центрами замысла о проведении провокационной акции — так называемого "семинара независимых общественных организаций — участниц хельсинского процесса по гуманитарным вопросам" и создании на его основе постоянного органа контроля за соблюдением прав человека в СССР, — гордо сообщали в ЦК об успешно проделанной работе главные организаторы перестройки Яковлев, Шеварднадзе, Чебриков,

Добрынин и др. — **В целях локализации этой политической провокации в Москву не были допущены представители ряда зарубежных антисоветских формирований, проживающие на Западе отщепенцы из числа бывших советских граждан, члены польской "Солидарности", группы "Мир и права человека" (ГДР), а также инспираторы националистических и иных антиобщественных проявлений Айрикян (Армения), Черновол, (...) Горынь, Гель (Украина), Садунайте (Литва) и некоторые другие.**

Принятые меры позволили в определенной степени сузить круг участников так называемого "семинара", не допустить организационного объединения враждебно настроенных лиц с антисоциалистическими элементами в других соцстранах и сорвать попытку создания постоянно действующего центра в Советском Союзе. Не получив разрешения на использование государственных помещений для проведения семинара, провокаторы разошлись по частным квартирам и образовали секции... Возглавляли их Тимофеев, Григорьянц, Богораз-Брухман, Ковалев, Гамсахурдиа, Огородников и другие в прошлом судимые за антисоветскую деятельность лица. В целом им удалось втянуть в провокационную акцию около 180 советских граждан (в том числе свыше 40 человек из 30 других городов страны). Большинство из них, как установлено, ранее принимали участие в противоправной деятельности, за что привлекались к уголовной ответственности, поддерживали и поддерживают контакты с зарубежными подрывными организациями.

И что же эти криминальные люди, враги прогресса, говорили? Почему нельзя было даже в условиях горбачевской гласности дать им провести свой семинар? Быть может, они поддерживали "консерваторов", выступали против демократизации?

Сборища на частных квартирах имели антисоветскую направленность. Так, например, Тимофеев ("пресс-клуб "Гласность") в своем выступлении подчеркнул: "Семинар должен показать мировой общественности наличие в СССР большого числа людей, недовольных социалистическим строем..." Крочик ("группа доверия") призвал к созданию в стране "свободных профсоюзов". Огородников ("Бюллетень христианской общественности"), утверждая, что "СССР — тоталитарное государство", высказался за необходимость борьбы за расширение роли церкви в политической и общественной жизни страны. Новодворская (группа "Демократия и гуманизм") заявила: "Необходима политическая ненасильственная борьба с правительством СССР. Основная цель нашего движения — постоянная оппозиция правительству. Требование многопартийной системы в стране". Мясников (бюллетень "Гласность") говорил, что "половина населения СССР проживает в нищете, в стране много миллионов безработных и существует рабский труд, 25% населения не имеет жилья. В СССР якобы не соблюдается ни одного конституционного права".

Выступления ряда участников содержали призывы добиваться неограниченного права на выезд и въезд в страну, отказ от воинской службы, свободную передачу любой информации за рубеж. Обсуждались также вопросы противодействия органам советской власти, политике КПСС, создания механизма влияния на выработку внутренне и внешнеполитических решений правительства.

То есть ничего особенно нового по сравнению с тем, что и так уже писала "перестроечная" пресса, там не говорилось. Но — не те люди, не "контролируемые". И, хотя, как признают авторы, "в целом провокационная акция осталась малозамеченной советскими гражданами", пресекать ее необходимо и впредь, ибо "не вызывает сомнения тот факт, что ее организаторы продолжат свою подстрекательскую деятельность":

Отделом пропаганды и Международным отделом ЦК КПСС совместно с МИД и КГБ СССР предусматривается выработать дополнительные меры по разоблачению враждебного провокационного характера деятельности организаторов и участников указанной акции, а также по предотвращению подобных акций в будущем.

Это была, пожалуй, единственная серьезная попытка объединить независимую оппозицию внутри страны. Что они могли сделать — горстка людей пред лицом всей гигантской машины удушения, без средств, при полном равнодушии (а то и враждебности) и Запада, и собственного общества? Кому нужны были их самодельные журналы, малотиражные газетки, если любой перестроечный орган издавался миллионными тиражами? Времена, когда одно слово правды было сильнее ядерной сверхдержавы, канули в лету: теперь все говорили "правду", много разной "правды", и притом одновременно. Только слушай! Советская перестроечная пропаганда научилась врать вразнобой, создавая многогласность "социалистического плюрализма". И, сколько ни напрягай связки, твой голос оставался лишь одним из многих, твоя правда — одной из множества. Разве их всех перекричишь?

Более того, уж если раньше человек ухитрялся найти себе оправдание, лишь бы избежать конфликта с властью, то теперь и искать было не надо. Зачем, скажите, лезть на рожон, под дубинки ОМОНа, ради правды 100-процентной, если за 75% можно стать государственным мужем с персональной машиной? Куда торопиться, если то, что сегодня *нельзя*, завтра станет *можно*? Особенность горбачевской "демократизации" состояла в том, что контролируемым позволяли гораздо больше того, за что неконтролируемых разгоняли с беспримерной жестокостью.

Комитетом государственной безопасности СССР получены данные о том, что экстремистски настроенные участники так называемого семинара "Демократия и гуманизм" (...) планируют провести 30 октября сего года провокационную демонстрацию.

Эту акцию они замышляют осуществить под лозунгом "Требуем освободить всех политзаключенных", "Требуем политической амнистии", "Реабилитировать узников совести", "Прекратить удушение свободной мысли", "Отменить статьи 70, 72 и 190[1] УК РСФСР".

С целью придания провокации массового характера ими намечается распространение "объявления" и "декларации участников демонстрации за освобождение политических заключенных в СССР". Ее устроители рассчитывают на участие лиц, ранее отбывавших наказание за антисоветскую деятельность и находившихся по приговору народных судов на принудительном лечении. О времени и месте проведения акции ими оповещены иностранные корреспонденты. Ожидается появление там туристов из западных стран.

Организаторы намереваются обратиться в исполком Моссовета за получением официального разрешения на проведение демонстрации.

Комитетом госбезопасности совместно с Министерством внутренних дел принимаются меры по недопущению замышляемой провокации.

А в это же время и политзаключенных вроде бы освобождают, и уголовный кодекс собираются пересматривать, но демонстрация по этому поводу — "провокация экстремистов", ее запрещает Моссовет, разгоняет милиция. (По сообщению "Русской мысли" от 6 ноября 1987 г., около 25 человек были задержаны еще до демонстрации и развезены по разным отделениям, где пробыли более трех часов.) Обыватель недоумевает: зачем же драться с полицией на площадях за то, о чем можно написать в официальной прессе? Напугана интеллигенция: "Ах, как бы это не повредило Горбачеву!" Недоуменно разводит руками Запад, приписывая все проискам "консерваторов" в политбюро. Где уж тут было образоваться единой, сплоченной оппозиции? Даже те немногие, кто пытался ее создать, понимая, что в одиночку — смерть, разбрелись по своим республикам, разбились на кучки. Но и в таком практически безвредном виде режим не мог их потерпеть. При всем хаосе перестроечных лет, при всех хитроумных зигзагах Горбачева неизменным и последовательным оставалось только одно: не допустить формирования действительно независимых общественных структур, не дать консолидироваться реальной оппозиции. Даже за два года до краха, рекомендуя создать специальное "Управление КГБ по защите конституционного строя", тогдашний глава КГБ Крючков докладывал своему главнокомандующему:

...спецслужбы и подрывные центры противника переводят свою деятельность против СССР на новую стратегическую и тактическую платформу. (...) Путем оживления национализма, шовинизма, клерикализма (...) пытаются инспирировать очаги общественной напряженности, антисоциалистические проявления и массовые беспорядки, подстрекать враждебные элементы к действиям, направленным на насильственное свержение советской власти. С особой настойчивостью они стремятся сформировать легальные и нелегальные группирования антиконституционной направленности, осуществлять непосредственное руководство ими, оказывать материальную и идейную поддержку, подстрекать к экстремистским акциям. (...)

В таком же русле осуществляют свою противоправную деятельность антисоциалистические элементы. Используя некоторые из самодеятельных образований, вызванных к жизни политической активностью граждан, прикрываясь лозунгами демократизации, обновления советского общества, они в антиконституционных целях ведут работу по созданию *оппозиционных КПСС* структур (курсив мой. — *В.Б.*), **других организованных группирований.**

Даже отмена 6-й статьи Конституции, в результате которой такие попытки перестали быть "антиконституционными", не изменила этой "генеральной линии" горбачевских реформ. Вплоть до конца под прессингом КГБ оставались любые независимые "группирования", в том числе и те, что вполне были готовы на какие-то формы сотрудничества с перестроечной властью. Скажете, случайность? И обманутый "консерваторами" Михаил Сергеевич об этом не ведал? Как бы не так.

По полученным данным, подстрекаемые из-за рубежа антиобщественные

элементы из числа так называемых "правозащитников" и еврейских националистов планируют провести в Москве в первой декаде сентября международный семинар на тему "КГБ и перестройка".

Организаторы семинара, маскируясь процессом гласности и демократизации, ставят своей целью "дискредитировать Комитет государственной безопасности СССР" путем привлечения к его "деятельности и преступлениям" внимания широких кругов советской и международной общественности. Предусматривается, в частности, публичное обсуждение таких докладов: "Функция КГБ в эпоху нового мышления", "Роль КГБ в кризисных ситуациях", "Монополия на информацию", "Преодоление таинства и страха перед КГБ", "КГБ и национально-демократическое движение в СССР", "КГБ и антисемитизм". В качестве спонсоров рассматриваются возможности таких организаций, как "Международная амнистия" и "Международная хельсинская федерация", достаточно проявивших себя в качестве "защитников прав человека в социалистических странах".

Для участия в семинаре планируется пригласить известных западных политических деятелей и советологов, в том числе З.Бжезинского и Р.Пайпса, а также бывших граждан нашей страны Алексееву, Буковского, Гинзбурга, Орлова, Плюща и других, занимающихся за рубежом антисоветской деятельностью. Предполагается, что в семинаре примут участие известные "правозащитники" Григорьянц и Тимофеев, представители "национально-демократических" движений Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии, Прибалтики и Украины, "авторитеты" из числа крымских татар и религиозных деятелей.

Организаторы семинара намерены направить приглашения Чебрикову, Крючкову, Сухареву, начальнику УВИР МВД СССР, народным депутатам СССР Адамовичу, Афанасьеву, Власову, Гдляну, Иванову, Коротичу, писателю Семенову, поэту Дементьеву, бывшим Председателям КГБ Семичастному и Шелепину, (...) а также редактору газеты "Московские новости", телевизионным программам "Взгляд" и "Пятое колесо".

На докладе стоит резолюция:

Это мероприятие надо просто сорвать. М.Горбачев.

15. Агония

Какие уж там "подрывные центры"? Какие "происки"? Это было чудовищное время: чем больше и изощренней лгал режим, тем больше восторгались на Западе. Вчерашние палачи рекламировали свои былые преступления, а мир умилялся: ах, какая откровенность, какие перемены! Мало того, они продолжали убивать людей, давить оппозицию, издеваться над заключенными у всех на глазах, а мир волновался, как бы это не повредило главному палачу. Точно как недоросль Фонвизина, которому было ужасно жаль маменьку: она так притомилась, бивши папеньку.

— Почему вы не хотите признать очевидное? *Ведь стало лучше?* — спрашивали меня на лекциях.

— Иногда смертельно больному становится лучше перед самой смертью, — отшучивался я, впервые в жизни не зная, что ответить. Если они до сих пор не

поняли, что такое коммунистическая система, то теперь этого уже не объяснишь.

Для меня лично это были самые тяжелые, самые горькие годы моей жизни. Я и всегда-то труднее всего переживал предательство, даже предательство одного человека; тут же нас предал практически весь мир, польстившись на ложь, на обещание чудесного исцеления от общего недуга, да еще и обещание-то мелкого жулика. Один за другим исчезали союзники, люди, которых я считал друзьями, на которых полагался в трудную минуту и которые — я так думал — должны были бы мне верить столь же безгранично. Ведь мы вместе столько всего выдержали, столько пережили. Но, словно сраженные вирусом безумия, они вдруг предпочли верить тому, кого никогда даже не встречали, кому никогда не взглянули в глаза.

— Ну, вы — диссиденты, у вас предвзятый взгляд на Горбачева, — говорили они.

"В чем же дело? — мучительно думал я. — Разве я сделал в своей жизни хоть что-то подлое, или хотя бы нечестное? Разве я хоть кого-то предал или подвел?"

Справедливо то было или нет, но происходящее воспринималось как личное оскорбление:

"Кому вы верите — мне или Горбачеву?"

И поверили не мне.

Невольно я стал даже сравнивать наши биографии: в 63-м году я пошел в тюрьму, а он — был секретарем крайкома ВЛКСМ; в 66-м я сидел в психушке за организацию демонстрации, а он стал секретарем горкома КПСС; в 67—71-м я не успевал выйти, как снова садился, а он поднимался по партийной лестнице, ступенька за ступенькой, и как раз дослужился до секретаря крайкома, стал членом ЦК, когда мне дали последний срок. Наконец, он стал секретарем ЦК как раз тогда, когда я, изгнанный из страны, разрываясь между учебой в Кембридже и необходимостью вести кампанию в защиту своих друзей-политзэков, издал первую книгу; а членом политбюро — ровно в то время, как советские войска вторглись в Афганистан и Сахаров был сослан в Горький. Сравнение поразительное: ведь мы — современники, участники одних и тех же событий, разница в возрасте у нас всего 11 лет. Ведь он не мог не знать того же, что знал я, не думать о тех же проблемах, не отвечать на те же вопросы. Но он — выбрал себе путь служения лжи, выбрал вполне сознательно, пройдя все ступеньки партийного рабства, а я — столь же сознательно выбрал тюрьмы и лагеря, психушки и изгнание именно потому, что отказался лгать. И вот теперь мир, человечество поверили ему, а не мне. Что же, скажите, должен сделать человек, чтобы ему верили?

— Вы слишком сильно пострадали от этой власти, — говорили мне в редакциях, — вам трудно быть объективным, — и отказывались печатать мои статьи...

"Откуда вдруг взялась у меня репутация дурака, неспособного на объективность?" — мучился я. Все, что я сказал, написал, было у них перед глазами. Можно было не соглашаться с моими взглядами, но ничего глупого или нечестного я в своей жизни не написал.

Это были тяжелейшие годы, годы кризиса и острого ощущения полнейшей бесполезности своей жизни. Я отлично сознавал, что именно теперь решается судьба мира, будущее страны, но что я мог сделать? Чем помочь горстке людей,

пытавшихся противостоять этой эпидемии лжи? Во всем мире оставалось разве что два-три издания, где я все еще мог высказывать свою точку зрения.

Более того, нас всех стали воспринимать этакими "осколками холодной войны", только мешающими "процессу демократизации". От нас — от нас! — обезумевший мир "спасал" политику КПСС.

Конечно, режим не преминул этим воспользоваться: ведь их дезинформации стали верить столь же охотно, как и пропаганде.

По имеющимся данным, в настоящее время в США отмечается новая активизация антисоветской кампании по вопросам прав человека, нагнетаемая в первую очередь реакционными политическими и сионистскими кругами Соединенных Штатов при участии некоторых выехавших из СССР и лишенных советского гражданства отщепенцев, — докладывал Горбачеву глава КГБ Чебриков. **– В целях противодействия враждебным пропагандистским акциям было бы целесообразно подготовить и провести ряд мероприятий по их срыву. В частности, довести до сведения определенных политических, деловых и общественных кругов США, заинтересованных в расширении связей с СССР, что новая антисоветская кампания (...) значительно осложнит общий политический климат в советско-американских отношениях, нанесет Соединенным Штатам существенный политический и определенный экономический ущерб.**

Осуществить пропагандистские мероприятия по разоблачению противоправных действий ряда сотрудников посольства США в СССР и аккредитованных в нашей стране иностранных журналистов, а также засылаемых в Советский Союз эмиссаров зарубежных подрывных центров и организаций, использующих свое пребывание в стране для сбора и распространения антисоветских материалов, подстрекательства отдельных советских граждан к совершению государственных преступлений и других антиобщественных акций.

Создать условия для получения аккредитованными при МИД СССР иностранными корреспондентами документальных материалов, разоблачающих измышления буржуазной пропаганды о якобы имеющих место в СССР фактах нарушения прав человека, и фактических данных, компрометирующих отщепенцев, имена которых активно используются западными средствами массовой информации при проведении антисоветской кампании.

А в принятом горбачевским ЦК "Постановлении" на эту тему из шести пунктов среди прочих демаршей и публикаций поручено:

4. ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР, КГБ СССР подготовить и передать за рубеж материалы, компрометирующие отщепенцев, имена которых активно используются буржуазной пропагандой в антисоветских целях, а также разоблачающие роль посольства США, аккредитованных в СССР иностранных журналистов...

5. МИД СССР, АПН, КГБ СССР подготовить и осуществить ряд мероприятий по доведению до сведения аккредитованных при МИД СССР иностранных корреспондентов документальных материалов, разоблачающих измышления буржуазной пропаганды о якобы имеющихся в Советском Союзе "фактах нарушения прав человека". В частности, провести пресс-конференцию для западных журналистов, на которой разъяснить суть нашей политики в отно-

шении выезда евреев из СССР; совместно с Советом по делам религий при Совете Министров СССР организовать интервью журналистам Уокеру (Великобритания), Дедериксу (ФРГ), Итону (США), Ан-Науману (Кувейт) и другим наиболее объективно пишущим о советской действительности иностранным корреспондентам с митрополитами Ювеналием и Алексием, председателем Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов Логвиненко, генеральным секретарем Совета Бычковым, религиозными деятелями Харксы и Кулаковым, муфтием Бабахановым, в ходе которых показать безосновательность утверждений западных средств массовой информации о "нарушении прав верующих в СССР".

6. МИД СССР, Гостелерадио СССР, КГБ СССР оказать содействие более объективно освещающим политику Советского Союза западным тележурналистам в организации с учетом антиамериканской направленности и при участии ведущих советских политических обозревателей телевизионных передач на страны Западной Европы о практическом вкладе СССР и других государств в возрождение процесса разрядки в Европе.

Я не стал проверять, сделали ли указанные журналисты интервью с митрополитами и муфтиями. Какая разница? Подавляющее большинство пишущей братии в те годы было "объективно пишущим о советской действительности". А тех, кто пытался быть более сдержанным, цензурировали их редакторы. Об СССР тогда принято было писать такой восторженный бред, что, казалось, сама бумага должна воспламениться от стыда. Например, помню и такой заголовок в одной западной (консервативной!) газете:

"Есть ли жизнь после Горбачева?"

Авторы, отзовитесь! Нет, не отзовутся, не признаются. Носом ткнешь — отрекутся. А неплохо бы их заставить теперь сожрать всю ту макулатуру, что успели они настрочить в годы перестройки.

Что же касается "мер по компрометации отщепенцев", то они последовали с неизбежностью дождя после кваканья лягушек и, конечно, способствовали той изоляции, на которую обрекала нас западная "горбомания". То здесь — статейка, то там — слушок, и, глядишь, все больше дверей оказывалось для нас закрытыми. Наконец отобрали и те последние гроши, на которые, собственно, и существовали чудом уцелевшие независимые издания в СССР. Сделано это было по классической схеме гебешных "мероприятий". Американский фонд, выделявший эти гроши, — "Национальный фонд за демократию" — был создан еще при Рейгане, по решению Конгресса США, как независимая общественная организация, призванная способствовать распространению демократии в мире. Специально, чтобы избежать каких-то кривотолков, совет директоров составлялся из представителей обеих политических партий США, профсоюзов (АФТ—КПП) и Торговой палаты, а финансовая помощь оказывалась вполне открыто и притом сознательно "сбалансированно". Средства давали как, скажем, негритянским профсоюзам в Южной Африке, так и польской "Солидарности"; как правозащитным организациям Аргентины или Сальвадора, так и нашим.

Все это, как я сказал, делалось совершенно открыто: список получающих помощь организаций, описание их проектов и выделенные суммы публиковались в ежегодном отчете фонда, который рассылался и прессе, и общественным орга-

низациям и конгрессменам. Да и суммы-то в их распоряжении были ничтожные: практически сам Фонд распределял примерно 3,5 млн. долларов на весь мир, а на СССР приходилось всего сотни две тысяч в год — и это в то время, как Горбачев получал миллиарды. Денег только-только хватало на выживание последних независимых изданий типа журнала "Гласность" и газеты "Экспресс-хроника", на перевод их материалов и распространение в США. Но и этого не могла потерпеть горбачевская "гласность".

Вдруг, в марте 1988 года, в малоизвестном левом (если не сказать прокоммунистическом) американском еженедельнике "Нейшн" (я так раньше и не слыхал о его существовании) появляется совершенно гебешная статья "Американские фонды — советским диссидентам". О нет, авторы вовсе не против диссидентов, совсем наоборот, они заботятся, как бы им не повредили "американские деньги". Ведь советские "консерваторы", известные своей паранойей, могут этим предлогом воспользоваться во вред гласности. А пуще всего авторы обеспокоены тем, что мы, эмигранты, живущие на Западе и добывающие эти деньги у "правительства США", ведем дело таким образом, что оно "больше похоже на разведывательную, чем на правозащитную деятельность".

В общем, то, что называется инсинуация. Вроде бы это и не они — два искренне обеспокоенных, честных американских журналиста — придумали такие обвинения, высосав их из пальца, а "консерваторы" в Москве могут так истолковать, использовать. Мы же, "русские эмигранты", по своекорыстию или безрассудству совсем о том не заботимся. Но к середине статьи исчезают и "консерваторы", и сослагательное наклонение, общественный фонд становится "правительством США", а мы — безжалостными эксплуататорами ничего не подозревающих советских диссидентов, озабоченными только тем, как бы "использовать советскую правозащитную деятельность для сбора политической и военной информации об СССР"

В общем, как раз то, что КГБ нужно, что нам и тщились навязать последние двадцать пять лет. И, как водится с гебенными "мероприятиями" подобного рода, статья моментально, в рекордные сроки, перепечатывается и в советской печати, и в леноватых изданиях по всему миру. В Дании, в аналогичном "Нейшн" издании "Информасион", — даже на целую неделю раньше, чем в американском оригинале, и уже без всяких намеков, а прямиком: "Советские диссиденты работают шпионами на США", с большой моей фотографией в центре (хотя первоначально я в статье упоминался только вскользь). И этот, датский вариант тут же перепечатывает (убрав, конечно, всю авторскую "озабоченность" судьбой диссидентов) "Советская Россия" под броским заголовком: "Вывозите сведения — оплачено", а первоначальный вариант из "Нейшн" столь же поспешно перепечатывает "За рубежом" с не менее сенсационным заголовком "Шпионаж под маской "борьбы за права человека"?", с подзаголовками "Новый современный НТС", "Тайное становится явным" и т.п.

И пошло-поехало, в лучших традициях кагебешной "гласности", из газеты в газету, со ссылками друг на друга, да одна другой хлеще, — на полгода растянулась кампания, под аккомпанемент которой КГБ громил редакции независимых изданий, избивал сотрудников, крушил оборудование.

Но раньше всех подсуетилась "Литературная газета" в лице своего нью-йорк-

ского "корреспондента" Ионы Андронова — с большой статьей "Пешки в чужой игре". Пишу "корреспондента" в кавычках, поскольку уже и тогда было хорошо известно о его сотрудничестве с КГБ, а теперь я еще и документы нашел, подтверждающие это сотрудничество по крайней мере с 1972 года, в бытность его корреспондентом чекистского журнала "Новое время" в Нью-Йорке. Но то ли он слишком торопился со статьей, то ли уж очень хотел похвастаться своей удачей, а из статьи вытекало, что именно он инспирировал все "мероприятие" да, может, даже и редактировал саму статью этих не в меру "озабоченных" американских авторов:

"Более детально и правдиво секреты нью-йоркских издателей лже-"Гласности" поведал мне здешний журналист Кевин Кугэн. Он раньше меня заинтересовался подноготной нового антисоветского журнала и раздобыл о нем полуконспиративную информацию. По данной части взаимодействует тут с Кугэном сотрудница либерального еженедельника "Нейшн" Катрина Вандел-Хевел. Их совместная статья для "Нейшн" уже в редакционных гранках. А пока Кугэн согласился поделиться с "Литгазетой" своими сведениями..."

Возникла целая история, авторы опровергали изложенное и даже протестовали против "использования их статьи во вред диссидентам", хотя и не отрицали контактов с Андроновым, в частности и того, что он видел их статью до публикации, чуть ли не в черновике. Даже "Нью-Йорк таймс" вступилась за нас, не говоря уж об изданиях более дружественных, поместивших возмущенные отклики диссидентов. Но что толку? Деньги-то мы в конце концов потеряли.

Америка в этом смысле — страна удивительная. С одной стороны, право печатать клевету признано здесь священным правом прессы, охраняемым первой поправкой к Конституции США. С другой — это страна крайних конформистов, где любая критика в печати, даже заведомо клеветническая, делает человека неприемлемым, особенно для получения общественных фондов, "слишком спорным", как здесь принято говорить в таких случаях. Заметьте, "спорными" становятся не те, кто клеветал, а те, кого оклеветали. Разумеется, этим широко пользуется всякого рода левое отребье: выходит, что без их согласия денег не получишь.

Словом, и без того мы висели на волоске, а наша жалкая помощь диссидентам мозолила глаза левому истеблишменту. Тут же и повод подвернулся — мы сделались "слишком спорными".

Что было делать? Наученный горьким опытом дела о моем "убийстве" Джесики Савич и журнале "Новое время", я не стал и пытаться чего-либо достичь в американском суде. Но, воспользовавшись тем, что крошечная часть тиража "Нейшн" (не более 100 экземпляров) распространялась в Англии, я попытался судиться с ними здесь.

Бог мой, каких только невероятных предлогов не придумывали "ответчики", лишь бы не допустить дело до суда, затянуть, заволынить. Не стану утомлять читателя их перечислением — достаточно сказать, что это дело *тянулось более пяти лет*, переходя из инстанции в инстанцию. Оно было прикрыто совсем недавно аж... Палатой Лордов, куда ответчики пожаловались, что оно длится слишком долго.

Я имел удовольствие прочесть их ходатайства — эти шедевры циничной и наглой лжи: ах, писали они, мы так утомлены нервным напряжением, ожидая суда последние пять лет. Да мы уже и не помним деталей дела — было бы несправедливо нас теперь о нем допрашивать под присягой. А кроме того — ведь сейчас все изменилось, нет ни СССР, ни КГБ. О чем же спорить? Зачем ворошить прошлое?

Так и не удалось мне заставить их ни ответить перед законом, ни хотя бы извиниться. Даже плюнуть в глаза этой мрази я так и не смог. Пожалуйста, сделайте это за меня, если вы кого-то из них случайно встретите.

* * *

А чего же еще остается мне желать, подводя итог и этой затянувшейся главе, а заодно и своей жизни, кроме как харкнуть в морду всей той нечисти — на Востоке ли, на Западе, — что лишила мою жизнь смысла, а мир — выздоровления? Любуйтесь теперь делом рук своих, радуйтесь тому, как ловко вы всех обдурили. Говорю *всех*, ибо и самих себя — тоже. Врял ли вам будет уютно в этом разлагающемся, тонущем во лжи мире: ведь даже и вору привольно лишь среди честных людей, как и лжецу — среди правдивых; иначе придется красть друг у друга да друг дружку обманывать. Какой же в том прок, какая прибыль?

А ведь все могло быть иначе, окажись в людях даже не крупица совести — нет, на то не смею и уповать, — но хоть капелька дальновидности, хоть толика расчета чуть-чуть подалее, чем сиюминутное торжество. Казалось бы, именно этой способностью мы, двуногие прямоходящие, и отличаемся от своих ближайших родичей: отыскав пригоршню семян, они тотчас ее в рот и запихнут, да и рады-радешеньки, что не сосет под ложечкой; но предок наш положил семена в землю, полил водой, терпел голод — зато и получил вдесятеро. Не так ли начиналась наша *цивилизация*? Не на том ли она и кончается — при полном нежелании подумать о будущем хоть на минуту? Ведь как ни фантастично это звучит сегодня, а вполне можем мы — при таких-то склонностях — проснуться однажды в джунглях, среди развалин нашего древнего храма, по которым с визгом скачут мартышки.

Радуйтесь, прямоходящие, приходу обезьяньей цивилизации! Ни лишних усилий, ни даже штанов не надобно: можно с красной задницей бегать на четвереньках.

Да что ж, скажите, с макаки и спрашивать, коли лобик у нее вон какой махонький — мыслишка покрупнее там и не развернется. Не то что у Михаила Сергеевича Горбачева: семь пятен во лбу, Сократ да и только. И хорошо ль ему теперь, с таким-то лбом, да при Нобелевской-то премии, пешком ходить? А уж как хитрил, какие интриги плел — уму непостижимо. Лишь бы еще денек, но при власти, хоть и с краешку, да на троне. И ведь почти всех уже перехитрил, один только прислужники вокруг оставались. Глядь — не тут-то было, — они ж его и облапошили. И винить некого — сам выбирал, сам возвышал кого пониже, давил кого почестнее, хитрил-хитрил, да сам же и запутался...

А интеллигенция наша? Не хочешь, а плюнешь. Тоже ведь лбами Бог не обделил, о-го-го какие лобешники на Руси встретить можно. Столетиями отращивали. Ан все не в прок: крутились, ерзали и так, и этак, смекая, каким бы

манером пирожок объегорить: и схавать его, и чтобы вроде он несхаванным остался. Всех и мыслей-то за могучими лбами — как бы протолкаться поближе к теплому, вонючему корытцу. Глядь — ни пирожка, ни рыбки, ни корытца. Пусто. Сидят теперь по холодным квартирам, топят печки-буржуйки томами Ленина. Только вьюга блеет в трубе: не справедли-и-и-и-во-о-о...

Не удивительно ли: при такой-то хитрости да ловкости, а проглядела вся эта свора грядущий крах своего благополучия. Все лишь бы других не пустить, другим не дать, а там хоть трава не расти. Только и могли, что, распихав всех толстым задом, поудобней усесться:

"Мы — хозява..."

И будет теперь Россия, по злому народному выражению, — как говно в проруби: волнения много, а двигаться некуда. Будет гнить да вонять, заражая округу, и будут, зажав нос, посторанниваться другие народы и государства.

Впрочем, им ли теперь нос воротить? Не сами ли постарались поднавалить в ту же прорубь? Не они ль "спасали" своего любимца вопреки всякому здравому смыслу, наперекор собственному же интересу? Одни — из жажды "стабильности", другие — от страха, третьи — от безмерного гуманизма, но ведь факт: внесли посильную контрибуцию в нашу российскую прорубь. Всего-то и нужно было не более 0,01% того, что отвалили любимцу, только бы не ему, а тем, "неконтролируемым", — была бы вам сейчас и стабильность с гуманизмом. Да ведь и мысль-то не Бог весть какая грандиозная, без Сократова лба можно догадаться, что не бывает "контролируемых" революций, тем более — народных лидеров. Но и теперь их спроси: кто вам милее — Руцкой с Жириновским или Солженицын? И гадать не надо, знаю наперед, кого предпочтут.

Да, мы не победили, ибо никто — ***никто*** — не пожелал не только нашей победы, но даже и честного партнерства. А ведь и Запад — не в числе триумфаторов. Ни салютов, ни парадов, ни торжественных речей — только продолжаются фейерверки и в Боснии, и в Анголе, и в Палестине. Вот и еще один фейерверк готов расцвести в Южной Африке, во имя прогресса. Вроде бы и сдох дракон, но осталось множество дракончиков — Ионы Андроновы на Востоке, Кевины Кугэны на Западе, — шумно празднующих свою победу. Это их время, их пир, да и чума — тоже их.

И прав был Гоголь, сто десять лет назад написавший: куда ни глянь, вокруг одни свиные рыла. Что же я-то мог сделать, коли эта экологическая ситуация за сто лет отнюдь не исправилось? А по совести сказать, дай мне хоть вторую, хоть третью жизни, ничего другого не мог бы я сотворить, поскольку не победы искал, но слишком рано понял:

"Несчастна страна, где простая честность воспринимается в лучшем случае как героизм, в худшем — как психическое расстройство, ибо в такой стране земля не родит хлеба. Горе тому народу, в коем иссякло чувство достоинства, ибо дети его родятся уродами. И если не найдется в той стране, у того народа хотя бы горстки людей, да хоть бы и одного, чтобы взять на себя их общий грех, никогда уже не вернется ветер на круги своя".

Что ж, не пожелали услышать — ваше право, ваша беда. Но не говорите теперь, что не было выбора. Семечки-то можно ж было все в рот не запихивать...

Эх, Расея... Признаться, и я, старый дурень, — уж какой, скажите, тертый калач, — а и то поверил, что не конец еще. Нет, твердил я себе, костями грея казенный цемент, погоди — дай лишь гривой встряхнуть, да удила закусить, да привстать, да замахнуться, да затянуть песню... и — па-а-йдет считать версты, пока не зарябит тебе в очи! Кони вихрем, снег комьями — только дрогнет дорога да вскрикнет в испуге остановившийся пешеход...

Да ведь чем же еще было и греться, как не подобным видением? Да ведь и был миг, был, когда показалось, будто дрогнули кони, вот-вот неведомая сила подхватит тебя на крыло к себе и понесет, понесет... Эх, кони, кони, где ж вы — кони? Где ж та земля, что не любит шутить? Где ж тот бойкий народ, что и нас родил на наше несчастье? И кони — клячи, и ямщик — не ямщик: ни бороды, ни рукавиц, ни хомута, ни сбруи, да и сидит черт знает на чем, а вместо лихой-то песни — одно нытье:

— Мне бы сперва немецких ботфортов...

Да где же ты есть, тройка-Русь? Жива ль еще? Дай ответ.

Не дает ответа.